

Bestseller

ПОЖИРАТЕЛЬ ЖЕНЩИН

Ш. Эксбрейа

Ф. Д. Джеймс

Д. Уэстмэн

Питерс

C. Exbrajat

P. D. James

D. Westlake

Pitigrilli

ПОЖИРАТЕЛЬ ЖЕНЩИН

Ш. Эксбрейа
Мы еще увидимся,
крошка

Ф. Д. Джеймс
Взгляд на убийство

Д. Уэстлейк
Убийца
лучшего друга

Питигрилли
Пожиратель
женщин

ББК 84.4/8
П46

Серия «Bestseller» основана в 1991 году

Перевод с французского, английского, итальянского

ISBN 5-85441-015-X

© ТОО фирма «ТРЕС ЛЮКС». Состав, 1995

Шарль Эксбрейа

Мы еще увидимся, крошка

Глава первая

Для Сэма Блюма, владельца «Шик-модерна», одного из самых задрипанных отелей квартала Сохо на Ворвик-стрит, было ясно как белый день, что его постоялец с третьего этажа «сидит на игле». Сэм был тертым калачом и без труда засекал малейшие признаки наркотиков. Сэм их не употреблял, но для наметанного глаза хватало и того, что он мог навести любого жаждущего, где и как тому достать классный героин. За приличные «бабки», разумеется. Но с этим типом с третьего этажа Сэм не связывался. Вот уже восемь дней, как он жил в «Шик-модерне», и все — от стоптанных башмаков, уже залоснившегося, но еще чистого костюма со слегка потертыми обшлагами рукавов до рубашки подзорительной свежести — говорило о том, что постоялец переживает скверное время. Сэм следил за ним, потому что наркоманы, оставшиеся «на бобах», способны на все, лишь бы добыть то, в чем они испытывают нужду. Судя по заполненной декларации, парень приехал из Ливерпуля и назвался актером. Пустое место, ясное дело. Сэм уже серьезно подумывал, как от него избавиться, когда этот тип показался на горизонте. Он спускался с лестницы нетвердыми шагами,

будто страдал от головокружения. Подошел к конторке, за которой стоял Сэм.

— Для меня ничего нет?

— Нет, мистер Карвил.

Тот пожал плечами и вышел. Блюму было видно, как, выйдя на тротуар, он постоял в нерешительности и потом повернул направо. Скорее всего, он пойдет куда глаза глядят, чтобы «уходиться» до такой степени, когда уже не будет поползновений задуматься над своими терзаниями. Хозяин гостиницы покачал головой: наркоман может вытворять, что душе его угодно, но он все равно угодит в больницу и пройдет через ад, пока его будут лечить и очищать от интоксикации. Но, в конце концов, ему, Сэму, это все до фонаря.

Где-то к середине утра, когда Сэм отдавал свои распоряжения Эдмунду, старому хрену, которого он подобрал пять лет назад в квартале Сохо на роль «мальчика на побегушках» с грошовой оплатой, поганой жратвой и некоторым количеством отвратного виски, так вот, в этот момент появилась роскошная блондинка, оставляя за собой запах дорогих духов. При виде молодой женщины Сэм завопил:

— Дорогая племянница! Каким ветром?

— Просто захотелось посмотреть на вас, дядюшка!

Над стойкой конторки дядюшка и племянница расцеловались так, будто вокруг никого не было. Эдмунд не преминул заметить:

— Если вы из-за меня целуетесь в такой неудобной позе, то это вы зря...

Блюм вскипел:

— Когда нам понадобится узнать ваше мнение, Эдмунд, мы вас вызовем звонком! Только попробуйте еще разок влезть с такими замечаниями, и я вас выпшвырну вон! Отправились бы лучше на уборку номера господина Карвила, чем здесь гудеть, как назойливая муха!

Старик вышел, бурча под нос какие-то ругательства, которые, несмотря на свой обостренный слух, патрон так и не разобрал. Как только Эдмунд убрался, Сэм спросил:

— Что стряслось, мисс Поттер?

— Да Джек меня послал предупредить вас, чтобы вы были начеку. Он узнал, что Скотланд-Ярд чересчур заинтересовался вашим кварталом. Так что будьте поосторожнее с вашими будущими клиентами.

— Не берите в голову и успокойте Джека. Заметано, с сегодняшнего дня и до тех пор, пока он мне не даст зеле-

ную улицу, я не обслужу ни одного нового клиента. А что приключилось?

— Да ничего особенного. Просто Джек ждет на днях серьезную посылку и психует. Ему мерещится, что вокруг «Гавайских пальм» забегали инспектора.

— Брунда, как они могут догадаться, что ваше заведение — это, говоря языком военных, распорядительная станция?

— Не мне вам говорить, Сэм, что с этими наркоманами никогда нет покоя. Они продадут мать с отцом за щепотку своей дряни.

После такого заявления у Блюма тут же всплыл в памяти Карвил.

— Кстати, мисс Поттер, передайте Джеку, что у меня уже восемь дней толчется странный тип, похоже, он наш клиент. Явно сидит на игле...

И он рассказал молодой визитерше все, что знал о Карвиле.

Если бы Патриция Поттер не насторожила его, то Сэм встретил бы появление констебля Майкла Торнби, на чьем попечении был их квартал, с легким сердцем.

— Привет, Блум.

— Здравствуйте, мистер Торнби.

— Карвил, Гарри Карвил — вам что-нибудь говорит это имя?

— Разумеется, это фамилия одного из моих клиентов.

— У вас есть на него карточка?

— Еще бы нет!

Полицейский переписал данные, которые внес Карвил по прибытии в анкету.

— Он оплатил счет?

— Вчера.

— А багаж у него есть?

— Не так чтобы много.

— Можно взглянуть?

— Я не знаю, имею ли право без ордера на обыск?

Констебль вздернулся:

— Не ваяйте дурака, Блум, пока я всерьез не обозлился!

В скудном багаже Карвила Торнби не нашел ничего интересного. Когда они спускались, хозяин отеля спросил:

— Я надеюсь, этот Карвил не натворил ничего серьезного?

— Да сцепился с одним моим коллегой на площади Сохо... Сидит за решеткой.

— Ничего удивительного!

— То есть как?

Констебль так на него посмотрел, что Блюм прикусил язык. Не мог помолчать. Вот уж слабак, вечно его тянет высунуться. А сыщик за свое:

— Что вас навело на мысль, Блюм, будто этот тип способен что-нибудь выкинуть?

Блюм пошел в открытую:

— У меня нет особой охоты ему навредить, но мне кажется, что этот парень колется.

— Вот оно что!

— Я не такой уж специалист по этим делам, но в нашем квартале попадаются всякие...

Торнби откровенно рассмеялся. Хозяин гостиницы переполошился:

— Что, я сморозил такую уж глупость?

— Скорее неожиданную и в определенном смысле забавную... Ну, то, что в квартале Сохо можно встретить самый невообразимый сброд, это верно. Но что именно вы это заметили, это умора! Разве не так?

Поскольку Сэм далеко не был идиотом, он почувал в этом скрытую угрозу.

— Могу я вам предложить стаканчик, мистер Торнби?

— Я никогда не пью на работе, но когда свободен, то выбираю себе подходящих собутыльников. Не думаю, Блюм, что вы когда-нибудь попадете в их число.

Пока происходила эта сцена, Гарри Карвил был в руках полиции, а если точнее, то в Ярде, в отделе суперинтенданта Бойлэнда по ведомству борьбы с наркотиками, ибо под именем Гарри Карвила скрывался не кто иной, как инспектор Джеффри Поллард.

— Сдается, Джеффри, что на вас любо было посмотреть в этой вашей стычке с констеблем Моррисом. Этот бедолага ничего не подозревал — мы его специально ни о чем не предупреждали, чтобы все выглядело естественно, — так он вас чуть не уколошил своей дубинкой, по крайней мере, мне так рассказали...

— В следующий раз сделайте одолжение, предупредите все заинтересованные стороны, а то я рискую начать свое расследование с пребывания в госпитале. Надеюсь, что этот Моррис примет участие в чемпионате по боксу среди сборной полицейских нашей метрополии! Боже правый! Я весь в синяках!

— Великолепно! По крайней мере сразу видно, что вас

избили! А теперь, Джеффри, кончайте напускать туман и посвятите меня, на каком вы этапе.

— Не очень-то я продвинулся, супер. Одно ясно: «Шик-модерн», в котором я имею сомнительную честь проживать, является центром по снабжению наркотиками. Там слоняется гораздо больше народу, чем проживает. И нужно только видеть, что это за отребье!

— Считаете ли вы нужным, чтобы мы провели там облаву?

— Только не это! Сэм Блюм — самая мелкая сошка, посредник. А мне нужно добраться до источника, до самого оптовика.

— А как вы к этому подступитесь?

— Я пока этого не знаю, но есть небольшая идея. У Сэма есть племянница, которая ему приходится такой же родней, как и я, Патриция Поттер, девочка — глаз не оторвешь, она поет в «Гавайских пальмах»...

— Кабак Джека Дункэна, что ли?

— Так точно.

— Тоже мне открытие, Джеффри, стоило ли огород городить? Дункэна знают как облупленного по нашему ведомству. Его уже не раз судили за торговлю наркотиками.

— Да знаю я, он уж больно хитер. Нам его нужно поймать с поличным. Мы можем у него все прочесать снизу доверху и ничего не найдем.

— И что из этого следует?

— А то, что хочешь не хочешь я выйду на него через Сэма. Я взял на крючок одну девицу, она по уши в наркотиках, так вот, она заходила туда не единожды. И я видел, как Сэм гнал ее в шею. Ясное дело, что она без денег. Я уверен, она еще туда зайвится, и я пойду по ее следу. Я не хотел, чтобы заметили, будто я интересуюсь ею. Я ведь сам изображаю наркомана, знаю наизусть все их повадки. Но поскольку делаю вид, что мне неизвестно, будто Блюм меня может снабдить наркотиками, то ничего и не спрашиваю. Жду, когда мне предложат свои услуги. Мне их может предложить Блюм, а может и Эдмунд, это у них колуги на побегушках. Этот жалкий тип готов на все за лишнюю монету... Надеюсь, вам понятно, что я зацепил верно.

— Договорились, Джеффри, только побостережитесь. Вам известно не хуже, чем мне, что эти типы ни перед чем не останавливаются. Если они допрут, кто вы есть на самом деле, я не много поставлю за вашу голову. Может быть, мне попросить ваших коллег Бласса и Мартина вас подстраховать и быть поблизости?

— Не думаю, что это оправданно, супер. Такие люди очень осторожны, и при малейшем подозрении они меня выследят. Было бы неплохо другое — чтобы Блосс и Мартин находились со мной в постоянной радиосвязи и я мог их вызвать в любой час дня и ночи.

— Вы можете на меня положиться.

Мнимый Карвил объявился в «Шик-модерне» на следующее утро, весь помятый, небритый и немывтый, в грязной рубашке. Было достаточно на него взглянуть, чтобы понять, что он провел ночь не в своей постели. Когда Сэм вручал ему ключи, он не преминул сообщить:

— Вчера сыщик приходил по вашу душу. Он снял копию с вашей анкеты, да еще мне пришлось впустить его в ваш номер, и он рылся в ваших вещах. Я вам говорю это, чтобы вы, не дай Бог, не подумали, что...

— Они все подонки, сыщики эти... Я слегка сцепился тут с одним, так они меня упрятали за решетку аж до утра... Мне позарез нужно...

Блюм обратил внимание, как трясутся руки у его клиента. И, вызывая его на откровенность, настойчиво продолжил фразу Карвила, видя, что тот запнулся:

— Так что же вам нужно позарез, мистер Карвил?

Инспектор прикинулся, что вот-вот расколется, но потом, сделав над собой усилие, как бы подавил в себе это желание.

— Мне нужно отдохнуть...

— Так в чем же дело, мистер Карвил, вот ваш ключ!

Это наркоман, вне сомнения, но, правда, еще не очень завязший. Вопреки рекомендациям, переданным ему через Патрицию, Блюм твердо решил, что продаст Карвилу несколько пакетиков порошка, когда тот дойдет до полной кондиции. Но уж зато тогда втридорога! С какой стати лишать себя вполне приличного барыша?

Через час Карвил снова спустился вниз и заявил хозяину отеля:

— Не могу заснуть... Прямо не знаю, что со мной...

— Примите что-нибудь успокоительное.

— Да, наверное, вот не знаю только, где достать.

— Чего уж, всегда найдется способ раздобыть. У нас в Сохо можно раскопать что душе угодно, лишь бы были деньги, это уж само собой.

— Да разве дело только в деньгах? Это же рискованное дело...

— Только не для тех, кто соображает, к кому можно обратиться, мистер Карвил.

— А вы знаете таких людей, мистер Блюм?

— Скажем так, я попробую разузнать.

— Я был бы вам очень благодарен.

Их разговор прервала совсем молоденькая девушка, та самая, о которой инспектор рассказывал суперинтенданту. Она нерешительно двигалась к стойке, за которой стоял Блюм, ее изможденное лицо было искажено, тело била дрожь. Казалось, что это двигается лунатик. При виде ее хозяин заведения взревел:

— Что вы здесь потеряли? Я вам уже сто раз повторял, что здесь для вас ничего нет, кажется, ведь ясно сказано!

— О мистер Блюм, хотя бы чуть-чуть...

— Да заткнись ты! Трепло поганое, чтоб тебя...

— Мистер Блюм, клянусь вам, я смогу заплатить!

Сэм выскочил из-за стойки, схватил девчонку за руку и швырнул ее вон с непотребной злостью. Инспектор с трудом сдержался, памятуя о своей задаче, хотя его так и подмывало вцепиться в хозяина.

— Хватает у нас здесь этой дряни, совсем обнаглели, сами видите! Им только подставься, сожрут тебя с потрохами, обдерут как липку. Хуже всего, когда пользуются твоей добротой... — И с улыбочкой, которая вызвала у инспектора жгучее желание дать ему в морду, Блюм добавил: — Только в моем возрасте уже себя не переделаешь...

Полицейский чуть не лопнул от нетерпения, до того ему хотелось броситься вслед этой девчонке, но он не должен был вызывать подозрение у Сэма. Он встал, изображая, что еле держится на ногах.

— Да, я что-то поганю себя чувствую... Пожалуй, пройдусь немного, проветрю мозги.

— Тоже верно... Но если вам не удастся проветрить свои мозги, возвращайтесь ко мне, обсудим это дело, мистер Карвил. Вы мне глубоко симпатичны, а я не привык оставлять в беде тех, кому симпатизирую.

Случаю было угодно, чтобы девчонка не успела еще отойти и нескольких шагов от входа в отель. Может быть, она все-таки надеялась как-нибудь убедить Сэма Блюма? Полицейский видел, что она колеблется, вроде бы порывается вернуться в «Шик-модерн», но потом как бы спохватывается и начинает удаляться нетвердой походкой. Он пошел за ней. На каждом перекрестке она внимательно читала названия улиц и смотрела на указатель. Было совершенно очевидно, что она знала, куда направляется. Так они и шли гуськом, друг за другом, и дошли до Бруд-

стрит, где девчушка вошла в дом, на котором была вывеска, что здесь живет и принимает доктор Хиллэри Эдемфис. Инспектор вошел следом за ней, позвонил в дверь, где жил доктор, и, когда его проводили в приемную, с облегчением вздохнул, потому что увидел там девочку, по следу которой шел. Когда подошла ее очередь, она вскочила навстречу доктору, отворившему дверь кабинета, и чуть не сбила его с ног. Доктора слегка передернуло, но, очевидно, он уже привык к любым выходкам своих пациентов и поэтому даже виду не показал, что чем-то недоволен, и последовал за своей клиенткой. Хотя доктор и появился совсем ненадолго, Поллард сумел его рассмотреть. Это был мужчина лет шестидесяти с вполне располагающей внешностью, один из тех, кому поверяют свои беды, даже те, о которых и вслух-то сказать трудно.

Поллард откликнулся на приглашающий жест врача, снова появившегося в приемной. Он рассудил, что узнает от доктора больше о юной наркоманке, чем если снова просто пойдет следом за ней. Тот факт, что девушка вцепилась в «Шик-модерн», свидетельствовал о том, что она не знает других мест, где можно было бы разжиться наркотиками.

Врачеватель предложил ему кресло, расположенное напротив, а сам сел за письменный стол.

— Вы ко мне обращаетесь в первый раз, если я не ошибаюсь?

— Да, доктор, в первый.

— Вы мне назовете свою фамилию?

В ответ полицейский вынул свое удостоверение из Ярда. Эдемфис внимательно изучил его, прежде чем задать следующий вопрос:

— Ваш визит вызван профессиональным интересом?

— Да, профессиональным.

— Вот как?

— Мне бы хотелось, чтобы вы рассказали все, что вам известно о девушке, которая была у вас передо мной.

— Мисс Банхилл?

— Я не знал ее имени. Спасибо, что вы мне его назвали. А ее адрес вы бы не могли мне также дать?

— Сто двадцать четыре, Энс-Роуд-стрит.

— Это в Ноттинг-Хилле?

— Вы правы, но разрешите и мне задать...

— На что она жаловалась?

— Но, инспектор, вы же должны знать, что профессиональная тайна...

— Какая там профессиональная тайна, если речь идет о наркоманке!

— Так вам известно...

Полицейский без обиняков рассказал Эдемфису, где и как он встретил мисс Банхилл.

— Она явно страдала от отсутствия наркотиков. А вам что она сказала?

— Правду. Она еще из начинающих. Мне кажется, если она проникнется ко мне доверием, я ее вытащу из этого ада. Пока я ей сделал успокоительный укол. Завтра она должна прийти еще раз... Только вот придет ли? Если вы хорошо знаете наркоманов, то вам известно, что нет более неустойчивых людей. Иногда достаточно, чтобы какая-нибудь подружка предложила ей бесплатно дозу, и она забудет о всех своих благих намерениях. И вот тут-то ни вы, ни я уже не поможем ей ничем.

— А она вам сказала, кто ее снабжает наркотиками?

— Нет, да я и не спросил ее, чтобы не запугивать.

— Доктор, а почему она пришла к вам?

— Я что-то не улавливаю вашего вопроса.

— Почему именно к вам? Или, может быть, это случайность?

— В квартале Сохо всем известно, что я уже давно занимаюсь проблемой наркомании. Возможно, кто-то ей об этом сказал.

— А с какого времени вы заинтересовались большими наркоманией, доктор?

— С тех пор, как умерла моя дочь.

— Приношу свои извинения, но я хотел...

Эдемфис бросил на него исподлобья тяжелый взгляд.

— Рут была для меня всем, после того как я потерял ее мать. Как все в мире отцы, я считал ее самой красивой на свете. Я... Она училась в Лондонском университете. Я не уставал радоваться ее умению вести себя, ее благоразумию... Конечно, у меня не было времени следить за ней, а вернее, быть ее советчиком... Она почти никуда не ходила. Целиком ушла в изучение восточных языков. Как я гордился моей маленькой Рут! И вот однажды я заметил, что она стала худеть, что в глазах у нее появился лихорадочный блеск... Я спросил у нее, в чем дело, и тут, в первый раз, она повела себя буквой, почти враждебно... Я не стал настаивать и решил за ней понаблюдать. Тут я заметил, что она почти ничего не ест. Я просто взорвался от негодования и — наткнулся на стену. Представляете себе, инспектор, моя родная маленькая дочка восстала против меня,

как против какого-нибудь врага! Я был настолько ошеломлен, выбит из колеи, что, помню, вскочил в тот вечер из-за стола и заперся у себя в кабинете. Я ждал, что она придет просить прощения. Она не пришла.

Голос медика прервался на каком-то хриплом рыдании, а потрясенный полицейский был не в силах произнести ни слова.

— Простите, но для меня эта драма происходит как будто сегодня, такая боль... Как и все грешные отцы на этом белом свете, я подумал о том, о чем вы, вероятно, тоже. Я попытался вызвать Рут на откровенность, объяснял ей, что она может мне довериться во всем, и что бы с ней ни случилось, она всегда найдет во мне друга... что я не хочу, чтобы она попала в руки медикам-шарлатанам... Она дико посмотрела на меня, а потом как закричит: «Вы что, вообразили, будто я жду ребенка?» И она захохотала таким безудержным смехом, что аж согнулась пополам. Это был жуткий, истерический смех, а потом она выскочила, не сказав мне больше ни слова. Я ничего не понимал, инспектор, только где-то из глубины памяти вынырнул такой же смех, но где и когда я его слышал? И только спустя сорок восемь часов, когда я перебирал свои старые бумаги времен моей первой стажировки в госпитале, до меня вдруг дошло: этот смех Рут я уже слышал, так смеялась одна наркоманка, и с этой минуты все признаки, столь очевидные для медика, буквально бросились мне в глаза. Моя дочь колелась! Это был страшный удар... нечеловеческий. Когда я ей сказал, что знаю, чем она страдает, она презрительно фыркнула, да, да, инспектор, Рут уже больше не была моей малышкой Рут... Она испарилась, а я даже этого не заметил. Я потерял свою дочь, все еще не отдавая себе в этом отчета. Вы можете себе представить этот кошмар?

— Но разве вы, как медик...

— Я перепробовал все, инспектор. Курсы дезинтоксикации, лечение, смену обстановки — ничего не помогло. Как только ее отпускали, она снова окуналась в свой порок. Я ей перестал давать деньги, а она все равно доставала наркотики, даже страшно подумать, каким способом... Время от времени она все-таки становилась моей прежней Рут, умоляла спасти ее, и мы с ней оба рыдали в обнимку. Я снова начинал верить, что исцеление возможно, но на завтра все начиналось сначала...

— И... она умерла?

— Да... Ее нашли в подсобке одного бара. Она отравилась. Может быть, в момент какого-то просветления ей

стало стыдно за то, во что она превратилась, и она не смогла перенести такого позора...

Глядя на истрадавшееся лицо пожилого отчаявшегося человека, инспектор почувствовал, как его объяла глубокая жалость.

— Именно с того самого дня вы начали лечить больных наркоманией?

— Да... особенно молоденьких девушек, молодых женщин, почти в каждой из них я вижу свою Рут... В каждой из этих отверженных я пытаюсь вырвать свою Рут, спасти ее от чудовищного падения. Вот и эта девчушка, которая только что была у меня, ведь мне казалось, что ко мне пришла моя дочь, пришла доверить себя. И поэтому вы можете рассчитывать на любую помощь с моей стороны.

— Благодарю вас, доктор. Но если в сферу ваших забот попадают жертвы, то в круг моих интересов входит борьба с теми, кто за это в ответе. Я должен обезвредить этих подонков.

— Трудная задача.

— Мы привыкли к трудностям.

— Желаю вам мужества, инспектор, и большой удачи, разумеется.

— О да, ваше доверие придаст мне силы.

— В таком случае я счастлив, что вам пришлось в голову идти по пятам этой девочки.

Инспектор рассудил, что мисс Банхилл сейчас не в лучшей форме, а значит, как раз подходящий момент выудить у нее необходимые сведения, которые бы помогли ему выйти на закулисных главарей. Он вскочил в такси и отправился в Ноттинг-Хилл. Дом номер сто двадцать четыре по Энс-Роуд-стрит выглядел обшарпанным. Наркоманы плевать хотели на комфорт, потому что большую часть времени они проводят по ту сторону реальности. Тщедушная женщина, какая-то вся выцветшая и линялая, представилась ему хозяйкой дома. Она нехотя поведала визитеру, что мисс Банхилл только что поднялась в свою комнату, но не преминула добавить хихикающим голосом, что ее лица вряд ли в состоянии связать два слова.

Комната оказалась не запертой на ключ, и поскольку никто не ответил на стук, инспектор вошел. В комнате был полный бардак. Одежда валялась где попало, грязная посуда громоздилась рядом с газовой плитой, воздух стоял такой, что хоть вешай топор, окно здесь явно открывалось редко. Не было никаких признаков, что тут велось хоть какое-то хозяйство. Полицейский узнал эту картину

жилья; где обычно жили наркоманы, рвотный порошок, одним словом. Эти жертвы теряли уже всякое представление о человеческом достоинстве, не помышляя ни о чем другом — лишь бы впасть в это мертвящее, но успокоительное оцепенение, которое им приносил укол или принятая доза порошка. В постельной берлоге, одетая, даже не сняв обуви, спала мисс Банхилл. Но сон ее был не так уж глубок, как казалось, ибо она почувствовала рядом чье-то постороннее присутствие и открыла глаза. Ее блуждающий взгляд скользнул по лицу Полларда, не остановившись на нем, потом она снова перевела глаза на него, и тут ее маленькие зрачки расширились. Мисс Банхилл попыталась встать и не смогла. Инспектору пришлось помочь ей сесть. Еле ворочая языком, она осведомилась:

— Что это вы ко мне ввалились?

— Я вошел, потому что никто не ответил на мой стук, а дверь была не заперта.

— А что вам от меня надо?

— Мне нужно с вами поговорить.

— Это о чем еще?

— О наркотиках.

Она уставилась на него, потом настороженно спросила:

— Вас послал ко мне Сэм?

— Нет.

— Нет? В общем-то, мне плевать. Денег у меня нет, а расплатиться другим способом с такой отравой, как я, вы, наверное, не согласитесь, ведь так?

— Так-с, мисс Банхилл, дальше уж ехать некуда?

Не веря своим ушам, она некоторое время смотрела на него.

— А у вас что... нет для меня... товара?

— Нет.

— Что-то я не могу допереть.

— Я из полиции, мисс Банхилл.

Она взвыла от ужаса:

— Вы... Вы что, меня арестуете?

— Нет.

Поллард сел у изголовья кровати.

— Послушайте меня внимательно, мисс Банхилл. Я сюда пришел не добавлять горя к вашим горестям, а чтобы помочь вам.

Она пожала плечами:

— Слишком поздно...

— Ошибаетесь. Сколько вам лет?

— Двадцать четыре.

— И вы себя уже считаете старухой?

— Само собой, я и есть старуха.

В ее ответе не было никакой иронии, наоборот, в нем сквозила такая убежденность, что на полицейского это произвело угнетающее впечатление. Не без труда он возобновил разговор.

— Не говорите глупостей! Я вам вот что скажу: если вы захотите мне помочь, я вас вылечу и вы ничем не будете отличаться от своих сверстниц.

Она заплакала тихо и горько и прошептала:

— Если бы это могло сбыться...

— Так оно и будет, если вы будете меня слушаться, мисс Банхилл. Расскажите мне, как вы дошли до жизни такой.

Она заколебалась лишь на мгновение перед тем, как начать рассказывать ему свою историю, историю, каких инспектор уже выслушал сотни. Сначала безработица, изолированность от людей, потом пошлы посещения баров, вошла во вкус легкой жизни, а однажды вечером, когда навалилась тоска, пришло прозрение. Она поняла, что настал плачевный итог, что лучше вообще все закончить, но тут нашелся жалостливый дружок, который сказал, что вернет ее к жизни в два счета, вот только уколет ее, и все дела. А поскольку уже все до лампочки, то отчего ж не согласиться, ведь ты все равно уже решил подохнуть. А здесь — о чудо! — наркотик дал потрясный результат! Все, что еще минуту назад на тебя навалилось тяжким грузом, казалось полной фигней, и ты снова верил в жизнь! Но депрессия неизбежно приходит снова, и ты бежишь к удружившему тебе парню, но он на этот раз уже требует с тебя денег. И ты попался. И наступает неистребимая потребность в наркотике, а денег нет, и все такое, дело кончается проституцией, самоубийством или адским лечением от интоксикации.

Мисс Банхилл не составляла исключения. Поллард начал читать ей нравоучительную лекцию. Он говорил долго, уже спустилась ночь, а он все продолжал читать нотации, отклоняя возражения, утихомиривая тревоги. Он смог быть достаточно убедительным, потому что мисс Банхилл все-таки согласилась с ним, что двадцать четыре года — это еще не старость и если она вылечится, то ей еще хватит времени пожить. В конце концов она согласилась вручить свою судьбу полицейскому и пойти в госпиталь на курс лечения.

— А теперь, мисс, когда вы уже на себе испытали, на-

сколько преступны люди, зарабатывающие деньги — и сколько денег! — на больных, превратившихся в больных их «заботами», я думаю, вы согласитесь, что они преступники?

— Да, они подонки!

— Это гнойная рана на нашем обществе. И вот теперь, мисс, вы должны мне помочь их обезвредить. Кто вас снабжал наркотиками?

— Первый раз?

— Да.

— Так, один парень... пустое место... А сейчас он и сам сидит на игле... Его зовут Джон Вилби... Он, кажется, жил в Хэмпстиде, если не ошибаюсь...

— А после него кто вас снабжал и прикармливал ваши денежки?

— Сэм Блюм.

— Этот тип кончит у меня тюрьмой, достукается! Но я убежден, что он только мелкая сошка. Вам известно, кто стоит за ним?

— Вы имете в виду его шефов?

— Да.

— Я точно не знаю, но я много раз видела, как к нему приходил один очень элегантный мужик и говорил с Сэмом таким тоном, короче, тоном хозяина...

— А имя его вам известно?

— Нет, но мне кажется, а в общем-то я не уверена, что это владелец одного кабака, «Гавайские пальмы», что ли.

Поллард чуть не расцеловал свою собеседницу, которая, того не подозревая, подтвердила его догадки. Этот элегантный тип был не кто иной, как Джек Дункэн, и все это вместе как нельзя лучше вязалось с визитами фальшивой племянницы Сэма — Патриции Поттер, подружки Дункэна.

— Мисс Банхилл, вы самая сногшибательная девушка, какую я только встречал на свете! Перед тем как пойти в госпиталь, мы заседем в Ярд и вы расскажете суперинтенданту Бойлэнду все, что сейчас рассказали мне. Идет? Согласны?

— Идет, согласна.

Поллард протянул девушке руки, чтобы помочь ей встать с постели, но в этот момент чей-то насмешливый голос пригвоздил его к месту:

— Зато я не согласен!

Отпустив руки мисс Банхилл, полицейский оглянулся, но визитер направил на него луч света, и он зажмурился.

Когда он открыл глаза, то увидел направленное на него длинное дуло бесшумного пистолета.

— Без глупостей, Питер!

— Это ты наделал глупостей, шпик поганый! А ты, девка, подержала бы язык за зубами!

Не в состоянии произнести ни слова, ни звука, мисс Банхилл в ужасе смотрела на Питера Девиата, подручного Джека Дункэна. Поллард попытался овладеть ситуацией, противопоставить убийце свое хладнокровие.

— Вам очень хотелось, чтобы вам набросили петлю на шею, Питер?

— Говори, говори!

— Надеюсь, вы понимаете, что наши службы уже вышли на «Гавайские пальмы»?

— Ох, напугал!

— Да я только что, уходя от Сэма Блюма, позвонил по телефону и передал этот канал суперинтенданту.

— А вот это нехорошо, даже очень нехорошо... но вообще-то, спасибо за сведения.

Инспектор, улучив момент, бросился на Питера, но тот был начеку и выстрелил. Пуля угодила прямо в голову, и Джефффри Поллард упал ничком. Мисс Банхилл зажала рот рукой, словно не давая вырваться крику. Убийца улыбнулся:

— Спокойно, мелюзга... На одного шпиика меньше или больше, нам от этого ни жарко ни холодно, верно? А теперь тебе надо поскорее забыть все это... а чтобы забыть... что может быть лучше небольшой дозочки, а?

— Я... я не хочу!

— Ладно, не выпендривайся, красуля. Помчишься в страну снов, а когда проснешься, я уже выгребу из комнаты все лишнее, и ты ни о чем и не вспомнишь. Плохо ли, а?

Она согласилась почти тут же. Она чувствовала, что немного наркотика принесет ей желанное успокоение, которого ей так не хватало. Она с облегчением вздохнула, предвкушая обещанный покой, а главное было — забыться, выбросить из головы этого доброго человека, которого убили на ее глазах. Она прилегла и закатала рукав рубашки.

— Я доволен, что ты ведешь себя умницей, детка, а за это, когда ты сядешь на мель, приходи ко мне в «Гавайские пальмы», и мы тебе втихаря достанем то, что тебе приспичит.

Он перевязал жгутом руку, которую ему протянула мисс Банхилл, и, когда вена набухла, вколол иглу шприца,

который вынул из кармана. Девушка закрыла глаза, погрузившись в ожидание. Тогда быстрым движением, сорвав жгут, Питер Деви́т нажал на поршень. Но шприц был пустой.

Убийца спокойно поднялся, обтер шприц о свой платок и положил его на стол. Рассматривая лицо мисс Банхилл, он вздохнул:

— Сожалею.

И только тогда Деви́т услышал какое-то царапанье в коридоре. Одним прыжком он оказался у стены и прислушался. Если дверь откроют, его не будет видно, дверь загородит его. Раздался стук. Потом еще раз. И дверь тихо открылась:

— Мисс Банхилл, мне показалось, что... О Господи Боже!

Квартирная хозяйка в ужасе смотрела на тело полицейского, растянувшегося ничком, и на кровь, сочившуюся из его головы на пол. Чисто машинально она шагнула вперед и получила удар по черепу, который свалил ее на пол без сознания. Перед тем как уйти, Деви́т аккуратно погасил свет.

Питер Деви́т предусмотрительно оставил свою машину далеко от дома, в котором жила мисс Банхилл. Его никто не заметил, и он смог спокойно доехать до «Гавайских пальм», где быстро поднялся в кабинет хозяина. Джек Дункэн и Патри́ция Поттер его ждали. Красавец Дункэн тут же накинулся на него с вопросами:

— Ну что? Все в порядке?

Устраиваясь в кресле, убийца ответил лаконично:

— Миссия окончена... Я бы выпил чего-нибудь.

— Вас никто не видел?

— Я надеюсь, вы меня не принимаете за начинающего?

— Да ладно вам! Рассказывайте!

— Шпику захотелось показать рукопашную, но я его отправил с его трюками к праотцам.

— А девка?

— Да тоже там где положено.

Патри́ция вскочила как ужаленная:

— Вы убили этого ребенка?

— Ну и что? Вас это шокирует?

— Да вы подлец!

Тогда Джек медленно поднялся и два раза врезал по физиономии Патри́ции.

— Я хотел вам напомнить, дорогая, что вы можете высказывать свое мнение только тогда, когда я вас об этом спрашиваю.

Еле сдерживая слезы, Патриция посмотрела Дункэну прямо в глаза.

— Вы оба стоите друг друга, поэтому вы и спелись! Оба подлецы, что один, что второй! Бить женщин, убивать беззащитных людей или всаживать нож в спину — вот ваши подвиги! И вы еще себя считаете мужчинами?!

Новая пощечина заставила Патрицию умолкнуть, а Джек продолжил свою речь почти нежно:

— Вы становитесь слишком болтливы, Патриция, и мне начинает это не нравиться. Если вас угнетает жизнь, которую вы здесь ведете, я могу вам найти ангажемент в заведениях моих друзей в Ливерпуле или Кардиффе... Там прекрасная клиентура из матросов. Вы там, безусловно, будете иметь успех.

Молодую женщину передернуло от перспектив, нарисованных Дункэном. Мерзкие угрозы. Ни слова не говоря, она направилась к двери, но в тот момент, когда она уже уходила, она взглянула на эту пару: Джек — более породистый, Питер — скорее мужлан, но оба они по своей повадке напоминали хищников.

— Когда-нибудь вы заплатите за свои преступления, и уж тогда я буду смеяться долго и от всей души.

— Если вы будете еще в состоянии смеяться, дорогая моя.

Патриция исчезла. Питер бросил:

— Что это с ней?

— Да сентиментальная дура.

— Желательно, чтобы она помалкивала.

— Она будет помалкивать.

— Не уверен...

— Патриция — это уж мое дело, Питер, и зарубите себе это на носу. Мне бы не хотелось напоминать вам об этом.

— Договорились... Ах да, пока я помню, этот шпик перед тем, как отправиться в преисподнюю, сообщил мне, что Ярд на нас нацелился.

— Не думаю.

— И что они собираются с облавой.

— Не имеет значения, они все равно ничего не найдут.

— Если этот тип не набрехал, можно ждать появления шпиков, как только они обнаружат тело своего друга.

— Мы их встретим, как всегда, с улыбкой. Я прикажу Тому, чтобы он не впускал ни одного наркомана, кто бы из них не заявился, а он издали их чует, сам был такой.

— Вот как? Я не знал...

— А я и не обязан обо всем докладывать, Питер. Но главное, чтобы ни один след, ни одна улика не замкнулись на нас.

— Вот за это можете быть спокойны.

Питер Деви́т ошибался. Ошибался, потому что, как только квартирная хозяйка бедной мисс Банхилл пришла в себя, она стала испускать истошные крики, что привело к немедленному результату — все жильцы были подняты на ноги, а это привлекло внимание констебля Макговерна, обходившего квартал. Меньше чем через полчаса суперинтендант Бойлэнд уже знал о смерти инспектора Джеффри Полларда. Он немедленно вызвал инспекторов Блисса и Мартина. Бойлэнд был человеком хладнокровным, и вряд ли можно было вспомнить, чтобы он когда-нибудь кричал. Но его гнев, который он никогда не выражал с яростью, был еще страшнее. Бледный, с перекошенным лицом, которое подергивалось время от времени нервным тиком, суперинтендант объявил подчиненным о своем твердом намерении отомстить за Полларда, сколько бы для этого ни потребовалось времени. Он сделает так, чтобы убийца Джеффри был повешен. Блисс и Мартин настолько безоговорочно верили Бойлэнду, что ни на минуту не усомнились в успехе операции.

Инспектор Мартин допросил хозяйку дома. Она лежала с перевязанной головой и скулила. Какое несчастье! Ее наверняка так шибанули по голове, что что-то сломали в мозгу! А поскольку инспектор не прерывал ее стенаний, она твердила ему, рыдая, что еще бы немного — ведь это просто чудо! — и она превратилась бы в третий труп в комнате мисс Банхилл. Мартин терпеливо все выслушивал. По прибытии он отдал приказ немедленно убрать тело Полларда, а медицинский эксперт доложил ему, что в крови убитой девушки он нашел следы наркотиков. Но если Поллард погиб от прямого попадания пули в голову, то смерть мисс Банхилл наступила от пузырька воздуха, введенного в вену. И Мартин поклялся себе, что не пойдет ни в какой отпуск, пока не затащит убийцу на виселицу. Под натиском вопросов инспектора хозяйка вспомнила, что она слышала, как в комнате Банхилл какой-то мужской голос крикнул: «Без глупостей, Питер!» Именно эта фраза и заставила ее подняться наверх. Она услышала ее, когда находилась на лестничной площадке, и, раздраемая любопытством, пошла туда. Правда, она сначала зашла к старушке Крумпетт: та болела гриппом, и она занесла ей настой из трав. Но потом любопытство взяло верх, и она все-

таки отправилась наверх, потому что оттуда доносился еще какой-то странный шум. Но в ее возрасте, с ее астмой она не могла двигаться быстро, ей приходилось делать передышку почти на каждой ступеньке. Ну а потом она помнила только, как открыла дверь, увидела трупы, и все вдруг исчезло от жуткого удара по голове, ей даже показалось, что ей вбили голову в плечи.

Именно инспектор Блисс, когда все снова собрались в кабинете Бойлэнда, вспомнил, что помощника Дункэна, на которого их вывел Поллард, звали Питер. Повисло короткое молчание, а потом суперинтендант тихо произнес:

— Благодарю вас, Блисс. Сегодня ночью лично возглавлю облаву в «Гавайских пальмах».

Сэм Блюм спокойно подсчитывал выручку, и в этот момент Питер Девит вошел в «Шик-модерн». Сэм не любил Питера, а попросту говоря, боялся. Тем не менее он выдал улыбку и приветствовал появление подручного Дункэна:

— Привет, Питер!

Тот посмотрел на него холодным взглядом убийцы, и хозяин отеля почувствовал, как у него побежали мурашки по спине.

— Не Питер, а мистер Девит, Блюм, не забывайтесь!

— К... конечно, мистер Девит.

— Мы с Джеком не больно-то довольны вами, Сэм.

— Не... не может быть, мистер Девит!

— Вы что, считаете, мы что-то придумали, Сэм?

— О нет, нет, мистер Девит!

— Тогда скажите мне, кто такой этот тип, который у вас живет, этот самый Карвил?

— Карвил? Да это наркоман, у него сейчас ломка!

— А вы были, конечно, готовы предложить ему, что требуется в таких случаях?

— Ну да, со всеми предосторожностями, какие положены, мистер Девит.

Кулак Питера врезался в нос Сэма и расквасил его. Блюму застило глаза от брызнувших слез, он едва не задохнулся и чуть не полетел с ног, но Девит схватил его за ворот рубахи, который затрещал в руке убийцы. Он приблизил лицо к разбитой физиономии Сэма и прошипел:

— А тебе известно его настоящее имя?

— Нет.

— Поллард! Инспектор Джеффри Поллард.

— Гос... Господи!

Питер отшвырнул Сэма, тот вцепился в стойку. Ужас перед полицией заставил его забыть о боли.

— А... а... что он искал у меня?

— А ты чуть-чуть пораскинь мозгами!

— Но ведь прошлую ночь он проторчал в тюрьме!

Девит презрительно посмотрел на него, потом пожал плечами.

— Кретин! Ты хоть ему, часом, не подбросил что-нибудь такое, что его навело бы на нас?

— Клянусь вам, ничего!

— Будем надеяться, что так, в твоих же интересах, Сэм.

— Прикажете мне, что я должен делать, когда эта сука вернется, мистер Девит.

— Он не вернется.

Блюм с трудом проглотил слюну:

— Да?..

— Насколько мне известно, девица Дженет Банхилл тоже сюда больше не зайвится. Но еще одна такая промашечка, Блюм, и вы тоже уже нигде не появитесь. А засим привет!

Вскоре после ухода Питера Эдмунд, ни слова не говоря, выложил на стойку перед носом патрона вечернюю газету, где красовались фотографии Джеффри Полларда и мисс Банхилл. Сэм понял, что Питер ему не сбрежал. Содрогаюсь от отвращения, он поднялся к себе, унося под мышкой бутылку виски.

Где-то около восьми вечера Бойлэнду доложили, что некий доктор Эдемфис хотел бы встретиться с полицейским, которому поручено ведение следствия по делу об убийстве Полларда и мисс Банхилл. Бойлэнд приказал пригласить к нему врача.

Эдемфис рассказал Бойлэнду, что инспектор Поллард посетил его днем, после визита к нему мисс Банхилл, и что он дал ему адрес и фамилию девицы. Сейчас он об этом очень сожалеет, поскольку увидел, что из этого получилось. Суперинтендант поспешил его заверить:

— Поллард погиб при исполнении служебных обязанностей, доктор... Нам всем его очень жаль, потому что он был хороший малый! Вы не можете себя ни в чем упрекнуть, скорее наоборот. Благодаря вам, возможно, удастся быстро схватить убийцу.

— Я был бы счастлив, потому что ваш инспектор вызвал у меня глубокую симпатию, и я даже обещал ему мою посильную помощь.

— Благодарю вас, доктор. А что касается помощи, то теперь, очевидно, уже нам придется просить вас о ней. Ведь вы лечите в основном наркоманов?

— Не то чтобы в основном, но в квартале Сохо достаточно хорошо известно, что на худой конец я лечу их, как бы это сказать... тактично...

— А, собственно, почему — тактично?

Эдемфис рассказал о своей дочери, и Бойлэнд понял, какую миссию возложил на себя доктор.

— Благодарю вас, доктор, за доверие. Тем не менее поймите, что у нас в Ярде мы смотрим на вещи несколько иначе. В нашу задачу входит поймать торговцев наркотиками, которых я отношу к самой гнусной разновидности преступников.

— Я понимаю, но и вы должны меня понять: судьба больных, которые вверили мне себя, для меня гораздо важнее тех, кто повинен в их болезни.

— Бесспорно, но заклиная вас, согласитесь, ликвидация этих мерзавцев тоже означает, что мы приходим на помощь вашим больным, но главное, мы предотвращаем появление новых жертв. А поэтому, если, к примеру, вы случайно узнаете какие-то сведения, которые помогут нам выйти на след преступников, без колебаний предупредите нас. Я не думаю, что, обращаясь к вам с такой просьбой, я склоняю вас изменить служебному долгу.

Эдемфис, поколебавшись какое-то мгновение, ответил:

— Я тоже так не думаю.

Патриция Поттер, одетая в облегающее фигуру черное платье с большим декольте, с бриллиантовой брошью на левом плече, пела «Жизнь в розовом свете», когда Том, портье в «Гавайских пальмах», позвонил Дункэну. Он сообщил ему, что, насколько может судить по внезапному оживлению, царящему поблизости от кабаре, полиция вот-вот нагрянет с облавой.

— Благодарю, Том. В наших стенах наркоманов не видно?

— Думаю, что нет, шеф. Я уже отфутболил десятка два... Если и просочилось несколько человек, то, значит, с виду к ним не придерешься, по крайней мере, у шпиков не будет повода их заграбастать.

— О'кей, Том. И никаких волнений, ясно?

— Положитесь на меня, шеф.

Джек положил трубку и спокойно объявил Питеру:

— Шпики.

— Уже здесь?

— Сейчас прибудут.

Девит поднялся:

— Пошел принимать гостей.

Убийца спустился в зал в тот момент, когда Бойлэнд, резко отстранив Тома, который делал вид, что не пропускает его, вошел в зал. За ним по пятам шли Блосс и Мартин, а добрая дюжина полицейских, строго следуя указаниям, полученным ранее, заняла все выходы из кабаре. Это внезапное появление вызвало некоторое волнение у присутствующих в зале. Но суперинтендант, заметив улыбку бармена, быстро сообразил, что их прихода уже ждали и что они уйдут не солоно хлебавши. Окинув быстрым взглядом завсегдатаев и случайно забредших сюда клиентов, он понял, что среди них нет закоренелых наркоманов. Все это попахивало ударом мимо цели. Оставив своих подчиненных проверять документы у слушателей Патриции Поттер, суперинтендант поднялся в кабинет Дункэна, который встретил его с любезной иронией:

— Меня только что предупредили о вашем визите, суперинтендант, и я, увы, не успел встретить вас лично.

Бойлэнд не выносил подобного зубоскальства.

— Ну хватит, Дункэн!

— Вас что-то не устраивает, суперинтендант?

— Не держите меня за идиота, Дункэн! И вам и мне известно, что именно вы являетесь самым крупным поставщиком наркотиков в квартале Сохо.

Дункэн не сморгнул.

— Ваше везение, супер, что здесь нет свидетелей, иначе ваше заявление принесло бы мне кругленькую сумму от возмещения убытков за оскорбление.

— Я думаю, что в один прекрасный день мое заявление принесет вам кругленькое число лет в тюрьме!

— А я так не думаю.

— Если еще не приведет вас на виселицу.

— За торговлю наркотиками?

— За убийство инспектора Полларда!

— Это что-то новенькое!

— Напрасно вы от меня отмахиваетесь, Дункэн. Пробьет такой час, когда вы за это жестоко заплатитесь, еще как жестоко!

— У меня такое впечатление, что вы принимаете желаемое за действительное, мистер Бойлэнд. Могу ли я осведомиться о причине вашего визита?

— Наркотики.

— В таком случае обыскивайте все что вам заблагорассудится и сколько влезет. Смею надеяться, что после этого обыска у вас исчезнет предубеждение против меня.

— Убирайтесь вон, Дункэн, и побыстрее!

— Позвольте вам напомнить, что я нахожусь у себя.

— Ну, напомнили, и что дальше?

— Да ничего... Уступаю вам свое место.

— И пришлите ко мне мисс Поттер.

Дункэн снес удар.

— Что вам от нее надо?

— Это вас не касается!

— Ну уж, извините!

— Больше никаких возражений!

Джек ошетинился, но выражение лица Бойлэнда заставило его подчиниться. Однако, чтобы как-то компенсировать уязвленное самолюбие, он не мог не добавить:

— Я подчиняюсь, супер, ибо вы олицетворяете закон, но я бы вам очень посоветовал...

— Я не принимаю советов от подонков, Дункэн!

Мелкие капли пота выступили на посеревшем лбу патрона «Гавайских пальм». Он до боли сжал челюсти:

— Вы что, провоцируете, чтобы я на вас набросился?

— С превеликим удовольствием, вы правы.

— Чтобы запихнуть меня в тюрьму?

— Э, нет... чтобы вас убить, Дункэн... Бывают такие схватки, в которых финал может быть только один.

Джек вышел, ни слова не говоря.

Суперинтендант Бойлэнд знал Патрицию Поттер только по самым примитивным фотографиям. Когда она предстала перед ним, он оценил ее не просто как красивую женщину, но и как особу с изысканными манерами; изысканность проявлялась и в тембре ее голоса, и в оборотах речи.

— Вы хотели меня видеть, сэр?

— Мисс Поттер, как себя чувствует ваш дядя?

Она явно не ожидала этого вопроса, и он поверг ее в некоторую растерянность. Машинально она переспросила:

— Мой дядя?

— Ну да, тот самый старый прохвост Сэм Блюм.

Она покрылась краской и с трудом произнесла:

— Откровенно говоря, Сэм мне не приходится дядей...

— Да вы меня просто удивили!

Но тон полицейского явно звучал больше иронически, чем удивленно. Патриция это прекрасно поняла.

— Сэм ко мне очень мило отнесся, когда я приехала в Лондон, и с тех пор у меня и вошло в привычку звать его дядей... Глупо звучит, конечно.

— Глупо — это еще куда ни шло, но это ведь попросту ложь.

— Но, сэр...

— Хватит играть в прятки, мисс Поттер. Откуда вы приехали, когда в первый раз прошествовали по улицам Лондона?

— Я из провинции, жила недалеко от Уэлспула... Мои предки из Уэльса, родители — фермеры.

— А вот так, чтобы остаться в провинции и выйти замуж за простого крестьянина, — это вас не устраивало?

— Нет.

— А жаль... Сколько же вам лет, мисс Поттер?

— Двадцать три.

— Я старше вас на двадцать пять лет, а это дает мне право сказать вам, что уж лучше бы вы снизились до замужества с последним батраком, чем жить с этим Дункэном, который, в лучшем случае, закончит свою жизнь в тюрьме.

Вопреки ожиданиям супера, мисс Поттер среагировала весьма странно, она опустила глаза и прошептала:

— Я поняла это всего несколько часов назад.

— Как это несколько часов назад? Говорите же, мисс Поттер, прошу вас! Вы можете помочь нам в этом деле.

В ответ она только прошептала:

— Я ничего не знаю, сэр... ничего... я не хочу умирать.

— Но...

Патриция быстро приложила палец к губам и кивком показала Бойлэнду на дверь. Одним прыжком он оказался у двери и резко ее открыл. Питер Девит чуть не растянулся в комнате, ибо это именно он подслушивал у двери. Супер хладнокровно повернулся к молодой женщине:

— Право, я удивлен, что помещения здесь так плохо содержатся и что в заведении такого класса можно наткнуться под дверью на кучу мусора.

Девит в ярости бросился на полицейского:

— Эй, ты...

И скорее удивление, чем боль, пригвоздило Питера к месту — Бойлэнд со всего маху врезал ему по морде.

— Я никому не позволяю разговаривать со мной в таком тоне!

И больше не обращая никакого внимания на Девита, он повернулся к нему спиной:

— До свидания, мисс Поттер... и учтите, что это не просто формула вежливости.

Патриция ушла, а суперинтендант, взяв шляпу, направился к двери. Девит почти заорал ему вдогонку:

— А как же я? Вы что, и допрашивать меня не будете?

Полицейский взглянул на него:

— Зачем тратить время попусту?

— Но...

— Я прекрасно знаю, что именно вы убили инспектора Джеффри Полларда, и за это вы будете повешены. Это всего лишь вопрос времени. Мне известно также, что вы умертвили мисс Банхилл. Надеюсь, вы понимаете, что этого более чем достаточно, чтобы в одно прекрасное утро палач надел вам на голову черный мешок, перед тем как накинуть петлю на шею. Так что ловите последние дни, Девит.

В замешательстве убийца запротестовал:

— У вас нет доказательств!

— Вам надо было пристукнуть насмерть хозяйку мисс Банхилл. Вот здесь-то вы и допустили ошибку, и непоправимую, ибо теперь, если что-то случится с этой женщиной, вы сами подпишете себе смертный приговор. До скорого!

Сам того не подозревая, суперинтендант Бойлэнд спас жизнь Сэму Блюму, которого Питер заподозрил. Именно эта вскользь брошенная фраза о бедной женщине с Энс-Роуд-стрит... спасла Сэма.

Разумеется, несмотря на самый беспощадный обыск, полиция не нашла следов наркотиков в «Гавайских пальмах». В течение трех месяцев велось самое пристальное наблюдение за этим ночным заведением. Но больше Ярд не мог себе позволить отвлекать такое количество своих людей на ведение дела, которому не видно было конца. Так постепенно пришлось свернуть следствие. Еще через четыре месяца стало ясно, что Дункэн и Девит либо ведут свои дела в пределах дозволенного, либо оказались гораздо сильнее тех, кто призван их разоблачить. Так или иначе, но наркотики продолжали циркулировать в квартале Сохо в прежнем ритме. И вот однажды наступил день, когда Бойлэнд вызвал к себе инспекторов Блисса и Мартина и объявил:

— Мне горько за вас и за себя, но я получил приказ снять слежку за Дункэном и Девитом.

Блисс вскипел:

— Так что же? Эти подонки выйдут сухими из воды?

Суперинтендант пожал плечами:

— Там, наверху, рассудили, что мы зря теряем время.

В ярости Блисс бросил:

— Если бы у меня не было жены и детей, я бы подал в отставку!

— Будет вам, Блисс, зачем столько горечи... Мы обязаны подчиниться. Я понимаю, что в этом мало радости, а

порой кажется, что все несправедливо. Но приказ есть приказ. И мы, поступая на эту службу, взяли на себя обязательство подчиняться приказам. Сделан вывод, что мы тратим время зря, сосредоточившись только на Дункэне и Девите...

Миролюбивый Мартин только и произнес:

— Выходит, Поллард погиб у нас ни за понюшку табаку?

Бойлэнд ничего не ответил, потому что ответить было нечего.

Глава вторая

На вокзале Пенкрейс Джон Армитейдж, шофер такси, изнывал. Ему было положено находиться на этой стоянке под присмотром агентов своей компании. Он весь извелся, потому что его жена Мейдж должна была вот-вот родить четвертого ребенка. Поскольку все три раза роды прошли как нельзя лучше, не было никаких оснований считать, что на этот раз будет иначе. По крайней мере, так утверждал доктор, но Джон заводился с полуоборота, и потом, он очень любил Мейдж. Склонный к пессимизму, он уже рисовал себе картины, что будет, если Мейдж... Его прошибал холодный пот от этой мысли, но он не мог превозмочь себя и без конца представлял одну катастрофу за другой. В больнице вполне сведущие доктора считали, что ребенок, наследница или наследник Армитейджа, мог появиться в нашей долине слез не раньше чем к середине ночи или к утру. Пробыло семь часов, и это на мгновение отвлекло Джона от его мук, но он тут же погрузился в них снова, ибо ему казалось, что эта адская агония уже не кончится никогда. Был момент, когда он решил оставить свою машину и броситься к первому попавшемуся телефону, чтобы дозвониться в справочную родильного дома. Он и предпринял это дважды в течение трех часов и получил суровую отповедь. И теперь он уже не мог больше дергать людей, занятых серьезным делом.

В этот момент люди засновали туда-сюда у выхода с вокзала, и Джон сказал себе, что это, должно быть, прибыл поезд из Шотландии. Вскоре показались первые пассажиры, и Джону бросился в глаза великан в шотландской юбочке, обалдело озирающийся вокруг и тащивший два чемодана невероятных размеров. Шофер решил, что такие чемоданы можно было сделать только на заказ. Немного от-

влекшись от Мейдж, он с веселым любопытством следил за шотландцем, у которого был совершенно потерянный вид. Таксист подумал, что, несмотря на гигантский рост, которым его наградила природа, такие, как он, всегда становятся добычей всяких проходимцев, умеющих пользоваться наивностью приезжих, впервые попавших в Лондон. Другой шофер, высунувшись из окошка, крикнул Армитейджу:

— Эй, Джон! Погляди-ка на этого малыша, которого мамаша оторвала от своей юбки! Он, точно, влипнет в какую-нибудь передрагу!

И, как бы в подтверждение его слов, два подозрительных типа, из тех, что околачиваются на вокзалах в надежде свистнуть чемоданчик, подошли к шотландскому великану. Они подошли к нему вплотную, каждый из них взялся за ручку одного из чемоданов, и завели беседу, явно собираясь окмурить эту деревенщину. Армитейджу тошно было на это смотреть.

— Ну что, Вильям, так и будем смотреть или вмешаемся?

В ответ тот показал пальцем на полисмена, стоявшего за столбом и готового вмешаться в любую минуту. Но ему не пришлось этого делать, ибо верзила внезапно озлился. Он так громогласно выругался, что эхо его ругани долетело до такси в тот же самый момент, когда оба проходимца одновременно приземлились в двух-трех метрах от своей взбрыкнувшей жертвы. Оба молокососа, не перенеся такого удара по самолюбию, тут же набросились на шотландца. Полицейский уже возник из-за своего столба, но, как бы быстро он ни бежал, он все равно бы не успел вовремя. Нападающий повыше был принят правой рукой и замертво свалился, тогда как низенький, перехваченный за талию, был отшвырнут на своего дружка, не способного уже ни на что. Полисмен просто залюбовался и не мог не констатировать:

— Отличная работа, сэр.

Колосс пожал плечами:

— У нас в Томинтоуле таких коротышек не водится.

Продолжая наблюдать краешком глаза за обеими жертвами, полицейский осведомился:

— Вы будете подавать жалобу, сэр?

Шотландец изумился:

— Подавать жалобу? На кого?

— Ну вот на этих двоих.

Человек в шотландской юбочке расхохотался:

— Вы представляете, что будет в Томинтоуле, когда

там узнают, что я подал жалобу на этих двух шмакодявок? Да меня заплуют до конца моих дней! Нет уж, это скорее им надо подавать жалобу на меня! Если бы мы были с вами сейчас в Томинтоуле, старина, я бы вас угостил виски у моего друга Энгюса. Но ведь мы не в Томинтоуле, правда?

— О да, сэр, мы не в Томинтоуле.

И с тяжелым вздохом, в котором послышалась вся тоска жителя Лондона, вынужденного довольствоваться пятью квадратными метрами зеленого газона перед своей дверью, олицетворявшими заветную мечту о природе, полисмен принялся поднимать на ноги обоих шалопаев, получивших заслуженный урок.

Зараженный спортивным азартом, как каждый истый британец, Джон Армитейдж уже больше не думал о своей Мейдж. Его привело в восторг мастерство шотландца, с которым он разделался с этими двумя.

— Что ты на это скажешь, Вильям?

— Прекрасный нападающий первой линии из британской команды по регби!

— Ну да, но только он из команды шотландцев...

— А жаль... Внимание, Джон, он идет к нам... Если он сядет к тебе, парень, я советую не устраивать номера со счетчиком. Он может спокойно разнести твою тачку на части и еще затолкать их в глотку!

Немного поколебавшись, шотландец подошел к такси Армитейджа.

— Хэллоу! Вы знаете квартал Сохо?

Джон ждал чего угодно, но только не этого вопроса. В первую секунду он оторопел. Ну, приблизительно так же, как если бы у него спросили, знает ли он, кто носит корону Великобритании. Сначала он решил, что тот издевается над ним, и посмотрел на него недобрый взглядом. Еще не хватало, чтобы этот парень из Хайленда вообразил, что чистокровных лондонцев возят в такие заведения! Он усмехнулся:

— Да немного знаю... А что?

— Да мне рассказывали, что там можно поразвлечься... Друг мне рассказал, Хьюгс Макговен. Он был в Лондоне десять лет назад...

— Послушайте, сэр, вы садитесь или не садитесь? У меня счетчик не работает, пока я разговариваю, ясно? А мне надо на жизнь зарабатывать. Вам в Сохо? Пожалуйста, я отвезу вас в Сохо. Согласны?

— Согласен.

— Тогда давайте поставим чемоданы.
— Я бы предпочел оставить их рядом с собой.
— Такой недоверчивый, да? Усаживайтесь и поехали.
— Скажите, а сколько это будет стоить?
— В каком смысле?
— Ну, чтобы доехать до Сохо.
— А я откуда знаю. Посмотрите на счетчик, так и увидите вашу цену!

Вид колосса говорил о том, что его не очень убедили.

— А эта ваша техника хорошо работает?
— С чего бы ей плохо работать?
— Ну, я не знаю, я бы предпочел договориться о цене заранее. У нас в Томинтоуле всегда так делают.

Джон был не из очень терпеливых.

— Но мы не в Томинтоуле, черт подери! Мы в Лондоне, а в Лондоне такси оплачивают по счетчику, понятно?

— Если честно, это не по мне.

— Тогда топайте до Сохо пешком.

— С чего это у вас такой скверный характер? Вы что, все здесь такие?

От ярости Армитейдж готов был вцепиться зубами в свой руль. Но больше всего его допекало, что его коллега Вильям Валнос ржал во весь рот.

— Мы едем или не едем?

— Ладно, едем. И что вас так разбирает, вы что, торопитесь? Вот у нас в Томинтоуле...

— Да хватит вам поминать родные места, сэр! Я знать не знаю этот ваш Томинтоул и знать не хочу! Разрази его гром!

Втиснутый между двумя чемоданами — как кусок ветчины между двумя ломтями хлеба, — шотландец был в безопасности от любого удара и наконец уселся на сиденье, бурча под нос:

— Ума не приложу, что вы имеете против Томинтоула?

Армитейдж тронулся с места таким рывком, что его машина подпрыгнула. Он слышал, как Вильям Валнос крикнул ему вслед:

— Джон, дружище, ты что, вообразил, будто участвуешь в гонках в Ливерпуле со своей тачкой?

Армитейдж предпочел смолчать, ибо он не любил слышать вульгарные сравнения, равно как и опускаться до них. Мало-помалу у Джона отпустили нервы. Он признался себе, что зря вскипел по мелочам, которые того не стоили. И тут у него появились угрызения совести по поводу того, как он встретил этого милого парня, сидевшего в его

машине. Вполне дружелюбно, как бы прося извинения за происшедшее, он осведомился:

— Все в порядке, сэр?

— Уф... Скажите, старина, неужели город такой здоровый, а?

И внезапно Джон подумал, что Мейдж затерялась где-то одна в этом огромном городе, среди миллионов его жителей, которых она собиралась пополнить, как минимум, одним. И на него снова нахлынула тревога, которой нужно было обязательно с кем-то поделиться, чтобы хоть немного воспрять духом.

— Не обращайтесь внимания, сэр, если я кажусь вам излишне нервным... понимаете... я жду ребенка, ну, то есть не я, конечно, а моя жена...

— Мои поздравления, старина!

— Благодарю... Уж очень тяжелый момент. Его надо пережить, это факт.

— Правда?

— А у вас нет детей, сэр?

— Ни жены, ни детей.

— В каком-то смысле это лучше, нет забот, а с другой стороны — скучновато, разве нет?

— Я никогда не грущу и не скучаю!

— Кроме шуток? И как у вас это получается?

— Если я вижу, что могу грустить, я надираюсь, потом просплюсь, а как проснусь — порядок, я опять в хорошем настроении. А вы хотите девочку или мальчика?

— Мальчика! У нас уже есть три девочки.

— Прскрасно! Успокойтесь — у вас будет мальчик!

— Почсму вы так решили?

— У нас в Томинтоуле вам всякий скажет, что только Малькольм Макнамара умеет отгадывать. Мне стоит только посмотреть на брюхатую овцу, и я уже скажу, кого принесет она больше — овец или барашков.

Армитейдж не ответил, потому что засомневался, не оскорбил ли этот тип его Мейдж, сравнивая ее с овцой. Он довольствовался тем, что вздохнул:

— Да услышит вас небо!

— Не волнуйтесь, старина, мы сейчас все устроим!

Джон не понял сразу смысла сказанного. Он это понял спустя несколько минут, когда проезжал по Нью-Оксфорд-стрит и чуть не попал в серьезную катастрофу. Он спокойно вел машину, внимательно следя за интенсивным уличным движением, какое бывает в конце дня. И вдруг у него за спиной, прямо над ухом, взвыла волынка, изрыгая гну-

савые и пронзительные звуки, — исполнялась мелодия «Пройдите мимо, черные дни». Не соображая, что происходит, от неожиданности и ужаса Джон выпустил из рук баранку. Он едва успел в нее вцепиться, чтобы не врезаться в автобус, услышал ругань водителя, вывернул вправо, чуть не сбил велосипедиста, снова вывернул влево и проехался по касательной мимо трехколесного велосипеда. Его потрясающие вихляния встретил целый хор воплей, брани и проклятий. У Армитейджа глаза вылезли из орбит, пот с лица катился градом, и он был почти благодарен полисмену, который, естественно, не оценил этот спортивный спектакль и резким свистком заставил его остановиться. Тем временем невозмутимый шотландец продолжал вдохновенно дудеть на своей волынке, не обращая никакого внимания на выкрутасы таксиста.

Полисмен подошел, его вид не сулил ничего хорошего. — Вы что? Сдвинулись? Или пьяны? В чем дело?

Джон обреченно ткнул пальцем, не оборачиваясь, через плечо, в сторону своего клиента.

— Вы, может быть, сообразовите остановиться?

Макнамара прервал игру и удивленно спросил:

— Вам не нравится, как я играю? Вот у нас, в Томинтоуле...

У Армитейджа вырвалось что-то похожее на рыдание, и он простонал:

— Я больше не могу... Пусть выйдет из машины... Высадите его, прошу вас, уберите его!

Полисмен ровно ничего не понял и завелся:

— Может быть, вы все-таки расскажете мне, что здесь происходит?

Прерывающимся и осипшим голосом Армитейдж объяснил, что он ехал спокойно, вел машину, и вдруг эта дикая музыка ему дала по ушам, и тогда он взвился и чуть не врезался в автобус. Полицейский посмотрел на него подозрительно.

— Уже нет быстрой реакции, так что ли? Надо вас проверить, дорогой мой... А вас, сэр, я просил бы мне ответить, чего ради вы начали играть на волынке в такси?

— В честь его будущего младенца.

К счастью Джона, полисмен сам только что стал папашей и еще чувствовал себя в ореоле этого знаменательного события. Когда он узнал, что Мейдж вот-вот родит, его охватил братский порыв по отношению к таксисту.

— О да! Этот момент очень трудно пережить. Держите себя в руках, мой мальчик. А вы, сэр, воздержитесь

от продолжения концерта, потерпите до возвращения до- мой. Так-то будет лучше для всех нас.

Армитейджа снесла только одна забота: высадить шотландца у первого попавшегося отеля и с глаз долой. Он спустился по Чаринг-Кросс, повернул на Олд Комптон-стрит и остановился перед отелем «Шахматный рай». Он обернулся к шотландцу:

— Приехали... Можете выходить. Мы в квартале Сохо. Но... где же ваша штукенция, ну, как ее, волынка?

— У меня в чемодане, старина...

Тогда Армитейдж понял, почему у его клиента такие внушительные чемоданы. Он подумал, что если в Томинтоуле все похоже на Макнамару, то там, должно быть, хватает сюрпризов. Стоя на тротуаре, Малькольм принялся невозмутимо разглядывать фасад здания отеля.

— Мы сегодня закончим или будем так стоять до завтра?

— Погодите, старина. Мне нужно разобраться что к чему.

И твердой походкой шотландец вошел в отель. Дежурный администратор подскочил при виде такого верзилы.

— У вас найдется одноместный номер?

— Вы... Вы уверены, что поместитесь в одноместном?

— Я что-то не уловил...

— Простите. Да, у нас есть одноместный номер с туалетом. Один фунт десять шиллингов в день, включая утренний завтрак, естественно.

— Как вы сказали? Один фунт десять шиллингов только за то, чтобы переночевать одну ночь и получить утренний завтрак?

— Совершенно верно.

— Сохрани меня, Боже! У нас в Томинтоуле за такие деньги можно прокормиться целую неделю!

— Вам там явно повезло. Но здесь мы в Лондоне, сэр.

Не удостоив дежурного ответом, Макнамара повернулся и пошел к такси. Подойдя, он спросил у Армитейджа:

— Скажите, старина, вы что, приняли меня за миллиардера? Целый фунт десять шиллингов! А что, в Лондоне так легко зарабатывать деньги, да?

Шофер проронал:

— Не мне, во всяком случае!

Они посхали наугад. На Лексингтон-стрит Джон решил, что довольно невзрачный вид отеля «Заросли вязов» мог обещать клиенту сносные цены. Там с него запросили один фунт два шиллинга за номер с утренним завтраком. Шот-

ландец не задержался, и Джон решил, что он уже никогда не избавится от своего неудобного пассажира. В ярости он рванул с места, вспомнив об одном жалком отеле на Ворвик-стрит под громким названием «Шик-модерн». Если он и был когда-то современным, то, очевидно, так давно, что никто в квартале об этом уже не помнил. В крошечном вестибюле грязный пол был покрыт дырявым ковром, а за стойкой находился человек, напоминающий улитку в раковине, которая так и ждет, чтобы захлопнуть свою очередную зазевавшуюся жертву. Не дожидаясь, что там решит шотландец, Армитейдж схватил оба чемодана и поволок их, приговаривая:

— Надеюсь, вас это устроит, потому что вы не найдете дешевле отеля во всем Лондоне! — Потом он вернулся и сел в свою машину.

Когда Макнамара узнал, что может получить номер за восемнадцать шиллингов, он объявил, что это его устраивает, а затем заметил, хитро усмехаясь:

— Кто-то хотел меня подловить, но еще не родился тот, кто бы охмурил парня из Томинтоула!

Хозяин взглянул недоверчиво и попросил уточнить:

— Где это? У нас в Великобритании?

— В Шотландии, уважаемый, в графстве Банф.

— А чем там занимаются?

— Там разводят овец, уважаемый. У меня их почти восемь сотен! Моя отара занимает второе место, сразу же за отарой Кейса Макинтоша.

Джон Армитейдж прервал его излияния, крикнув с порога:

— Вы со мной думаете рассчитывать, чтобы я мог уехать?

Шотландец начал смеяться:

— А еще говорят про нас, что мы любим деньги! Я вижу, что в Лондоне их любят не меньше! Как по-вашему?

Шофер предпочел смолчать. Шотландец догнал его на тротуаре:

— Сколько там?

— Один фунт восемь шиллингов.

— Сколько, сколько?

— Один фунт восемь шиллингов. Посмотрите на счетчик.

— Послушайте, старина, один фунт, и по рукам!

Армитейдж закрыл глаза и призвал Всевышнего избавиться его от удара.

— Сэр, я вынужден получить с вас столько, сколько набил счетчик, иначе мне придется платить разницу.

— Ну конечно, а вы не хотите?

Джону пришлось крепко стиснуть зубы, чтобы не выскочило застрявшее в глотке ругательство.

— Вы правильно догадались, сэр, я не хочу.

— А мне вот кажется, что с фунта вы еще получите навар.

Сэм Блум, владелец «Шик-модерна», выкарабкался из-за стойки и пошел послушать, о чем там спорят. Он подошел как раз в тот момент, когда шофер швырнул свою каскетку под ноги и начал в ярости ее топтать. Потом, видимо, остыл, надел ее на голову и сказал:

— Я не проходил военную службу. Меня освободили по болезни. У меня вроде сердце не очень крепкое. Я бы не хотел умереть до того, как увижу своего нового малыша и дам ему благословение от его старого отца. Вы поняли меня, сэр? Тогда платите мне, и я уезжаю.

— Ну, если вы хотите меня пронять...

Макнамара вытащил большой черный бумажник на кожаном запоре и два раза принимался пересчитывать деньги, прежде чем отдать Армитейджу названную сумму.

— И все-таки осатанеть можно, до чего дорого!.. Держите, старина, и поцелуйте за меня малыша.

— Простите, сэр, но мне положены еще и чаевые.

— Вы считаете, что один фунт восемь шиллингов — это мало?

— Это то, что пойдет моему хозяину... А что же мне?

Вокруг них стал собираться народ.

— У нас в Томинтоуле никогда не требуют чаевых.

Несмотря на все усилия сдержаться, Джона еще раз прорвало:

— Да чтоб ты лопнул к черту со своим Томинтоулом! Плевать я на него хотел! Мы не в Томинтоуле, мы в Лондоне! В Лондоне, столице Великобритании! Усек? А в Лондоне шоферу положено давать чаевые!

Какой-то пастор влез в разговор и обратился к Джону:

— Сын мой! Стыдно ругаться так, как вы ругаетесь! Подумайте, какой дурной пример вы подаете!

Армитейдж вовсе не был расположен внимать голосу разума:

— А вы, пастор, катитесь отсюда!

— О!.. Хулиган! Безбожник! Креста на тебе нет!

— Ты что, захотел понюхать мой кулак?

— Только попробуйте меня тронуть, и я вас поташу в суд!

Тут же объявился сектант (из тех, что верят в возвра-

щение Христа на землю), его привлек разгорающийся спор, и он счел своим долгом возопить к небесам:

— Настало время, чтобы явился Христос и навел порядок в этом безумном мире! Он скоро придет, братья! Он уже здесь! Он идет! И тогда придет конец вашей самозванной церкви! Это предрек сам Джон Дарби!

Пастор обратил свой гнев на него:

— Вы, вы — еретик! И не совестно вам публично обращаться к людям?

— Это вы впадаете в грех, и вы в нем пребываете! Поэтому что Господь возлюбил нас!

— А где мои чаевые?

Какая-то зеленщица, сторонница унитарной церкви, вмешалась в разгоревшийся спор:

— Полюбуйтесь, куда заводят их сказочки о тройном лице Божьем! Бог есть только один, он — один! И он превратит вас в пыль!

И вдруг священник и сектант объединились против унитаристки:

— Сгинь, безумная! Сгинь, исчадие ада!

Сэм Блюм вернулся в отель в сопровождении своего клиента. Ну а Армитейдж никак не мог взять в толк, как могло произойти, что его простое требование получить свои законные деньги могло вызвать целый теологический диспут. К нему подошла женщина из Армии спасения:

— Брат мой, вспомните о голодных и сирых... Пожертвовать для несчастных — это открыть свое сердце Богу...

Уже не соображая, что он делает, Джон дал два шиллинга активистке, которая его поблагодарила и была такова. Появление полисмена тут же развеяло метафизические тучи, и каждый убрался восвояси. Оставшись один, Армитейдж застыл на тротуаре, вперившись в свою раскрытую ладонь, где уже остался один фунт шесть шиллингов... Совершенно ошарашен, он напрасно вопрошал себя, как могло случиться, что он не только не получил чаевые, но еще и вынул два шиллинга из своего кармана. Полисмен его спросил:

— Вы ждете кого-то?

— Нет.

— Тогда проезжайте.

— Да, сейчас уеду. Но я должен вам сказать одну вещь: когда-то сотворили потрясную штуку и правильно сделали — отрубили голову Марии Стюарт! Жалко только, что не поотрубали головы всем шотландцам!

Малькольм Макнамара поведал Сэму Блюму свои зло-

ключения, начиная с того момента, когда он высадился с поезда. Сначала два проходимца, потом этот полудурок шофер, который чуть не устроил аварию из-за того, что он заиграл ему «Пройдите мимо, черные дни» на своей во-лынке в честь его будущего младенца.

— А вы что, таскаете с собой свою волынку?

— Всегда! У нас в Томинтоуле говорят так: Малькольм без своей волынки — это все равно что ампутированный без протеза.

— А где же вы ее держите?

— У меня в чемодане.

— В вашем?..

И как бы в подтверждение своих слов он открыл один из своих гигантских чемоданов и, вытащив оттуда волынку, торжественно показал ее Сэму, а к ней прибавил и бутылку виски, сопровождая ее словами:

— А если мы к ней приложимся, старина, за знакомство?

— С удовольствием, но у меня нет стакана.

— Да неважно, выпейте, как я, из горла.

Говоря это, шотландец поднес бутылку к губам и выдул треть содержимого под восхищенным взглядом хозяина.

— А потом этот недоумок повез меня в какой-то «Шахматный рай», где имели наглость запросить с меня один фунт десять шиллингов! Ясное дело, в этой шараге меня приняли за мужлана! Потом он меня привез в «Заросли вязов», а там запросили один фунт два шиллинга. Я этим воруягам даже ничего не ответил! О Господи!

Пока Сэм пытался сообразить, изображает ли этот тип идиота или он вправду идиот, тот вдруг подпрыгнул как ужаленный.

— Что с вами стряслось?

— Я вижу самую красивую женщину, какую только встречал за свою жизнь! Провалиться мне на этом месте! У нас в Томинтоуле таких нет!

Блюм обернулся и увидел, как по лестнице спускается Люси Шеррет. Несмотря на то что ей уже стукнуло сорок пять, ее считали одной из самых бойких женщин, которые к вечеру выходили пофланировать на тротуары Сохо.

— Н-да! Видно не очень-то вы в Томинтоуле избалованы особами прекрасного пола!

Люси подошла к конторке.

— Хэллоу! Сэм, напомните Эдмунду, что у меня течет кран... Этот шум изнуряет, а мне нужно отдыхать, сами понимаете... Так я рассчитываю на вас, Сэм?..

И не успел хозяин ответить своей клиентке, как шотландец побагровел:

— В честь самой прекрасной дамы в квартале Сохо!

И тут же он взвыл на своей волынке «О цветы нашего леса!».

Вытаращив глаза, Люси посмотрела на шотландца и, обращаясь к Сэму, спросила:

— А это что еще за тип?

— Поклонник, моя дорогая!.. А вы бы не могли, мой друг, заглушить вашу штуковину?

Малькольм согласился приостановить этот поток гармонии и объявил:

— Я пойду следом за этой женщиной, в пяти шагах от нее, и буду играть «Быстрый танец»! У нас в Томинтоуле мы всегда так делаем, когда нам нравится какая-нибудь девушка и мы бы хотели к ней закахивать.

С большим трудом им удалось разубедить его и отказаться от своего плана, а также объяснить, что работа мисс Шеррет не очень вяжется с таким шумом. Под грозным взглядом Блюма Люси смылась, и не без сожаления, ибо она уже так давно не вызывала восхищения у мужчин. В свои сорок пять лет она бы не отказалась обрести семейный покой, а этот шотландец воистину был прекрасен. Но ведь есть такие мечты, когда только притворяешься, что в них веришь, а на самом-то деле до конца в них поверить нельзя. Для Люси, как и для большинства ее товарок, все уже было позади. И все-таки такой прекрасный парень, с которым она увиделась впервые, сыграл в ее честь «О цветы нашего леса!», и она об этом никому не скажет, это будет ее личный секрет.

Сэм Блюм проявлял все больше интереса к шотландцу. Он чувствовал, сам еще толком не понимая почему, что может сорвать с него довольно большой куш. Этот уроженец Хайленда прислан самим его ангелом-хранителем, который, должно быть, сошел с пути праведного, как и он сам.

— Так, значит, сэр, у вас восемьсот штук овец?

— Как минимум!

— Они должны вам приносить неплохую прибыль к концу года, да?

— Жаловаться не приходится!

— Так вы приехали в Лондон поразвлечься?

— Не совсем... Я приехал, главное, для того, чтобы купить кое-какие инструменты... Должен вам сказать, что я казначей одного кооператива... по части шерсти. Вроде бы у австралийцев есть машинка для стрижки овец, говорят,

потрясная! Ну вот, наш председатель Грегор Фрезер и сказал: только Малькольму Макнамаре из Томинтоула я могу доверить столько денег и спать спокойно.

— Сколько денег?

— Пять тысяч фунтов стерлингов, старина, у вас в Лондоне это считается много?

— Да, сэр, конечно... И вы отнесли их в ближайший банк там, у вас?

— Нет, у нас в Томинтоуле не очень-то доверяют банкам... У вас берут деньги, а отдадут чек. Я считаю это ненормальным и предпочитаю держать денежки у себя в кармане, получая за них товар.

У Блюма перехватило дыхание.

— Вы... Вы хотите сказать, что носите эти пять тысяч фунтов с собой?

— Ну да, вон в том зеленом чемодане.

Сэм много повидал чудиков за свою пеструю жизнь, но чтобы таких... Он как-то не мог в это до конца поверить.

— Но... не кажется ли вам, что это очень неосмотрительно?

Малькольм только пожал плечами:

— Тот, кому взбрдет в голову меня обокрасть, может сразу заказать себе место в больнице или на кладбище. Вы не судите обо мне по виду, старина, это обманчиво, я кажусь добродушным, этакий свой парень. Ну, может, в глубине души я такой и есть, да только не всегда, ясно? А сейчас я бы поднялся к себе в номер, так, слегка привести себя в порядок...

— Конечно...

Хозяин нажал кнопку звонка, и явился Эдмунд.

— Семнадцатый для мистера Макнамары.

Слуга, узрев два чемоданища, разинул от удивления рот, а потом тихо спросил:

— Вы случайно меня не принимаете за грузчика?

— Оставьте при себе ваши замечания, Эдмунд, и поторопитесь отнести багаж!

Эдмунд с большим рвением схватился за ручки чемоданов, но смог приподнять их лишь на несколько сантиметров и снова опустил.

— Вот что, хозяин. Если бы я мог таскать такие штуковины на третий этаж, я бы сразу побежал в федерацию тяжелой атлетики, чтобы принять участие в следующих Олимпийских играх!

Шотландец сам поднял чемоданы и только попросил:

— Просто покажите мне мой номер, старина.

Не успел Малькольм поставить ногу на первую ступеньку лестницы, как Блюм окликнул его:

— Мистер Макнамара!

Великан оглянулся.

— Мне просто хотелось вам сказать, что вы мне очень симпатичны и я счастлив, что вы избрали мой отель.

Увидев, что слуга спустился, Сэм буквально набросился на телефон:

— Алло, Том?.. Говорит Сэм, позовите мне Дункэна... Это срочно... Дункэн? Говорит Сэм... Послушайте, у меня поселился один тип, спать можно... Он приехал из Томинтоула, это место такое, в Шотландии находится, и, пожалуйста внимательно, он таскает с собой пять тысяч фунтов стерлингов, потому что банкам не доверяет, бред какой-то... Вы такое слышали? Он собирается покупать машинки для стрижки овец для одного кооператива, он у них казначей... Как он ко мне попал? Это умора! Он объездил несколько отелей, но ему все было дорого. Вы бы слышали, как он спорил с шофером такси! Он все-таки умудрился не заплатить ему чаевые... Короче, Джек, с этим типом никто в одиночку не справится, даже если будет держать в каждой руке по пистолету и нож в зубах. Вы хоть приблизительно поняли меня?.. Но, Джек, пять тысяч фунтов, представляете? Двадцать пять процентов комиссионных, договорились? Проще всего отправить сюда Патрицию, он в нее втрескается с ходу. Этот парень просто сосунок в пеленках. Да нет, я вам точно говорю! Ну послушайте, вы знаете такую Люси Шеррет, старую калошу? Да? Так вот! Он нашел, что такую красавицу он еще в жизни не встречал! Он собирается ее сопровождать по Сохо, играя на своей волынке. Потому что, видите ли, в его местности таким манером дают понять девице, что она нравится. Так что же с ним будет, когда он увидит Патрицию?.. Договорились, Джек, думаю, нас ждет неплохой денек, но найдите парней покрепче и, как минимум, троих.

Когда шотландец спустился в вестибюль, Патриция еще не пришла. Блюму нужно было его задержать на какое-то время.

— Мистер Макнамара, вы должны меня успокоить: вы не оставили свои деньги случайно наверху?

— А что? Здесь водятся воры?

— Я не думаю, но не могу ручаться за всех. Такой соблазн...

— Но кроме вас, старина, больше никто не знает, что у меня в чемодане пять тысяч.

— И все-таки мне было бы спокойнее...

Малькольм похлопал его дружески по плечу.

— Не волнуйся зря! Я все-таки не такой идиот и свои деньги ношу с собой. Не люблю с ними расставаться. Вот где самый лучший сейф!

И он хлопнул себя что есть мочи по груди. Именно этот момент Патриция подгадала для своего появления. Она улыбнулась Сэму:

— Приветствую вас, дядюшка! Проходя по вашей ужасной улице, я говорила себе: Патриция, ты непременно должна убедиться, что твой дядя все еще украшает белый свет!

Если бы Малькольм был более наблюдательным, он бы заметил, что поцелуй, которым обменялись дядюшка и племянница, не был таким уж горячим и скорее походил на те легкие прикосновения, которыми обмениваются высшие чины офицерства при получении наград, чем на родственное нежное лобзание. Но шотландец до того оторопел, что был не в состоянии абсолютно ничего воспринимать. Он стоял с разинутым ртом, глаза навывкате и не сводил взгляда с молодой женщины. Блюм краем глаза наблюдал за ним и с удовлетворением отметил, что западня действует отменно.

— Мистер Макнамара, позвольте вам представить мою племянницу Патрицию Поттер.

Патриция сделала вид, будто только что заметила вликану, и довольно холодно осведомилась:

— Как вы себя чувствуете, мистер Макнамара?

Ни слова не говоря, шотландец бросился на лестницу и исчез, оставив молодую женщину в некотором недоумении.

— Вот это да! Что это с ним?

— Мне кажется, я догадываюсь... Главное, ничему не удивляйтесь!

И хотя Патриция была предупреждена, она все-таки содрогнулась, услышав доносившиеся сверху разудалые звуки песенки «И в мрачных горах растут леса». Она еще не пришла в себя, когда появился Малькольм со своей вольткой, дуя во всю дуду. Блюм прошептал:

— Это в честь вашей красоты, моя дорогая!

Патриция разразилась хохотом, что, по всей видимости, еще подбавило жару Макнамаре, и он буквально на едином вздохе, без пауз, дотянул мелодию до последней ноты.

— Могу ли я узнать, мистер Макнамара, почему вы затеяли этот очаровательный концерт?

— У нас в Томинтоуле плохо подвязаны языки. Нам

легче использовать волюнку. А вы уж больно хороши, мисс Поттер!

— Мерси.

— Вы здесь живете?

Сэм вмешался:

— Моя племянница пост в «Гавайских пальмах», это на Фрис-стрит.

— Это далеко?

— Да нет, совсем близко, в нашем квартале Сохо.

— Тогда мне можно пойти ее послушать?

— Мне бы это доставило удовольствие, мистер Макнамара. Дядюшка, я должна идти. Мой выход через два часа, я только успею перекусить и одеться. До свидания, мистер Макнамара! И, может быть, до скорого.

— Не сомневайтесь!

Патриция ушла, а шотландец все не мог остановиться:

— Так что, старина, слов нет, до чего хороша у вас племянница! Ей-Богу! Если бы такая завелась у меня дома, да мне ничего больше и не нужно!

— Я погляжу, Патриция произвела на вас большое впечатление!

— Да она меня сразила... Я думал, что только в кино можно увидеть таких красавиц... Эх! Если бы я не был простым скотоводом, я бы ей предложил выйти за меня замуж. Как вы думаете, она бы согласилась?

— Честно сказать, мистер Макнамара, я бы сильно удивился, если бы Патриция согласилась похоронить себя в вашем Томинтоуле.

— О, не скажите. У нас крутят кино раз в неделю под крытым гумном Нила Макфарлена. Ну, летом, конечно, потому что зимой можно окоченеть на наших скамейках... А она ни с кем не помолвлена?

— Насколько я знаю, нет. Она вполне порядочная девушка. Конечно, то, что она пост в ночном заведении, это не очень... Но ведь на жизнь как-то надо зарабатывать. Не повезло ей. У нее родители погибли в автокатастрофе, и она в двенадцать лет осталась сиротой.

— К счастью, у нее были вы.

— В каком смысле?

— Ведь вы же ее дядя?

— О, конечно... Не знаю, что стало бы с бедной крошкой без меня. Ведь я вел такую жизнь, какая не очень-то подходила для воспитания девушки... Вы меня понимаете? Я ее поместил в пансион в Йорке... Когда она закончила учебу, то попыталась зарабатывать на жизнь... Еле сводила

концы с концами, я ей помогал, само собой... И вот однажды, просто от скуки, она приняла участие в конкурсе самодеятельности, и тут ее заметили... О, вовсе не потому, что у нее был какой-то особенный голос, нет, просто приятный, и тут же ее стали приглашать... Сейчас она уже много месяцев поет в «Гавайских пальмах», и, похоже, ее успех не идет на убыль.

Вот уже три месяца, как Дункэн и Девит, понимая, что за ними пристально следят, сидели присмирив. Тот, кто руководил всеми передвижениями наркотиков в квартале Сохо, приказал им не рыпаться. И оба подонка приходили в ярость от того, какие деньги уплывали у них из-под носа. Эта бездеятельность, в которой они закипали, и подтолкнула согласиться на пустяковую операцию, предложенную им Сэмом Блюмом. Развалившись в кресле, Девит после звонка Сэма произнес:

— Пять тысяч фунтов! Ведь это целая куча хорошеньких бумажек, Джек. А вы как считаете?

— Я считаю, что они мне пригодятся, потому что иметь источником только «Гавайские пальмы»...

— Вот-вот. А с какого боку мы к ним подберемся, Джек?

— Для начала как можно меньше участников, Питер. Одному только Сэму придется давать двадцать пять процентов...

— С него хватит и десяти, если вы меня уполномочите серьезно побеседовать с ним, чтобы был посговорчивей:

— Я уполномочу вас, Питер. Итак, десять процентов Сэму... Затем, я подумал о Блэки и Торнтоне... Они умелые в таких операциях... По десять процентов каждому. Но, судя по тому, что нам рассказал Сэм, было бы не вредно к ним подключить и Тони.

— Это еще десять процентов?

— Разумеется.

— Как любому слабаку, Сэму мерещатся всюду великаны!

— Подождем. Убедимся собственными глазами. Передайте Блэки, Торнтону и Тони, чтобы они не теряли с нами контакта в течение вечера. Парень должен притащиться сюда, чтобы похлопать Патриции. Она сразила его наповал.

— Я знаю, что вы не любите это слышать, Джек, но если и вправду Патриция так его разобрала, то ей ничего не стоит...

— Нет!

— Ну ладно...

— И еще, Девит, позвоните-ка в эту дыру Томинтоул.

— Как вы сказали?

— Томинтоул, в графстве Банф, в Шотландии. Позвоните в почтовое отделение и спросите, знают ли они такого типа Малькольма Макнамару... Попробуйте сделать так, чтобы они вам его описали. Предосторожность никогда не мешает.

Растянув губы до ушей, Сэм Блюм грузно восседал за конторкой и слушал, как его клиент остервенело дует в вольнку, возглашая миру свою радость. Сэм даже расчувствовался. Ведь, пожалуй, грешно обчистить такого, можно сказать, младенца... но пусть это послужит ему уроком. В конце концов, Сэм и его друзья просто окажут услугу английским банкам, преподав урок этим дремучим жителям Томинтоула, как не надо с собой таскать деньги. Сэм попытался представить, как поведет себя шотландец в «Гавайских пальмах», и решил, что тот обязательно отколет какой-нибудь номер.

Питер Девит, незадолго до выхода Патриции, зашел к Дункэну, чтобы доложить о том, что он узнал, правда не без труда, от работницы почты в Томинтоуле.

— Она, наверное, чай пила, потому что уж больно была недовольна. Но слегка смягчилась, когда узнала, что я звоню ей из Лондона. Это ей ужасно польстило. Ну, а уж когда я у нее спросил, не знает ли она такого Малькольма Макнамару, тут она растаяла. Она к нему неровно дышит, это точно. И самый лучший, и самый красивый, самый вежливый из всех скотоводов графства Банф; если ей верить, то и самый уважаемый жителями, потому что он к тому же какая-то там шишка в профсоюзе.

— А она его описала?

— Она мне его живописала! Мне даже показалось, что она мне описывает самого Господа Бога! И рост, и цвет волос, и цвет глаз, и рот, и мускулы, даже походку, да все, все, куда уж дальше! И это здорово совпало с описанием Патриции.

— Тогда нам его сам Бог послал!

Питер прыснул:

— Вы что-то приписываете странные намерения Богу, Джек!

Хотя Том и был предупрежден, но он разинул рот от удивления, когда Макнамара обратился к нему:

— Скажите-ка, старина, что, мисс Поттер еще не начала петь?

Том решил, что нужно немедленно вызывать Тони, по-

тому что Блэки и Торнтон при всем их опыте в подобных делах никогда не справятся с этим верзилой.

— Она с минуты на минуту появится на сцене, сэр.

— Прекрасно.

— Простите, сэр, что у вас в этом чехле?

— Успокойтесь, старина, это не пулемет, а моя вольтка.

Малькольм и Патриция появились одновременно перед публикой «Гавайских пальм», только она на сцене, а он в зале, но оба сразу привлекли внимание.

Мисс Поттер, не желая портить свой выход, тут же нашла и, входя в роль, воскликнула:

— Добро пожаловать, мистер Малькольм Макнамара, гордость графства Банф!

И сразу весь зал обернулся, чтобы увидеть симпатичного гиганта, одетого в курточку нейтрального цвета и в парадную шотландскую юбочку. Раздались аплодисменты. Смущенный Макнамара улыбался всем по очереди, а Девит, который из кабинета Дункэна наблюдал за этой сценой, подбежал к нему и усадил в глубине зала.

— Надеюсь, здесь будет удобно. И если мисс Поттер очарует вас своими песнями, мы вам предоставим исключительное право пойти поблагодарить ее в артистическую уборную. Что вы желаете выпить?

— Виски.

— Дубль?

— Нет, бутылку.

Девит содрогнулся. Несоразмерность, огромность этого парня, так же как и его непосредственность, просто потрясали. Девит заметил, что шотландец кладет какой-то предмет в чехле под стол.

— Может быть, вам лучше это оставить в гардеробной?

— Я еще сроду не разлучался со своей вольткой!

Предоставив вечеру идти своим чередом, Питер поднялся к Джеку и доложил, что с парнем все в ажуре.

— Сказать мужикам, чтобы подгребали?

— Нет.

— Что с вами стряслось? Пять тысяч фунтов вас уже не интересуют?

— Не несите чепухи, Питер! Просто Том мне просигнализировал, что в округе шляются инспектора Блисс и Мартин. Увы, сейчас не время.

— И что? Пусть уплывает со своими «бабками»?

— Ничего, подождем, когда вернется.

— А с чего вы взяли, что он вернется?

— Патриция.

Блисс и Мартин нарушили приказ суперинтенданта: они посчитали, что месть за убийство Полларда — это их личный долг, и поэтому продолжали наблюдение за «Шик-модерном» и «Гавайскими пальмами». Когда им доложили, что в поле зрения появился некий шотландец, они сразу почувствовали, что дело нечисто. Уж очень необычная личность. Может быть, какой-то маневр затеял Дункэн? Привлечь внимание к этому замаскировавшемуся типу было бы, наверное, отличной комбинацией в стиле этого дошлого Джека. К тому же полицейским было известно, что в Лондон на грузовом судне прибыла большая партия героина. Самый тщательный досмотр ничего не дал. Предоставив своим коллегам в порту возможность психовать от бесполезных поисков, Блисс и Мартин считали, что рано или поздно путь наркотиков пройдет через «Гавайские пальмы». После того как их официально отстранили от следствия, они «залегли» на подступах к этой ночной шараге. Увидев, как туда входит шотландец, решили, что, пожалуй, их версия и не такая уж дурацкая. Этот громила вполне мог играть роль связного между судном и Дункэном. Они задумали задержать его под любым предлогом, как только он выйдет из кабаре. Он окажется в их руках и, хочешь не хочешь, должен будет как-то объясниться.

Патриция в тот вечер была в блестящей форме, возможно, и благодаря своему шотландскому поклоннику. Во всяком случае, ее наградили щедрыми аплодисментами. Триумфом стала старинная ирландская песня «Храбрая девушка», и Малькольм, просто не зная, как выразить свой восторг, схватился за волюнку. Под удивленными и одобрительными взглядами публики он стал исполнять мелодию «Сотня деревенских дудочек», маршируя по залу, как это принято на парадах. На последней ноте он подошел к сцене, не долго думая схватил Патрицию и взгромоздил к себе на плечо. И так, держа ее, он снова двинулся в обход по залу.

Наблюдая из окошка кабинета, которое выходило в зал, Дункэн и Девит не упустили ни одной подробности этого спектакля. Но если Питер ржал до слез, то Джек сидел чернее тучи. Патриция была его собственностью, и он терпеть не мог, когда кто-то к ней прикасался.

Шотландец наконец решился отнести мисс Поттер обратно на сцену и, взяв ее за руку, громогласно заявил:

— Вот так у нас, в Томинтоуле, мы показываем всем, что эта девушка нам нравится!

Это был обвал. Мистер Макнамара стал аттракционом

номер один всего вечера. А старая калоша Том, швейцар, и Герберт, бармен, держались за животики. Но самое смешное было в том, что шотландец казался искренним. Продолжая держать Патрицию за руку, он громко спросил у нее:

— Мисс, до чего ж вы хороши! Вот бы мне такую жену в Томинтоуле! Вы за меня замуж пойдете?

Оглушительный вопль зала ответил эхом на это удивительное предложение. Одна Патриция не смеялась. Она вдруг вырвала свою руку из рук шотландца и умчалась за кулисы. На мгновение растерявшись, Малькольм бросился следом за ней. По пути он слегка зацепил двух-трех человек и без стука — ему было не до этого — влетел в уборную мисс Поттер. А она, уронив голову на руки, рыдала горькими слезами. Он плотно закрыл за собой дверь и осторожно подошел к молодой женщине:

— Мисс, я совсем не хотел огорчить вас, поверьте!

Она подняла мокрое от слез лицо и попыталась ему улыбнуться.

— Я знаю.

— Вы мне правда очень нравитесь.

— Я тоже не могу сказать, что вы мне не нравитесь.

— Меня зовут Малькольм.

— А меня Патриция.

Немного ободренный, он сел верхом на стул.

— Я уверен, что, если бы вы видели Томинтоул, вам бы там понравилось.

— Я тоже в этом уверена.

— Тогда почему вы туда не поедете?

— Это невозможно.

— Вы так любите Лондон?

— О нет!

— Тогда вас держит ваше занятие?

— Меня от него тошнит.

— Но ваш дядюшка мне сказал...

— Послушайте, Малькольм, вы самый замечательный парень, какого я встречала в жизни... Сэм Блюм мне не дядя... Он вам наврал, он все врет, будьте осторожны, Малькольм, я не хочу, чтобы с вами что-нибудь случилось!

— Да что со мной может случиться?

— Ну да, а что с ним действительно может случиться?

Они обернулись. Улыбающийся Питер Девиот стоял на пороге. Патриция быстро нашлась:

— Он такой беззащитный...

— ...что разыграли ваши материнские чувства? Это так естественно, но я не думаю, чтобы Джеку понравилось это движение вашей души, Патриция.

— Вы ему доложите?

— Я должен был бы это сделать... Но Джек, по-моему, переигрывает роль деспота... Я уже давно подумываю заключить союз между вами и мной...

— ...который бы исключил...

— Разумеется.

— Над этим стоит подумать.

— Я и говорю. Но все-таки не тяните слишком долго...

Мистер Макнамара, мне кажется, нужно дать возможность мисс Поттер прийти немножко в себя перед следующим выходом.

— Вы хотите сказать, что я должен уйти?

— Так точно.

— Согласен.

Девит поклонился:

— Вы, право, очень понятливы, мистер Макнамара. Будьте любезны...

Питер открыл дверь, чтобы выпустить шотландца. Патриция показала, что она больше никогда не увидит этого великана, и у нее дрогнул голос:

— Прощайте, Малькольм, и... удачи!

Удивленный, Малькольм оглянулся:

— Прощайте? И не думайте, мы еще увидимся, крошка!..

Глава третья

Вернувшись в зал «Гавайских пальм», в атмосферу симпатии и веселья, Малькольм произвел впечатление очень озабоченного человека. Он направился прямо к бару. Герберт встретил его со всем радушием.

— О, сэр, вы нам дали возможность повеселиться от души, и, что бы ни говорили, у нас в Сохо хоть и много развлечений, но так смеяться, как вы заставили меня, я уже и не упомяну такого... Благодарю вас, сэр, и, если вы не сочтете это бестактным, я бы хотел предложить вам стаканчик.

— Охотно принимаю ваше предложение, старина. У нас в Томинтоуле есть такая поговорка: достойный мужчина всегда стоит такого же, как он.

— Вам повезло, сэр, что вы живете в Томинтоуле.

Шотландец немного подался вперед:

— Послушайте, старина, объясните мне, пожалуйста... Создается впечатление, что вы все хотели бы жить где угодно, но только не здесь, но у вас просто не хватает мужества изменить свою жизнь. Почему?

Бармен пожал плечами:

— Я не знаю, сэр. Может быть, оттого, что мы очень испорчены. Не могу вам объяснить... Вот скажешь себе: все, начинаю новую жизнь, а как только зажгутся рекламные огни Сохо, все кругом блистает и горит, ты снова влипаешь... Мелкие мы людишки, сэр, вот мы кто, если вдуматься. Никогда и никому я не говорил, сэр, ничего подобного. Видно, вы очень симпатичный человек, раз я пустился в откровения. Чудно это, но вы вызываете желание поделиться с вами всем, даже тем, в чем самому себе не признаешься... Пожалуй, я бы выпил еще стаканчик, сэр, с вашего позволения.

— Но уже за мой счет, старина!

Они выпили, и Макнамара вдруг заявил, что называется, в лоб:

— Тот парень, которого я сейчас встретил...

— Мистер Девит?

— Ну да, не нравится он мне.

— Что?

— Ну совсем не нравится. Он какой-то с двойным дном. Так бы и врезал ему по роже.

— А вот этого я бы вам не советовал делать, сэр! Когда мистер Девит обозлен, он... очень опасный... Вы понимаете, что я хочу сказать, сэр?

— Еще чего! Я тоже очень опасный, если дойдет дело... даже очень опасный. Он кто? Хозяин этой шараги?

— Мистер Девит? Да нет, он всего-навсего управляющий. «Гавайские пальмы» принадлежат мистеру Дункэну. — Герберт перешел на шепот. — И если вас интересует мое мнение, сэр, то Девит по сравнению с Дункэном жалкий ягненок!

Патриция снова появилась на эстраде, и разговор бармена с шотландцем прервался. В зале потушили свет, и в лучах одного прожектора молодая женщина стала петь грустно-нежные песни. Вокруг царил взволнованная тишина, тем более что крепкие напитки обладали особым свойством пробуждать во всех англосаксонских сердцах необыкновенную сентиментальность. Когда Патриция перестала бубнить знаменитую тоскливо-занудную песню «Земля моих отцов» — национальный гимн Уэльса, зал ей устроил на-

стоящую овацию. Что же до Малькольма, то он просто рыдал, чем очень удивил бармена.

— Вы чем-то встревожены, сэр?

— Старина! Эта девушка будет для меня единственной женщиной в мире, и это так же верно, как то, что меня зовут Малькольм Макнамара!

— Она вас проняла до печенок, я правильно понял?

— Проняла? Гораздо серьезнее, старина... Если я ее не отвезу в Томинтоул, мне будет казаться, что меня перестали уважать! Мы там поженимся, и Брюс Фарлэн благословит нас... Потом мы закатим пир дня на три! Я приглашаю вас, старина! Я лично приготовлю наше коронное блюдо хаггис — это пудинг такой из требухи и мяса, посмотрим, что вы мне скажете на это.

Герберт замаялся. Потом прошептал:

— Сэр... я вам уже говорил, насколько вы мне симпатичны... Мне бы не хотелось, чтобы у вас были неприятности...

— Неприятности? А с чего у меня должны быть неприятности?

— Это не моего ума дело... но мисс Поттер, сэр, она вроде бы... не так уж свободна, как вам кажется...

— А что ей мешает быть свободной?

Одним духом бармен выпалил, правда шепотом:

— Хозяин... Дункэн... Они не женаты, но вроде бы и женаты...

— Так. Раз она не замужем, ведь я имею право попытаться судьбу?

— Я вас предупредил, сэр.

Герберт отвернулся к своим бутылкам, а шотландец продолжал пить, пока к нему не подошел Питер.

— Мистер Дункэн слышал, как вы играли на волынке, и хочет лично поблагодарить вас за ваш вклад в успех этого вечера.

— Гм... а мне хочется повидать певицу... она мне жутко понравилась...

Бармен грустно покачал головой. Этот бедолага шотландец нарывается на неприятности... Девиit улыбнулся:

— Я думаю, что вы еще сможете пожелать ей спокойной ночи.

— Тогда вперед, старина, я иду за вами!

Дункэн встретил шотландца по всем правилам вежливости. Он сказал, что высоко оценил его бурные порывы и умение растопить зал. Расплывшись в улыбке, он добавил:

— Своим успехом в этот вечер мисс Поттер в большой степени обязана вам.

— Скажите, вы хорошо знаете мисс Поттер?

— Я думаю, что да.

— Как по-вашему, она поедет со мной в Томинтоул?

Несмотря на умение держать себя в руках, Дункэна все-таки передернуло. Ну а Питер чуть не поперхнулся виски.

— Боюсь, что я не совсем понял суть вашего вопроса, мистер Макнамара.

— Я хотел бы жениться на мисс Поттер и увезти ее с собой в Томинтоул.

Только пять тысяч фунтов удержали Джека от желания вышвырнуть этого чокнутого за дверь.

— Мне трудно отвстить, наверное, это ей нужно задать ваш вопрос. Кстати, она как раз просила меня передать, что будет счастлива вас увидеть.

— Я так и думал!

— Серьезно?

— Она отлично поняла, что я был искренним и что из меня получится хороший муж!

— Все может быть... Вы очень уверены в себе, не так ли?

— Да, достаточно уверен...

— До такой степени, что готовы натворить глупостей и быть опрометчивым?

— Опрометчивым?

— Вы, кажется, вообразили, что способны дать отпор всему Лондону?

— Старина, вот что я вам скажу: у нас в Томинтоуле есть дрянные мальчишки, которые любят затевать драки... Так вот, ими занимаюсь я. И они всегда уезжают из Томинтоула на «скорой помощи».

Дункэна прохватил нервный тик от столь фамильярного с ним обращения. И все-таки он не смог сдержать улыбки от этойкой самонадеянности.

— Разрешите вам дать один совет, мистер Макнамара?.. Поостерегитесь... У меня предчувствие, что наши проходимцы опаснее ваших в Томинтоуле... Если вам предстоит возвращаться поздно, как, например, сегодня, берите лучше такси.

— Такси? Да что я, болен, что ли?

— Только в том случае, если вы не носите с собой ничего такого, что могло бы соблазнить какую-нибудь мразь.

Шотландец удовлетворенно хмыкнул и похлопал себя по груди:

— Вот тут у меня пять тысяч фунтов, старина, кто хочет их ухватить, должен поторопиться!

— Я продолжаю настаивать, мистер Макнамара: это очень опрометчиво!

— Да не волнуйтесь за меня, старина, скажите-ка лучше, где я могу повидать мисс Поттер?

Питер Девит, наблюдавший за реакцией шефа, увидел, как побелели его пальцы, сжимающие стакан.

— Будьте любезны, Девит, передайте мисс Поттер, что поклонник жаждет ее увидеть перед тем, как нас покинуть.

Питер пошел за Патрицией. Он был доволен, что Дункэн опять обозлился. Девит нашел молодую женщину в артистической уборной. Она казалась грустной, а вспухшие глаза говорили о том, что она долго проплакала.

— Взгрустнулось, Пат?

— Тошно мне, от самой себя.

— Все мы приходим к одному выводу, если позволяем себе такую роскошь, как задуматься. Так-то. А не лучше ли принимать происходящее таким, какое оно есть, и говорить себе, что вчера уже позади, испарилось?.. Это вас шотландец так разбередил?

— Я уже забыла, что бывают такие ребята, как он...

— Лучше, Пат, помните, что у вас есть такие ребята, как я.

Питер склонился над девушкой и прошептал:

— Я думаю, вы знаете, Пат, что можете рассчитывать на меня всегда и во всем...

Мисс Поттер резко встала и, глядя прямо в глаза Девиту, сказала:

— Вы мне отвратительны, так же как и Дункэн... Вы оба гнусь, что один, что второй! Вы уголовники!

— Дорогая моя, позвольте напомнить, что вы прекрасно пользуетесь тем, что называете уголовными преступлениями.

— Да вы заставляете меня пользоваться! Вы прекрасно знаете, что Джек меня не отпустит, он скорее... да что там....

— Если вы действительно хотите оторваться...

— Пусть я жалкая трусиха, но Дункэн вселяет в меня ужас. Он не остановится перед тем, чтобы изуродовать меня и отомстить за побег... и что тогда со мной будет?

— Ну, Дункэн не бессмертен... От вас зависит, убрать ли его по-быстрому с вашей дороги или нет.

— И попасть в ваши руки?

— Совершенно точно.

— Не вижу, что я выиграю от такого обмена!

Дверь бесшумно открылась, и вошел Дункэн, все еще любезный, но натянутый как струна.

— Я вынужден был идти сюда и оставить нашего гостя в одиночестве. Я за вами, Патриция. А вы, Питер, чего дожидались?

— Она... она была не готова.

— Ваше поведение мне не нравится, Девит.

— А ваше мне не нравится еще больше, Дункэн.

— Напрасно вы со мной разговариваете в таком тоне. С меня хватит и того, что один болван, сидящий в моем кабинете, уже предостаточно взвинтил мне нервы.

— Известно ли вам, что ревность относится к глупейшим недостаткам?

Пощечина, которую влепил Джек своему помощнику, зазвенела в тишине уборной. Питер сунул руку в пиджак, но Дункэн уже держал пистолет.

— Если бы я был на вашем месте, Девит, я бы не трепыхался.

Они посмотрели друг на друга ненавидящим взглядом.

— Вы напрасно так, Дункэн...

Он вышел, не сказав больше ни слова. Джек обратился к Патриции:

— Какой заговор вы тут плетете оба?

— Ничего особенного.

— Зарубите себе на носу, Патриция, что еще никому не удалось оставить меня в дураках. И не вам затевать подобное. А если вы воображаете, что Девит способен отнять вас у меня, то ошибаетесь.

— Да я вас обоих презираю!

— Если бы сейчас не сидел в моем кабинете этот шотландец с его пятью тысячами и не ждал вас, я бы вас заставил ползать на коленях и просить прощения. А сейчас — быстро пошли!

— Нет.

— Напрасно вы меня злите, Патриция.

— Вы не дождетесь, чтобы я помогла вам грабить этого парня.

— Вы сделаете так, как я прикажу.

— Нет.

Дункэн злобно усмехнулся:

— Вы, наверное, забыли, ведь у нас всегда дело кончается тем, что вы мне повинуетесь?

— Ну и что? Будем считать, что мне это надоело!

— Вы мне заплатите, Патриция, и дорого заплатите!

— Плевать я хотела!

— Кто вам мозги набекрень сдвинул? Девит?

— Возможно.

— Этот тип стал мне действовать на нервы.

— Он говорит то же самое о вас!

— Правда? Ну что же, я постараюсь больше сму на нервы не действовать. Можете на меня рассчитывать!

— Питер не из пай-мальчиков!

— Я тоже. Но речь не об этом. В данный момент мне нужны пять тысяч фунтов, которые таскает с собой этот идиот из Томинтоула.

— Ну и попробуйте их у него забрать!

— Этим займутся другие, начиная с вас.

— И не рассчитывайте!

— А вот посмотрим...

Дункэн вернулся в кабинет с печальной миной:

— Мисс Поттер весьма сожалеет, мистер Макнамара, она чувствует себя слишком усталой и не может присоединиться к нам. Она просит извинить ее...

Шотландец громко вздохнул:

— Передайте ей, я буду плохо спать, зная, что ей неможется. Я ее так люблю, эту крошку... Ладно, что поделаешь! Но я вернусь. Спокойной ночи, джентльмены.

— Минутку, мистер Макнамара! Я еще не завершил своей миссии. Мисс Поттер просила передать, что она с удовольствием поужинает вместе с вами завтра, если, конечно, это вас устраивает.

— То есть как? Но ведь ужин... а как же ее выступление?

— Завтра мы не работаем.

— О, тогда это прекрасно!

— Мисс Поттер еще сказала, что хотела бы встретиться с вами в «Старом капитане» в восемь — восемь тридцать.

— «Старый капитан», а где находится эта шарага?

— В очень живописном квартале, Биллингзгейт, там, где рыбный базар.

— Я бы не сказал, что обожаю рыбу, но ради мисс Поттер готов заглотнуть все что угодно.

Телефонный звонок прервал разговор. Это Том, швейцар, спрашивал, можно ли запереть и гасить огни у входной двери. Заодно он сообщил, что засек инспекторов Блисса и Мартина, которые вроде бы поджидают кого-то. Поколебавшись минуту, Дункэн приказал Тому закрывать. Шотландский джентльмен пусть выйдет через заднюю

дверь, через которую обычно поставщики завозят продукты. Положив трубку, Джек обратился к Макнамаре:

— Том предупредил меня, что рядом бродят подозрительные типы... Учитывая, какую сумму вы носите с собой, может быть, вам следует задержаться?

Шотландец расхохотался:

— По-моему, я способен защититься!

— Как угодно... Я надеюсь, что мы еще получим удовольствие от встречи с вами!

— Наверняка, старина!

Когда он открывал дверь, крепко держа одной рукой свою волюнку, Том предупредил:

— Будьте осторожны, сэр.

— Не берите в голову, старина!

Однако перед тем, как выйти на улицу, человек из Томинтоула все-таки проявил осторожность. На какой-то момент укрывшись в тени открывшейся двери, он чуть-чуть высунулся, чтобы поглядеть, свободен ли путь. Тем временем Блисс и Мартин поняли маневр шотландца и, учитывая такой поздний его выход, были убеждены, что он, должно быть, выносит что-то весьма ценное. И вот, когда Макнамара оказался в пределах их досягаемости, они разом набросились на него. Дункэн и Деви́т наблюдали за ним через ставни окна кабинета, да и Том имел возможность не упустить ни одной подробности разыгравшейся сцены. Блисс так и не понял, что с ним случилось и как он очнулся после того, как врезался в угол какого-то дома. Что до Мартина, то он, получив чудовищный удар под лопатку, бухнулся на мостовую и с трудом пытался продохнуть. Хохот Макнамары взвился в воздух лондонской ночи. Спрятавшись за ставнями, Дункэн и Деви́т смотрели друг на друга с одинаковым изумлением. Том едва сдержал восторженный вопль болельщика. А наш шотландец, желая возвестить о своей победе над столичной вшивотой, взялся за волюнку и заиграл колыбельную «Спите сном спокойным...», направляясь в сторону «Шик-модерна». Это он сделал зря, потому что Блисс, придя в себя, схватился за свисток и издал пронзительный и длинный свист. Полисмены, патрулирующие неподалеку, примчались и достигли человека, которого им показали инспектора. Это было вовсе нетрудно, тем более что Малькольм со спокойной совестью никуда не торопился. Когда бобби окружили его, он вполне миролюбиво поприветствовал их и не оказал никакого сопротивления.

В Ярде инспектора, несмотря на откровенное желание

взять реванш, были вынуждены констатировать полную невиновность своего победителя. Перед тем как наброситься на шотландца и тем более арестовать его, они обязаны были предъявить свои полномочия, а посему признали, что герой из Томинтоула имел все основания обороняться. Когда у него спросили, почему он так долго проторчал в «Гавайских пальмах», он рассказал о своей внезапно вспыхнувшей страсти к Патриции Поттер и тут же начал с восторгом описывать ее прелести. Bliss остудил его пыл:

— Послушайте меня, мистер Макнамара, вы, безусловно, отличный парень, но примите мой совет: покупайте машинки для стрижки овец и возвращайтесь на всех парах домой!

— Без Патриции?

— Эта девица не для вас. Начнем с того, что она живет с этим подонком Джеком Дункэном. И потом, мы ее подозреваем в причастности к убийству одного из наших коллег.

— Этого быть не может, старина!

«Старина» поморщился от такого фамильярного обращения.

— Вас не затруднит называть меня инспектором?

— Ни в коем разе, старина!

Bliss бросил возмущенный взгляд на Мартина, который с трудом сдерживал смех. Малькольм же ничего не замечал, весь поглощенный мыслями о Патриции.

— Уж я-то знаю, какая она... Ей не нравится ее жизнь.

— Так что же она ее не изменит?

— Она боится Дункэна.

— Пусть подаст жалобу!

— И вы уверены, старина, что сможете ее защитить?

— А вы?

— Что я?

— Вы не способны сами ее защитить?

— Вот что я вам скажу, старина. Если я всерьез обозлюсь и дойду до точки, то убью этого Дункэна, а заодно и того грязного типа, который отирается около него. Но я не хочу окончить жизнь на виселице и доставить моей матушке горе. Не говоря уже о том, что мне самому это не больно-то нравится...

— Тогда возвращайтесь в Томинтоул.

— Только с Патрицией.

— Ну, что же, по крайней мере, вы не можете сказать, что вас не предупредили.

Сэм Блюм не пожелал отправляться спать, пока не узнает, выгорело ли это дело и получит ли он свои проценты. При виде шотландца он чуть не подпрыгнул, но еще больше его поразила довольная мина на лице постояльца, который весело его поприветствовал:

— Вы еще не легли, мистер Блюм?

— Я... я волновался... вы задержались. Я боялся, как бы вы не заблудились.

— Как раз наоборот, старина, это меня атаквали два типа, и мне пришлось их малость пристукнуть для собственного спокойствия.

— А кто... кто же были... эти люди?

— Инспектора полиции.

— Что-что?

— Но только как я мог предположить, кто они есть, как по-вашему, старина?

— А... а после?

— После, само собой, они позвали других шпиков... да, честно говоря, эти парни не больно-то спортивные, верно? Ну и мы оказались в Ярдс, а там пришлось объясниться... И знаете, что они мне посоветовали?

— Нет.

— Возвращаться в Томинтоул.

— Правда?

— Ну я им объяснил, что не вернусь в Томинтоул без Патриции!

— Моей племянницы?!

— Вы великий шутник, старина, верно? А что до Патриции, то я ее люблю, а остальное не имеет никакого значения...

— Но вы едва знакомы с ней!

— Ну и что?

— А вы сказали о своих планах Патриции?

— Я у нее даже руки попросил на глазах у всего зала в «Гавайских пальмах».

— С какой стати именно там?

— Потому что я там рассказывал и играл «Сотню деревенских дудочек».

— Это, наверное, привело в восторг Дункэна?

— Да, все там меня оценили, кроме Патриции. Она меня лупила по башке.

— По башке? Почему по башке?

— А потому что я ее носил на своем плече. Спокойной ночи, старина... Я не жалею, что уехал из Томинтоула... В Лондоне здорово веселятся.

Затуманенным взглядом Сэм смотрел, как поднимается по лестнице этот странный шотландец, который измордовал инспектора Ярда, играл на волынке в «Гавайских пальмах» и носил Патрицию у себя на плече. Патрицию, с которой Дункэн не спускал глаз!

На следующий день, в восемь часов вечера, Малькольм Макнамара вошел в ресторанчик «Старый капитан», насколько не обратив внимания на трех мужчин, которые не отрывали от него глаз. В самом деле, это были три крепких проходимца — Блэки, Торнтон и Тони, которые внимательно изучали свою жертву и уже жалели о том, что не требовали с Дункэна вознаграждения пожирнее. Пока шотландец выбирал, за какой столик ему сесть, Тони прошептал:

— Тут еще бабушка надвое сказала...

Торнтон был покрепче, он пожал плечами:

— Тьфу! Эти верзилы бывают как кисель!

Блэки был постарше, поэтому пробурчал:

— Не тот случай!

Пока Малькольм ждал Патрицию, он съел три сосиски и выпил полбутылки виски. Такой из ряда вон выходящий клиент заинтересовал хозяина Джима ля Шуэтта, и он решил к нему подойти:

— Вы, с позволения сказать, проголодались, сэр, не так ли?

— Проголодался? Мы об этом поговорим чуть позже, когда начнем ужинать с приглашенной мною дамой.

— Если я правильно понял, после этих сосисок вы хотели бы еще поужинать?

Теперь настала очередь шотландца удивленно взглянуть на него:

— Вы шутите, старина, или как? Да это так, на один зубок положить, чтобы скоротать время... А что у вас есть?

Макнамара заказал столько, что этого хватило бы если не на роту, то уж на четверку хороших едоков точно. И снова принялся за сосиски и, конечно, за виски. В восемь тридцать появилась Патриция, уступив в который раз воле Дункэна. Малькольм бросился ей навстречу, взял за руку и проводил к столу.

— Ну вот, крошка, видеть вас — это настоящий праздник! Я так боялся, что вы не придете...

— Почему же?

— Потому что вы так эlegantны, так изящны, не то что я... верно? Я же не слепой, зачем обманываться, понимаете?.. Но только когда любишь...

Несмотря на подавленное состояние, она не могла не улыбнуться.

— Бедный вы мой друг, ну что вы будете делать со мной в Томиноуле?

— Как что? Вы будете матерью моих детей!

— Скажите честно, Малькольм, вы видите меня там?

— Ну, может быть, не такой, какая вы сейчас... Если вы приедете со мной, то мы от вокзала пойдем пешком... Неподалеку от места, где я живу, есть родник. Я ополосну вам лицо родниковой водой, ну, умою, что ли... И вы станете чистой-чистой. И тогда мы начнем жизнь сначала...

Все посетители разом оглянулись на великана, когда Патриция заплакала навзрыд. Он обнял ее одной рукой и привлек к своему плечу, заверив окружающих:

— Она разволновалась...

Джим ля Шуэтт, все еще полный сомнений, поинтересовался:

— Я вам все-таки подаю ужин?

— А как же!

— Просто я вижу, в каком состоянии дама...

— Вот именно, старина, вот именно. Ей нужно как следует поесть в таком состоянии!

Хозяин на мгновение оторопел, потом в его глазах появился проблеск, и он, понимая улыбнувшись, поклонился мисс Поттер:

— Мадам, разрешите мне поднять бокал в честь вашего будущего малыша!

У Патриции перехватило дыхание, и она покраснела до ушей, Малькольм прыснул, а трое убийц удивленно спрашивали друг друга, что бы все это могло значить.

— А теперь, Патриция, вы, может быть, мне расскажете, что с вами происходит?

— Так... все, что вы мне наговорили, а тут еще этот идиот...

— Да, он, пожалуй, поторопился, здесь я согласен.

Она прикрыла своей рукой его руку:

— Малькольм, не надо меня любить. Я не стою этого.

— А вот об этом судить только мне...

— Если бы вы знали...

— Я ни о чем не спрашиваю...

— Я не уроженка Лондона... Я родилась в Уэльсе. Родители мои были крестьяне, бедные, горемычные крестьяне, и мне пришлось в шестнадцать лет уехать из дома и зарабатывать самой на жизнь. Я занималась на работу одна тяжелее другой, перепробовала целую кучу занятий, а

год назад встретила с Джеком Дункэном... и здесь я пала, ниже некуда... Дункэн просто подонок... а Деви́т — убийца...

— Но если Дункэн вами так дорожит, то почему он разрешил вам встретиться со мной?

Он увидел, как она заколебалась, а потом прошептала:

— Я не могу ... он меня убьет... я не могу...

— А может быть, вы слегка преувеличиваете?

Она едва слышно произнесла:

— Там, самое страшное... был один полицейский, он напал на след Дункэна... и еще одна девушка... Я им сказала... и тогда он меня избил...

Как бы ей хотелось набраться смелости и все ему рассказать, все объяснить, описать свое окружение, жить в котором ее заставляют страх и собственная низость. Ее вдруг охватило жгучее желание очищения перед этим простым человеком, привыкшим к ветрам Шотландии, который умеет жить легко... Да, он прав, таких девушек, как она, он никогда не видел в Томинтоуле, и это к лучшему, ради него же самого. Этот наивный великан легко ловится на женские прелести, но если бы он знал, что скрывается за фасадом... Патриция даже сердилась на Малькольма за то, что из-за него она поняла степень своего падения. Из-за него она вспомнила вкус воздуха, которым когда-то дышала, веселую беготню по холмам и беспечный смех вечерних посиделок. Внезапно она почувствовала себя старой-старой... а тут еще этот чудак, который глядит на нее с восхищением и воображает, конечно, что она к нему тоже неровно дышит. А она здесь только для того, чтобы занять его часов до одиннадцати — одиннадцати тридцати и затем отдать в руки людей Джека. Она была сама себе отвратительна и вместе с тем не находила точки опоры, чтобы набраться смелости и предупредить его. Он уедет тогда в Томинтоул, а она... она останется здесь наедине с теми. При мысли о том, какую судьбу ей уготовят, ее охватывала дрожь.

— О чем вы думаете, Патриция?

Она посмотрела на него так, будто он находился далеко, очень далеко, совсем в другом измерении.

— Ни о чем.

— Вы знаете, вы чертовски хороши, когда думаете ни о чем!

Джим ли Шуэтт, подавая блюда, старался не говорить с мисс Поттер. Глядя на такую гору еды, молодая женщина воскликнула в изумлении:

— Вы ждете много народу?

— Я? Только вас, и больше никого! Я так доволен, что вы здесь ради меня одного!

— Но... куда столько?

— Когда я влюблен, у меня аппетит больше, чем обычно.

В день, когда «Гавайские пальмы» бывали закрыты, Питер Девит занимался своими делами, иначе говоря, изучал возможность, как вытеснить, подсадить Дункэна и самому выйти на контакт с главным поставщиком наркотиков в квартале Сохо. Но он не знал точно, кто это, и пытался разрешить неразрешимое — просечь, кто этот неизвестный, который стоял у него на пути и мешал взять инициативу в свои руки. Под видом обхода розничных торговцев он прощупывал почву, но так получалось, что почти все эти прощелыги выходили только на Дункэна. Уже много раз Питеру приходило в голову, что именно Джек и есть тот самый всемогущий мистер Х... Но тут же находилась уйма доводов, которые начисто опровергали его подозрения. К тому же, если бы Дункэн был действительно боссом, он не находился бы сейчас в затруднительном финансовом положении.

Питер Девит собрался уходить, когда раздался телефонный звонок. Только один Джек знал его адрес. Он поднял трубку:

— Да?

— Питер... Я должен вас видеть немедленно.

— Но...

— Немедленно!

Трубка была брошена еще до того, как Питер собрался что-то возразить. В ярости он швырнул трубку. Он сыт по горло этими замашками Дункэна! Этому надо положить конец. И чем быстрее, тем лучше. Они оба слишком много знали друг о друге, чтобы то, чем они повязаны, разорвалось без столкновения. Этого столкновения Питер жаждал всеми фибрами души, он только ждал подходящего момента, решив, что будет действовать не раньше, чем примет все меры предосторожности против Дункэна.

Патриция поужинала, закурила сигарету и, не без потрясения, любовалась своим спутником, который продолжал мирно поглощать все блюда подряд. Кроме молодой женщины, больше не было никого, кто бы пришел в восторг от подобного аппетита. Три типа от Дункэна как за гипнотизированные следили за ним, разинув рты. А клиенты «Старого капитана» оценивали с видом знатоков тот ре-

дкий аттракцион, который им послала судьба. Патриция была смущена, оказавшись в центре всеобщего внимания.

Блэки шепнул своим друзьям:

— Даже жалко изничтожить такого чемпиона, а вот должны ведь...

Торнтон ослабился:

— Ты становишься сентиментальным?

— Нет, но я спортсмен.

Наконец-то Малькольм с глубоким вздохом остановился. Его спутница не могла удержаться от вопроса:

— Вы каждый день так едите?

— Исключая праздники в Томинтоуле, там я немножко перебираю.

— Какие же нужны доходы, чтобы вас прокормить!

Шотландец добродушно рассмеялся:

— У меня есть все, что мне нужно. Не суетитесь, Патриция, если вы поедете со мной в Томинтоул, у вас не будет недостатка ни в чем.

В нем была такая уверенность в себе, что мисс Поттер снова принялась мечтать, совершенно забыв о мерзостях дня сегодняшнего.

— Расскажите мне о Томинтоуле.

Он немного задумался, а потом, сконфузившись, заявил:

— Чудно как-то... но я не могу.

— Почему?

— А потому что трудно говорить о том, что ты любишь. Вот, к примеру, когда я вернусь к себе и скажу ребятам: я встретил самую красивую девушку Лондона, они мне не поверят, само собой, и спросят меня с издевкой: а уж какая она такая, эта твоя девушка? А я, теперь уж точно знаю, не смогу им ответить... потому что у меня не хватит слов... Вы меня понимаете?

— Не очень.

— Вот, к примеру, если пастор говорит вам о Господе Боге... Он же и не собирается его описывать... Господь Бог живет в нем целиком и полностью, и, если бы у него спросили о Боге, ну, я имею в виду его внешность, он бы тоже не знал, что ответить... Я, например, смогу рассказать ребятам только вот что: ее зовут Патриция, и этим все сказано. Если они заржут, я дам в морду одному-второму, и тогда остальные мне поверят, потому что знают меня и им известно, что я никому зазря в рожу не дам.

На какое-то время он замолк, а потом начал:

— Томинтоул, ну что там? Холмы и скалы... овцы... куча овец... ручьи всегда с ледяной водой... и сильный ветер,

который обтесывает мой край из конца в конец... и радость топтать одному посреди этого ветра... Вот такой Томинтоул... — И смущенно добавил: — Вы думаете, вам там не понравится?

— Не думаю... — Она говорила чистосердечно. — Но это невозможно.

— Вы боитесь, да?

— Да.

— Дункэна?

— Да.

— И напрасно, потому что я рядом.

— Бедный мой Малькольм...

Как только Девит вошел в кабинет Дункэна, его провало:

— Вы что, не можете меня оставить в покое хотя бы один вечер в неделю?

— Звонил шеф.

— Ну и что? Я презираю типов, которые прячутся!

Джек посмотрел долгим взглядом на своего помощника:

— Питер, я не знаю, что вас разбирает в последнее время, но вы идете по опасному пути... Кстати, я полагаю, вы не устали еще жить?

— С чего это вы мне задаете такие вопросы?

— Потому что если бы шеф узнал о вашем состоянии духа, то он недорого дал бы за вашу шкуру.

— А может быть, уже заодно, именно вы меня и убережете?

— Почему бы нет?

Девит ухмыльнулся:

— А вам не кажется, что я способен себя защитить?

— Нет... Девит, вы убийца, самый обыкновенный убийца, и никто больше. И переварите это своими хилыми мозгами! Самые тупые люди — это убийцы... Итак, подчиняйтесь и заткнитесь, на большее вы не способны.

Питер, сжавшись в пружину, рывкнул:

— Сука!

Хладнокровно Дункэн вмазал ему тыльной частью руки по губам.

— Чтобы вы научились уважать вышестоящих, Девит.

— Клянусь, я...

— Хватит! Инцидент исчерпан, но напоминаю вам, что это уже второй за двадцать четыре часа. Третьего не будет. А теперь извольте слушать: звонил шеф. Десять кило чистого героина лежат в порту и ждут, когда их заберут.

— Десять кило!

— Поступление, какого не было уже давно. Можно получить красивый навар, даже если поделиться... но только это опасный номер. Тот, кого застукают с таким количеством наркотиков, может распрощаться со свободой до конца своих дней...

— Надо думать.

— Шеф велит поторопиться.

— Вот пусть сам и идет.

— Вы опять за свое, Деви! Кстати, то, что вы говорите, — чушь собачья, ведь если он сам возьмется за дело, нам ничего не достанется.

— Согласен. Но на меня не рассчитывайте.

— Я знаю. Ведь мы под колпаком у шпиков... А вот если мы найдем такого лопуха, который бы взялся оказать нам эту услугу, то вы могли бы взять на себя его охрану и... заодно и надзор?

— Само собой.

— Ведь жалко же будет, если нашему лопуху придет в голову все себе прикарманить. Увы, по всему Объединенному Королевству развелось полно проходимцев, не уважающих правила игры и готовых закупить товар, не интересуясь, чей он.

Деви согласился:

— Полное отсутствие морали.

Патриция совершенно не замечала, как бежит время. Нескладные речи шотландца напомнили ей ее первых вздыхателей в родной уэльской деревне: такое же смущение, неуклюжесть и искренность и та же наивность при полном непонимании мира. Но ведь и она сама тогда не знала этой жизни и ее жестких законов. Сегодня все было совсем иначе. Сквозь голос Малькольма ей слышались голоса то Дэфида, то Энгерина, то Гвилима, то Овейна...

И пока Макнамара разливался соловьем о прелестях Томинтоула, молодая женщина с глазами, полными слез, снова видела свою родину с ее зимами и веснами, которые, казалось, никогда не кончатся. И только когда Патриция подняла голову, чтобы улыбнуться своему спутнику, она заметила людей Дункэна. Лицо Торнтонна напомнило ей кого-то из окружения Джека. А по выражению лиц двух других она поняла, что это как раз те типы, которым было поручено выпотрошить шотландца. И тут в ней все взбунтовалось. Она не желала смириться с тем, что в ответ на нежность, пусть и нескладно выраженную этим большим ребенком, она должна сдать его в руки убийц. Но с какого боку взяться, чтобы не вызвать подозрения у тех, кто не

преминет доложить обо всем Джеску? Она безуспешно искала выход. А тем временем Джим ля Шуэтт объявил присутствующим:

— Господа, мы закрываемся...

Все клиенты вышли беспрекословно. Троица отправилась в засаду на Клементс-лейн, куда мисс Поттер должна была препроводить шотландца под предлогом небольшой прогулки после ужина. Патриция тянула время как могла, но в конце концов настал момент, когда нужно было освободить помещение. Как приговоренный к казни, она пыталась «надышаться перед смертью», и вдруг стала нахваливать Джиму прелести его кухни, а старый Джим, не очень-то привыкший к любезностям завсегдатаев рыбного базара, смущенно потупился, как девица, которую расхваливают за добродетель. Он не захотел остаться неблагодарным, пожелав большого счастья такой симпатичной паре, и, подмигнув, с видом знатока, который не попадет пальцем в небо, обратился к мисс Поттер:

— Мадам, вы можете быть спокойны за своего мужа... Я редко встречал людей такого отменного класса, да еще с таким аппетитом! И судя по тому, как он любит вас, каждому ясно, что такого влюбленного не просто найти! С вашего позволения, мадам, скажу, что вам обоим чертовски повезло, и я желаю вашему малышу, чтобы он был таким же красавцем, как его папа и мама... — Ну, и поскольку Джим был не дурак пошутить, он добавил:

— ...Но все-таки, чтобы он был не так прожорлив, как его папа, ведь во всем Объединенном Королевстве не сыщешь семьи, которая бы могла каждый день прокормить двух таких сдоков!

И он захохотал, Малькольм за ним, а бедная Патриция, с комом в горле, не могла простить хозяину «Старого капитана», что он расписывал тот мир, который был для нее закрыт.

Стоя на пороге, шотландец взял под руку свою спутницу и прошептал:

— Вы видите, дорогая, что должны поехать в Томинтоул?

Вместо ответа молодая женщина уткнулась лицом в его руку (его плечо было слишком высоко для нее) и всплакнула, чтобы хоть как-то разрядиться. Он подождал, пока она поплачет, а потом нежно спросил:

— Вы плачете просто так? }

— Будем считать, что я плачу от нашей скорой разлуки... Вы отправитесь в Томинтоул... А я вернусь туда, где

все ненавижу... После встречи с вами я буду еще более несчастной, чем раньше...

— Так поехали со мной.

— Это невозможно, Малькольм... Я не хочу, чтобы с вами стряслось несчастье...

— Вы и вправду думаете так, как мне сказали?

— Клянусь вам!

Он обнял ее еще крепче и успокоил:

— Так зачем себе морочить голову? Мы еще увидимся, крошка...

Теперь Патриция решила: пусть Дункэн подвергнет ее любым пыткам, но она ни за что не поведет своего спутника на Клементс-лейн. В конце концов, пусть Дункэн лучше ее убьет, чем влачить ту жизнь, которая ей предстояла... Но как раз тогда, когда она хотела предложить поймав такси, шотландец спросил:

— Если вы не очень устали, дорогая, давайте немножко пройдемся... Все-таки Лондон, ночь, в этом что-то есть, правда?

И не дождавшись ответа, он повлек ее за собой. Патриция покорилась. Она была фаталисткой, и у нее больше не осталось сил сопротивляться. И когда Малькольм свернул на Клементс-лейн, она усмотрела в этом перст судьбы, которой уже не вольна была противиться. Не в силах произнести больше ни слова, она шла вперед в состоянии почти полного оупления. И все-таки каждая клеточка в ней была настороже, она больше почувствовала, чем увидела, три тени у входа в подъезд какого-то здания. Она встала как вкопанная. Удивленный Малькольм спросил, что с ней.

— А что вы такое носите за собой в этом чехле, Малькольм?

— Свою волынку.

— На которой вы играете в Томинтоуле в честь той, которую любите?

— Совершенно верно.

И тут мисс Поттер озарила мысль, которая развеселила ее вопреки всем страхам.

— Ну тогда вы не вполне искренни со мной, раз до сих пор не устроили концерт в мою честь!

— Кроме шуток, вы бы хотели?

— Прощу вас.

Не мешкая, Макнамара вынул свою волынку и завел мелодию «На далеких островах Америки». В лондонской ночи эти гнусавые звуки отозвались долгим эхом, и молодая женщина улыбнулась, представив себе рожи убийц, ко-

торых этот концерт должен был повергнуть в полный ужас. И вот уже вскоре пооткрывались окна, полетели проклятия, посыпалась брань, но шотландцу было хоть бы что, и он задудел во всю мощь. После «На далеких островах Америки» он завел «Не бойся, это всего лишь маленькое озеро», что вызвало целый взрыв воплей у жителей квартала. Людишки Дункэна не посмели наброситься на эту парочку на глазах у толпы свидетелей, а как раз это и было нужно Патриции. Полицейская машина прибыла именно в тот момент, когда Малькольм заканчивал свой концерт торжественной мелодией «Герои нашей армии».

Услышав из уст Торнтон обо всем, что произошло на Клементс-лейн, Дункэн впал в неистовую ярость. Девит же, хоть и скис от уплывшего навару, все-таки получал удовольствие, видя, как бесится его шеф. Торнтон, считая, что правда на его стороне, пытался защищаться:

— Нет уж, шеф, это, куда ни крути, не наша вина! Мы выполняли все ваши указания в точности! Мы дождались, когда Джим ля Шуэтт объявил о закрытии, смотались, оставили там мисс Поттер и этого здорового увальня... хотя, если уж начистоту, нам было не по себе, что мы должны убрать этого типа...

— Ну-ну!

— Чистая правда, шеф... этот парень в порядке, симпатяга... Вы бы видели, сколько он сожрал, даже не верится! Да еще он все время сдыхал со смеху... Я же сказал вам, шеф, что, если бы мы не знали, что он таскает с собой кучу «бабок», думаю, что Блэки, Джим и я, мы бы еще сто раз подумали, уж больно он клевый, шотландец этот.

Дункэн съехидничал:

— Да, у этого парня явно есть дар внушать симпатию! Продолжайте!

— Так вот, мы выходим, становимся на стреме на Клементс-лейн, потом видим, как мисс Поттер выходит с парнем... все идет как надо, а тут, нате вам, этот чудак верзила вытаскивает свою волюнку и задает концерт посреди улицы, да еще в такой час!

— А что же делала мисс Поттер в это время?

— А что бы она, по-вашему, могла делать? Она просто ждала, когда ее шотландец кончит играть, потому что, если уж он вбил себе что-нибудь в голову, то пойдй попробуй его свернуть в сторону!

— А после?

— Что после? А после случилось то, что должно было случиться: весь квартал чуть ли не на дыбы встал, орали

изо всех окон, это же цирк, спектакль какой-то! Не тот момент, чтобы высовываться, это ж все равно что пойти на разбой прямо посреди сцены в каком-нибудь театре! Мы переждали, думали: вот сейчас этот тип устанет и мы его застукаем в каком-нибудь углу... но тут подсустились шпики, затолкнули шотландца и мисс Поттер в машину... И все дела.

Полицейский пост на Кеннон-стрит, должно быть, долго помнил ту ночь, которую Малькольм Макнамара и мисс Поттер провели среди полисменов. Поначалу все пошло наперекосяк. У сержанта Брайана Фолрайта правая нога болела от ревматизма, и он встретил зачинщиков ночной заварухи агрессивно и злобно. Когда шотландец и Патриция, которые без всякого сопротивления силам порядка дали себя увезти, были предъявлены Фолрайту, они приветливо улыбались, чем совершенно вывели его из себя. Было ясно, что Малькольма это приключение забавляло, а молодая женщина была счастлива, что спасла своего спутника от уготованной ему подручными Дункэна судьбы. Когда они оба назвали свое имя, фамилию и занятие, Фолрайт взорвался:

— В чем дело? На что это похоже? Безобразный шум устроили! Вы соображаете, где вы? И потом, где этот ваш, как его... Томинтоул?

— В Шотландии, в графстве Банф.

— И что вам там не сиделось?

— Я приехал купить машинки для стрижки овец.

— Прямо среди ночи? На Клементс-лейн? Играя на вольтке? Вам известно там, в Томинтоуле, во что обходится издевательство над сержантом лондонской полиции?

Патриция вмешалась в разговор:

— Простите, сержант, здесь какое-то недоразумение...

— Если есть какое-то недоразумение, мисс, то в интересах вашего спутника рассеять его как можно быстрее!

С деланной горечью Макнамара заметил:

— Я вижу, что вы предвзято относитесь к Шотландии и шотландцам, сержант!

Полицейский чопорно поднялся:

— За такие слова, если бы я не служил в полиции ее величества и несмотря на то, что вы намного моложе меня и ваш вес минимум на двадцать кило превышает мой, я бы заехал вам кулаком по физиономии! Так знайте же, что я нашел себе жену Элспес Фолрайт в Инвернесе, и если бы смерть ее у меня не отняла, то я, уйдя в отставку, поехал бы в Бьюли!

Не говоря ни слова, Макнамара взял свою волынку, поднес к губам, и сержант ошарашенно спросил:

— Вы сумасшедший или как?

Перед тем как заиграть, шотландец заявил:

— В честь светлой памяти Элспес Фолрайт, самой красивой девушки в Инвернесе!

И в порыве он заиграл мелодию «Про Джонни Денгаткача». Сначала сержант впал в полное изумление, потом взволнованно утер слезу, а тем временем все присутствующие полисмены встали по стойке «мирно» в знак почтения покойной. Когда шотландец закончил, Фолрайт протянул ему руку:

— Благодарю вас, сэр... А теперь поведайте мне, почему вы сочли возможным дать концерт на Клементс-лейн в такой час, когда все честные граждане имеют право на отдых?

Малькольм показал на Патрицию:

— Потому что я ее люблю.

Было видно, что сержант никак не может уловить связи между ночным буйством и нежными чувствами шотландца к своей спутнице, которая от смущения залилась краской.

— Так объясните мне!

— У нас в Томинтоуле, если вам нравится девушка, то нужно, чтобы об этом узнали все, а для этого мы пользуемся волынкой. Если, например, какой-нибудь тип занят работой и вдруг слышит, что зазвучала волынка, он говорит себе: «Ага, появился влюбленный». Тогда он бросает то, чем занят, идет посмотреть, кто же это такой, и видит, как он идет за девушкой. А она делает вид, что ничего не слышит и ничего не видит. Если ей это не нравится, она говорит парню, чтобы он убирался и поиграл где-нибудь в другом месте. А вот если она ему позволяет идти за собой, то, наоборот, она вроде бы перед всеми берет какое-то обязательство... Ну а я уже и думать забыл, что нахожусь в Лондоне.

Сержант вздохнул:

— Если бы вы жили здесь, как я, почти пятьдесят лет, то вы бы себе не позволили такой роскоши, как забыться! Вы останетесь здесь до тех пор, пока день не наберет силы, чтобы осветить этот проклятый и гнусный город... Сядьте-ка в уголок, вдвоем!.. Наговорите друг другу милых и приятных слов, а когда-нибудь вы будете с нежностью и грустью вспоминать эту ночь, а заодно и старого дурака сержанта, который вас оставил здесь.

Уже прошло достаточно времени, как ушел Торнтон, когда Девит, раздраженный молчанием Джека, сказал:

— Хорошее дело уплыло у нас из-под носа!

— От случайностей никто не застрахован.

— Конечно.

Дункэн уставился на своего подручного:

— Вы знаете какой-нибудь способ, Питер?

Девит вынул пистолет.

— С этой штукой никаких случайностей. Я пойду за шотландцем этой ночью; убираю его в самом подходящем месте, хапаю его пять тысяч фунтов, и никакими процентами мы ни с кем не делимся.

— А может так случиться, что вы с этими деньгами смоеетесь, я так понял?

— Я не позволю вам...

— Вы не можете ничего мне позволить или не позволить, Питер. Я уже устал это вам повторять. Ваши начинания неизменно глупы. Полиции известно, что этот Макнамара посещает «Гавайские пальмы». Мы и так у нее под колпаком. И первый шаг, который она сделает, это придет к нам.

— И что тогда?

— А тогда она не отлипнет от нас как раз в тот момент, когда нам будет нужно чувствовать себя в безопасности.

Девит пожал плечами:

— Если пять тысяч фунтов вас не интересуют...

— Пять тысяч фунтов меня не интересуют в том случае, когда я могу заработать намного больше.

— Не усек.

— Потому что, если мы подойдем к делу с толком, именно этот, с позволения сказать, игрец на вольтке пойдет за героином и притащит его нам, под носом и на виду у джентльменов из Скотланд-Ярда.

Ни Малькольму, ни Патриции спать не хотелось. Их руки сплелись, им казалось, будто они наедине, их мало интересовало, что где-то рядом полисмены, которые, кстати, тоже не обращали на них никакого внимания. Мисс Поттер размечталась, что она окончательно порвала с окружением Дункэнов и Девитов, что живет уже совсем в другом мире и что ее большой дуралей из Шотландии так и будет вечно держать ее руку в своей. А он, конечно, говорил о Томинтоуле. Интересно бы знать, может ли он вообще говорить о чем-нибудь другом, кроме Томинтоула?

— Быть такого не может, дорогая, чтобы вы предпочли остаться в этом городе, где просто нечем дышать. Я не го-

ворю, ясное дело, что в Томинтоуле много развлечений, но если от души прогуляться, то уже ничего неохота — только бы поспать, и потом, когда гуляешь, ведь все кругом такое разное... Я не мастак говорить, верно?.. Вот поглядели бы вы на это своими глазами...

— Так, значит, все, что было до нашей встречи, вам безразлично?

— Ну не совсем так... ведь это меня не касается. Я же увезу с собой совсем другую Патрицию, если вы, ясное дело, согласны.

Она отрицательно покачала головой:

— С моей стороны это было бы нечестно.

Она прошептала эти слова, а один из полисменов, который случайно на них взглянул, улыбнулся — он был уверен, что она шептала слова любви, а это напомнило ему молодость. Мы ведь все одинаковые глупцы...

— Очень трудно вырваться из того круга, где я живу, Малькольм... Я слишком много знаю... Они меня так не отпустят.

— Кто?

— Дункэн... Деви... а потом еще тот, кто стоит над нами. Я-то сго не знаю, а он меня знает, наверняка.

Макнамара молодцевато поиграл мускулами:

— Ну уж этим я бы посоветовал не лезть на рожон!

Пат улыбнулась и снова разволновалась.

— Бедный мой Малькольм, ваша сила тут не поможет...

Они вам нанесут удар в спину, у них так заведено...

— Вы думаете?

— Увы, я в этом уверена...

— Извините мсня, дорогая, но ведь просто так людей не убивают?

— Да одного пребывания с вами в этом участке уже достаточно. Они начнут бояться, что я все расскажу полиции!

— Да что вы расскажете?

Раздражаясь от бестолковости этого взрослого ребенка, мисс Поттер забыла о золотом правиле — молчании.

— Расскажу, что «Гавайские пальмы» — это центр, откуда расходятся наркотики в Сохо.

— Наркотики?

— Да, морфий, героин и еще какая-то гадость, которая превращает в богачей тех, кто ее продает, и в конце концов убивает тех, кто ее покупает.

— Вы правы, но если вы им пообещаете, что будете молчать?

— Они считают, что молчат только покойники.

— А мне все-таки кажется, что они это болтают для сотрясения воздуха. Этот ваш Дункэн и Девит изображают из себя грозу морей, самих же хватает только, чтобы нагнать на вас страху, а на деле не могут небось цыпленку шею свернуть. Нет уж, дорогая, вы эти истории придумываете, чтобы не огорчать меня.

— Огорчать вас?

— Ну да, не можете же вы мне прямо сказать, что я вам безразличен!

Потрясенная Патриция решила:

— Послушайте меня, Малькольм, клянусь вам, что, если бы я могла, я бы поехала с вами. Но я не хочу, чтобы с вами случилось несчастье... из-за меня. Вы себе представить не можете, на что способны эти люди. Я сейчас скажу вам одну вещь, которую умоляю вас забыть. Если они узнают, что я вам об этом сказала, меня приговорят к смерти. Однажды, уже несколько месяцев прошло, один инспектор из Ярда почти до них докопался. Одна бедняжка кололась. Он пошел к ней домой, а Дункэна предупредили, он послал Девита, и Питер убил их обоих — и девушку, и полицейского. Дункэн боялся, что через эту малышку — Дженет Банхилл — сыщик из Ярда выйдет на него.

Казалось, что до шотландца вдруг дошло, что существует некий мир, в реальность которого он до этой минуты не верил.

— Это что же... как в детективах?

— Инспектора звали Джеффри Поллард. Если вас интересуют подробности, вы можете пойти в редакцию первой же попавшейся вам газеты на Флит-стрит и посмотреть подшивку... Теперь вы убедились, что для вас же будет лучше, если мы перестанем видеться и вы поскорее отправитесь в Томинтоул к вашим дорогим овцам?

— У нас, дорогая, если девушка попадет в беду, ее не бросают.

— Но, ослиная твоя голова, пойми же...

— Я понимаю, что вы влипли в историю, но я должен вас из нее вытащить. Этот полицейский и девушка, о которых вы мне рассказали, мне их очень жалко, но их уже нет, это прошлое, и меня оно не касается. А вы — другое дело... Я увезу вас в Томинтоул!

— Вот вроде и все, что я могу вам рассказать... В общем, были неприятности...

Стоя посреди кабинета Дункэна, куда он поутру сопроводил Патрицию, Макнамара пытался бессвязно рассказать

о своих злоключениях Джеку и Девиту. А те, небритые, с воспаленными глазами, слушали его, не произнося ни слова. Как только Патриция объявилась, хозяйин «Гавайских пальм» отправил ее к себе, ограничившись тем, что сказал:

— Там будет видно...

Как всегда, когда Патриция оказывалась перед Джеком, ее охватил ужас. Она смогла только выдавить улыбку, взглянув на своего шотландца, перед тем как исчезнуть. Малькольм с грехом пополам закончил свой рассказ о ночной одиссее и замолк. Немного помолчав, Дункэн заявил:

— Вам повезло, Макнамара.

— Повезло?

— Нашелся свидетель, который подтвердил, что вас забрали шпики. А что, мисс Поттер вам очень нравится?

— Очень.

— А вы в курсе, что она практически моя жена?

— Да.

— И это вас не смущает?

— Нет.

— А именно?

— Я бы хотел увести ее в Томинтоул и жениться на ней.

Джек ответил не сразу, а Девит, прекрасно знавший шефа, только по одному тому, как тот засопел, понял, что он с трудом сдерживается.

— Вам кажется нормальным, что она меня бросит?

— Я вам возмещу убытки, старина.

— Вы что, настолько богаты?

— Я в порядке.

— Послушайте, Малькольм, я не скрою от вас, что у нас с Патрицией в последнее время что-то разладилось... и, признаться, если она пожелает начать свою жизнь сначала с типом, подобным вам... может быть, я бы и согласился. Только эта Патриция стоила мне больших денег, особенно поначалу, чтобы создать ей имя...

— Если вы не заломите слишком большую цену...

— Мне нужна одна услуга... очень большая услуга... и достаточно опасная, не скрою.

— Да? Опасная до такой степени, что...

— Да.

Казалось, что шотландец заколебался.

— Если я вам окажу эту услугу, вы отпустите мисс Поттер?

— Даю слово.

— По рукам. И что нужно сделать, старина?

— Приходите ко мне сегодня в десять вечера, и мы все обговорим.

Когда они убедились, что Макнамара ушел, Деви́т восторженно воскликнул:

— Это обалдеть, что водятся еще такие!

— Сразу видно, Питер, что вы не были никогда влюблены.

— Да уж, конечно, не до такой степени, чтобы поверить вам на слово, Джек.

— Именно это я и хотел сказать.

Глава четвертая

Патриции плохо спалось этим утром. Она прилегла, чтобы как-то восстановить силы, подточенные ночным пребыванием в полицейском участке. Как только она закрывала глаза, ей грезились пейзажи Шотландии. Она видела себя в твидовом костюме, сапогах, еле поспевающей за Малькольмом, который таскает ее по холмам, чтобы «показать» ветры своего края. Малькольм... Она уже не обманывала себя больше, что не любит этого великана-шотландца. Но она знала также, что не будет его женой, потому что Джек никогда не позволит этого. Бедный Малькольм, он воображает, что можно все устроить путем кулачного боя здесь, в Лондоне, точно так, как в Томинтоуле. Думая о том будущем, в котором ей отказывала судьба, она представляла себе, как бы в противовес, что же уготовано ей в ее предстоящей жизни по принуждению рядом с Джеком. Накатывала волна отвращения, и она всерьез подумывала о самоубийстве, до того воротило ее от теперешнего существования после встречи с Макнамарой... В конце концов она заснула тяжелым сном, где Малькольм во главе с отрядом шотландцев захватил квартал Сохо, чтобы ее спасти. Она проснулась от собственного крика в тот момент, когда ее возмущенный в разгар битвы схватил Дункэн за глотку и занес над ним шотландский меч*.

Дункэн стоял рядом с постелью и с любопытством разглядывал Патрицию.

— Это... это вы?

— Что, беспокойный сон, дорогая?

— Эта ночь в полицейском участке меня просто доконала.

---

* Меч с двумя лезвиями и широким клинком.

— Вы, кажется, меня упрекаете? Но вините лучше себя.

— Почему?

— Если бы вы вели себя поумнее, то помешали бы вашему услужливому кавалеру устраивать цирк!

— Малькольмом не очень-то поруководишь!

— Ах, уже Малькольм?..

— Я хотела сказать...

— Я отлично понимаю то, что вы говорите, Патриция. Вам этот молодой человек очень нравится, не так ли?

И вдруг мисс Поттер взбунтовалась, ей по горло надоело дрожать от страха, вечно подчиняться ему. Она посмотрела Джску прямо в глаза:

— Очень.

— И... очевидно, поэтому вы ничего не сделали, чтобы его лишили денег?

— Я не воровка!

— Кто вы есть или кем вы должны стать — это решать только мне.

— А по какому праву?

Он улыбнулся, прикидываясь любезным:

— Вам очень захотелось, чтобы я вам это объяснил?

— Нет.

— Тем лучше... Вы опять становитесь благоразумной... Я понимаю, ваши нервы... А о чем говорили вы всю эту ночь, находясь среди джентльменов из полиции?

— О его родине.

— Ну разумеется... И вам, конечно, мечталось, как вы начнете жизнь заново? — Он засмеялся. — Откровенно говоря, Патриция, я не вижу вас в роли пастушки! К счастью, я здесь и не позволю вам натворить глупостей, которые могут испортить вам жизнь.

— Она не будет испорчена больше, чем сейчас.

— Вы такая неблагодарная, Патриция? У вас есть наряды, драгоценности... деньги, у вас есть успех. Что же вам нужно еще?

— Дышать чистым воздухом, выбраться из этой клоаки.

— Осторожней, Пат... На вашем месте следовало бы думать, что говоришь. Сегодня утром я более чем терпелив, но тем не менее не надо этим злоупотреблять!

— Джек...

— Да?

— Отпустите меня!

— Куда бы это?

— В Шотландию.

— Дорогая моя, по-моему, вы рехнулись! Разве вы забыли, что я вас люблю?

— Зачем эта ложь? Вы никого не любите, а что до меня... то я вас ненавижу!

— Лгать действительно очень нехорошо, моя дорогая! С вашего позволения, я уточню, что я не ненавижу, когда меня ненавидят... Это придает некую пикантность нашим отношениям, вы не находите? Вот, например, Деви... Он меня ненавидит. А меня это забавляет. Он только и мечтает меня убить, и он знает, что мне это известно... Таким образом, мое с ним сотрудничество лишено однообразия.

— В один прекрасный день вы потеряете бдительность...

— И не рассчитывайте на это, дорогая, я прошел суровую школу... А если снова вернуться к вашему шотландцу, то ему крупно повезло, что он мне еще нужен, а то бы...

— А то бы?..

— А то бы он уже мог почувствовать разницу между прохладой воды в Темзе и прохладой холмов в своем краю.

— Но вы же не посмеете все-таки убить этого несчастного только за то, что он честен и наивен?

— Разумеется, нет. Но то, что он положил на вас глаз, я ему не прощу. У меня есть такая слабость — я держусь за то, что мне принадлежит. Плохо, что его обожание не оставило вас равнодушной, а то бы я ограничился тем, что вlepил бы ему как следует, дабы поучить хорошим манерам. Так что, видите, какие странности преподносит нам жизнь, а поэтому, если с ним что-нибудь стряется, то он будет этим обязан вам...

— Я не позволю вам этого!

— Что мне нравится в вас, Патриция, так это детская непосредственность, которой не дано считаться с обстоятельствами... Когда я учился в Оксфорде, о да, моя дорогая, я был студентом в Оксфорде, правда, не очень выдающимся по сравнению с остальными, в колледже Магдалины точнее, ну, пока меня оттуда не выгнали из-за ерунды... Нас там учили всегда охватывать весь комплекс проблем по какому-либо вопросу перед тем, как принять то или иное решение. Жаль, что вы не прошли такой школы, как Оксфорд!

— На вашем примере видно, что мне не о чем жалеть!

— Мне нравится, как вы умеете парировать, Патриция, но если бы вам не нужно было петь сегодня вечером, я бы вам продемонстрировал, что за любую наглость нужно расплачиваться... Однако публика будет в шоке, если увидит, что вы плохо выглядите.

И снова ей стало страшно, а ироническое хладнокровие Дункэна приводило ее в ужас гораздо больше, чем грубость или жестокость. И все-таки, любя Малькольма, она продолжала настаивать:

— Какую услугу вы требуете от шотландца?

— Вы так сильно за него волнуетесь?.. Слишком сильно... но я не хочу, чтобы вы напридумали немислимые вещи... Он просто пойдет и возьмет сверток, за которым мне идти нельзя.

— А что будет в этом свертке?

— Любопытство — скверный порок.

— Наркотики?

Манера и тон Дункэна внезапно изменились.

— Довольно!.. Не суйте свой нос, куда не положено, Патриция! Извольте следовать этому совету, если вам дорога ваша физиономия или ваша жизнь!

— Как Джеффри Поллард и Дженет Банхилл?

Наступило короткое молчание. Патриция поняла, с каким усилием сдерживает себя Дункэн, чтобы не ударить ее. Наконец глухим голосом он произнес:

— Вот теперь, моя дорогая, можете быть абсолютно уверены, что не уйдете от меня никогда.

— Исключая тот случай, когда вас потащат на виселицу!

— Если это время наступит, то я уверен в одном: вас больше не будет на этом свете, чтобы этому порадоваться... А теперь, когда нам обоим стало все ясно, отдохните, чтобы вы сегодня вечером блистали... До свидания, дорогая...

Уже уходя, он оглянулся и, улыбувшись ей, сказал:

— Право же, прискорбно, что звуки волынки вас волнуют до такой степени...

С того момента, как Сэм Блюм узнал о провале западни, которую подстроили шотландцу (а это его клиент), он впал в глубокую депрессию, которую пытался тщетно побороть с помощью виски. Блюм верил во всяких ясновидиц, гадалок на картах и прочих прорицательниц. Миссис Осбрейт — одна из самых уважаемых ясновидиц в квартале Сохо — предрекла ему, что его звезда вошла в самый спокойный отрезок астрального пути и самое мудрое сейчас — набраться философского умонастроения, чтобы выдержать удары, уготованные ему судьбой. Сэм поднабрался знаний из всех религий, в том числе из иудейской: Бог может покарать, и его законы лучше не преступать. Хотя он и исповедовал атеизм, откуда-то из тайников души издевательски лезли всякие древние легенды о проклятии. С тех

пор, как Джеффри Поллард и Дженет Банхилл погибли, ему казалось, что гнев Божий приближается к нему, и он содрогался от страха. Но тем не менее даже в этом страхе он не мог найти источник мужества, чтобы изменить свою жизнь. Когда же случился промах с шотландцем, а навел на него он, Сэм, ему показалось это началом целой серии катастроф, угрожающих ему. Этот промах был, наверное, только прологом. Поэтому когда Сэм увидел, что входят инспектора Блосс и Мартин, то решил, что настала пора самых худших передряг.

Блосс и Мартин не намеревались, подобно суперинтенданту Бойлэнду, списать смерть своего товарища Полларда на счет заслуг и неудач Ярда. Насколько им позволяли их служебные обязанности, они все-таки все время возвращались в квартал Сохо, как самые заядлые охотники. Они понимали, что убийца их коллеги прячется где-то между «Шик-модерном» и «Гавайскими пальмами». Им хотелось хоть немного подержать в своих руках этого мерзавца, прежде чем отдать его на суд королевы. Они терпеливо шли по следу, по всем возможным направлениям, шли упорно, не падая духом. Они убедились, что главой наркомафии были не Дункэн и не Девит, но на этом их осведомленность застопоривалась. Их агентура подкрепила этот вывод, но не смогла дать более полных сведений.

В этот день Блосс и Мартин нашли нужным всерьез побеседовать с Сэмом Блюмом, ибо, в какую бы сторону они ни поворачивали, всюду натыкались на него. Именно в «Шик-модерн» приходила мисс Банхилл за наркотиком. Наконец, именно здесь жил теперь этот шотландец, относительно которого специалисты из Ярда никак не могли составить ясного представления. Был ли это просто лопух, которого Патриция Поттер водила за нос, или проходимец, играющий под дурачка, чтобы было легче всех околпачить?

Блосс и Мартин подошли к довольно высокой конторке, за которой громоздился хозяин отеля.

— Привет, Блюм...

— Здравствуйте, джентльмены... Каким добрым ветром?

— Добрым? Мы что-то не очень в этом уверены, так, Мартин?

— Не очень уверены, ты прав, Блосс...

У Сэма пересохло во рту. Блосс наклонился к нему и доверительно сообщил:

— Видите ли, Сэм, Поллард был нашим другом...

Блюм изобразил удивление:

— Поллард?

— Не прикидывайтесь идиотом, Блюм, а то хуже будет, глазом моргнуть не успеете! Вам прекрасно известно, что инспектор Джеффри Поллард останавливался у вас под именем Гарри Карвила.

— Уверяю вас, джентльмены...

От короткого и быстрого удара под ложечку у Блюма перехватило дыхание. А Мартин бесстрастно продолжал:

— Разве вы не читаете газет, Сэм? В противном случае вы должны были бы узнать своего клиента по фотографии, той самой, на которой труп Полларда...

— Но только теперь, после того, как вы мне сказали...

— Ладно, валяй дальше!

— Но я был далек от мысли, что этот жалкий тип мог быть одним из ваших коллег...

— В этом мы уверены, Блюм, иначе вы бы ему не предложили снабдить его наркотиками.

— Я?

— Да, вы. Поллард успел нам это передать.

— Это клевета!

На этот раз кулак Блисса угодил хозяину в нос, и Сэм от боли издал вопль:

— Вы... вы не имеете права!

Блисс повернулся к своему коллеге:

— Вы слышали, Мартин? Мы не имеем права. Что вы об этом думаете?

— Право в отношении чего, Блисс?

— Я не знаю. Какое право, мистер Блюм?

— Меня бить!

— Вы ударили этого джентльмена, Мартин?

— Я? Я бы себе этого не позволил, Блисс!

— Я тоже!

Произнося это, Блисс опять саданул Сэма, который скатился на пол. Перегнувшись через конторку, Мартин схватил его и поставил на ноги.

— А вот это невежливо, так покидать нас!

Почти спятив от ужаса, хозяин «Шик-модерна» проблеял:

— Но... что... что вы от меня хотите?

— Имя того, кто тебя снабжает наркотиками!

Сэм быстро стал рассчитывать: полицейские, конечно, могут причинить ему боль, но они его не убьют, а вот если он скажет про Дункэна, тот его убьет. Надо молчать, решил он, и смириться с тем, что его будут бить.

— Я что-то не понимаю.

— Ну, чтобы на этом не заклиниваться, мы сейчас вам объясним поподробнее!

Блисс уже занес руку для удара, как вдруг почувствовал, что его буквально подняли в воздух, и грохнулся со всего маху о стену, что называется, замертво. Остолбеневший Мартин не успел даже шевельнуть рукой, чтобы защититься. Кулак Макнамары врезался ему в скулу и сразил на месте. Вылупив глаза, Сэм Блюм глядел на эту молниеносную схватку и вместо того, чтобы обрадоваться, лихорадочно подсчитывал, во что это ему обойдется. Он только и сказал запыхавшемуся шотландцу, который, улыбаясь, ждал от него благодарности:

— Чистая работа!

Теперь настала очередь Малькольма несколько удивиться.

— Н-да, старина! Странный вы народишко здесь, в Лондоне! Я спасаю вас от двух гангстеров, и это все, что вы находите возможным мне сказать?

— Но, черт бы вас подрал, это же не гангстеры! — И, показывая на двух сраженных бойцов, добавил жалким голосом:

— Инспектора Блисс и Мартин из Скотланд-Ярда.

— Бог ты мой! А я их не узнал!

— Вам лучше смыться, как я понимаю.

— Еще бы, мне только этого не хватало!

И шотландец улепетнул на большой скорости. Блюм еще не успел сообразить, как вести себя, чтобы сгладить последствия стычки, как в отель вошел Майкл Торнби.

— Скажите-ка, Блюм, — крикнул он, — какая муха укусила этого типа в шотландской юбочке, который выскокил от вас как ошпаренный?

Сэму не пришлось отвечать, ибо констебль уже узрел своих поверженных коллег. Он спросил:

— Что это с ними?

— Нокаут.

— И это вы?.. — В голосе полицейского прозвучала нотка уважения.

— Нет, шотландец.

— А в честь чего?

— Он подумал, что на меня напали гангстеры.

— И он был не один? Но вроде и у вас лицо измочалено, нет?

— Обычный допрос.

— Вы что, пьяны, Блюм?

Набравшись храбрости, Сэм ткнул поочередно в каждого:

— Это инспектор Блисс и инспектор Мартин из Скотланд-Ярда.

Малькольм Макнамара прогуливался по Сохо, раздумывая, где бы ему перекусить, как вдруг прямо на его пути остановилась полицейская машина. Из нее выскочили трое полицейских.

— Вы Малькольм Макнамара?

— Да.

— Вы остановились в «Шик-модерне»?

— Да.

— Вас ждут в Ярде.

— Но...

— Вы там получите все необходимые разъяснения. Садитесь, сэр.

Когда шотландец вошел в кабинет Блисса и Мартина, то первый, кого он увидел, был Сэм Блум, грузно сидевший на стуле с видом человека, доведенного до предела.

Едва появился Макнамара, Мартин воскликнул:

— Смотрите, объявился Айвенго!

Полный злости, он подошел к Малькольму:

— Объясните-ка, вы, гора ходячая, это что у вас, такой спорт национальный — дубасить полицейских?

— Елки! То есть понимаете, я вас... того... не узнал, старина.

— Неужели?

— Я думал, это нападение.

— Какого черта! Вы что, видели много таких проходимцев, у которых рожи похожи на наши?

— Ну, это самое, старина, я вроде не встречаюсь с проходимцами... а потом, лицо у мистера Блюма... того... вроде кровь шла носом. Почему я знал, что в Лондоне полицейские имеют право лупить кого попало...

— Большой хитрец, правда?

— Кто же?

— Вы!

— А в Томинтоуле считают по-другому... Они там говорят втихаря, что у меня больше мускулов, чем мозгов.

— Но они говорят это шепотом, не так ли?

— Ну да, потому что знают, если я их услышу, то расквашу им морды, старина.

Мартину стало до того противно, что он, повернувшись к своему коллеге, спросил:

— Что вы об этом думаете, Блисс?

Тот пожал плечами:

— Явный случай ошибки природы...

Теперь он подошел к шотландцу.

— Вы начинаете нам серьезно надоедать, сэр.

— Поверьте, что меня это огорчает, старина.

— Вам, кажется, уже посоветовали возвращаться в Томинтоул!

— Уверяю вас: я обязательно туда вернусь!

— Это была бы интереснейшая мысль — отправиться туда сегодня же, потому что...

— Потому что?..

— Потому что, если мы встретимся в следующий раз, для вас это плохо кончится!

— Вы так думаете?

— Я в этом уверен... старина!

Дункэн, Деви́т и мисс Поттер пили чай. Зазвонил телефон. Деви́т подошел. Он вернулся явно встревоженный.

— Джек, это шотландец...

Патри́ция живо подняла голову. Дункэн, наблюдавший за ней, заметил:

— Это вас трогает, Пат? Что он хочет, Питер?

— Он только что вышел из Ярда.

— Что?

Деви́т рассказал о стычке Макнамары с инспекторами и заключил:

— Он что-то часто стал светиться, вы не находите?

— Нет. Чем больше он будет выкидывать номеров, тем меньше на него будет падать подозрение...

— Вы уверены в этом?

— Ну, раз они его отпустили!

— Да, но они задержали Сэма.

Джек подскочил:

— И вы не сказали об этом сразу? Это уже намного хуже. У меня нет никакого доверия к Блюму. Если эти джентльмены будут допрашивать его и слегка... прижмут, он не устоит.

— Да он мало что знает.

— Слишком много... Боюсь, Питер, нам придется избавляться от Сэма Блюма.

— Ну что ж, выберем подходящий момент.

Патри́ция простионала:

— Еще одно убийство...

Дункэн сухо бросил:

— На вашем месте я бы помолчал, дорогая моя!

— Иначе меня тоже ждет судьба, которую вы уготовили Сэму?

— А почему бы и нет? Питер, позвоните адвокату. Скажите, что я приеду. Только Бил Маурис способен вытащить Блюма из их мягких коготков.

Оставшись наедине, Деви и Патриция долго сидели молча, но потом Питер мягко спросил:

— Видно, у вас с Джеком что-то разладилось сейчас?

— А почему вы мне задаете этот вопрос, Питер? Я никогда от вас не скрывала, что ненавижу Джека!

— В таком случае почему вы не удерете?

— Потому что я подлая...

— Что вы хотите этим сказать?

— Что я боюсь... Он достанет меня из-под земли!

— Если только он сам не умрет!

Она посмотрела на него долгим взглядом:

— Вы будете тем, кто его...

— А почему бы нет?

— С меня хватит крови, убийств... с меня хватит, хватит, хватит!

Потянувшись через стол, он взял ее за руку.

— Патриция, я тоже устал от такой жизни... Я люблю вас, и вы это давно поняли... Уедем вместе! Клянусь, что я вам гарантирую вполне обеспеченную и красивую жизнь.

— А как же Джек?

— У нас с ним старые счеты.

— Но у меня нет ни одного пенса, кроме моих драгоценностей, конечно, да и у вас...

— Мы скроемся, унося многие тысячи фунтов!

— Где вы их возьмете?

Он понизил голос:

— Послушайте меня, Патриция... Я сейчас докажу мое доверие к вам, раскрою свои планы... Если захотите меня предать, то подпишете мне смертный приговор... Но без вашего согласия я не буду пытаться хоть что-то сделать.

— Я слушаю вас.

— Кажется, Дункэн сказал вам, что прибыло десять кило героина... Он отправит шотландца за ним... Это целое состояние. А мне будет поручено следить за Макнамарой и при необходимости прикрыть его... Если вы согласны убежать со мной, я перехвачу шотландца.

— Что вы имеете в виду, Питер?

— Успокойтесь, я его просто попугаю.

— Вы и в самом деле думаете, что его можно напугать?

— Короче, я придумаю не одно, так другое, а сверток у него заберу, и это будет целое состояние!

— И вы воображаете, что Дункэн...

— Я бы уже давно свел счеты с Дункэном... Но не в Джеке дело, не его бояться надо, а того, другого...

— Кого другого?

— Главного шефа. Если бы я только мог узнать, кто это в точности, то я бы его заложил шпикам, и путь нам был бы открыт.

— Вы на редкость пакостная личность, Питер...

— Патриция?

— Пакостная! Если я и попытаюсь вырваться из этого ада, то уж точно не в вашей компании!

В ярости он бросил:

— С вашим погонщиком овец, не так ли?

— Если бы мой погонщик овец узнал, что вы мне предлагаете, от вас осталось бы мокрое место!

— Силачей я убиваю с особым удовольствием, Патриция... Запомните это!

Блисс и Мартин отпустили в конце концов Сэма под напором Била Мауриса — адвоката, умного, но с сомнительной репутацией. Коллеги его презирали, но при этом отдавали должное его знаниям и интеллекту.

По дороге в Сохо Блюма обуревали темные думы. Он мог предположить, что, несмотря на хитроумие Била Мауриса, Ярд отныне не будет спускать с него глаз и что рано или поздно он попадет в сети, которые ему будут все время расставлять. Он знал неутомимое упорство полиции и прекрасно отдавал себе отчет, что у него нет никаких шансов ускользнуть. Чем ближе подходил он к своему кварталу, тем больше его разбирала жалость к себе. У него совсем не было друзей. Его или ненавидели, или презирали, и все потому, что никто не хотел протянуть ему руку помощи, а еще потому, что он отказался продолжать дело своего отца и пошел в услужение к торговцам наркотиками. К тому же он был тщедушным, жалким на вид, неряшливым, и его хозяева держали его только на второстепенных ролях. Сэм смирился, но бесконечно страдал от этого, обуреваемый фантастической мечтой о какой-нибудь страшной мести.

В «Шик-модерне» его встретил Эдмунд, как всегда, замотанный, похожий на выжатый лимон, безропотный.

— Ну как? Они вас отпустили?

— А вам-то что за дело?

— А что я? Вы сами знаете, если я говорю, то это так, для сотрясения воздуха, а по-настоящему мне все до фонаря...

Сэм горько хмыкнул:

— Мне известна ваша преданность, Эдмунд!

— Она точно такая же, как моя зарплата, шеф!

— Тогда побегайте по этажам, может, вы меня там встретите!

— Обязательно побегу, потому что там вас нет уж точно!

Несмотря на хамоватость и никчемность Эдмунда, Блюм все-таки держал его у себя. Ну, во-первых, потому, что ему почти не платил, а во-вторых, Эдмунд был еще более жалок, чем сам он. Это был единственный человек, на которого Блюм мог спускать собак. В этом удовольствии он не мог себе отказать, ибо трудно переносить оскорбления от других, если нет возможности выместить унижение на ком-то еще.

Добравшись до своей берлоги за конторкой, хозяин «Шик-модерна» принялся размышлять о своем будущем. С одной стороны, было ясно, что полиция не успокоится, пока не засадит его в тюрьму. С другой стороны, мучила интуиция, мрачные предчувствия, доставшиеся ему от природы. Смерть Полларда, его клиента, смерть Дженет Банхилл, тоже его клиентки, были уже достаточным основанием для его ареста. Если его еще держали на свободе, то, по-видимому, шпики рассчитывали добраться через него до главных действующих лиц. А те, летя в пропасть, обязательно потащат за собой Блюма. Рассуждая так, Сэм начал спрашивать себя, а не в его ли интересах провернуть ко-доссальную авантюру — попробовать сторговаться с Ярдом, предложить там в обмен за свою свободу выдать своих сообщников.

Сегодня вечером Патриция была не в лучшей форме. Она, правда, не так уж плохо выступала, но была какой-то серенькой, и посетители «Гавайских пальм» выражали свое разочарование вежливой тишиной. Если бы Джек Дункэн не был занят подоспевшим крупным делом, на которое получил благословение своего шефа, то он бы всерьез обозлился. Однако Девит не преминул отметить:

— Наша звезда сегодня совсем не в форме... Еще бы, ее шотландец...

Взвинченный до предела, Джек сухо обрезал:

— Я был бы вам весьма обязан, Питер, если бы вы

не вмешивались в личную жизнь мисс Поттер. Она касается только меня.

— И ее, без сомнения?

— Даже не ее. Но, будьте уверены, если она неважно себя чувствует из-за шотландца, послезавтра она выздоровеет окончательно, и я рассчитываю на вас — вы должны прописать ей это лекарство.

— С удовольствием.

Жу Когда Малькольм вошел в кабинет Дункэна, тот немедленно задал ему вопрос:

— Мистер Макнамара, позвольте спросить, почему вы сочли нужным позвонить именно мне после ареста Сэма Блюма?

Шотландец уставился на него с удивлением:

— Но это же дядя Патриции, разве не так?

Джек прикусил язык, а Малькольм добавил:

— К тому же вы поспешили его освободить, я так понимаю?

— Мы поговорим об этом попозже. А сейчас посмотрите на этот план, мистер Макнамара. Это маршрут, по которому вы должны пойти туда и обратно. Таким образом вы дойдете, а потом уйдете с Дроу-док, где вас будет ждать один матрос на борту «Звезды Индии».

— Наверное, мне было бы неплохо узнать имя этого матроса?

— Бессмысленно! Он будет ждать вашего прихода... и, не считите за оскорбление, мне кажется, вас трудно спутать с кем-нибудь другим... Этот человек подойдет к вам и спросит: «Вы знаете мою кузину Элспелс де Стирлинг?», а вы ответите: «К сожалению, нет, хотя мне говорили, что это очень хорошенькая женщина». После этого вы должны будете поступать по инструкции, которую вам сообщит этот моряк. Понятно? Согласны?

— Понятно, согласен.

— Как и договорились, ваш первый поход будет проверочный, пустой, вам дадут «куклу». Мы хотим убедиться, следят за вами или нет. Если все пройдет хорошо, послезавтра вы пойдете за настоящим свертком. Вас это устраивает? Согласны?

— Согласен. А ваши заверения?

— Мои?

— Вы отпустите Патрицию?

— Я никогда не отказываюсь от своих слов, мистер Макнамара... Мистер Деви не будет спускать с вас глаз, для подстраховки, на всякий случай.

— Мой ангел-хранитель в некотором роде?
— Да, но гораздо больше склонный сопроводить вас ад, чем в рай.

Шотландец покатился со смеху, явно довольный такой шуткой. И он так треснул Питера по плечу, что тот закачался:

— А если нам сходить и хлопнуть по стаканчику, а мжет, и по два, ангел вы мой?!

— Только не сейчас... — ответил Дункэн. — Девит ждет срочная работа. Идите в бар, мистер Макнамара, запишите выпитое на мой счет.

— Благодарю. Боюсь, что это влетит вам в копеечку!

Когда Патриция вышла во второй раз на маленькую эстраду «Гавайских пальм», она увидела Малькольма и сразу преобразилась. На этот раз она заслужила оглушительную овацию и, раскланиваясь налево и направо, кивая головкой и улыбаясь, пошла напрямиком к бару, где шотландец подхватил ее за талию, как перышко, и водрузил на табурет

— Пат, вы были сногшибательны! Что вы выпьете?

— Лимонный джин.

— А шампанского хотите? Платит Дункэн!

— Я бы предпочла лимонный джин от вас, Малькольм.

— Ай! Вы забыли, что я шотландец! Но чтобы не вы глядеть свиньей перед вами, мне придется оплатить ваш выпивку, хотя с той минуты, что я здесь, я пью за счет Дункэна!

В этот момент они увидели, как Девит спустился по лестнице, ведущей из кабинета Дункэна, и выскользнул через служебный вход.

— А этот тип по имени Питер играет в конспираторы

— Не обращайтесь внимания на Питера, Малькольм, и считая тех случаев, когда его надо остерегаться!

— Остерегаться?

— Этот человек способен на все, кроме малейшей попытки сделать добро!

— Он вам жутко не нравится, да?

— А вам?

— Мне, признаться, он не очень симпатичен!

Певица вздохнула:

— Вот рядом с кем я вынуждена жить!

— Теперь уже недолго.

Она растроганно посмотрела на него:

— Вы все еще думаете, что увезете меня в Томиноул?

— Это теперь зависит только от вас!

— Но я вам уже говорила, и не раз, что...

— Дункэн согласен!

— Что?!

Тогда он объяснил, какую сделку заключил с Джеком. Но поскольку она знала Дункэна как облупленного, то отказывалась верить в свою удачу.

— Послушайте, Малькольм, может, Джек и был единственный раз искренним... Но дайте мне несколько часов на раздумье. Я вам отвечу завтра. Давайте встретимся около полудня в Блумсбери, на площади, что рядом с музеем.

— Конечно!

Патриция отошла, а Макнамара начал хлестать без передышки.

— Это как в Томинтоуле, — объяснил он бармену, — когда человек очень счастлив.

Бармен же убедился, что теперь понятия не имеет, сколько способен один человек поглотить алкоголя. В эту ночь он присутствовал при действе, которое отнес к разряду невероятных. Где-то к двум часам ночи изрядно нагружившийся шотландец кликнул Девита, который уже возвратился, и пригласил его выпить по стаканчику. Поскольку у Питера не было никаких причин отказаться, он устроился рядом с Малькольмом, который обратил его внимание на то, что манжета его рубашки испачкана кровью.

— Несчастный случай, старина?

— Ну да, я порезал ладонь, когда споткнулся о мусорный контейнер! Спрашивается, как это терпит дорожная служба, там же можно убится насмерть!..

— А в Томинтоуле нет контейнеров для мусора... — Шотландец глубоко призадумался, перед тем как добавить: — Правду сказать, и дорожной службы тоже нет...

И вдруг, выйдя из берегов, он разразился горячими слезами на виду у ошалевшего бармсна и Девита. Питер хлопал его по плечу:

— Что такое? У нас что-то разладилось?

— Ну почему в Томинтоуле нет дорожной службы, скажи?!

Бармен выдал свое заключение:

— Он набрался по уши!

— Я тоже так думаю... Пойдем-ка, Макнамара, свежий воздух вам не повредит.

Взяв Малькольма за руку, Питер проводил его до дверей и легонько подтолкнул:

— Идите к себе, Макнамара, да хорошенько отдохни-

те... Вы не забыли, что вас ждут здесь завтра, а вернее уже сегодня, к четырем часам?

— Ой... но вы мне скажете или нет, почему в Томинтоуле нет дорожной службы, а?

— Обещаю вам.

Перед тем как вернуться в «Гавайские пальмы», Девит понаблюдал, как удаляется шатающийся силуэт шотландца.

Чтобы попасть в «Шик-модерн», Малькольму пришлось разбудить Эдмунда. Тот ко всем своим обязанностям еще добавил и службу ночного дежурного, ибо хозяин, прекрасно зная клиентов своего отеля, не мог доверить им ключи. Свежий воздух как будто протрезвил шотландца, и он встретил слугу радостным восклицанием:

— Ну, старина, как дела?

Тот на него недовольно покосился:

— А как, по-вашему, могут идти дела у человека, которого будят посреди ночи?

— Вам надо съездить в Томинтоул, старина!

— Обязательно... А пока что вы могли бы и войти, если только вы меня не разбудили ради того, чтобы узнать, как идут мои дела.

— Эдмунд, брат ты мой старый, ты мне нравишься!

И, не дав слуге опомниться, Малькольм облобызал его в обе щеки, вполне по-братски.

Эдмунд, несколько удивленный, посмотрел на него повнимательнее.

— Похоже, вы человек душевный, как это ни странно.

Макнамара остановился перед конторкой Сэма, где все еще горела лампа.

— Хозяин еще не лег?

— Не знаю я... Он вернулся с какой-то странной рожей. Я сходил по делам, зашел выпить стаканчик, а заодно проверить результаты скачек, а когда вернулся, он куда-то пропал. Я его больше не видел. Но, между нами, меня это не колышет, потому что, если вас интересует, конечно, мое мнение, Сэм Блюм порядочная скотина.

— Странно, что он оставил гореть лампу, правда?

— Это что, в вас бунтует ваш шотландский инстинкт — во всем экономить?

— Это точно!

Макнамара нагнулся над стойкой, чтобы дотянуться до выключателя, и увидел скрюченного Блюма. Шотландец тут же отпрыгнул назад.

— Скажите на милость, старина, что это за странные шутки?

— Какие шутки?

— Вы что, не знали, что ваш хозяин там?

— Там? Где это — там?

Макнамара показал пальцем, и Эдмунд тоже нагнулся.

— О Господи!..

Весь побледнев, он спросил:

— Вы... вы думаете, что он... мертвый?

— Да вроде похоже, если только он не изображает факира.

Говоря это, шотландец обогнул стойку, взял лампу и приблизил ее к Сэму.

— Ему разбили череп бутылкой, которая раскололась... Убийца унес горлышко... из-за отпечатков, наверное...

— Но кто... кто мог его ударить?

— А вот это, старина, неизвестно...

И слова замерли на губах шотландца, потому что он снова увидел перед собой кровь на манжете рубашки Деви-та и резаную рану от стекла на его ладони.

— Старина, мы ничего не можем сделать, кроме как вызвать полицию.

— Это мне не очень нравится...

— Если это вас может утешить, то мне тоже не очень...

Констебль Майкл Торнби задумчиво прогуливался со своим молодым коллегой Стюартом Домом.

— Идите скорей! — вдруг услышали они крик.

— Куда?

— В «Шик-модерн».

Дом спросил:

— Там что, горит?

Его коллега перебил его:

— Если там горит, то мы придем в любом случае слишком рано, потому что наконец появился шанс, что исчезнет логово проходимцев...

— Да не то... Сэм Блюм умер.

— Не может быть! Прскрасно! Дьявол должен быть доволен. Он получил отменного клиента! Сбегайте за врачом.

— Дело в том...

— Что... что?

— Мне кажется, его убили.

— Вам кажется, да?

— То есть я в этом уверен.

— Вот это уже лучше. Пошли туда, Стюарт...

Встретившись опять с шотландцем, Торнби отшатнулся. Он осмотрел Сэма и обратился к Малькольму:

— Вы что, не умеете иначе применять свою силу, чем

дубасить по людям? Сегодня утром два инспектора, а вечером эта старая калоша...

Макнамара запротестовал:

— Но я не дотрагивался до мистера Блюма! К тому же если я зол на кого-нибудь, я не пользуюсь бутылкой... особенно полной виски! Одна цена чего стоит!

Констебль не мог удержаться от смеха.

— Вот уж проклятый шотландец! С какой-то точки зрения я вас понимаю: Сэма можно оценить ниже, чем бутылку виски... Но дело в том, что его убили, а мы должны заниматься этим... Стюарт, позвоните в Ярд, и если случайно Блисс и Мартин там, пусть им передадут, что мистер... мистер?

— Мистер Макнамара.

— ...что мистер Макнамара замешан в этом деле.

— Нет, да вы что?!

— ...как свидетель на данный момент.

Случилось так, что Мартин дежурил, и он с великой радостью прибежал в «Шик-модерн», не скрывая при этом удовольствия столкнуться опять нос к носу с шотландцем.

— Так как же, мистер из Томинтоула, на этот раз вы пересборщили с ударом?

— Я до него не дотрагивался, до этого типа вашего!

— Я не думаю, что в Шотландии чаще, чем в Англии, убийцы с ходу признают свою вину!

— Скажите, что вы имеете против меня лично, старина?

— Откуда вы это взяли?

— Да-да... Я это прекрасно чувствую! Вы стараетесь меня замешать в очень грязное дело... но только почему, старина? Что я вам такого сделал? Я все-таки думаю, что это не имеет отношения к овцам?

— Нет, мой возлюбленный шотландец! Это не имеет никакого отношения к овцам! Я принадлежу к обиженному племени людей, которые никогда не были осчастливлены посещением Томинтоула. Я всего-навсего несчастный придрочиватый англичанин, который смеет думать, что не призван каждодневно получать взбучки от распрекрасного шотландца!

— Это было по ошибке!

— По ошибке, да? А когда вы, в первый раз в жизни попав в Лондон, останавливаетесь как бы случайно в отеле, который пользуется самой дурной славой, это что, по ошибке? Когда в первый же вечер вашего пребывания вы несетесь в «Гавайские пальмы», где верховодят два самых

последних прохвоста, которых наша столица имела несчастье пригреть, это что — тоже по ошибке?

— Отель — это шофер меня туда привез, потому что я не хотел дорого платить... а «Гавайские пальмы» — это из-за Патриции Поттер... Я ее очень люблю, инспектор, и хотел бы увезти в Томинтоул... Вы к нам в гости туда придете?

Блисс чуть не задохнулся.

— Да! Я вас навещу, но только не в Томинтоуле, а в тюрьме ее величества, куда мы сейчас вас отправим подумать на досуге о превратностях большого города! Хоп! Погрузите мне этого незадачливого Тарзана!

Придя к себе в кабинет, суперинтендант Бойлэнд ознакомился с материалами, накопившимися на рабочем столе. Он вызвал Блисса, который его поджидал, чтобы затем отправиться спать.

— Итак, Блисс, вы опять арстовали этого громадного шотландца?

На этот раз, супер, он в моих руках, попался!

— Нет, Блисс, он не попался в ваши руки.

— То есть как?

— Блисс, я вас очень уважаю... Я уважаю ту дружбу, которая вас связывала с Поллардом. Но это не может служить причиной того, чтобы вы ополчились против этого невинного человека, который находился в самой глуши графства Банф в то время, когда убивали вашего товарища.

— Но он...

— Нет, Блисс. Я прочел отчеты и материалы первых допросов, связанных с убийством Блюма. Шотландец здесь ни при чем. Даже по признанию слуги, Эдмунда Смита, он отсутствовал с десяти часов вечера. Опрос, проведенный в «Гавайских пальмах», как бы ни был он краток, показывает, что Макнамара не уходил из заведения Дункэна до двух часов ночи...

— Они все в сговоре!

— Даже если это принять, Блисс, нужно было еще опровергнуть это алиби, прежде чем сажать шотландца за решетку. И вы прекрасно знаете, что это вам не удастся. И наконец, зачем этому парню убивать Блюма?

— Сведение счетов!

— Безусловно, но только кредитор не Макнамара. Мне известен убийца Сэма, Блисс.

Инспектор посмотрел на своего шефа круглыми глазами:

— Вам известен?..

— Да, и это вы, Блисс.

- Полицейский так и подскочил.
- Что вы говорите?
- Спокойно, Блосс, и сядьте на свой стул, пожалуйста. Вам бы следовало лучше владеть собой.
- Превозмогая себя, Блосс сел.
- Вы убили Сэма Блюма, Блосс, когда вы его арестовали и привезли в Ярд. Его сообщники, которые прекрасно знали малодушие Блюма, испугались, что он не выдержит очередного допроса и выдаст нам имя убийцы Полларда и мисс Банкилл. Вот почему сегодня ночью они убили его. Немедленно выпустите шотландца, Блосс, потому что мне кажется, именно он приведет нас к добыче, за которой мы гоняемся уже так давно.
- Но почему?
- Потому что он влюблен в Патрицию Поттер.
- Малькольм Макнамара зря считал себя уж таким сверхъестественным здоровяком. Нельзя было сказать, что, возвращаясь в «Шик-модерн», он чувствовал себя свежим и бодрым. Эдмунд встретил его без особых эмоций:
- Вас отпустили?
- Как видите, старина.
- Вам повезло... Обычно, когда попадаешь им в лапы, выскочить оттуда трудновато...
- Но коль я невиновен?..
- Вы думаете, это их смущает?.. А потом, поставьте себя на их место — вы встречаетесь черт-те с кем!
- Вы так считаете?
- Еще бы нет! Я-то торчу здесь, потому что я пустое место, так, хлам какой-то, мне бы только с голоду не сдохнуть да не оказаться без крыши где-нибудь на берегу Темзы... а так, вообще-то, вся их пачкотня меня мало интересует... Поверьте, бывают минуты, когда я жалюсь, что стал тем, чем стал, потому что...
- Потому что?..
- ...потому что, когда я вижу всех этих бедолаг, которых они медленно травят... иногда почти детей... во мне все переворачивается. А Сэм был последний подонок... хоть и умер. Я от этого плакать не буду, даже наоборот.
- Но зачем они убили Сэма?
- Наркотики.
- Неужели правда? Так это все не болтовня, все эти истории с наркотиками?
- Болтовня? Как бы не так... Вы что там в своем То-минтоуле совсем отупели или с неба свалились?
- Неужели это так вредно, как болтают?

— Если хотите себе представить, что это такое, выпейте стаканчик в «Святом Георге», что на Ромелли-стрит. Что за рожи у них! Сами увидите! А еще вам совет дам, потому что с виду вы мне кажетесь добрым малым: пошлите подальше «Гавайские пальмы» и мисс Поттер, это не для вас.

— Я люблю мисс Поттер.

— Что любовь, что наркотики — хрен редьки не слаще.

Эдмунд разбудил Малькольма часов в одиннадцать.

Проспав два часа, шотландец поднялся довольно свежим и бодрым, во всяком случае достаточно отдохнувшим, чтобы энергично взяться за дела предстоящего нелегкого дня. Незадолго до полудня, вопреки своему отвращению к ненужным тратам, он взял такси, чтобы добраться до Блумсбери, ибо идти туда пешком у него не было никаких сил. Когда он добрался до площади Музея, Патриция его уже ждала. Он извинился:

— Я опять провел ночь в полицейском участке!..

— Не может быть!

— Да... но на этот раз меня удостоили отправить в Скотланд-Ярд!

— Но за что?

— Убили Сэма Блюма.

— Нет?!

— Да...

Они оба замолчали, и каждый из них знал, о чем думает другой. Наконец Пат спросила совсем слабеньким голосом:

— Это... они, да?

— Питер Девиц.

— А как вы узнали?

Он объяснил и в заключение сказал:

— Теперь вы прекрасно видите, Патриция, что не можете оставаться с этими людьми.

— Они меня убьют, как убили Сэма!

— Я не дам им этого сделать!

— Несчастный Малькольм! Вы так наивны, так безоружны перед этими людьми... Они вас настигнут так, что вы и не заметите, и глазом не успеете моргнуть!

— Ну что вы говорите!

— Да я уверена в этом.

— Я так легко не даюсь в руки, и потом, Дункэн мне обещал, что, если я схожу для него за этим свертком в док, он отпустит вас со мной.

— Он врёт!

— Не думаю.

— Послушайте, Малькольм... Вы не знаете их планов... Они чудовищны. Они решили, что когда вы им принесете наркотики в «Гавайские пальмы» и все пройдет без осложнений, там они вас и пристукнут!

— Почему?

— Во-первых, чтобы быть спокойными, что вы их не предадите. Во-вторых, потому что Джек никогда не согласится, чтобы вы меня увезли.

— Он любит вас?

— Он? Да он никогда никого не любил... Он не способен любить кого бы то ни было... Он любит только деньги...

— И что из этого следует?

— А то, что он считает меня своей собственностью и не терпит даже прикосновения к тому, что ему принадлежит.

Шотландец заколебался на какое-то мгновение, потом отрицательно замотал головой.

— Простите меня, Патриция, но я вам не верю... Дункэн мне обещал... Я уверен, что он сдержит слово... В Томинтоуле всегда держат слово.

Она готова была его поколотить! Но, сознавая, что не сможет его убедить, что Лондон несколько отличается от Томинтоула, она совсем разволновалась и ударилась в слезы. Вконец смутившийся Макнамара только и знал, что повторять:

— Но что случилось? Что случилось?

Какой-то пожилой джентльмен, который наблюдал за ними уже некоторое время, вдруг подошел:

— Извините, сэръ, что я вмешиваюсь в то, что меня не касается... Но лучше не заставлять их плакать, потому что... когда их с вами больше нет... вы себя замучаете упреками... все их слезы, на которые вы раньше не обращали внимания, приобретут страшный, трагический смысл... Если бы я был на вашем месте, сэръ, я бы ее обнял, пока рядом нет никаких полисменов, и поцеловал, чтобы показать, что очень ее люблю, а все остальное не имеет никакого значения.

— Вы действительно так считаете?

— Я в этом убежден... — И пожилой джентльмен удалился.

После некоторого замешательства Малькольм спросил:

— Вы слышали, Пат?

— Разумеется, я слышала. Но только я задаю себе вопрос: почему вы не следуете его совету?

Именно так Малькольм и Пат обменялись своим пер-

вым поцелуем. Когда они оторвались друг от друга, шотландец сказал:

— Я жалею...

Патриция подскочила:

— Вы жалеете?

— ...что я не принес свою волынку, а то я бы вам сыграл «Я сдаюсь».

Она не могла удержаться от смеха:

— Я бы с этим смирилась. А теперь, Малькольм, мне нужно возвращаться. Дункэн уже, наверное, удивляется, куда это я подевалась.

Он проводил ее до такси. Перед тем как сесть в машину, она оглянулась:

— Вы еще не раздумали, Малькольм?

— Не беспокойтесь за меня... Мы еще увидимся, крошка!

Глава пятая

Инспектор Блисс ворвался на всех парусах в кабинет суперинтенданта Бойлэнда.

— Полный порядок, супер!

Бойлэнд, будучи человеком уравновешенным, терпеть не мог, когда к нему так бесцеремонно вторгались. Это не просто выбивало его из колеи, но еще и шокировало. Он был уже преклонного возраста, и до пенсии оставалось недолго, а посему был особенно привержен к хорошим манерам, строгим костюмам и к шляпам-котелкам. Он не признавал также этих привычек — весьма фамильярных с его точки зрения — пользоваться уменьшительными словами, в которых он улавливал оттенок неуважения. За эти новые нравы суперинтендант позорно клеймил американцев, усматривая в этом вредоносное влияние вседозволенности. Он вообще не любил американцев, ибо они оставались в его глазах бунтовщиками, предавшими Корону. Все это несколько не мешало Бойлэнду быть великолепным полицейским и даже при необходимости сотрудничать со своими коллегами из ФБР и ЦРУ.

— В чем полный порядок, мистер Блисс?

— У меня есть доказательство, что этот шотландец водит нас за нос!

— Это что-то новое!

— Вы мне не захотели верить, супер, но этот тип входит в банду Дункэна, я только что получил подтверждение этому.

Непонятно почему, Бойлэнд улыбнулся, а это случилось с ним редко, поэтому инспектор Блисс слегка растерялся.

— Слушаю вас, мистер Блисс.

— Что-то около полудня я снова пошел наблюдать за передвижениями вокруг «Шик-модерна».

— Вы что, никогда не спите, мистер Блисс?

— Редко, супер, тем более когда я разматываю крупняк!

Бойлэнд особенно не выносил таких вульгарных выражений, но главное, несмотря на некоторые положительные качества инспектора, в целом он был все-таки ему мало симпатичен.

— Итак, что же вы увидели?

— Незадолго до полудня шотландец выскочил сломя голову из «Шик-модерна», схватил такси и помчался. Мне повезло, что машина была рядом, и я — за ним. Так, один на хвосте у другого, мы доехали до Блумсбери, а точнее — до Британского музея.

— До Британского музея?

— Если еще точнее, то до площади Британского музея. А там его ждали.

— Ну, ну... И кто же?

— Мисс Патриция Поттер всего-навсего! — И торжествующий инспектор откинулся на спинку своего кресла.

— И что из этого?

Блисс посмотрел на своего шефа с изумлением, с каким смотрит человек с нормальным интеллектом на умственно отсталого.

— То есть как это — и что из этого? Вам неизвестно о роли мисс Поттер в махинациях Дункэна?

— Вот именно, что неизвестно, мистер Блисс.

— Во всяком случае, свидание шотландца с подружкой шефа «Гавайских пальм» доказывает, что они в сговоре, а она явилась, чтобы просто-напросто передать ему инструкции.

— На площади Британского музея?

— А почему бы и нет? Кому придет в голову там их искать?

— Кроме вас.

Полицейский снизошел:

— Кроме меня. — Он произнес это с таким видом, будто шотландцу и Патриции крупно не повезло, что на их пути встал инспектор такого калибра.

— Скажите, мистер Блисс... Вы никогда не были влюблены?

— Не было времени, супер!

— А жаль!

— Жаль?

— Это бы вас избавило от ненужных поступков, потому что вы тогда бы знали, что влюбленные назначают свидания в самых невероятных местах. Макнамара любит мисс Поттер и, более того, мечтает увезти ее в свои края. Но помеха этому — Дункэн... Вот они и постарались, чтобы избежать его надзора, встретиться в таком месте, куда Дункэн никогда не догадается пойти.

— Это только гипотеза!

— Мистер Блисс, вы не видели ничего такого, что могло бы подтвердить мою теорию?

— То есть, что... в общем, они целовались, но это еще ничего не доказывает!

— О да, мистер Блисс! И позвольте мне дать вам совет: не спускайте глаз с этого шотландца, идите за ним по пятам, потому что мне кажется, именно с этого момента ему начинает грозить опасность.

— Опасность?

— Опасность, мистер Блисс, и было бы прискорбно, в первую очередь для него, ну а затем и для вас, если бы с ним случилось что-то серьезное. Вы поняли меня?

— Так точно, сунер.

— Тогда хорошо. И главное — оставьте его в покое, не предпринимайте каких-либо шагов, не уведомив меня заранее. И еще, мне кажется, мистер Блисс, что этот овцевод, со всей своей наивностью, вторгаясь в мир Дункэна и Девиата, неизбежно вызовет некоторое замешательство, а мы как раз и воспользуемся этим.

Уходя от Бойлэнда, Блисс, поразмышляя, пришел к выводу, что просто необходимо снизить возраст для выхода на пенсию. У суперинтенданта явно затуманились мозги, а это могло плохо сказаться на ведении дел.

Слушая Макнамару, Дункэн не мог нарадоваться, что Бог догадался создать таких придурков, которые всем остальным приносят пользу и, конечно, выгоду. А шотландец расписывал в ярких красках, какая у него будет свадьба с Патрицией, когда он вернется к себе, перечислял имена приятелей, которых он пригласит. Джек, несмотря на то, что этот чудила ему заморочил голову, испытывал к Малькольму что-то похожее на жалость, к нему и к его иллюзиям, конечно. Но хозяин «Гавайских пальм» жил только по «законам джунглей», а посему резко пресек болтовню своего визитера.

— Мистер Макнамара, вам уже пора идти... Вы хорошо усвоили мои инструкции?

— Не дергайтесь, старина! У меня самая лучшая память из всех в Томинтоуле!

— Тем лучше... Но главное, ни под каким предлогом не отклоняйтесь от указанного мною маршрута... иначе... Короче, когда идет речь о наркотиках, нас так и тянет на мелочную придирчивость, мы все истолковываем не так. Было бы удручающе печально, если бы, не приведи Бог, мои люди, которые будут вас сторожить на всем пути, решили вдруг, что вы собираетесь прикарманить наш товар, не так ли?

— Да я бы от этого просто растерялся!

Дункэн вздохнул. Послушать такого типа, что он не знает, куда деть целое состояние, которое он несет под мышкой, да от этого сдохнуть можно!

Питер Деви́т молча проскользнул в комнату. Джек съязвил:

— Вы, как всегда, подслушиваете под дверью, Питер?

— А как бы иначе я был в курсе дел, Джек?

Оба типа взглянули друг на друга, и их легкое подтрунивание никак не вязалось с их взглядами, полными ненависти. У Дункэна мелькнула мысль, что пора расставаться с Деви́том — для хозяина «Гавайских пальм» слово «расставаться» имело только один жуткий и точный смысл, — а Питер сразу подумал о том, какая рожа будет у его хозяина, когда тот узнает, что наркотики у него уплыли из-под носа. Не говоря уже о тех объяснениях, которые ему придется давать главному боссу Сохо, а эти объяснения запросто могли закончиться на дне Темзы, такая перспектива «концов в воду» приводила Деви́та в восторг.

— Само собой, Питер, вы не будете спускать глаз с нашего друга.

— Договорились.

— Но вы должны сделать так, чтобы ваше... дружеское прикрытие не превратилось в слезку.

— Я же не какой-нибудь новичок, Джек!

— Итак, джентльмены, мне остается только пожелать вам удачи!

— На сегодня риска никакого нет... Сегодня — это только отработка.

— Она даст результаты, Питер, только если вы ее проведете как настоящую...

Когда Макнамара поднялся, Дункэн увидел, что он взялся за ручку большого предмета в чехле, лежавшего возле его кресла.

— А это что такое?

— Моя волынка.

— Вы же не собираетесь идти в Дроу-док с этим инструментом?

— Наоборот. Это мой талисман. Без него у меня идет все вполне καλά.

Как и было договорено, Макнамара вышел из «Гавайских пальм» с невинным видом туриста, который собрался прошвырнуться по Лондону. Держа в руке сумку с волынкой, он безмятежно зашагал вперед, пересек Ромелли-стрит и Олд Комптон-стрит. Так он и шел — ноль внимания на уличное движение, чем вызвал поток брани со стороны таксистов, но сам при этом походя отбрехивался от них. Девит же, следовавший за ним на расстоянии ста метров, безумно паниковал, потому что у этого чокнутого шотландца был довольно странный способ не привлекать к себе внимания. На углу Шефтсбери-авеню проезжающая машина задрала своим крылом шотландскую юбочку Малькольма, который тут же ринулся с кулаками на водителя. Пришлось вмешаться полисмену, который объяснил Макнамаре, что он не прав, но тот ответил, что в Томинтоуле машины не водят как сумасшедшие. Полицейский оказался миролюбивым:

— А где находится это место, о котором вы мне сказали, сэр?

— В Шотландии, в графстве Банф.

— Понятно... а в вашем Граминтоуле...

— Томинтоуле!

— Прошу прощения, сэр, а в Томинтоуле вас не учат, что улицы лучше переходить по пешеходным дорожкам?

— Нет.

— Удивительно, сэр.

— Дело в том, старина, что в Томинтоуле нет улиц, а значит, нет ни машин, ни пешеходных дорожек... Но при этом Томинтоул не такое уж плохое местечко, вам бы там побывать.

— Непременно, сэр, как только выкрою время.

Полисмен, глядя на удаляющегося шотландца, снял каску и почесал в затылке, что у него было знаком глубокого недоумения.

На Чаринг-Кросс Малькольм спустился в подземку и при этом не удержался от замечания кассиру, что билеты стоят безобразно дорого. На станции «Вайтчепел» он сделал пересадку и на «Бромли» вышел из метро, откуда поджидающее такси доставило его до перекрестка Саундрс-

Несс-роуд и Гленгарнок-авеню, как раз напротив Дроудок. Туда он уже добрался пешком и сразу же увидел «Звезду Индии» и человека, стоявшего на палубе, облокотившись о поручень. Малькольм заметил, что этот тип его засек и сразу же стал спускаться по сходням. Он подождал, пока моряк подойдет к нему.

— Простите, сэр, вы, по-видимому, шотландец?

— Совершенно верно!

— Тогда, может быть, вы знаете мою кузину Элспелс де Стирлинг?

— К сожалению, нет, хотя мне говорили, что это очень хорошенькая женщина.

— О'кей. Пойдем пропустим по стакашку.

И они вместе пошли в «Разочарованный пират». Заказав два виски, моряк отправился в туалет, вернулся с довольно большим свертком и вручил его Малькольму.

— Я свое дело сделал. Теперь ваш ход, молодой человек.

Для возвращения в Сохо Малькольм снова сел в поджидающее его такси, снова спустился в подземку и вышел на Чаринг-Кросс. Питер Деви́т шел за ним следом и считал, что все идет лучше некуда. К тому же он все время мысленно проигрывал завтрашний план действий, следуя которому он уберет человека из Томинтоула и завладеет его бесценным свертком. Но внезапно ему пришлось резко изменить свою оценку событий, потому что он увидел, как на углу Шефтсбери-авеню Малькольм вытащил свою волюнку и заиграл «На берегу Энргила». Это сразу же вызвало сумятицу среди пешеходов, потому что одни стали останавливаться, чтобы на него посмотреть, а другие ринулись за ним следом. Оторопевший Питер задавал себе вопрос, не сошел ли с ума этот человек из Томинтоула. Но то, что должно было случиться, случилось: перед Макнамарой возник тот самый полисмен, с которым он имел дело в начале своей прогулки. Тот, скрестив руки, командовал:

— Стоп, сэр!

— Вам не нравится мелодия «На берегу Энргила»?

— Надеюсь, вы мне поверите, сэр, что я не имею ничего против Шотландии и шотландцев?

— Разрешите вас с этим поздравить!

— И что я буду счастлив посетить Прегинтоул? Прошу прощения, сэр... Томинтоул.

— Мы вам окажем почести, старина!

— И что, наконец, я высоко ценю волюнку?

— Отлично, сэр, мне это здорово приятно!

— Но только не на лондонских улицах, где мне, между прочим, поручено регулировать движение!

— Да?

— И я вынужден осведомиться у вас, сэр, долго ли вы еще намерены надо мной издеваться?

— Я? Но вы мне очень симпатичны, старина!

— И вы тоже, сэр, мне очень симпатичны, а поэтому я попрошу вас пройти со мной в полицейский участок, где мы сможем завязать более тесное знакомство! Но буду с вами откровенен до конца: я не знаю, нравится ли сержанту Бредли волынка.

— Ему понравится, дорогой старина, стоит только ему послушать, как я играю.

Полисмен попросил одного из своих коллег его подменить и отправился вместе с шотландцем в ближайший участок. Их шествие представляло собой мини-кортеж, во главе шел полисмен, а Малькольм был замыкающим, играя в такт шагов «Победный марш Монтгомери». А Питер Деви́т продолжал мучиться над вопросом, не попал ли он внезапно в тот мир, где все спятили. Посчитав бессмысленным занятием плестись за всеми любопытствующими до полицейского участка (где, кстати, его могли опознать), он кинулся в «Гавайские пальмы».

Поджидая без всякого волнения Макнамару, Дункэн объяснялся с Патрицией Поттер.

— Вы меня разочаровываете, Патриция... Неужели вы действительно вообразили, что я отпущу вас с этим недоумком? Я к вам очень привязан, дорогая.

— А сверх того, я чересчур много знаю о том, чем вы занимаетесь, Дункэн.

Джек снисходительно согласился, не теряя при этом хладнокровия:

— Да, сверх того, вы чересчур много знаете, Патриция, это верно, а поэтому вам придется стареть только рядом со мной, а никак не с другим.

— До того дня, пока я вам не надоем!

— До того дня, пока вы мне не надоедите, и это опять верно. Вы видите, как мы прекрасно понимаем друг друга? Разве это не доказательство того, что мы рождены друг для друга?

— Вы мерзавец!

— Странное дело, вы так и не смогли избавиться от старомодных словечек...

— Значит, мою жизнь... мое счастье вы вообще не бере-

те в расчет? И пусть я откажусь от всего в двадцать три года?

— Не пытайтесь меня убедить, что в вас вдруг проснулось призвание пастушки.

— Нет, Джек, просто желание жить чистой жизнью рядом с порядочным парнем.

— Мне противно видеть, что вы до такой степени лишены честолюбия! Похоже, вы серьезно втрескались в этого колосса в юбочке, а?

— И что из этого?

— А то, что вы мне дадите лишнее основание избавиться от него как можно скорее.

Она вскочила, охваченная ужасом:

— Вы же не собираетесь...

— Сядь-э, дорогая.

Она обессиленно рухнула в кресло.

— Скажите же, Джек, вы не собираетесь его убивать?

— Собираюсь.

— Но почему? Почему?

— Потому что он тоже будет чересчур много знать о том, чем я, по вашим словам, занимаюсь. Я даже вам открою, как я это сделаю... Вы можете оценить тем самым мое доверие к вам. Завтра, когда он будет входить сюда, Девит подстроит так, что он войдет первым.

Дункэн вытащил из ящика стола пистолет, снабженный глушителем.

— Из этой хорошенькой штучки можно выстрелить только один раз, но я неплохой стрелок, и одной пули будет достаточно. Самое трудное будет убрать это громоздкое тело...

— Вы чудовищны!

— Практичен, дорогая, я практичен, и уверен, что вы умерите свое возмущение, когда я презентую вам норковую шубку... Удивительное дело, насколько норка способна усмирить самое жгучее желание мести. Само собой, если вам не придет в голову помешать моим планам. Тогда я буду вынужден обуздать ваши эмоции самым жестким способом, к моему глубокому сожалению.

Резким жестом он приказал Патриции молчать, когда та уже было открыла рот. Тогда она услышала, что кто-то поднимается по лестнице, ведущей в кабинет. Запыхавшийся Девит влетел на всех парах. Несколько мгновений он не мог отдышаться, а эти двое смотрели на него с любопытством. Дункэн спросил:

— А где шотландец?

— В участке.

— Тыфу ты черт! Его что, засекли?

— Нет.

— Тогда почему его упекли?

— Потому что он играл на волынке на Шефтсбери-авеню.

— Вы издеваетесь надо мной?

Питер описал, какую невообразимую сцену ему пришлось наблюдать. Когда он закончил свой рассказ, Джек в задумчивости спросил, не обращаясь практически к своим собеседникам:

— Что бы это могло значить?

— Да он ненормальный! Я так и знал, что с этим идиотом мы влипнем в какую-нибудь историю!

— Замолчите и немножко пораскиньте мозгами, перед тем как что-то ляпнуть, Питер. Если бы он нес наркотики, можно было бы подумать, что он специально привлек к себе внимание полиции, ну хотя бы ради крупного вознаграждения.

— Вот именно!

— Но у него не было наркотиков, и он знал об этом.

— И что же?

— Другая гипотеза: он подставился, чтобы на нас донести... но я не вижу, что это могло ему сегодня дать? Вот завтра было бы другое дело...

— Так что мы решаем, шеф?

— Подождем.

— Но если он...

— Мы в этом убедимся, только когда объявится полиция.

— Это будет подходящий момент!

— Нет, Деви, время на этом остановится, и мы с вами закончим здесь наши земные похождения, ибо, представьте себе, я не собираюсь вкушать прелести тюремной жизни.

— Вы — может быть, но не я...

Дункэн выхватил пистолет и спокойно наставил его на своего подручного:

— Что судьба уготовит мне, то она уготовит и вам, Питер, нравится вам это или нет...

И, повернувшись с улыбкой к Патриции, он заявил:

— Не рассчитывайте, дорогая, что я вас оставлю после себя... Вы мне пригодитесь и на том свете тоже...

Телефонный звонок нарушил напряжение, которое царило в кабинете. Джек взял трубку левой рукой.

— Да? Прекрасно... Он один?... Тогда пусть поднимается.

Опустив трубку, Дункэн ограничился тем, что произнес:
— Мистер Макнамара, слава Томинтоула, прибыл собственной персоной... один.

Они замолчали и в тишине почувствовали, а не услышали — так обостренно сейчас все воспринималось — приближение шотландца. И вот наконец послышались тяжелые шаги Малькольма, приглушенные обилием драпировок и мягкой мебели. Дункэн, Девит и мисс Поттер застыли, вперившись в дверь. Когда Макнамара ее открыл, то замер на пороге, пораженный их видом, а потом спросил:

— Что происходит?

У него было до того ошалелое лицо, что вся троица вздохнула с облегчением. Дункэн спросил:

— Вы пришли один?

— Один? Ничего себе вопрос! А с кем бы, по-вашему, я должен был прийти? Держите, вот ваш сверток-кукла. Вы бы мне хоть сказали, что в нем будут завернуты сладости! У меня был идиотский вид в участке! Шпики мне сказали, что они не знали, что шотландцы кормятся, как лондонские младенцы. Еще бы немного, и я бы всерьез взорвался, ну, потому что всему есть свои пределы, в конце концов!

Из тех, кто его слушал, один Девит еще сомневался.

— А что вас дернуло играть на этой, туда ее мать, штуковине, да еще посреди Шефтсбери-авеню? Да вы точно хотели, чтобы вас арестовали, клянусь, а то стали бы вы это вытворять!

— Я именно и хотел, чтобы меня арестовали, старина дорогой!

Питер выругался и хотел что-то проорать от возмущения, но Дункэн не дал ему открыть рот.

— Мы вас уже достаточно наслушались, Девит!.. Мистер Макнамара, мисс Поттер и я были бы счастливы выслушать ваши объяснения.

Шотландец плюхнулся в кресло и начал с того, что обратился к мисс Поттер:

— Не пройдет и двадцати четырех часов, крошка, и мы катим в Томинтоул!

К великому удивлению шотландца, Патриция разразилась слезами. Он поднялся, подошел к ней, положил руку ей на плечо и нежно спросил:

— Какие горести, дорогая?

Эта сцена допекла Дункэна. Как бы он хотел, чтобы это время — эти двадцать четыре часа — проскочило как можно быстрее, дабы покончить раз и навсегда с этой сентиментальной гориллой. Что до Патриции, то она могла и

подождать! Питер, от которого ничего не ускользало, просто упивался. Мирный голос Малькольма придавал молодой женщине ощущение безопасности. Она чуть было не призналась ему во всем, но в этот момент встретилась взглядом с Дункэном и поняла, что он готов ее убить. И она усло ответила:

— Так, ничего... уверяю вас, ничего. Просто нервы...

— Когда вы будете в Томинтоуле...

Теря свое обычное хладнокровие, Дункэн стукнул кулаком по столу:

— Какого черта! Макнамара, кажется, сейчас не время разводить шуры-муры с мисс Поттер! Я вам задал вопрос и попрошу вас на него ответить, и немедленно!

Шотландец медленно подошел к письменному столу Джека и, посмотрев внимательно ему в лицо, констатировал:

— И вы тоже, дорогой старина, как будто нервничаете, с чего бы?

Дункэн побелел, что являлось признаком того, что он уже собою не владеет. Патриция испугалась, что, потеряв хладнокровие, он выстрелит в шотландца, у которого и в мыслях не было, что его подстерегает опасность. К счастью, в этот короткий промежуток времени, который отделял вопрос Малькольма от губельного жеста Джека — схватиться за пистолет, — шотландец все так же мирно повел свой рассказ:

— Не буду скрывать, старина, я все-таки был обеспокоен... Эти лондонские шпики, мне кажется, уж что-то больно занялись мной... Я сказал себе — завтра, когда я понесу настоящий сверток, я буду рисковать головой... вот я и решил, пусть сдадут сегодня.

— Но с какой целью?

— Я подумал, что самое опасное место — это на подходах к Сохо, я не ошибся?

— Кончено.

— Мой вид интригует шпииков, а уж если я примусь играть на волынке прямо посреди улицы, тогда уж точно они меня упекут. В участке меня посчитают последним кретином, а я своими нескладными ответами наведу их на мысль открыть сверток. Так все и случилось. Они ржут надо мной, старина! И теперь уже ни в чем больше не подозревают, они меня жалеют, но по-доброму... Так вот, когда завтра я опять пойду под носом у шпииков, они скажут: «Гляди-ка, вот опять идет этот шотландец без царя в голове!» А уж раз я не буду играть на волынке, я спокойно

протопаю у них под носом с моим свертком, но уже с наркотиками. Я даже не удивлюсь, если они перекинутся со мной парой приветливых слов...

— Мне кажется, Питер, вам бы не мешало поучиться тактическим приемам у нашего друга, — сказал Дункэн Девиту. Затем снова обратился к шотландцу: — Понимаете ли вы, Макнамара, что вы отменный трюкач?

Малькольм напыжился:

— В Томинтоуле всегда ко мне идут за советом, если что-нибудь пошло наперекосяк. По крайней мере, умные — идут.

Вернувшись в «Шик-модерн», еще открытый, несмотря на смерть Блюма, Макнамара застал Эдмунда в полном раздрызге, хлещущим виски своего покойного хозяина. Шотландец без труда вызвал его на разговор, поскольку старик под влиянием алкоголя и сильнеешего волнения сам был склонен выкладывать, что у него на душе.

— Жизнь — это подонство, самое хамское подонство, чтоб вы знали, сэр! Вот сейчас приходил один тип... да тип-то еще молодой и мог бы еще быть нормальным... До чего ж он был тошнотворный... Кризис у него был, он просто тронулся!

— Что с ним было?

— Он не знал про смерть Сэма.

— Родственник?

Эдмунд пожал плечами:

— Клиент.

Шотландец недоверчиво посмотрел на своего собеседника:

— Вы же не станете меня уверять, старина, что постояльцы отеля любили вашего хозяина до...

— Да нет! Для Сэма отель был только прикрытием... Он торговал наркотиками, ясно вам? А тип, который приходил, наркоман...

— Как это он мог не знать о смерти Блюма? В газетах-то вон сколько об этом писали!

Эдмунд зло захихикал:

— Наркоманы, сэр, чихать хотели на газеты. Они живут только ради того, чтобы схватить наркотик, а все остальное, простите за выражение, они посылают на... Как он меня умолял, мальчишка, как плакал... Он думал, что я прикарманил запасы Сэма... но уж нет, я сдохну, а не дотронусь до наркотика! — На мгновение он смолк, а потом добавил: — Три года назад, когда я страдал артритом, я попробовал, и мне даже полегчало. Я быстро привык к это-

му, а потом один раз я увидел типа, когда у него была ломка. Жуткое зрелище, сэр... Я не хотел, чтобы со мной приключилось такое... Тогда я пошел к доктору Эдемфису.

— А это кто?

— Да наподобие святого... Он почти никогда не берет деньги за консультацию, по крайней мере с тех, кто не может платить. Уже много лет, как он посвятил себя лечению наркоманов, потому что наркотики убили его дочь. Полно найдется таких, кто бы хотел, чтобы он отдал концы как можно быстрее. Да вот только полиция его и прикрывает, а эти торговцы наркотиками знают, что покушение на жизнь доктора Эдемфиса дорого им обойдется... Ну вот, так что он может спокойно продолжать свое дело на Брод-стрит, у него там кабинет. Он настоящий человек, сэр. А вот эта шпана, что торгует наркотиками... да по мне хуже этой рвани нет на земле!

На следующий день Макнамара появился в назначенный час в кабинете Дункэна. Тот пребывал в отличном расположении духа, а у Патриции лицо было грустным.

— Ну как, Макнамара, мы в форме?

— Всегда в форме, старина!

— Тем лучше. Разыгрываем тот же сценарий, что вчера... Я было подумал посоветовать вам другой путь, но этот ваш трюк со шпиком на Шефтсбери мне понравился. Мне кажется, вы отлично сманеврировали. Так что нет никакого резона менять ваш маршрут. Само собой, Девет вас прикроет в случае чего... Удачи! Возвращайтесь со свертком, и вы можете укладывать чемоданы и отправляться в Томинтоул!

— С Патрицией.

— С Патрицией, разумеется.

Она не могла больше стерпеть этой лжи. Она должна крикнуть Малькольму, что Дункэн не только не собирается ее отпустить, но что он хочет его убить, как только он переступит порог этого кабинета.

— Малькольм, не ходите! Они хотят...

Дункэн подскочил к ней, схватил за руку и потрянул:

— Ну-ка, поосторожней!

Она не могла вырваться из того страха, который ей внушал Джек, но она надеялась, что своим криком предостережет шотландца и тот будет осмотрительным. Однако и он как будто воспринял ее как нервного ребенка, который не умеет себя контролировать, и ограничился тем, что сказал Дункэну:

— Не надо с ней так грубо обращаться, мне это не нравится...

— Она всегда психует перед началом крупных операций.

Макнамара улыбнулся Патриции с видом заговорщика, а у той уже все лицо было мокро от слез, и, прежде чем выйти, бросил:

— Напрасно вы себя доводите до такого состояния... Никакой опасности нет, и, вообще, мы еще увидимся, крошка!

Все прошло как по-писаному. Малькольм-контрабандист услышал, как его окликнули:

— Эй, кузен!

Он оглянулся и увидел вчерашнего моряка, который, стоя на пороге кафе, делал ему знаки. Он к нему подошел. Тот дружески похлопал его по плечу:

— Я ушел с судна пораньше... Зайдем выпьем?

— Если угостите!

Тот заржал:

— Вот окаянный шотландец! Пошли!

Они сели у стойки бара, облокотились и завели разговор о старых добрых временах. Потом, в точности как вчера, моряк ненадолго испарился и объявился снова со свертком в руках, положив его затем на стойку рядом с Макнамарой. Они чокнулись, выпили и разошлись по сторонам. Шотландец как ни в чем не бывало прихватил лежащий рядом сверток. Снаружи спокойно подкарауливал его выход Девит. Он пошел за ним следом, но на достаточном расстоянии, чтобы не привлекать внимания.

На углу Шефтсбери-авеню все тот же полицейский регулировал движение. Он заулыбался при виде Макнамары, который к нему подошел и объявил:

— Сегодня без волынки!

— И вы правильно поступили, сэр!

Расположенный к шуткам полисмен показал пальцем на сверток, который нес Малькольм.

— Ваше лакомство, сэр?

— Люблю сладости.

Пока шла эта коротенькая беседа, Девит обливался холодным потом. Это ж надо так изгаляться, чтобы совать под нос бобби черт знает сколько героина! Он облегченно вздохнул, только когда шотландец отошел от полисмена и направился по Дин-стрит.

— Программа меняется, Макнамара.

— А?

— Дункэн вас не предупредил из предосторожности... Мы едем на Хаунслоу, к одному типу, где наш склад. Джек ждет нас там.

— А как мы туда поедем?

— Не суетитесь. Все предусмотрено.

В эту минуту к краю тротуара подъехала машина, и шофер, подмигнув, бросил Девиту:

— Вот это точность, а, Питер?

— О'кэй, Джим... — Девит предложил шотландцу сесть в машину и сел рядом с ним. — Поехали, Джим, и по-быстрому, только без нарушений! Сейчас не время привлекать к себе внимание шпиков.

Машина тронулась и покатила на запад, а Девит не открывал большие рта. После Чисвика они поехали вдоль Темзы напротив Кью Гардена, а там уже съехали с лондонской дороги и въехали в Сион-парк. И вдруг Питер ткнул дулом пистолета в бок Макнамаре. Тот удивился:

— Что это на вас наехало?

— На меня? Ничего. Это с вами кое-что стрясется, если вы мне не отдадите сверток. Замедли, Джим.

Шотландец никак не мог врубиться.

— Но ведь Дункэн мне сказал...

— Да плевать на Дункэна. Ну-ка, живо, поторопись, или я стреляю.

— Патриция...

— Не берите ее в голову! Дункэн никогда бы ее не отпустил! Ты мне отдаешь сверток, или я его отберу сам у твоего трупа?

— Неужели вы посмеете?

— Неужели нет! Так и быть, скажу вам: вы мне не симпатичны, Макнамара!

— Да? Вот странно, ведь вы мне тоже не очень нравитесь... Вы мне напоминаете Брайана Макконата... Он тоже однажды попытался кое-что у меня забрать, то, что ему не принадлежит.

— Ну и что?

— А то...

И вдруг, выпучив глаза, шотландец заорал в ужасе:

— Осторожно, грузовик!

Он, конечно, разобрался в характере своего противника. Девит попался в ловушку и на секунду отвлекся. Этого было достаточно, чтобы получить апперкот слева в нижнюю челюсть, которая затрещала от удара, и он тут же потерял сознание. Шофер, еще не пришедший в себя от лож-

ной тревоги, устроенной его пассажиром, вдруг почувствовал холод от дула пистолета на своем затылке. Он заблеял от страха:

— Что... что происходит?

— Просто на вашем месте, сэр, я бы вернулся в «Гаванские пальмы». Если шпики нас остановят по дороге, а у нас в машине сверток с наркотиками, меня отправят в тюрьму так на много лет, что я предпочту умереть, но до этого успею убить вас. Ясно?

— Ясно. А можно у вас спросить: вы случайно не нервный, сэр?

— Ни в коем случае.

— Вот это хорошо! А то ведь на курок так легко нажать...

После ухода Макнамары и Девита Дункэн практически не раскрыл рта. Он довольствовался тем, что предупредил Патрицию:

— Вы попытались предостеречь вашего шотландца, дорогая, а значит, предать меня. Вы понимаете, что такую инициативу я отнюдь не могу одобрить. В наказание вы поприствуете при смерти вашего Тарзана из Томинтоула... и ставлю вас в известность, что, если вы поднимете крик, он окажется на том свете еще быстрее. Не обессудьте, дорогая, ведь он — воплощение героя какого-нибудь романа, этот ваш, так сказать, возлюбленный!

Затем воцарилось молчание. Давящее молчание, во время которого мисс Поттер тщетно пыталась придумать, как предупредить Малькольма о грозящей опасности. Но она не знала, с какой стороны к этому подойти, тем более что этот большой простофиля отказывался верить в плохое. «Мы еще увидимся, крошка...» Это и все, что он умел произносить. Увы, нет, он ее именно не увидит, эту крошку!

Дункэн курил, не спуская глаз с циферблата часов. Он начал нервничать, когда подошло время возвращения, а когда оно уже прошло, забегал по кабинету. Через полчаса — ведь он не знал, что Девит предложил прогуляться Малькольму, — он взорвался:

— Наколол! Он меня наколол! Клянусь вам, Патриция, я его достану из-под земли, он у меня долго будет плакать кровавыми слезами!

— Вы о ком говорите?

— О ком? О Макнамаре, разумеется! О ком, по-вашему, я должен говорить?

— О Девите!

— Почему это о нем?

— Потому что он способен убить Малькольма и завладеть свертком.

— Он никогда не посмеет.

— Не заблуждайтесь, Джек. Он мне предложил, что сделает это, если я соглашусь с ним бежать.

Дункэн посмотрел на нее недоверчиво:

— Вы часом не увлеклись игрой во вранье, Патриция?

— А мне теперь наплевать, что со мной будет!

— И вы только теперь меня об этом предупреждаете?

— Меня мало интересуют ваши дела.

— Дорогая Патриция, вы еще долго будете жалеть о своем предательстве! Можете на меня рассчитывать! А до Питера я докопаюсь, где бы он ни скрылся!

И тут они услышали шум подъезжающей машины, остановившейся перед входом в «Гавайские пальмы». Дункэн подбежал к окну и с облегчением вздохнул, когда увидел крупный силуэт шотландца. Он вернулся к Патриции.

— Не знаю, на что вы рассчитывали, но вы посмели мне солгать!

Со всей силы он надавал ей пощечин. Она удержалась от стога.

— Это чтобы вы могли предвкушать, что вас ждет впереди! Но вы еще можете принести свои извинения Питеру, пока я буду приканчивать эту шотландскую обезьяну!

Он занял место за своим столом, вынул пистолет, взял в правую руку и взвел курок. Патриция закричала что есть мочи:

— Осторожно, Малькольм! Он...

Дверь с грохотом раскрылась, и Дункэн выстрелил. Действительно, он целился хорошо, и Девит, получив пулю прямо в сердце, упал ничком. Макнамара опустился на колени рядом с Питером и сообщил:

— Ну вот, старина, вы его убили.

Дункэн не мог прийти в себя. Какого черта Девит поперся первым?

Малькольм положил на стол сверток с наркотиками:

— Вот товар.

Джек не знал толком, как себя повести. Не подозревая о попытке Питера его обокрасть, он убеждал себя, что убил своего компаньона зазря, по-глупому. Чтобы закончить с этим шотландцем, он решил пойти за другим пистолетом. Он было собрался это сделать, как вдруг Патриция закричала Малькольму:

— Зачем вы отдали ему эти наркотики? Вы что, не знаете, что он будет с ними делать? Значит, вы и в самом де-

ле такой дурак, каким кажется? Или вы такая же гниль, как и он?

Дункэн накинулся на нее и стал хлестать по лицу, потом схватил двумя руками за горло:

— Тварь! Грязная сука! Я тебя заставлю замолчать!

Патриция пришла в отчаяние, что Макнамара не спешит ей на помощь. Как вдруг в кабинете взвыла волюнка.

В замешательстве Джек бросил Патрицию и оглянулся на шотландца, который дул что есть мочи в волюнку. Это было похоже на комедию и бред одновременно: огромный тип играет на своей волюнке, а в ногах у него лежит труп. Вне себя, хозяин «Гавайских пальм» кинулся на Малькольма и вырвал у него музыкальный инструмент.

— Вы что, спятили?

— Я? Что за дурацкая идея?

— Но что вас разбирает играть в такой момент?

— У нас в Томинтоуле всегда играют «Полковник возвращается к себе», когда какой-нибудь тип должен умереть.

— Да оставьте ваши выходки для Томинтоула, если вы туда когда-нибудь попадете! — И, указав на Девида, добавил: — В любом случае для него это уже поздно!

— А я играю не для него, старина!

— А тогда для кого?

Надевая перчатки, Малькольм уточнил:

— Для вас.

— Для меня?

— Для вас. Потому что я вас сейчас убью, старина.

— Что вы несете? Вы случайно не приболели?

— Видите ли, у нас в Томинтоуле когда кто-нибудь поднимает руку на любимую девушку, его нужно убить, чтобы смыть позор... а я очень люблю мисс Поттер.

— И вы воображаете, что меня напугали, дурак вы недоделанный! — взревел Дункэн.

Одним прыжком Малькольм подскочил к нему и схватил за горло. Дункэн напрасно силился освободиться от тисков, которые его сжимали. Склонившись над ним, шотландец шептал:

— Патриция мне рассказала о той девушке и о том полицейском, которых вы приказали Деvidу убить... Она мне рассказала еще, что она терпит от вас... Как по-вашему, старина, в один прекрасный день надо за все расплатиться?

Сначала оцепенев от того, что происходит у нее на глазах, Патриция в конце концов вцепилась в Малькольма.

— Только не вы, Малькольм, только не вы! Не стано-

витель теперь вы убийцей! Ради любви ко мне, отпустите его!

— Не отпуская рук, он посмотрел на нее с улыбкой:

— Вы правда хотите, чтобы я его оставил?

— Умоляю!

— Ладно...

Он разжал руки. Дункэн рухнул на ковер. Патриция попыталась привести его в чувство.

— Я думаю, что у вас ничего не получится.

— Почему?

— Потому что я, наверное, сжал его слишком сильно и сам того не заметил. По-моему, я ему пережал сонную артерию.

— Так, значит, Джек...

— Мертвее не бывает.

И он вполне спокойно снял перчатки.

— А теперь, дорогая, мы можем ехать в Томинтоул.

Ошеломленная, Патриция ничего не могла сообразить. Из трех мужчин, которые еще сегодня утром разговаривали в этом самом кабинете, только Малькольм остался в живых, но именно он-то и должен был умереть... Она смотрела на шотландца с какой-то опаской. Он был таким сильным, таким спокойным, таким ребенком... Ребенком, который убивает, даже не заметив этого. Понизив голос, она спросила:

— Малькольм... почему?

— Потому что он вас избил, а это, крошка, как бы вам сказать, мне не нравится... Мне это совсем не нравится.

Патриция не знала, как объяснить этому чересчур большому младенцу, что убивать — это ужасно. И в это время в дверь тихонько постучали и послышался неуверенный голос Тома:

— Я вам не нужен, хозяин?

Шотландец быстро прислонился к стене, не произнося ни слова. А Патриция, еще не придя в себя, совершенно не была способна на что-либо реагировать.

Том, безусловно удивившись, что никто не отвечает на его вопрос, приоткрыл дверь, просунул голову, а потом и плечи.

— Вы здесь, хозя...

Слова застыли у него на губах, когда его взгляд остановился на телах Дункэна и Девиата. У него не хватило естественной реакции отшатнуться назад и закрыть дверь. Он стал икать:

— Го... Го... Господи!

И он тут же почувствовал, как его схватили за плечи и его куда-то понесло. Позже он объяснил, что в тот момент ему показалось, что его поднял подъемный кран. Макнамара водрузил Тома в кресло и, наклонившись к нему, посоветовал:

— Надо приходиться в себя, старина.

Портье был далек от того, чтобы настроиться на спокойный лад: он смотрел на Малькольма глазами, полными ужаса.

— Вы... вы... меня... меня тоже убьете?

Шотландец начал смеяться, и этот добродушный смех успокоил Тома больше любых слов.

— Это Дункэн убил Девита, а я немножко сжал горло мистру Дункэну, потому что он бил мисс Поттер.

— Немножко, да?

— Он, должно быть, не такой крепкий, как мне это казалось.

— На... наверное.

Макнамара налил портье стакан виски, и тот разом его осушил.

— А что же случилось?

Попросту, без всяких, Малькольм рассказал про наркотики, которые он получил от одного матроса со «Звезды Индии», про попытку Девита его обчистить, про западню, которую ему подстроил Дункэн, и про все последующее. Когда он закончил, Том высказал свое мнение:

— Если вдуматься, вы ведь только защищали свою шкуру.

— Совершенно точно.

— А наркотики? Где они?

— Вот он, сверток, на столе.

Портье погладил сверток дрожащей рукой:

— А что вы собираетесь...

Патриция прервала его:

— Мы его передадим в полицию... Правда, Малькольм?

— Конечно...

Том прикинул вес свертка на руке.

— Здесь на тысячи, много тысяч фунтов стерлингов... Можно обеспечить прекрасную жизнь до конца наших дней...

— Я не подумал об этом!

Патриция взмолилась:

— Нет, нет! Подумайте, сколько горя могут принести эти наркотики! Если вы меня и правда любите, вы не посмеете сделать этого!

В задумчивости Макнамара заметил:

— Тысячи фунтов стерлингов... Можно было бы купить ого сколько овец! Леонар Кент хотел продать ферму, а она так здорово оснащена...

— Малькольм, если вы продадите эти наркотики, вы меня больше никогда не увидите.

Он ей мило улыбнулся.

— Да нет же, нет... Я вас увезу в Томинтоул, Патриция... Но, Том, я что-то никого не знаю, кому можно было бы загнать эту дрянь?

— Можете не рыпаться... я беру это на себя, и мы скоро разбогатеем!

— Мне кажется, что я согласен, Том.

В честь этого договора шотландец взял свою волюнку и сыграл мелодию «Только музыка», а Патриция, опустившись без сил в кресло, оплакивала свои утраченные иллюзии. Никто и ничто не вытащит ее теперь из омута, в котором она увязла.

Глава шестая

Инспектора Блисс и Мартин все меньше понимали позицию своего шефа, суперинтенданта Бойлэнда. Их особенно раздражало то, что Бойлэнд выслушивал объяснения с видом человека, который не воспринимает их всерьез. Блисс, будучи более резким, взорвался первым:

— В конце концов, супер, мы ходили по следам шотландца день и ночь. Мы видели, как он пошел в Дроу-док, встретился там с моряком со «Звезды Индии», зашел с ним в «Разочарованный пират». И все это он проделал под наблюдением Питера Девиата, который не сомневался в том, что мы не спускаем с него глаз. Макнамара вышел из бара со свертком, которого до этого у него не было. На Шефтсбери-авеню он заиграл на волюнке...

Суперинтендант начал смеяться:

— Признайтесь, Блисс, что этот тип все-таки оригинал?!

— Оригиналы или нет, супер, но этот тип прежде всего торговец наркотиками. И прошу покорно меня извинить, но от этих приключений с наркотиками мне что-то не хочется смеяться!

— Не надо нервничать, инспектор.

— Я стараюсь, супер... но это трудно. В конце концов шотландца отвели в полицейский участок. Там как положено его отчитали, а потом открыли его сверток.

Бойлэнд тихонько шепнул:

— Который содержал?

— Сладости.

Бойлэнд развеселился почти до слез, а Блессу пришлось зажать себя в кулак, чтобы не выругаться.

— Нет, Блесс, вы представляете, целый Ярд, ну почти мобилизован, чтобы выловить человека, который прогуливается с леденцами на палочке?!

— Согласен, шеф, это была явная глупость, если только за ней не скрывалось что-нибудь другое. А вот на другой день, мы в этом уверены, и Мартин, и я, в новом свертке, который Макнамаре передал все тот же матрос, в новом свертке было кое-что другое.

— Это возможно.

Оба инспектора недоуменно переглянулись. Мартин спросил:

— Так что, арестовываем его?

— Нет.

— Но, в конце концов, шеф...

— Нет, мистер Мартин. Ваш шотландец меня не интересуется, я вам уже говорил.

— Однако...

— И вот что мне нужно: сначала Дункэн и Деви́т, потом тиг, который их прикрывает и руководит бандой торговцев наркотиками в Сохо. Видите ли, джентльмены, я убежден, что Макнамара — это всего лишь инструмент в руках людей, которых мы прекрасно знаем. А в его поведении должно быть какое-то объяснение, логика. Мы это узнаем со дня на день.

— А пока что?

— Не упускайте его из виду, а главное, зорко следите за необычными посетителями «Гавайских пальм». И если действительно шотландец принес из дока наркотики, их постараются распределить, рассредоточить, и вот тут-то и надо будет вмешаться. До свидания, джентльмены... Ах да! Если уж вам так хочется, можете арестовать этого матроса, и потрясите его как следует!

Патриция, оставшись в «Гавайских пальмах», взаперти, пока Том и Малькольм избавлялись от трупов, ломала себе голову, как поступить, как спасти от искушения Малькольма и спастись самой. Ей казалось, что Макнамара видит в своем поступке лишь возможность получше и побогаче устроиться с ней в Томинтоуде, и эта перспектива ослепила его, скрыла весь ужас того способа, каким ему предоставила судьба этого добиться. Если она не сдвинется с места и

ничего не предпримет, то шотландец вызовет на себя огонь всех темных сил из банды наркобизнеса, а эти силы, пожалуй, страшнее полиции. Ему, кажется, и в голову не приходит, каланче бестолковой, что эти подонки найдут его и в Томинтоуле и там убьют. Когда Макнамара и Том вернулись, Патриция все еще не смогла найти решения этой едва ли разрешимой задачи.

На следующее утро в «Шик-модерне» Макнамара спал крепким, безмятежным сном. Его разбудил Эдмунд. Он сказал, что Макнамару кто-то вызывает по телефону, не желая назвать свое имя, и говорит, что звонит по поручению Джэка Дункэна. Хотя Малькольм и был шотландцем, он все-таки понимал, что покойники не пользуются телефоном для связи с живыми. Заинтригованный, он спустился в холл, где находился единственный во всем заведении телефон.

— У телефона Макнамара... Я вас слушаю.

— Из какой местности вы приехали, мистер Макнамара?

— Из Томинтоула, а в чем дело?

— А что вы пили в «Разочарованном пирате?»

— А с какой стати это касается вас?

— В ваших интересах, мистер Макнамара, вы должны мне на это ответить.

— Допустим. Настойку мяты перечной с сельтерской водой, и что дальше?

— Никаких дальше, мистер Макнамара. Просто я теперь уверен, что вы тот самый Макнамара, которого я ищу.

— Вы меня ищете?

— Чтобы сказать, что нам все известно о случившемся с Дункэном и Девитом.

— Вы их родственники?

— Нет, мы их финансируем. А это куда серьезнее...

— Для кого?

— Для вас.

— Потому что?..

— Потому что эти джентльмены благодаря вашей помощи стали обладателями того, что принадлежит нам и стоит очень дорого... Очень дорого, вы слышите меня, мистер Макнамара? Гораздо дороже, чем жизнь двоих или троих человек?

— Троих?

— Вы можете стать третьим, мистер Макнамара.

— А я не пугливая девочка, вы ведь знаете?

— Мы знаем, мистер Макнамара, мы знаем, но мы и сами не из пугливых мальчиков. Тем не менее мы

считаем возможным заплатить вам то, что вам причитается за риск, которому вы подвергались... мы будем не против вам заплатить... скажем, пятьдесят процентов от комиссионных, которые бы мы заплатили Дункэну. Вы согласны?

— Погодите, вы что-то торопитесь... Во-первых, кто вы? Шеф Дункэна?

— Скажем так, его представитель, мистер Макнамара, приходите ко мне в «Гончие псы» на Саттан-стрит. Спросите мистера Лионеля Брауна. Я там буду.

— Когда?

— Сейчас же.

Закончив свой туалет, перед тем как поехать на Саттан-стрит, Малькольм позвонил Патриции. Он хотел ввести ее в курс дела, а еще прихвастнуть, что он был прав и что скоро он станет самым богатым овцеводом в графстве Банф. Молодая женщина умоляла его, чтобы он понял, что речь идет, это же ясно, о западне, но шотландец начал смеяться: пока еще никому не удалось обвести вокруг пальца Малькольма Макнамару. Сраженная, мисс Поттер положила трубку. Для нее было очевидным, что тот, кому подчинялся Дункэн, не смирится с подобной утечкой добычи и не преминет добраться до того, кто присвоил ее. Малькольм, считала она, шел на верную смерть. Нет, она ведь его любила, она не хотела, чтобы его убили, и потому она бросилась за спасением в Ярд, хотя и не сомневалась, что не всякое показание по поводу наркотиков будет встречено здесь с полным доверием. Но Патриция надеялась выторговать свободу для своего большого несмышленища из Томинтоула, открыв шпиикам место, где они могут найти наркотики.

Появление Макнамары в «Гончих псах» было встречено с любопытством. Он сообщил официанту, спросившему у него, что он будет пить, что пришел на встречу с мистером Лионелем Брауном. Едва он успел произнести это имя, как некий джентльмен, отстранив официанта, вошел и слегка поклонился:

— Вы мистер Макнамара, я не ошибся?

— Да.

— Я Лионель Браун. Вы разрешите?

Браун сел напротив шотландца, заказал выпивку, подождал, пока ее принесут, и затем приступил к разговору.

— Мистер Макнамара, вы весьма подло поступили с мистером Дункэном и мистером Девином.

— Только с Дункэном, а Девида сам Дункэн...

— Мы в курсе. Эти джентльмены были не только нашими друзьями, но еще и нашими работниками... То, за чем они вас отправили, принадлежит нам. Вы отдадите себе в этом отчет?

— Вы сами все сказали.

— Мистер Макнамара, разрешите вас предупредить, что вы напрасно играете в опасные игры...

— А я люблю опасные игры, мистер Браун.

— Я должен вас понять так, что вы отказываетесь от предложения, которое я сделал вам по телефону?

— Я буду иметь дело только с главным шефом.

— Это невозможно.

— Тогда я ничего не отдаю.

— Это ваше последнее слово?

— Последнее...

— Жаль...

В Ярде Патриция попросилась на прием к начальнику управления по борьбе с наркотиками, сказав, что она по поводу «Гавайских пальм». Ей повезло, ибо ни Блисса, ни Мартина не было на месте, и ее провели прямо в кабинет Бойлэнда. Суперинтендант принял ее галантно.

— Мисс Поттер из «Гавайских пальм»?

— Да.

— Как я должен понимать — это вас Дункэн сюда направил?

— Джек Дункэн мертв.

— Да?

— Питер Деви́т тоже.

— Ай-яй-яй! Настоящее побоище! Итак, вы знаете убийцу?

— Да.

— Его имя?

— Малькольм Макнамара.

Бойлэнд от удивления присвистнул. Но она быстро добавила:

— Малькольм убил только Дункэна, когда тот попытался его убить! А вот убийца Деви́та — это сам Дункэн.

— А если бы вы рассказали мне все это спокойно и по порядку, мисс Поттер?

И Патриция рассказала все, начиная с прибытия Макнамары в «Шик-модерн» до свидания шотландца в «Гончих псах». А попутно она раскрыла Деви́та как убийцу Полларда, мисс Банхилл и Сэма Блюма. Суперинтендант делал много пометок во время ее рассказа. Когда она закончила, Бойлэнд спросил:

— Каковы истинные причины вашего поступка, мисс Поттер?

— Я не хочу, чтобы они убили Малькольма.

Бойлэнд мягко спросил:

— Вы любите этого шотландца, не так ли?

— Да. А еще я не хочу, чтобы он был замешан в торговле наркотиками... Уж лучше пусть посидит в тюрьме немножко. Вы же посадите его ненадолго, правда?

— При условии, что мы его арестуем еще до того, как он продаст захваченный им товар. Кстати, что касается вас, мисс Поттер, к сожалению, должен сказать, что и вам придется держать ответ перед законом...

— А мне это все равно, лишь бы спасти Малькольма и лишь бы его отпустили в его Томиноул.

— Мисс Поттер... где находятся наркотики?

— В моей квартире.

— Прекрасно. Я благодарю вас за помощь, которую вы нам оказали... Да! Еще два слова: где тела Дункэна и Девита?

— Не знаю... Малькольм и Том, это портье, унесли их. Наверное, в Темзе они, я так думаю.

— Я тоже так думаю. От этого дела вашего шотландца не становятся лучше! И единственный шанс, чтобы судьи остались к нему снисходительны, мисс Поттер, это ни словом, ни намеком не сказать ему о нашем разговоре. Вы можете рассчитывать на нас, что бы ни случилось. Мы сделаем все возможное, чтобы обезопасить его. Договорились?

— Само собой разумеется.

— Тогда возвращайтесь к себе, мисс Поттер, и доверьтесь Ярду. С нашей точки зрения, Макнамара только небольшая приманка по сравнению с тем, кого мы пытаемся раскрыть уже многие годы и кто руководит торговлей наркотиками. Очевидно, он вам не известен?

— Нет.

Вернувшись в «Гавайские пальмы», Патриция встретила там Макнамару в сильном возбуждении. Он рассказал ей о своих переговорах с Брауном. Она тщетно пыталась его образумить, но шотландец стоял на своем:

— Вы только послушайте, дорогая, если мне удастся выйти на разговор напрямую с этим тайным шефом наркотиков, я получу пятьдесят процентов всей стоимости и мы будем жутко богатые!

— Если только вас не убьют до этого!

— И речи нет...

— Малькольм... нам не нужны эти деньги! Увезите меня в Томинтоул!

— Было бы просто глупо бросить такое состояние!

— Но подумайте о том, что эти наркотики приговорят сотни человеческих жизней!

— Я не обязан следить за здоровьем других!

— Малькольм... я вас полюбила, потому что считала, что вы другой. Но я вижу, что вы стоите не больше, чем они... Действуйте как вам заблагорассудится, но только не рассчитывайте больше на меня в чем бы то ни было. Я не поеду в Томинтоул! Прощайте, Малькольм, я вас не увижу больше никогда!

— Да нет же, нет!..

— Никогда!

— А я вот уверен, что мы еще увидимся, крошка...

Она вышла, сильно хлопнув дверью, и тут же шотландец позвал Тома и объяснил ему, какой барыш можно получить от прямых переговоров с главным шефом. Портье одобрил.

— Но как достать этого типа, которого почти никто не знает?

— В том-то и вопрос.

— Среди мелких торговцев я знаю немало ребят, но они все зависели от Дункэна, он их снабжал. Никаких шансов, что они даже приблизительно знают шефа в лицо...

Они погрузились в грустные раздумья, пока Макнамара не решил:

— В таком случае нам придется действовать через этого Брауна, но мне это не нравится.

— Мне тоже, а тогда с какого боку?

— Я вот о чем думаю, Том... Эдмунд, ну этот доходяга из «Шик-модерна», говорил мне об одном враче, который занимается наркоманами.

— Эдемфис, да...

— Если этот тип уже много лет выслушивает исповеди своих вылеченных пациентов, может быть, ему придет в голову, кто тот человек, которого мы ищем?

— Сомневаюсь... если бы знал, этого лекаря давно бы убили. Но вообще-то стоит попробовать.

Явившись к суперинтенданту, Мартин и Блисс так расхвастались, просто взахлеб, что Бойлэнд, развеселившись, с трудом скрывал, какое это ему доставляет удовольствие.

— Итак, джентльмены, что нового?

Блисс объяснил:

— Мы арестовали матроса со «Звезды Индии». Он ока-

зался хлипким и в конце концов раскололся, что передал десять кило героина Макнамаре!

— Десять кило! Ах ты, черт возьми!

— Вот именно, шеф. А плюс к тому парень нам любезно поведал, что передал целое состояние шотландцу по рекомендации Питера Девида, который действовал, разумеется, от имени Джека Дункэна.

— Все это интересно! Весьма!

— Еще бы! Я думаю, шеф, что на этот раз мы их крепко держим и сможем наконец отомстить за Полларда!

— Что же вы предлагаете, мистер Блисс?

— Мартин и я берем несколько человек, врываемся в «Гавайские пальмы» и хватаем Девида и Дункэна, для начала.

— Это невозможно.

— Невозможно? Почему?

— Потому что они оба мертвы. Кстати, позвоните в речную бригаду, Мартин, и попросите их найти два труп.

Инспектора не могли прийти в себя. Мартин первый очнулся:

— Каким образом они оказались мертвыми, шеф?

— Мистер Дункэн убил мистера Девида по ошибке, а мистер Макнамара преспокойно задушил мистера Дункэна за то, что тот ударил мисс Поттер. Кажется даже, он проявил особую вежливость, сыграв коротенькую мелодию на своей волынке в честь мистера Дункэна перед тем, как его убить. Этот шотландец проявляет весьма необычную тонкость. Вы не находите?

Блисс, который был начисто лишен чувства юмора, заорал:

— Тонкий или не тонкий, мы его хватаем по обвинению в убийстве и за торговлю наркотиками! Этого достаточно, чтобы отволочь его на виселицу или засадить в тюрьму до конца его дней! Разрешите, шеф, подчеркнуть, что я вас предупреждал об этом шотландце.

— Я это признаю, мистер Блисс.

— И вы не хотели, чтобы я его арестовал!

— И я все еще этого не хочу, мистер Блисс.

— Что?

— Если у нас и есть хоть один шанс добраться до главаря наркобизнеса, то именно этот шотландец нас туда приведет. Итак, я запрещаю вам причинять ему малейший вред. Вы поняли, мистер Блисс?

— Так точно, шеф, но... потом?

— Потом я отдам его в ваши руки.

— Тогда я ничего не теряю, можно и подождать!

— Я в этом не сомневаюсь, но пока что вы оба должны проявить все ваше умение, следуя по пятам Макнамары, и чтобы никто вас при этом не заметил. Если вы провалитесь... мне будет жаль вас обоих, джентльмены. Ах да! Пока я помню, можете закрыть дела Полларда, Банхилл и Блюма. Их убил Девит, а сам тоже... мертв.

Хотя Мартин был более застенчив, чем его коллега, он все-таки спросил:

— Вы... вы в этом уверены, шеф?

— У меня нет никаких причин сомневаться в том, что мне рассказала мисс Поттер.

— Потому что это она... которая?

— Да, она. Она и передала всю историю от начала до конца.

— Но, шеф, с какой стати она пришла вам это сообщать? Чтобы попытаться выгородить себя?

— Потому что она влюблена в Макнамару.

Блисс съязвил:

— Они проведут медовый месяц в тюрьме!

— И еще потому, что мисс Поттер мужественная девочка, которой просто не повезло.

— То есть как?

— Видите ли, мистер Блисс, у меня такое ощущение, что вы не понимаете до конца роли полиции. Нужно будет как-нибудь это вам объяснить. Выберем такой день — день, когда у меня будет хорошее настроение, вашими стараниями. А сегодня не тот случай!

Когда Макнамара вошел в кабинет, доктор Эдемфис подскочил:

— Что за черт?! Не хотите ли сказать, что больны?

— Успокойтесь, доктор, я никогда не болел... С овцами на это нет времени.

По виду врача нельзя было сказать, что он уловил прямую связь между здоровьем своего визитера и овечьей породой. Но поскольку он привык к любым странностям, то не стал уточнять.

— Если вы не больны, мистер?..

— Макнамара Малькольм. Макнамара из Томинтоула.

— Чем могу служить, мистер Макнамара?

— Разрешите сесть?

— Пожалуйста! Извините... Я слушаю вас, мистер Макнамара.

— Кажется, доктор, вы интересуетесь больше всего

большими наркоманией, которых стараетесь вырвать из этого порока еще со времени печальной истории вашей...

— Прощу вас, мистер Макнамара, не говорите об этом... я стараюсь забыть, по крайней мере в течение дня... Какой помощи вы от меня ждете? Ведь вы же, безусловно, не наркоман?

— К счастью, нет... Но есть один человек, у него большие неприятности... серьезные неприятности с главарями наркобизнеса в Сохо.

— Тогда остерегайтесь! Это безжалостные люди... Их интересуют только деньги!

— Речь как раз и идет о деньгах.

Врач посмотрел на своего посетителя с изумлением:

— Право же, я не вижу, почему вы сочли возможным...

— Я подумал, что с тех пор, как вы в контакте с наркоманами, вы могли уже узнать или догадаться, кто здесь главный игрок, а именно с ним я хотел бы встретиться, чтобы попытаться сговориться.

Эдемфис покачал головой:

— Нет... Я ничего не знаю. Больные доверяют мне, приходят ко мне только потому, что знают: я не пытаюсь проникнуть в их тайны. Сожалею, мистер Макнамара, но... если бы я знал человека, который в ответе за смерть моей дочери, я бы его убил собственными руками!

Несколько раздосадованный бесполезностью предпринятого шага, шотландец вернулся в «Гавайские пальмы», чтобы рассказать о своей неудаче Патриции. Но молодой женщины там не оказалось. Том сказал ему, что она недавно ушла после телефонного разговора. Узнав от Малькольма, что доктор не смог ничего ему сообщить, портье кивнул:

— Я так и думал... Ну что ж, нам остается, пожалуй, только согласиться с предложением этого Брауна. Эх! С этого мы еще получим по кругленькой сумме каждый. Лучше не разжигать слишком аппетиты, зато остаться живым!

Зазвонил телефон. Том протянул трубку Малькольму.

— Это вас.

— Кто?

— Не знаю.

Шотландец спросил:

— Кто говорит?

— Это вы, Макнамара?

— Да. А вы кто?

— Тот, кого вы искали.

— Вы хотите сказать... главный шеф?

— Пожалуйста, не называйте меня так. Браун поставил меня в известность по поводу ваших требований, они сметворны, мистер Макнамара.

— Я так не думаю.

— Ну что ж! Вы ошибаетесь.

— Это вы так считаете.

— Точно так же смешотворно, как ваш визит к этому глупцу Эдемфису! Вы должны понять, что, если бы этот милейший знал хоть что-нибудь, мы бы его устранили быстро... и окончательно.

— Как Полларда? Как Блюма? Как мисс Банхилл?

— Совершенно точно.

Шотландец пытался быстро что-то сообразить. Он был вынужден признать, что натолкнулся на весьма сильного противника.

— Послушайте...

— Я только это и делаю, мистер Макнамара.

— Я согласен на предложение Брауна.

Малькольм услышал иронический смешок.

— К сожалению, это я не согласен.

— Да? А сколько вы мне предлагаете?

— Нисколько.

— Вы что, спятили?

— О нет, мистер Макнамара.

— В таком случае я оставляю у себя наркотики.

— А я оставляю мисс Поттер.

— Что?

— Вы прекрасно меня слышали. У вас будут наркотики, а у меня мисс Поттер, я предлагаю вам простой обмен.

— А если я откажусь?

— Мисс Поттер присоединится к Дункэну и Девиту.

— Вы выиграли. Я согласен.

— Я всегда утверждал, что шотландцы самые разумные люди в мире. Встреча сегодня вечером, в восемь часов, там, где вы встречались с мистером Брауном. Вы закажете стакан крепкого портера. Выпьете половину, затем пойдете в туалет. Мистер Браун будет вас там ждать и проводит ко мне.

— А что мне докажет, что это не западня?

— Вы хотите услышать мисс Поттер?

И почти сразу же раздался дрожащий от ужаса голос Патриции:

— Не занимайтесь мной, не думайте обо мне, Малькольм... Они меня убьют в любом случае! Если вы придете, они вас тоже убьют! Не приходите!

— Никто меня не убьет, Патриция... а вам нет никакого смысла умирать, потому что я должен вас увести в Томинтоул!

— О, Малькольм! Умоляю вас... вернитесь в действительность! Не будьте же ребенком до такой степени! Я люблю вас, Малькольм. И именно потому что люблю, заклинаю вас не приходить! Прощайте, Малькольм! Прощайте, дорогой, счастья вам!

— Мое счастье — это вы, Патриция... Не волнуйтесь, мы еще увидимся, крошка!

Шеф вмешался в разговор:

— Я все слышал, Макнамара... Не обращайтесь внимания на ее слова. Ей страшно, а страх парализует разум. Я приветствую, что вы не уступили ее глупым просьбам!

— Когда я решил что-нибудь, меня трудно остановить, а я решил забрать у вас Патрицию.

— И вернуть мне сверток?

— И вернуть вам сверток.

— Прекрасно. Как раз рядом со мной наш американский покупатель, он был бы крайне недоволен, что пересек Атлантику зря. До вечера.

— До вечера.

Шотландец положил трубку. Том, полный нетерпения, спросил:

— Ну и что?

— А то, что все пошло прахом.

— Как это?

— Они выкрали мисс Поттер.

— Это печально, но какое это имеет отношение к нашей сделке?

— Они вернут Патрицию только в обмен на сверток.

— И вы согласились?

— Я не мог действовать иначе.

— А вы мне выплатите мою долю?

— Где я, по-вашему, должен взять деньги?

— И вы считаете нормальным, что я буду разорен из-за этой девчонки, на которую плевать хотел?

— Том, старина, вы начинаете мне действовать на нервы.

— Мне очень жаль...

Портье выхватил из кармана пистолет и направил его на шотландца.

— Самые прекрасные шутки — это короткие, мистер Макнамара. Вас этому не учили в Томинтоуле?

— Нет, учили, сэр... а вас, вас не учили, что опасно играть с огнестрельным оружием?

— Но не для того, кто его держит! А ну-ка, будет играть в клоуна, поганый шотландец! Пошли за свертком, и быстро!

— А ведь вы мне были симпатичны, Том...

— Вы мне будете еще больше симпатичны, когда вручите мне наркотики.

— А как же Патриция?

— А это уже ваши проблемы. Я слишком скромн, чтобы в них вмешиваться...

Они вошли в комнату мисс Поттер, и Малькольм направился к кровати.

— Я вам и не нужен, старина, можете взять сверток сами.

— А где он?

— Под кроватью.

— Тоже мне хороши! Сунуть такое богатство под кровать! Это ж невообразимо, вы, наверное, рехнулись, ей-Богу! Так что? Чего вы ждете, доставайте!

Макнамара наклонился, Том совершил ошибку, подойдя слишком близко. Шотландец, опершись о матрац, с такой силой брыкнул портье, что тот отлетел, вопя от боли. Через секунду шотландец уже был на нем и правой рукой оглушил его. Потом, связав руки и ноги, привел Тома в чувство. Первые слова, которые тот произнес, были полны горечи:

— Мне всегда говорили, что нужно остерегаться шотландцев...

— Всегда нужно слушать хорошие советы, старина.

Макнамара подхватил незадачливого портье и перенес на кровать.

— Вот так, старина... мисс Поттер вас освободит.

— А если она не придет?

— Значит, ни ее, ни меня уже не будет на этом свете.

— Ну да, это меня успокаивает!

Блисс принес суперинтенданту Бойлэнду запись телефонного разговора Макнамары с тем, кто ему звонил.

— На этот раз, шеф, мы берем их всех с поличным.

— Благодаря шотландцу.

— То есть...

— То есть, мистер Блисс, если бы этот парень не завладел наркотиками, если бы он не был по уши влюблен

в мисс Поттер, у нас не было бы никаких шансов добрат-ся до того, кто нас интересуеи и кого мы никак не могли засечь.

— И все-таки это не дает основания прощать этому Макнамаре, что он хотел торговать наркотиками?

— Конечно, нет!

— В таком случае, шеф, я согласен с вами!

— Я просто счастлив, мистер Блосс.

— Если мы их всех схватим, то поздравим шотландца перед тем, как надеть ему наручники.

Перед тем как уйти из «Гавайских пальм», Малькольм напил и накормил своего узника. Закончив кормежку, он похлопал Тома по щеке:

— Самое лучшее теперь для вас, старина, это поспать, а перед этим помолиться небесам, чтобы они помогли мисс Поттер и мне выйти живыми из всего этого.

Открыв дверь в «Гончие псы», Макнамара пропел «Салют, это опять я!», что вызвало улыбку у завсегдатаев. Действуя в соответствии с полученными указаниями, Малькольм заказал стакан крепкого портера и выпил половину перед тем, как отправиться в туалет со свертком под мышкой. Было ясно, что хозяин «Гончих псов» уже позволил шефу и доложил, что все происходит как предусмотрено. В туалете шотландец успел тщательно вымыть руки, разглядеть себя в зеркало и только тогда появился мистер Браун.

— Здравствуйте, Макнамара... Зря вы не согласились на мое предложение... Видимо, в Томиноуле люди себя считают более деловыми и хитрыми, чем в Лондоне.

— Все может быть, старина, не так ли?

При этом оба сделали вид, что не видят, как слегка приоткрылась дверь одной из кабин, откуда можно было подглядывать, оставаясь незамеченным.

— Идемте, Макнамара...

— Куда?

— На встречу с мисс Поттер. Ведь именно этого вы хотели?

— Готов идти за вами.

— Ошибаетесь, джентльмен, вы пойдете впереди!

Они спустились в подвал «Гончих псов», где стоял стойкий запах пива. Пересекли подвал по всей длине и очутились перед маленькой дверцей, в которую Малькольм с трудом протиснулся. Вышли в какой-то коридор, откуда вела ввѣрх лестница. Шотландец понял, что он и его спут-

ник перешли в другое здание. Классическое расположение, но всегда безотказное. Наконец, оба остановились перед дверью, и Браун открыл ее толчком. Еще одна лестница, ведущая в полуподвал, и они вошли в пустое сводчатое помещение, похожее на подземелье, которое было освещено единственной электрической лампочкой. Мистер Браун объявил:

— Здесь состоится свидание, Макнамара.

— Где мисс Поттер?

— Не будьте таким нетерпеливым!

— Малькольм, вы все-таки пришли?!

Шотландец оглянулся. Перед ним стояла Патриция.

— Хэллоу! Дорогая! Вы умеете проходить сквозь стены?

— Увы, нет!.. Меня вытолкнули вон из той маленькой дверцы... Ах, Малькольм, почему вы меня не послушались?

— А ведь я ой как правильно сделал, разве нет?

— Но вы разве не понимаете, что они нас никогда не выпустят?

— Почему? Я им отдаю наркотики, а они ведь этого хотели, так?

Мисс Поттер расплакалась:

— Малькольм... бедный мой Малькольм... вы так никогда и не сообразите, что в Сохо живут не так, как в Томинтоуле!..

— Ну что вы напридумывали, крошка... Вот, держите, мистер Браун, я кладу сверток на стол... а теперь мы пошли, мисс Поттер и я.

Мистер Браун улыбнулся:

— Очень боюсь, что это будет невозможно, мистер Макнамара.

Говоря это, он отступил на два шага и выхватил пистолет, который направил на своего собеседника.

— Весьма сожалею, Макнамара, но мы не можем вам позволить уйти. Вы слишком много знаете... Я оказался перед тяжелой необходимостью убить вас обоих, и эта перспектива, уверяю вас, не приводит меня в восторг.

— Меня тоже.

— У вас есть чувство юмора, оказывается?

— В Томинтоуле, когда заключают сделку, ее соблюдают.

— К вашему несчастью, мы не в Томинтоуле.

— Я уверен, что ваш шеф не в курсе дел.

— Вам придется разувериться, Макнамара. Браун действует всегда по моему приказу.

Шотландец посмотрел на того, кто только что появился в подвале, пройдя через ту же дверь, что и мисс Поттер. Малькольм выглядел ошарашенным.

— Так это... вы... главный шеф?

— Ну я...

— Вот это да!.. Ну и сильны же вы, доктор Эдемфис!

— Спасибо.

— Но история с вашей дочкой... Это что — вы мозги пудрили?

— Нет... Она оказалась более проницательной и хитрой, чем полицейские из Ярда... Она догадалась, что я главный торговец наркотиками... И эта глупая девчонка стала моей клиенткой без моего ведома... она хотела забыть, кем является ее отец... Слабовольная... а я не люблю ни слабых, ни наивных. Поэтому я и убираю вас, Макнамара, и вас, мисс Поттер!

— Как того полицейского, о котором говорила Патриция? И как ту девушку?

Эдемфис самодовольно засмеялся:

— Ярд далек от того, чтобы заподозрить доброго доктора, который бросается на помощь всем наркоманам, чтобы их вылечить... На самом деле я их переправляю к моим торговцам... А этот Поллард, который ко мне явился, чтобы я помог ему засечь меня же самого! Смешно, правда? Я тут же понял, что эта Банхилл расколется, именно поэтому, как только инспектор ушел из моего кабинета, я поднял Дункэна... и вот — нет уже ни мистера Полларда, ни мисс Банхилл.

— Это сволочизм...

— А вот это, мистер Макнамара, мне абсолютно безразлично... Как и Брауну, заверяю вас, мне неприятно, что я оказался перед необходимостью вас убрать... потому что вы мне оказали большую услугу, не только тем, что пошли за героином, но и тем, что устранили Дункэна и Девита от дележа денег... Жаль, что вы влюблены в мисс Поттер, жаль вас... и жаль ее.

Теперь уже Эдемфис вытащил пистолет.

— Я очень хорошо стреляю, Макнамара, вы не будете страдать.

Патриция бросилась вперед и загородила собой шотландца.

— Убейте меня, доктор, но только не его... Он уедет в Томинтоул, займется своими овцами... Вы никогда о нем не услышите.

— Невозможно, мисс Поттер, мне дорога моя свобода.

Малькольм нежно отстранил молодую женщину:

— Благодарю, дорогая... успокойтесь, он никого не убьет.

Эдемфис поднял свое оружие:

— Это прекрасно, Макнамара, умирать с иллюзиями!

— Одну минуту!

Какой-то другой человек вошел в подвал все из той же двери, откуда появились Патриция и медик. Эдемфис со злостью обратился к вновь прибывшему:

— Что это с вами, О'Рурк?

— Эдемфис, я вовсе не собираюсь быть замешанным в этой истории с убийствами. — Он вытащил пачку долларов в крупных купюрах. — Вот деньги, доктор, дайте мне товар и пять минут на отход. Потом вы можете делать все, что вам заблагорассудится.

Эдемфис пожал плечами:

— Хорошо... Макнамара, дайте сверток нашему заокеанскому клиенту и не вздумайте выкинуть какой-нибудь номер, иначе Браун и я будем стрелять!

Шотландец взял наркотики и протянул О'Рурку, который подошел к нему, чтобы их взять, но в тот момент, когда сам протянул руку, его взгляд встретился со взглядом Малькольма, и тут он вдруг сотворил великолепный отскок назад с диким криком:

— Черт бы вас всех взял!

Остальные посмотрели на него в ужасе. Медик заорал:

— Что еще случилось, О'Рурк?

— Что случилось? Да вы знаете, кто этот тип?

— Овцевод из Томинтоула, из графства Банф.

— Ха! Как бы не так! Ваш овцевод — это Малькольм Макнамара, один из лучших агентов службы по борьбе с наркотиками!

Наступил короткий момент замешательства, и шотландец им воспользовался. Одним прыжком он оказался на О'Рурке. Эдемфис выстрелил, но пулю получил его американский клиент. Его крик заполнил подвал. Браун тоже хотел выстрелить, но был скошен автоматной очередью со стороны лестницы, одновременно оттуда прозвучал короткий приказ:

— Бросайте оружие, Эдемфис, с вами покончено!

Доктор на секунду заколебался, потом бросил свой пистолет. Подбежали полицейские, а Макнамара, поднимаясь, только и сказал:

— Вы чуть не опоздали, Бойлэнд.

Глава седьмая

— Итак, Малькольм, вы возвращаетесь в Томинтоул?

— Разумеется... Надеюсь, вы больше за мной не придете. Я хочу жить среди своих овец, только среди овец.

— Это потеря для наших служб, но я вас одобряю и вам завидую.

Шотландец собрался уходить от своего друга суперинтенданта Бойлэнда.

— Само собой разумеется, вы оставите мисс Поттер в покое?

— Она уже у себя. Позволю себе сказать, что у меня нет никакого жлания причинить хоть малейшую неприятность будущей миссис Макнамара!

— Можете позволить, старина, можете!

Патриция вернулась в «Гавайские пальмы» в сопровождении инспектора Мартина. По дороге он счел нужным прочесть ей мораль, довел до ее комнаты и с удивлением обнаружил Тома, которого и отправил на тюремной машине, вызванной по телефону. Потом он помог мисс Поттер сложить чемоданы и перенести их в такси. Оно должно было се доставить до Паддингтонского вокзала, где ей предстояло сесть в поезд, следующий до Уэльса. Когда молодая женщина уехала из отеля, инспектор занялся тщательным осмотром бумаг Дункэна. Макнамара застал его погруженным в свои поиски.

— Мисс Поттер здесь нет?

— Она уехала.

— Уехала?

— Со своими чемоданами... По-моему, она уехала навсегда.

— Вы не представляете, в каком направлении она могла поехать?

Мартин улыбнулся:

— Паддингтонский вокзал... И если я правильно понял, поезд на Свенси отходит только через полчаса.

Когда поезд тронулся, Патриция почувствовала, как у нее сдавило горло. Она вспоминала, как была наивна когда-то, думая, что завоюет Лондон при поддержке Дункэна. Вспомнила и свою еще вчерашнюю наивность, когда считала, что существуют еще люди, подобные Малькольму. Она вроде не хотела плакать, но слезы полились сами собой. Злясь на себя, шмыгая носом, она никак не могла открыть свою сумочку, чтобы вынуть носовой платок, как вдруг чей-то носовой платок возник у нее перед глазами. Не по-

нимая странности происходящего, она схватила его и стала вытирать глаза, буркнув:

— Спасибо...

— К вашим услугам, мисс.

Этот голос... Она подняла голову. Загораживая собой весь проход, перед ней стоял улыбающийся шотландец.

— Вы?

— Вы избрали странный путь, дорогая, чтобы доехать до Томинтоула!

— Я никогда не поеду в Томинтоул.

— Дурацкое дело... я купил билеты... а шотландцы, дорогая, не любят швырять деньги на ветер... Мы выйдем в Хэдингс и вернемся в Лондон.

— Нет.

— Да.

Малькольм вошел в купе, положил сумку и сел напротив мисс Поттер.

— Почему вы сбегаете, Патриция?

— Я не хочу больше вас видеть!

— Но почему? Я думал, что вы меня любите.

— Я любила не вас, а овцевода, который верил во все, что ему говорили...

— А в чем же я стал другим?

— Вы шпик! Вы меня обманули!

— Заблуждение... Я долго был агентом пятого отделения военной разведки, но вот уже три года, как я в отставке. Это Бойлэнд ко мне приехал в Томинтоул и попросил помочь ему, чтобы вывести на чистую воду подпольный наркобизнес в Сохо. А я не изменился, Пат, я вас люблю как прежде.

— Но какой смысл был прикидываться таким чудилой?

— Потому что я такой и есть. А еще я считаю, что, если хочешь пройти незамеченным, нужно обратить на себя внимание. Ярд знал, что «Гавайские пальмы» были в центре всей аферы. Главное было — попасть туда так, чтобы не вызвать подозрений. Отсюда и эта история с деньгами, которые я якобы носил с собой, отчего у покойного Сэма Блюма слюнки потекли. Бойлэнд знал о связях, которые существовали между «Шик-модерном» и «Гавайскими пальмами»... Нужно было во что бы то ни стало остановиться в этом паршивеньком отеле, а мой имидж наивного шотландца сослужил мне верную службу. Я решил крутиться на такси до тех пор, пока меня не довезут до этого отеля. Я знал о вашем существовании, и в мои планы входило подгадать нашу встречу и изобразить, что я сражен

вашей красотой... Мне трудно было предвидеть, что я стану жертвой собственной ловушки.

— А на этот раз вы говорите правду, Малькольм?

— А зачем мне тогда везти вас в Томинтоул? По моей просьбе Бойлэнд не сказал обо мне никому, а это мне стоило некоторых неприятностей с полицией.

— Как вы меня разыскали в этом поезде?

— А разве я вам не сказал, что мы еще увидимся, крошка?

Тогда она снова принялась плакать, и, само собой разумеется, чтобы успокоить, он обнял ее.

Дональд Стивенс, начальник поезда, клевал носом и размышлял о том, что же ему приготовила его жена Мод из холодных закусок. Его полудрему и размышления гурмана прервал Герберт Джонсон, контролер. Джонсон был из начинающих, а Стивенс недолюбливал молодых, в которых усматривал вечную угрозу. Контролер был охвачен паникой.

— Мистер Стивенс! Мистер Стивенс!

— Что? Что случилось? Пожар?

— Нет, там шотландец...

— Хотя я и отношусь с осторожностью к людям из Хайленда, но не могу уловить связи, мистер Джонсон, между железнодорожной катастрофой и присутствием в поезде шотландца.

— Но... мистер Стивенс, он затеял нечто скандальное...

— Скандальное?

— Он играет на волынке, рядом с дамой, которая прислонилась к его плечу. Пассажиры давятся в проходе, чтобы его увидеть, а в купе их натолкалась дюжина вопреки правилам!

— А что он играет, этот ваш шотландец, мистер Джонсон?

— Кажется, «Плыви в мечтах».

— Мелодию не перевирает?

— По-моему, нет.

— Тогда оставьте его в покое, мистер Джонсон, а заодно и меня, понятно?

Филлис Дороти Джеймс

Взгляд на убийство

Глава первая

Доктор Пауль Штайнер, психиатр-консультант клиники Стина, сидел в кабинете для консультаций, расположенном в передней части нижнего этажа, и слушал до занудства рациональное изложение неудачи третьего брака своего пациента. Мистер Бэдж растянулся на кушетке, в таком положении было удобней рассказывать о сложностях, которые пришлось испытать его душе. Доктор Штайнер сидел у изголовья на стуле и старательно записывал его слова на машинке согласно распоряжению опекунского больничного совета по проведению консультаций. Все было достаточно привычным и не вызывало неприятных ощущений, кроме одного — уставал затылок, не имевший опоры. Время от времени резкое подергивание мышц шеи возвращало доктора Штайнера из кратковременного забвения в действительность вечера психиатрической клиники. Заканчивалась пятница.

Октябрьский день выдался на редкость теплым. После двухнедельных сильных холодов, во время которых персонал клиники дрожал и умолял администрацию передвинуть ближе официальную дату включения центрального отопления, выпал один из тех идеальных осенних

дней, когда городская площадь до краев залита золотистым светом и поздние георгины за оградой сада превращаются в яркую палитру красок, празднично сияющих, как в разгар лета. Теперь было около семи часов вечера. За окном тепло дня медленно уступало место дымке тумана, за которой неминуемо следовала прохладная темнота. Но здесь, внутри клиники, сохранялась полуденная жара, воздух, тяжелый и безмолвный, казалось, устал от дыхания слишком многих говорящих.

Мистер Бэдж раздраженным фальцетом распространялся о незрелости, холодности и бесчувственности своей жены. Клиническое заключение доктора Штайнера, написанное под воздействием эффекта позднего обильного ленча и неблагоприятного выбора к послеполуденному чаю жареных пирожков, не подтверждало, что все три мадам Бэдж имели один дефект — полное отсутствие рассудительности при выборе мужа. Мистер Бэдж еще не был готов взглянуть в глаза истине о несоразмерности собственных требований и действительности.

У доктора Штайнера возникло негодование в связи с поведением пациента. Однако было бы в высшей степени безнравственно из-за каких-либо личных чувств исказить медицинское заключение. В жизни доктора Штайнера имелось несколько моментов, вызвавших его искреннее возмущение, поскольку большинство из них затрагивало его собственный комфорт. Некоторые из них действительно имели отношение к клинике Стина и ее администрации. Доктор не одобрял решительного поведения администратора мисс Болам, озабоченной учетом пациентов и тщательной проверкой расходов на его разъезды, что являлось, и в этом он был убежден, частью политики систематических преследований. Возмутительно и то, что дежурство в пятницу здесь, в клинике, совпало с лечебным сеансом электроконвульсивной терапии, который проводил доктор Джеймс Багли, и пациенты психотерапевтического отделения доктора Штайнера, люди высокого интеллекта, осознающие преимущество лечения именно у него, вынуждены были сидеть в комнате ожидания вместе с пестрой толпой унылых, ограниченных домашних хозяек с ярко выраженными психическими отклонениями, что, казалось, приводило Багли чуть ли не в восторг. Доктор Штайнер отказался использовать для консультации один из кабинетов, расположенный на третьем этаже. Кабинеты были созданы из многократно разделенной большой и изящной комнаты в григорианском стиле, но он презирал эти помещения, неприятные, сквер-

ных пропорций клетки, не соответствующие специфике и важности его дела, и не находил удобным изменить время своего лечебного сеанса, поэтому изменил его Багли. И держался при этом так уверенно, что доктор Штайнер усматривал в этом поддержку мисс Болам. Его просьбу о том, чтобы кабинеты для консультаций на нижнем этаже сделали звуконепроницаемыми, в Совете управления больницами отвергли, сославшись на большие расходы. Однако без возражений был удовлетворен заказ Багли на последнее и чрезвычайно дорогое новоизобретенное приспособление для его охваченных тихим помешательством пациентов. Дело решалось, конечно, при обсуждении в Совете управления больницами, но мисс Болам не скрывала в ответственный момент своих симпатий. В резкой критике администратора доктор Штайнер забыл, что ее влияние на Совет управления больницами совершенно несущественно.

Не удавалось подавить и раздражение, связанное с проведением сеанса электроконвульсивной терапии. Здание клиники было сооружено в самое недавнее время, но даже крепкие дубовые двери кабинета консультаций не заглушали звуки ходьбы и передвижений в этот вечер. Парадную дверь закрывали в шесть часов пополудни, и пациенты, принимавшие лечение вечером, регистрировались при входе и выходе. Такой порядок ввели с тех пор, как лет пять назад один душевнобольной вошел в здание незамеченным, тайком спустился в подвальный туалет, выбрав это малопривлекательное место для самоубийства. Сеансы психотерапии доктора Штайнера прерывались звонками в парадную дверь, шарканьем ног пациентов, входивших и выходивших, голосами родственников и сопровождающих, которые убеждали пациентов или сердечно желали спокойной ночи старшей сестре Амброуз. Вероятно, они расходились после сеанса Багли, использующего свою дьявольскую машину.

Больше всего раздражала ассистент клиники по хозяйственной части миссис Шортхауз. Можно себе представить, что делала Эми Шортхауз рано утром для обязательного наведения порядка. Это выливалось, как минимум, в бурное волнение персонала клиники. К тому же миссис Шортхауз доказала невозможность обеспечить должный порядок без дополнительных двух часов в вечернее время, и мисс Болам согласилась с этим. Разумеется, согласилась. У миссис Шортхауз было пристрастие к пациентам, для лечения которых использовали электроконвульсивную терапию, — между прочим, ее собственный муж однажды лечился у доктора Багли, — и ее чаще всего можно было видеть бро-

дящей поблизости от холла, парадной двери и главной конторы нижнего этажа, пока проводились сеансы. Доктор Штайнер не раз упоминал на заседаниях медицинского совета о недопустимости таких прогулок и всегда возмущался абсолютным равнодушием своих коллег к этой проблеме. Миссис Шортхауз надо было запретить находиться здесь, потребовать, чтобы она занималась своей собственной работой, а не слонялась без дела, болтая с пациентами. Мисс Болам, всегда излишне требовательная к другим сотрудникам клиники, не видела нарушений дисциплины со стороны миссис Шортхауз. Все знали, как трудно найти хорошего ассистента клиники по хозяйственной части, но администратор, прекрасно осознавая сферу своих обязанностей, занималась этим вопросом, мягко говоря, спуская рукава. Никакие послабления персоналу не допускались. Но Багли не мог выражать недовольства миссис Шортхауз, а мисс Болам никогда не критиковала Багли. Бедная женщина, она, вероятно, находилась с ним в любовной связи. Вместо того, чтобы заниматься делом, Багли нравилось слоняться вокруг клиники в длинном смешном белом пиджаке, в котором он становился похожим на второразрядного дантиста. Вот уж действительно человек и понятия не имел о достоинстве, с которым должен вести себя консультант клиники.

Топ, топ — стучали в коридоре ботинки. Вероятно, это был Типпетт, хронический шизофреник, пациент Багли, больше девяти лет регулярно в пятницу вечером занимающийся в отделении трудовой терапии резьбой по дереву. Мысль о Типпетте усилила раздражение доктора Штайнера. Этот больной совершенно не вписывался в рамки клиники. Если он достаточно здоров, чтобы находиться вне больницы (в чем доктор Штайнер весьма сомневался), ему следовало бы наблюдаться в дневной больнице или найти приют в одной из мастерских Совета округа. Пациентам Типпетт нравился, но клинике приносил сомнительную репутацию и делал неясной ее истинную функцию как аналитического ориентирующего центра психотерапии. Доктор Штайнер чувствовал себя в совершенном замешательстве, когда кто-нибудь из его собственных, с трудом отобранных пациентов встречал Типпетта, пробирающегося в клинику в пятницу вечером. Находясь без присмотра, Типпетт не безопасен. В любой момент может произойти инцидент, и у Багли возникнут большие неприятности.

Размышления доктора Штайнера о том, что у его коллеги могут быть крупные неприятности, прервал звонок

в парадную дверь. Нет, черт возьми, это невозможно! Видимо, подошло время, когда водителя санитарной машины вызывали развозить пациентов. Миссис Шортхауз прошла к двери, спеша выпустить посетителей на улицу. Ее ужасный пронзительный голос эхом прокатился по холлу.

— Всего вам доброго, голубчики! Увидимся на следующей неделе. Если вы будете достаточно осторожными.

Доктор Штайнер вздрогнул и закрыл глаза. Но его пациент, к счастью, погрузился в свое хобби — в разговор о самом себе — и, казалось, ничего не слышал и не видел. Возвышенное хныканье мистера Бэджа продолжалось уже больше двадцати минут.

— Я не претендую на такое качество, как покладистость. Нет, нет, я запутавшийся парень. Ничего этого Тэда и Сильвия никогда не понимали. Корни, конечно, идут в глубину. Вы помните тот сеанс, который был у нас в июне? Я считал, тогда были заложены некоторые положительные сдвиги в моем поведении.

Пациент доктора Штайнера не сомневался в пользе сеансов психотерапии, но был к ним равнодушен. Положительные сдвиги в поведении мистера Бэджа внешне остались неизменны, и можно было надеяться в дальнейшем на их проявление.

Внезапно умиротворение исчезло. Доктор Штайнер быстро взял свой рабочий блокнот, просмотрел с интересом и беспокойством записи, беспорядочно полистал страницы и на мгновение оказался более поглощенным собственным подсознанием, чем подсознанием своего пациента. Вдруг он очнулся от звука, долетевшего снаружи, поначалу слабого, но становившегося все громче. Где-то кричала женщина. Это был жуткий крик, пронзительный, непрерывный, совершенно животный. Он вызвал неприятный озноб. Доктор был человеком мягким и чрезвычайно впечатлительным. Несмотря на то что работа вовлекала его время от времени в эмоциональные кризисы, он скорее был тонким и изощренным знатоком хитростей общения с пациентом, чем мастером принимать решения в критических ситуациях. Страх вызвал у него вспышку гнева, и он вскочил со стула.

— Нет! Это невыносимо! — воскликнул он. — Что делает мисс Болам? Неужели здесь нет никого, кто выполнял бы свои обязанности?!

— Что случилось? — поинтересовался мистер Бэдж, сев на тахте, как заводная игрушка, и понижая голос на пол-октавы.

— Ничего. Ничего. С одной из женщин произошел при-

ступ истерии, вот и все. Оставайтесь здесь. Я скоро вернусь, — скомандовал доктор Штайнер, направляясь к выходу.

Мистер Бэдж снова повалился на свое место, но его взгляд остался прикован к двери.

Несколько человек, стоявших маленькой группой, сразу же повернули головы в сторону доктора Штайнера. Дженифер Придди, младшая машинистка, прильнула к груди одного из портье, Питера Нагля, который растерянно похлопывал ее по плечу и выглядел крайне озадаченным. Здесь же находилась миссис Шортхауз. Рыдания девушки уже переходили во вскрипы, но все тело еще дрожало, а лицо сохраняло смертельную бледность.

— В чем дело? — резко спросил доктор Штайнер. — Кто обидел ее?

Прежде чем кто-нибудь успел ответить, открылась дверь кабинета электроконвульсивной терапии, из него вышли доктор Багли в сопровождении старшей сестры Амбруз и анестезиолога доктора Мэри Ингрэм. Холл сразу оказался заполненным людьми.

— Успокойтесь, милая девочка, — мягко сказал доктор Багли. — Так мы всполошим всю клинику. — Он повернулся к Питеру Наглю и негромко спросил: — В чем все-таки дело?

Нагль собрался ответить, но мисс Придди неожиданно овладела собой. Она повернулась к доктору Багли и сказала совершенно отчетливо:

— Дело касается мисс Болам... Она умерла. Кто-то убил ее. Тело лежит в подвале... в регистратуре... И она убита. Я обнаружила ее... Энид убита!

Она снова припала к груди Нагля и разрыдалась, но уже тише. Истерика прекратилась.

— Отведите ее в процедурную, — сказал доктор Багли портье. — Вот ключ. Уложите и дайте что-нибудь выпить. Позже я зайду.

Он направился к лестнице, ведущей в подвал, все остальные, за исключением девушки и Нагля, толпясь, последовали за ним. Подвал в клинике Стина был хорошо освещен; все его помещения использовались в связи с хронической нехваткой площади. Здесь, помимо котельной, оснащенных телефонами комнат портье, находилось отделение трудовой терапии, хранилище медицинских документов и, в передней части здания, процедурный кабинет для пациентов, принимающих ЛСД-терапию. Когда маленькая группа достигла нижней площадки лестницы, дверь каби-

нета, находящегося около нее, открылась и из него выглянула медсестра Болам, кузина убитой мисс Болам. Словно по пятам за ней следовала тень от ее белой униформы, так выделяющейся на фоне темноты. Нежный недоуменный голос медсестры прозвучал в нижнем коридоре:

— Что-нибудь случилось? Несколько минут назад мне показалось, что я слышала крик.

— Ничего не случилось, медсестра, — бесцеремонно оборвала ее старшая сестра Амброуз. — Возвращайтесь к вашему пациенту.

Белая фигура исчезла, и дверь закрылась. Повернувшись к миссис Шортхауз, старшая сестра Амброуз продолжала:

— И вам также, миссис Шортхауз, нечего здесь делать. Пожалуйста, оставайтесь наверху. Мисс Придди может потребоваться чашка чая.

Миссис Шортхауз выслушала эти слова с возмущением, но ничего не возразила. Три врача и сопровождающая их старшая сестра Амброуз поспешили вперед.

Медицинская регистратура находилась справа от них, между комнатой отдыха портье и отделением трудовой терапии. Дверь в нее была приоткрыта, внутри горел свет.

Доктор Штайнер, внимание которого неестественно четко фиксировало мельчайшие детали, заметил, что ключ торчал в скважине замка. Нигде никого не было видно. Стальные стеллажи, плотно уставленные рядами манильских папок, взбегали высоко к потолку и поворачивали за угол, к двери, создавая несколько узких проходов, каждый из которых освещался флюоресцентными лампами. Четыре высоких окна с решетками раскрыты настежь, хотя эту маленькую душную комнату нечасто посещали и пыль в ней редко вытиралась. Маленькая группа протиснулась вперед по первому проходу и повернула налево, туда, где пространство без окон было свободно от заставленных документами полок и где стояли стул и стол, на котором сортировали документы для картотеки, копировали сведения из записей, если не было необходимости брать их отсюда для обработки.

Здесь царил хаос. Стул был опрокинут. Пол усыпан беспорядочно разбросанными документами. Некоторые истории болезни не имели обложек, листы из них вырваны, другие лежали, сваленные пластами разной толщины. А посреди этой неразберихи, словно расплывшаяся неелепая Офелия, плывущая в потоке бумаг, распростерлась Энид Болам. На ее груди покоилась тяжелая печально-гротеск-

ная статуэтка, вырезанная из дерева, руки обхватили статуэтку у основания. Это было словно ужасная пародия на материнство, ритуально изображенная кем-то, положившим статуэтку на грудь усопшей.

Не могло быть и сомнений в том, что мисс Болам мертва. Даже доктор Штайнер при всем своем страхе и антипатии к администратору вынужден был вынести этот окончательный диагноз.

— Типпетт! — воскликнул он, глядя на деревянную фигурку. — Это его статуэтка! Это он вырезал ее из дерева. Где он? Багли, это ваш пациент! Как вы все это теперь сможете объяснить?

Он нервно огляделся вокруг, как если бы ожидал, что Типпетт материализуется из пустоты и впечатляюще поднимет руку для удара, представ перед ним, словно само олицетворение насилия.

Доктор Багли опустил на колени у тела.

— Типпетта не было здесь вечером, — сказал он спокойно.

— Но он всегда по пятницам приходит сюда! Это его статуэтка! Это орудие преступления! — Доктор Штайнер негодовал против такой явной тупости.

Доктор Багли осторожно поднял большим пальцем веко левого глаза мисс Болам.

— Сегодня утром нам позвонили из больницы святого Луки, — сказал он, не поднимая головы. — Типпетта положили туда с пневмонией. Думаю, после понедельника. В любом случае он не мог быть здесь этим вечером.

Все слова он произнес выразительно подчеркнуто. Две женщины склонились над телом, прикрывая его. Доктор Штайнер, который никак не мог успокоиться, сказал:

— Она действительно заколота. На первый взгляд удар пришелся в сердце той стамеской с черной ручкой. Это не инструмент Нагля, старшая сестра?

Последовала пауза.

— С виду очень похож, доктор. Все его инструменты имеют черные ручки. Он держит их в комнате отдыха портье. — Но она тут же добавила, защищая Нагля: — Однако оттуда ее мог взять любой.

— Видимо, так и есть, — произнес доктор Багли, поднимаясь на ноги. Цепко удерживая глазами тело, добавил: — Вы, старшая сестра, позвоните Калли. Не надо, чтобы он тревожился, но скажите, пусть никого не пускают в здание и никого не выпускают. Это касается и пациентов. Затем пусть пойдет к доктору Этериджу и попросит

его спуститься вниз. Полагаю, он в своем кабинете для консультаций.

— Не должны ли мы позвонить в полицию?

Доктор Ингрэм спросила это очень нервно, и ее розовое лицо, до смешного похожее на мордочку ангорского кролика, внезапно стало еще более розовым. Это бывало с ней не только в моменты драматические, при которых доктор Ингрэм присутствовала, и потому Багли лишь мельком взглянул на нее, мгновенно забыв о ее существовании.

— Мы ожидаем главного врача, — сказал он.

Старшая сестра Амброуз исчезла, шурша накрахмаленным халатом. Ближайший телефон находился как раз за дверью регистратуры, но звуки словно тонули в кипах бумаг, и доктор Штайнер напрасно напрягал слух, пытаясь уловить шум лифта или журчание голоса сестры. Он больше не мог смотреть на тело мисс Болам. При жизни считая ее нравственно испорченной и непривлекательной, он полагал, что смерть тем более не прибавила ей никаких достоинств. Мисс Болам лежала на спине, с поднятыми и развернутыми коленями, так что виднелись розовые шерстяные панталоны, которые выглядели еще более неприлично, чем обнаженное тело. Круглое тяжелое лицо выражало обретенную наконец умиротворенность. Две толстые косы, уложенные вокруг лба, словно венки, тоже были покойны. Ничто не нарушало архаический стиль прически мисс Болам. Доктор Штайнер подумал с присущей ему склонностью к фантазии, что толстые безжизненные косы выделяли раньше таинственную секрецию и с ее помощью навсегда закрепились в неизменном виде над этим безмятежным лицом.

Глядя на мисс Болам, беззащитную перед унижением смертью, доктор Штайнер все же попытался вызвать в себе чувство жалости, но тут же отчетливо осознал невозможность перебороть антипатию. Безобразное слово незваным гостем кружилось на поверхности мысли. Непристойность! Он чувствовал нелепое побуждение сорвать с нее юбку, прикрыть ею одутловатое жалкое лицо, устроить спектакль с перемещением носа, повесив его криво на место левого уха. Ее глаза наполовину закрыты, крошечные губы поджаты, будто она и сама не одобряла свой недостойный и незаслуженный конец. Доктору Штайнеру так знаком этот взгляд: сколько раз он видел его при ее жизни! «Она смотрит так, — подумал доктор, — будто с полным основанием и сейчас осуждает меня за расходы на разъезды».

Неожиданно он почувствовал непреодолимое желание

хихикнуть. Смех подступал неудержимо. Он понимал, что эта ужасная вспышка — результат нервного напряжения и шока, но понимание не давало нужных сил для контроля над собой. Доктор Штайнер беспомощно повернулся спиной к своим коллегам и перебарывал себя, ухватившись за стеллажи и прижимаясь лбом к холодному металлу, при этом в его ноздри врывался затхлый запах старых историй болезней.

Он даже не заметил, когда возвратилась сестра Амброуз, но, конечно, слышал, что та говорила.

— Доктор Этеридж спускается вниз. Калли дежурит у двери, и я передала ему указание никого не выпускать. А ваш пациент, доктор Штайнер, неожиданно пришел в возбужденное состояние.

— Может быть, мне лучше подняться к нему?

Повернувшись лицом к коллегам, доктор Штайнер вновь овладел собой. Он чувствовал, что важнее было бы остаться вместе с другими здесь, в регистратуре, когда придет главный врач, — мудрая страховка, и тогда он был бы уверен, что ничего значительного не пропустит. С другой стороны, ему совсем не хотелось стоять рядом с безжизненным телом. Регистратура, ярко освещенная, как операционная для показательных операций, тесная и перегретая, делала все чувства похожими на чувства животного, попавшего в ловушку. Тяжелые, плотно заставленные папками полки, казалось, давили на него, заставляли глаза снова и снова смотреть на неуклюжую фигуру в бумажном гробу.

— Я побуду с вами здесь, — наконец решил он. — Мистер Бэдж подождет.

Все сохраняли молчание. Доктор Штайнер видел, что старшая сестра Амброуз, сильно побледневшая, но в остальном сохранившая видимость спокойствия, неподвижно стояла, сцепив руки на переднике.

Так она держала себя, должно быть, бесчисленное количество раз за последние сорок лет своей работы медицинской сестрой, почтительно ожидая у постели больного распоряжений врача. Доктор Багли достал сигареты, несколько мгновений смотрел на пачку, будто удивляясь тому, что обнаружил ее в своей руке, и положил обратно в карман. Доктор Ингрем, казалось, кричала молча. Один раз доктор Штайнер подумал, что услышал ее причитание: «Бедняжка! Бедняжка!»

Вскоре они слышали шаги, и появился главврач в сопровождении психолога Фредерики Саксон. Доктор Эте-

ридж опустился рядом с телом на колени. Он не прикасался к трупу, но приблизил лицо к лицу мисс Болам так, будто хотел поцеловать ее. Проницательные маленькие глазки доктора Штайнера не пропустили, как мисс Саксон и доктор Багли инстинктивно чуть не бросились друг к другу, но тут же овладели собой.

— Что случилось? — прошептала мисс Саксон. — Она умерла?

— Да. По-видимому, убита.

Тон Багли был унылым. Мисс Саксон в ужасе всплеснула руками. В этот момент доктор Штайнер подумал, что она спустилась сюда наперекор себе.

— Кто это сделал? Не бедный ли старый Типпетт? Это, конечно, его статуетка?

— Да. Но Типпетта здесь не было. Он лежит в больнице святого Луки с воспалением легких.

— О Боже мой! Тогда кто?

Она, не таясь, потянулась к доктору Багли, будто собираясь увести его в сторону. Доктор Этеридж поднялся.

— Вы правы, конечно. Она мертва. Сперва ее, по-видимому, оглушили, затем прокололи сердце. Я иду наверх звонить в полицию и оповестить остальных сотрудников. Нам лучше собрать людей вместе. Затем мы трое обыщем здание. Ничего, конечно, нельзя трогать.

Доктор Штайнер не решался встретиться взглядом с доктором Багли. Доктор Этеридж в роли спокойного, авторитетного администратора всегда казался ему несколько нелепым. Он подозревал, что Багли чувствует то же самое.

Неожиданно послышались шаги, и за рядами стеллажей появилась старший сотрудник социальной психиатрии мисс Рут Кеттл, близоруко всматриваясь в собравшихся.

— Ах, это вы, директор, — произнесла мисс Кеттл тихим, мелодичным голосом. («Одному Богу известно, — подумал Штайнер, — почсму она, будучи членом коллектива, присвоила доктору Этериджу такой нелепый титул. Так наше учреждение становится похожим на обычную больницу».) — Калли сказал мне, что вы спустились сюда. Надеюсь, вы не заняты? У меня такое несчастье, не хочется лишний раз беспокоить, но это в самом деле совершенно невозможно! Мисс Болам назначила мне на прием нового пациента к десяти часам в понедельник. Я обнаружила запись в календаре. Назначила, не посоветовавшись со мной. А ведь она знает, что я всегда в это время осматриваю Уоррикера. Боюсь, сделано это нарочно. Вы знаете, директор, кто-то должен принять меры по отношению к мисс Болам.

— Кто-то уже принял, — мрачно сказал доктор Багли, стоявший в стороне.

На другом конце квартала старший инспектор Адам Далглиш из отдела криминальных расследований присутствовал на традиционном осеннем приеме с шерри, устроенном его издателем и совпавшим с выходом в свет его первой книги стихов. Он не преувеличивал свой талант или успех своей книги. Просто в поэмах, которые отразили его собственный раскованный, ироничный и неутомимый дух, удалось передать настроение общества, тонко и умело подмеченное. Хотя Далглиш не верил, что большая половина высказанного и волнующего читателей живет именно в его собственных чувствах, он между тем скоро оказался качающимся на волнах незнакомого моря, в просторы которого завлесли его посредники, авторские гонорары и рецензии. И вот теперь прием. Далглиш думал о вечеринке безо всякого энтузиазма, как о чем-то, что необходимо вытерпеть, но она оказалась неожиданно приятной. Владельцы фирмы, господа Ган и Иллингворт, оказались неспособны запастись плохим шерри, как были неспособны издать плохое произведение; Далглиш приблизительно подсчитал, что доля выручки от продажи его книг была пропитана в первые десять минут. Старый сэр Губерт Иллингворт появился на короткое время, грустно пожал Далглишу руку и удалился, бормоча с придыханием, что еще один новый писатель внесен в список фирмы и рискует вместе с издателями получить сомнительное удовольствие от успеха. Для него все писатели оставались не по годам развитыми детьми, живыми существами, которых надо терпеть и поддерживать, но не слишком волноваться, если они будут плакать, не желая отправляться на ночь в постель.

Были и менее приятные развлечения, чем краткое приветствие сэра Губерта. Несколько гостей знало, что Далглиш является детективом, но мало кто из них осмеливался поговорить с ним о работе. Неизбежно нашлись и такие, кто считал несовместимым охоту за убийцами с занятием поэзией и высказавшие это с различной степенью такта. По-видимому, они хотели, чтобы убийц как-то ловили, но вместе с тем спорили о том, как поступать с ними дальше, выставляя напоказ противоречивое отношение к тем, кто убийц ловил. Далглиш привык к такому отношению, находя его менее обидным распространенного мнения об особом романтическом ореоле бандитов. Но если в обществе литераторов имелаась определенная доля скрытого любопытства

и пустословия, то было и другое — приятные люди говорили приятные вещи. Ни один писатель, несмотря на очевидную индивидуальность своего таланта, не способен устоять против искусно высказанной бескорыстной похвалы, и Далглиш, подозревая, что из восхищенных его книгой немногие в самом деле читали ее и только единицы купили, тем не менее обнаружил, что получил громадное удовлетворение, и вполне искренне не мог понять почему.

Лихорадочным был только первый час, вскоре после семи часов он встал с бокалом в руке и оказался в одиночестве рядом с богато инкрустированной Джеймсом Виоттом каминной полкой. Далглиш прислонился затылком к камину, наслаждаясь мгновенным уединением и непревзойденной элегантностью пропорций комнаты. И неожиданно увидел Дебору Риско. Она вошла в комнату совершенно бесшумно. Хотел бы он знать, как долго она пробыла здесь. Рассеянные чувства умиротворения и счастья немедленно уступили место наслаждению такому же сильному и мучительному, как у мальчика, полюбившего впервые. Дебора с бокалом в руке направилась к нему.

Ее появление было совершенно неожиданным, и Далглиш не заблуждался на тот счет, что оно вызвано желанием встретиться с ним. После их последнего столкновения это едва ли было возможно.

— Очень рад видеть вас здесь, — сказал он.

— Я должна была прийти так или иначе, — ответила она. — Ведь я здесь работаю. После смерти мамы Феликс Ган предоставил мне место, и я вполне довольна. Я здесь мастер на все руки. В том числе стенографистка и машинистка. Уже вошла в курс.

Он улыбнулся:

— Вам нравится наводить порядок.

— Это было попутным делом.

Он не претендовал на то, чтобы понять ее. Оба молчали. Далглиш болезненно воспринимал любой намек на случай, происшедший около трех лет назад, случай, в связи с которым состоялась их первая встреча. Эта рана не могла вынести даже самого мягкого прикосновения. Сообщение в газете о смерти матери Деборы он прочитал шесть месяцев назад, но посчитал невозможным и неуместным послать письмо или сказать несколько обычных слов соболезнования. В конце концов, до некоторой степени именно он нес ответственность за ее смерть. Осознавать это и теперь не легче. Не касаясь щекотливой темы, они говорили о его стихах и ее работе. Свободно поддерживая непринужден-

ную беседу, Далглиш думал о том, что она ответит на приглашение пообедать вместе. Если она не откажет ему решительно — а так, вероятно, и будет, — сразу начнутся затруднения. Он не обманывался в том, что хочет только приятно пообедать с женщиной, с женщиной, как он считал, красивой. Неизвестно, что она думает о нем, но с момента их последней встречи он чувствовал себя стоящим на крутом берегу любви. Если она примет приглашение на этот вечер или на любой другой, над его холостяцкой жизнью нависнет несомненная опасность, и это пугало его. С тех пор как при родах умерла жена, Далглиш постоянно стремился защитить себя от боли, секс стал для него не больше чем упражнение, любовная интрига превратилась просто в чувственное слияние, принявшее форму танца с определенными правилами, фиксирующими пустоту. Но Дебора ни разу не дала понять, что хоть сколько-нибудь интересуется им. И все же Далглиш частенько ловил себя на том, что получает удовольствие от одной мысли о ней, и был готов попытаться счастья. Вот и сейчас, что-то рассказывая, он мысленно перебирал слова, так мучительно волновавшие его в годы далекой и нерешительной юности.

Легкое прикосновение к плечу нарушило их беседу. Секретарь президента фирмы сообщила, что его просят к телефону.

— Это Скотланд-Ярд, мистер Далглиш, — сказала она с хорошо скрытым любопытством, будто авторы Гана и Иллингворта привыкли к звонкам из Скотланд-Ярда.

Далглиш улыбкой извинился перед Деборой Риско, она покорно пожала плечами.

— Я вернусь через минуту, — сказал он. Но уже пробираясь в тесной толпе гостей, понял, что не вернется назад.

Он взял трубку в маленькой конторке рядом с кабинетом правления, пробравшись к телефону через скопление стульев с рукописями, свернутыми листами корректур и пыльными подшивками. Ган и Иллингворт предпочитали атмосферу старомодной неторопливости и вопиющего беспорядка, за которым скрывались — порой приводя авторов в замешательство — внушительная работоспособность и внимание к мелочам.

Хорошо знакомый голос загудел в ухо:

— Это вы, Адам? Как прием? Хорошо? Весьма сожалю, но буду благодарен, если вы прервете его. Клиника Стина. Вы знаете это учреждение. Высший класс лечения неврозов. Там убита секретарь, администратор или кто-то наподобие этого. Убили в подвале. Сперва ударили по го-

лове, потом закололи, видимо, попали в сердце. Парни уже выехали. Я, конечно, послал к вам Мартина. Вы с ним работали.

— Благодарю, сэр. Когда сообщили об этом?

— Три минуты назад. Позвонил главврач. Он заверил меня вкратце, что практически у каждого сотрудника есть алиби на время смерти, и объяснил, почему преступление не мог совершить кто-либо из пациентов. Потом трубку взял доктор по фамилии Штайнер. Он напомнил, что мы встречались лет пять назад на обеде у его последнего зятя. Доктор Штайнер обосновал мнение главврача и старательно изложил свою интерпретацию психологического состояния убийцы. Они читали все лучшие детективные романы. Никто из них не притрагивался к телу, никого не выпускали из здания и не впускали в него, все сотрудники собрались в одной комнате, чтобы быть друг у друга на глазах. Вы лучше поторопитесь, Адам, а то они раскроют преступление еще до вашего появления.

— Кто там главврачом? — спросил Далглиш.

— Доктор Генри Этеридж. Вы могли видеть его по телевизору. Он ведущий психиатр, посвятивший жизнь тому, чтобы сделать эту профессию уважаемой. Представительно выглядит, ортодокс, серьезен.

— Я видел его в суде, — сказал Далглиш.

— Разумеется. Помните случай с Ротледжем? Он практически заставил меня прослезиться, а я знал Ротледжа лучше, чем кто бы то ни было. Этеридж — блестящий защитник в процессе, если, конечно, становится им. Найдите мне психиатра, который уважаемо выглядит, правильно говорит по-английски, не шокирует присяжных и не вызывает раздражение судьи. Ответ только один — Этеридж. Ну, пока. Желаю удачи!

Шеф ошибался, считая, что его сообщение прервет прием. Вечеринка уже давно достигла той стадии, когда уход одного гостя остается совершенно незамеченным. Далглиш поблагодарил хозяина, небрежно помахал рукой на прощание нескольким знакомым, попавшимся на глаза, и почти незаметно вышел из здания. Он и не пытался снова найти Дебору Риско. Его мозг уже был занят предстоящей работой, кроме того, он чувствовал, что спасен в лучшем случае от упреков, в худшем — от какого-нибудь глупого поступка со своей стороны. Неожиданная встреча, короткая, манящая ложными надеждами, ничего не решающая и выбивающая из колеи, осталась позади.

Далглиш пересек площадь и оказался у высокого здания в григорианском стиле, где находилась клиника Стина. На ходу он раскладывал по порядку крохи информации об учреждении, в которое направлялся. В широко известной остроте говорилось: вам надо быть исключительно здравомыслящим человеком, чтобы вас приняли на лечение в Стин. «Несомненно, у клиники хорошая репутация, и, скорее всего, незаслуженная», — подумал Далглиш. При отборе пациентов уделялось большее внимание их интеллекту и социальному положению, чем психическому состоянию, а также проведению диагностических процедур. Занесение затем в список очередников на лечение гарантировало, что лечебный эффект времени сможет оказать на пациентов максимум воздействия еще до того, как они посетят первый психотерапевтический сеанс.

В Стине, вспомнил Далглиш, имеется Модильяни. Конечно, это не самое известное полотно, представляющее художника с лучшей стороны, но это был, неоспоримо, Модильяни. Картина висела на первом этаже, в канцелярии, ее в знак благодарности подарил бывший пациент, и это показывало, что клиника пользуется немалым вниманием общественности. Другие клиники Национальной службы здоровья украсили свои стены репродукциями из художественной библиотеки Красного Креста. Сотрудники же Стина не скрывали, что предпочитают второразрядные оригиналы первоклассным репродукциям. И проверяли подлинность второразрядных оригиналов.

Сам дом, возведенный, как уже говорилось, в григорианском стиле, располагался на южном углу площади, удобный, скромный и в целом приятный. Сзади дома узкий проход вел к Линкольн-сквер. Имелся подвальный этаж, обнесенный оградой. Перед фасадом ограда изгибалась вокруг широкой лестницы, ведущей к двери, и поддерживала две чугунные опоры для ламп. Справа от двери висела скромная бронзовая табличка с выгравированным названием: «Совет управления больницами» — и ниже: «Клиника Стина». Никакой другой информации не было. Клиника не объясняла внешнему миру свои функции, не привлекала массы возможных пациентов видимостью лечения или выздоровления. В стороне были припаркованы четыре автомашины, но не полицейские. Дом выглядел спокойным. Дверь оказалась закрыта, но лучи света падали на элегантного Адама из веерообразного окна над дверью и пробивались между неплотно задернутыми шторами из окон комнат нижнего этажа.

Дверь открылась прежде, чем он убрал палец с кнопки звонка. Далглиша ждали. Молодой человек в униформе портье открыл дверь и впустил его, не говоря ни слова. В холле горел яркий свет, после прохлады осеннего вечера здесь было очень тепло. Налево от двери располагалась стеклянная конторка с телефонным коммутатором. Второй портье, значительно старше первого, сидел там за столом со страдальческим видом. Скользя по инспектору тусклым взглядом, он вернулся к созерцанию поверхности стола, будто прибытие Далглиша грозило ему несчастьем, которое, если его не замечать, может, и минует. От группы людей в центре холла отделился главврач и протянул руку для приветствия так поспешно, словно встречал не инспектора полиции, а желанного гостя.

— Старший инспектор Далглиш? Мы рады видеть вас. Позвольте, я представлю моих коллег — доктора Джеймса Багли и секретаря Совета управления больницами мистера Лоде.

— Вы приехали сюда очень быстро, сэр, — сказал Далглиш Лоде.

— Я не знал об убийстве, пока не прибыл сюда две минуты назад, — объяснил секретарь. — Мисс Болам позвонила мне сегодня во время ленча и сказала, что ей необходимо срочно меня видеть. В клинике что-то произошло, и она нуждалась в моем совете. Я приехал как можно быстрее и узнал, что она убита. В связи с этими обстоятельствами вижу, у меня не одна причина оказаться здесь. Мисс Болам обнаружила что-то, хотела посоветоваться.

— Что бы то ни было, боюсь, вы приехали слишком поздно, — произнес доктор Этеридж.

Далглиш заметил, что он намного ниже, чем казался на телевизионном экране. Его большая, удлинненным куполом голова в ореоле белых волос, нежных и прекрасных, как у ребенка, выглядела слишком тяжелой для хрупкого тела, что старило его и одновременно придавало несобранный вид. Далглиш затруднялся определить возраст доктора, но предположил, что ему, должно быть, скорее семьдесят, чем шестьдесят пять, нормальный пенсионный возраст для консультанта. У него было лицо несокрушимого гнома, щеки покрывал будто нарисованный румянец, брови возвышались над глазами поразительной синевы. Далглиш почувствовал, что эти глаза и проникновенный голос не единственные из ценных профессиональных качеств главного врача.

В противоположность ему доктор Джеймс Багли был ростом шести футов, почти так же высок, как Далглиш, и

создавал впечатление очень утомленного человека. Он носил длинный белый пиджак, свободно висевший на его сутулых плечах. Несмотря на более молодой возраст, в нем не было и капли энергии, которой отличался главный врач. Прямые серо-стальные волосы. Время от времени он отбрасывал их с глаз длинными, покрытыми пятнами никотина пальцами. Костистое лицо доктора вполне можно было назвать красивым, но тусклая кожа и такие же тусклые, невыразительные глаза придавали ему выражение постоянной усталости.

— Вы, конечно, хотите увидеть тело непосредственно на месте, — сказал главврач. — Я попросил Питера Нагля, нашего второго портъе, пойти с нами вниз, если вы не возражаете. Его стамеска оказалась одним из орудий преступления, он сам, разумеется, не мог сделать этого, бедный парень, но я не сомневаюсь, вы захотите задать ему несколько вопросов.

— Я хочу расспросить о происшедшем каждого, — заметил Далглиш.

Главврач, несомненно, помнил о своих обязанностях. Доктор Багли, который пока не произнес ни слова, казалось, был рад признать это положение. Лодс, очевидно, решил занять позицию наблюдателя. Когда они двинулись к лестнице, ведущей в подвал, он встретился с Далглишем глазами. Всего лишь мгновение длился этот взгляд, но Далглишу почудилась в нем скрытая насмешка и показное бесстрашие.

В подвале все стояли молча, наблюдая, как Далглиш присел на корточки у тела. Он не прикоснулся ни к чему, кроме расстегнутого шерстяного джемпера и блузки, из-под которых виднелась рукоятка стамески. Металл вошел в тело до конца. Там была очень маленькая ранка, она не кровоточила. Короткая комбинация женщины обнажала грудь и делала видимым место ужасного, точно рассчитанного удара. Такая обстоятельность рождала предположение о том, что убийца хорошо разбирался в анатомии. «Исполнить» преступление именно так было более просто, чем попытаться пронзить сердце одним ударом. Чтобы с подобными знаниями и силой действовать наверняка, имелось несколько путей.

Далглиш поднялся и повернулся к Питеру Наглю.

— Это ваша стамеска?

— По-видимому. Она похожа на мою, и моей нет в ящике с инструментами.

Несмотря на пропуск обычного «сэр», в голосе, негром-

ком и хорошо поставленном, не было и следа дерзости или негодования.

— Чем вы объясните, что стамеска оказалась здесь? — спросил Далглиш.

— Даже не знаю... Надеюсь, вы не думаете, что я умолчал бы, если бы знал?

Главврач бросил на Нагля хмурый предостерегающий взгляд и положил руку на плечо портье.

— На этот раз все, Нагль, — мягко сказал он, не советуясь с Далглишем. — Вы еще обождете снаружи, не так ли?

Далглиш не возражал, когда портье спокойно, без лишних слов удалился.

— Бедный парень! То, что использовали его стамеску, разумеется, потрясло его. Неприятно, что он оказывается как-то причастным к делу. Но вы убедитесь, старший инспектор, что Нагль — один из нескольких сотрудников, которые имеют полное алиби на предполагаемое время смерти.

Далглиш не стал объяснять, что это уже само по себе чрезвычайно подозрительно.

— Как вы считаете, когда приблизительно наступила смерть? — спросил он.

— Думаю, совсем недавно, — ответил доктор Этеридж. — У доктора Багли мнение такое же. В клинике сегодня очень тепло, мы уже включили центральное отопление, так что тело остывало медленно. По-моему, оно еще теплое. Я, правда, в таких делах чуть выше дилетанта.

В ожидании вас мы подсчитали, что смерть наступила не более часа назад. Так, по крайней мере, выходит со слов старшей сестры Амброуз — она была последним человеком, который видел мисс Болам живой. Приблизительно в шесть двадцать Калли, старший портье, сообщил мне, что мисс Болам звонила ему по внутреннему телефону около шести пятнадцати, сказав, что спускается в подвал, и попросила направить мистера Лоде, когда он прибудет, в ее кабинет. А еще через несколько минут старшая сестра вышла из кабинета электроконвульсивной терапии нижнего этажа и пересекла холл — в комнате ожидания она хотела передать мужу пациентки, что та может отправиться домой. Старшая сестра увидела мисс Болам, пересекающую холл по направлению к лестнице, ведущей в подвал. После этого никто не видел ее живой.

— За исключением убийцы, — произнес Далглиш.

Доктор Этеридж удивленно посмотрел на него:

— Да, действительно; я имею в виду, что ее не видел

живой никто из нас. Мы спрашивали старшую сестру Амброуз о времени, и она вполне уверенно...

— Я хотел бы видеть старшую сестру Амброуз и второго портье.

— Конечно. Разумеется, вы хотите увидеть каждого. Мы предупредили домашних, что сегодня вечером задержимся, конечно, не объясняя причины. А потом обыскали здание и установили, что двери в подвал и на нижний этаж с внутренней стороны закрыты на засов. Никто ни к чему, разумеется, не прикасался. Я собрал всех сотрудников в кабинете для консультаций в передней части нижнего этажа, за исключением старшей сестры и сестры Болам, которые находились с оставшимися пациентами в комнате ожидания. Кроме мистера Лоде и вас, в здание никто не входил.

— Вы, доктор, кажется, позаботились обо всем, — сказал Далглиш.

Он стоял и смотрел на тело.

— Кто ее обнаружил? — спросил он.

— Одна из двух медицинских секретарей — Дженни Придди. Калли, старший портье, почти весь день жаловался на боли в желудке, и мисс Придди пошла разыскивать мисс Болам, чтобы спросить, не может ли он уйти домой раньше. Мисс Придди очень расстроена, но именно она сообщила мне...

— Я думаю, будет лучше, если я услышу это непосредственно от нее. Была та дверь заперта?

Вопрос прозвучал учтиво, но Далглиш почувствовал, что все удивлены. Впрочем, тон главного врача не изменился.

— Обычно закрыта, — ответил он. — Ключ висит вместе с другими ключами в служебной комнате портье, здесь, в подвале. Стамеска находилась там же.

— А эта статуэтка?

— Ее взяли из кабинета трудовой терапии, также в подвале. Статуэтку вырезал из дерева один из наших пациентов.

До сих пор отвечал только главный врач. За все это время доктор Багли не произнес ни слова. Но тут он неожиданно заговорил:

— Мисс Болам сперва оглушили статуэткой, а затем нанесли удар в сердце, кто-то хорошо осведомленный в этом деле или дьявольски везучий. Это очевидно. Неясно другое — почему здесь такой кавардак с медицинскими документами. Она лежит на них, значит, это произошло до убийства.

— Возможно, результат борьбы, — предположил доктор Этеридж.

— Не похоже. Документы вытаскивали с полок и разбрасывали вокруг. Должна быть причина. И пока я не вижу ничего, что могло бы стать поводом для убийства.

Питер Нагль, который, по-видимому, стоял за дверью, вошел в комнату.

— Там звонят в дверь, сэр. Может, это также из полиции?

Далглиш заметил, что регистратура почти звуконепроницаема. Звонок у парадной двери был резким, но он не услышал его.

— Хорошо, — сказал он. — Мы поднимемся вверх.

Когда они все вместе направились к лестнице, доктор Этеридж сказал:

— Я хотел бы, старший инспектор, чтобы вы встретились с пациентами, и как можно скорее. У нас осталось только двое: мужчина, с которым занимается психотерапией мой коллега доктор Штайнер, и женщина, принимающая лечение ЛСД здесь, внизу, в подвальном процедурном кабинете. Доктор Багли может объяснить вам, в чем состоит лечение, она его пациентка, но вы, увидев ее, сами убедитесь, что она пока не способна покинуть постель и, очевидно, ничего не знает об убийстве. Пациенты во время лечения становятся полностью дезориентированными. Медсестра Болам была с нсю весь вечер.

— Медсестра Болам? Она родственница убитой?

— Это ее двоюродная сестра, — коротко ответил доктор Багли.

— А ваша потерявшая ориентировку пациентка, доктор? Она может знать, оставляла ли медсестра Болам во время лечения ее одну?

— Медсестра Болам не оставляла ее, — отрывисто сказал доктор Багли.

Они поднялись по лестнице навстречу приглушенному гулу голосов в холле.

Этот звонок в дверь клиники Стина принес с собой атмосферу и искусство совершенно чуждого мира. Спокойно, без суеты занимались своим делом эксперты по насильственной смерти. Далглиш с сержантом полиции и фотографом скрылись в регистратуре. Специалист по дактилоскопии, маленький и толстощекий, как хомяк, с крошечными изящными руками, внимательно осматривал дверные ручки, замки, ящик с инструментами и статуэтку Типпетта.

Детективы в штатском, ошеломляюще похожие на телевизионных актеров, играющих детективов в штатском, методично проводили обыск в каждой комнате и буфете клиники, проверяя, нет ли действительно в помещениях постороннего лица и надежно ли закрыты изнутри задние двери нижнего этажа и подвала. Сотрудники клиники, изолированные от этой кипучей деятельности в кабинете для консультаций, куда спешно перенесли дополнительные стулья из комнаты ожидания, чувствовали, что их родная земля захвачена чужеземцами, а сами они попали в руки неумолимого аппарата юстиции и впереди их ожидают Бог знает какие трудности и несчастья. Только секретарь Совета оставался невозмутимым. Он устроился в колле, похожий на сторожевого пса, и терпеливо сидел там один, пока его не позвали на допрос.

Далглиш занял кабинет мисс Болам. Это была маленькая комната на нижнем этаже, расположенная между главной канцелярией, кабинетом электроконвульсивной терапии и кабинетом реабилитации. Напротив располагался комплекс из двух кабинетов для консультаций и комнаты ожидания.

Кабинет представлял собой отгороженную дальнюю часть большой комнаты. По сравнению с высотой потолка он был явно тесен и отличался странными пропорциями. Помещение заполняла разностильная мебель, говорящая об отсутствии личного вкуса хозяйки, о его проявлении свидетельствовала только большая ваза с хризантемами, стоявшая на одном из шкафов с картотекой. У стены находился старомодный сейф, у другой вытянулись в ряд зеленые металлические шкафы с картотекой. На почти пустом письменном столе лежали конторский настольный календарь, блокнот для записок и маленькая стопка манильских папок. Далглиш осмотрелся.

— Располагаемся, — сказал он. — Так, ясно, здесь личные дела персонала, но только женщин. Между прочим, собственного досье мисс Болам нет. Странно, почему она забрала их сюда.

— Сверка с ежегодной книгой учета служащих или что-нибудь подобное, — подсказал сержант Мартин.

— Возможно. Но почему только досье женщин? Ну ладно, это едва ли надо решать немедленно. Давайте заглянем в записную книжку.

Мисс Болам оказалась одним из тех администраторов, которые предпочитают не полагаться на память. Верхний лист раскрытой записной книжки, начинающийся с даты,

был весь заполнен заметками, сделанными наклонным, почти детским почерком.

«Медицинский совет — сказать гл. вр. о предложении Упр. охраны здоровья подростков.

Сказать Наглю — про разорванный шнур у фрамуги в кабинете мисс Каллински.

Миссис Шортхауз? Предоставить».

Эти записи, по крайней мере, что-то объясняли, но памятка пониже, явно сделанная в спешке, была менее определенной:

«Женщина. Здесь восемь лет. Прибыть перв. в понедельник».

— Похоже на беглую запись телефонного разговора, — сказал Далглиш. — Конечно, это мог быть личный звонок, не имеющий никакого отношения к клинике. Врач мог вызвать пациента на обследование или пациент сам попросил его принять. Кто-то, очевидно, рассчитывал прибыть сюда в первый понедельник или быть первым в понедельник. Под рукой дюжина возможных толкований, и ни одно не касается убийства. Может, так? Кто-то позвонил по телефону о женщине, и мисс Болам взялась проверить досье каждой сотрудницы, за исключением себя. Зачем? Установить — какая из них уже бывала здесь восемь лет назад? Нет, все притянута за уши. Лучше оставим на время догадки и займемся людьми. Думаю, первой надо пригласить машинистку, девушку, которая нашла тело. Этеридж сказал, что она была расстроена. Надеюсь, теперь она уже успокоилась, а не то как бы нам не провести здесь половину ночи.

Дженнифер Придди успела прийти в себя. Она, похоже, выпила, и от ее потрясения осталось теперь лишь слабое волнение, которое девушка тщательно пыталась скрыть. На лице, опухшем от слез, выступили пятна румянца, а глаза неестественно блстели. Но свою историю она рассказала довольно складно. У нее была работа в главной канцелярии почти на весь вечер. В последний раз она видела мисс Болам в пять сорок пять, когда приходила в кабинет администратора спросить о назначениях, сделанных пациентам. Мисс Болам была такой же, как всегда. Дженни вернулась в главную канцелярию и в шесть десять находилась у Питера Нагля. Он надел пальто и собрался относить почту. Мисс Придди зарегистрировала последние несколько писем в книге учета корреспонденции и передала ему. Минут пятнадцать — двадцать седьмого к ним присоединилась миссис Шортхауз. Миссис Шортхауз упомянула, что захо-

дила в кабинет мисс Болам, где выясняла вопрос о своем ежегодном отпуске. Питер Нагль ушел с почтой, а Дженни и миссис Шортхауз оставались вместе до его возвращения минут десять. Затем Нагль спустился в подвальную комнату портье, повесил пальто и покормил Тигра, конторского кота. Дженни помогла ему, и они вместе вернулись в главную канцелярию. Около семи старший портье Калли снова пожаловался на боли в желудке, мучившие его весь день. Мисс Придди, второй медицинский секретарь миссис Босток и Питер Нагль время от времени по очереди занимали место Калли за телефонным коммутатором, но уходить домой он отказывался. Наконец он собрался, и мисс Придди направилась в кабинет администратора попросить мисс Болам отпустить его пораньше, Мисс Болам не оказалось в кабинете, девушка заглянула в служебную комнату медсестер на первом этаже. Старшая сестра Амброуз сказала, что видела, как администратор направилась к лестнице в подвал около тридцати минут назад или еще раньше, так что мисс Придди найдет ее там.

Регистратура обычно запиралась, но в этот раз ключ торчал в замочной скважине, дверь была приоткрыта, и Дженни заглянула внутрь. Горел свет. Она обнаружила тело, здесь голос мисс Придди дрогнул, и сразу бросилась вверх по лестнице за помощью. Нет, она ни к чему не прикасалась. Она не знает, почему истории болезни оказались разбросаны вокруг. Она не знает, как определила, что мисс Болам мертва. Наверное, мисс Болам так безнадежно выглядела. Она не знает, почему решила, что та убита. Скорее всего, из-за кровоподтека на голове мисс Болам. И, кроме того, там, на ее теле, лежала статуэтка Типпетта. Она боялась, что Типпетт спрятался за стеллажи и может наброситься на нее. Все говорили, что он не опасен, все, за исключением доктора Штайнера, но он лечился в психиатрической больнице, разве после этого можно быть в нем уверенной, не так ли? Нет, она не знала, что Типпетта не было в клинике. Питеру Наглю звонили из госпиталя, и он сказал об этом мисс Болам, но не сказал ей. Она не видела стамеску в груди мисс Болам, но позже доктор Этеридж сказал, что ее ударили этим инструментом. Она думает, что большинство сотрудников знали, где Питер Нагль хранит свои инструменты, и знали также, каким ключом открывается дверь регистратуры. Ключ висел на крючке под номером двенадцать, блестел сильнее, чем другие ключи, но бирки на нем не было.

— Я хочу, чтобы вы вспомнили точно одну вещь, —

сказал Далглиш. — Когда вы шли вниз по лестнице помогать мистеру Наглю кормить кота, была ли дверь в регистратуру приоткрыта и горел ли там свет?

Девушка откинула назад влажные светлые волосы и ответила с внезапной усталостью:

— Я... я не могу вспомнить. Я не обратила на дверь внимания. Я зашла в комнату портье у лестницы, Питер убирал миску Тигра. Кот не съел всю пищу, и Питер выскреб из миски остатки и вымыл ее над раковиной. Мы не проходили мимо регистратуры.

— Но вы могли видеть дверь, когда спускались по лестнице. Вы могли заметить, если бы дверь была приоткрыта? Комната нечасто оставалась незапертой, не так ли?

— Да. Но любой мог пройти туда, если требовались какие-то документы. Да если бы дверь и была открыта, я бы не пошла смотреть, кто находится там. Думаю, я бы заметила, если бы дверь была широко открыта. Но точно я не могу вспомнить, честно, не могу.

Далглиш закончил вопросом о мисс Болам. Оказалось, что мисс Придди знала ее вне клиники, что они посещали одну и ту же церковь и что это мисс Болам предложила устроить ее сюда на работу.

— Я не попала бы сюда, если бы не Энид. Но я никогда не говорила об этом в клинике. Ей это не нравилось.

И все же создавалось впечатление, что мисс Придди не подерживала достаточно близких отношений с администратором вне клиники.

— Я не думаю, что именно она устроила меня, — продолжала девушка. — Я сама разговаривала с мистером Лодде и с доктором Этериджем, но знаю, что и она замолвила за меня словечко. Мое знание стенографии и умение печатать в то время оставляли желать лучшего — это было около двух лет назад, когда я сюда пришла, — и я пела от счастья, что меня взяли. Мы редко виделись с Энид в клинике, но она всегда желала мне добра и радовалась моим успехам. Она хотела, чтобы я получила диплом Института больничных администраторов, а не работала всю жизнь стенографисткой и машинисткой.

Относительно будущей карьеры мисс Придди Далглиш не сомневался — этот ребенок не создавал впечатления честолюбивого, со временем она непременно выйдет замуж, а для этого вряд ли нужен институтский диплом, и, вполне возможно, брак спасет ее от необходимости зарабатывать на жизнь стенографией и перепечаткой на машинке. Далглишу стало немного жаль мисс Болам, которая не смогла

подобрать более многообещающего протезе. Мисс Придди хорошенькая, честная и наивная, но, подумал он, не особенно умная. Выглядит на все двадцать два, а не на семнадцать. У нее хорошая фигура и вполне созревшее тело, но лицо, обрамленное длинными гладкими волосами, кажется лицом ребенка.

Да, мисс Придди мало смогла рассказать об администраторе. В последнее время она не заметила у мисс Болам никаких изменений. Не знала также, зачем администратору потребовался мистер Лоде и что могло растревожить ее в клинике. Все шло как обычно. Насколько ей известно, врагов у мисс Болам не было, по крайней мере никого, кто мог убить ее.

— Она была довольна работой, как вы считаете? Я хотел бы знать, не говорила ли она чего-нибудь о переходе на другое место. В психиатрической клинике администратору работать нелегко.

— О, вы правы! Даже не представляю, как Энид порой все переносила. Но я уверена, ей здесь правилось, она никогда не говорила о переходе. Кто-то сказал вам неправду. Она никогда не собиралась оставить работу здесь. Даже если бы кто-то хотел ее ухода, она бы приняла меры. В клинике хорошо относились к ней.

Пока это самое существенное из того, что девушка сказала о мисс Болам. Поблагодарив ее и попросив подождать с остальными сотрудниками, пока он не закончит предварительные допросы, Далглиш подумал о значении возможной неприязни к администратору, которая требовательно относится к работе и добровольно никогда не покидает поля боя. Следующим он пригласил Питера Нагля.

Если младший портфель был обеспокоен тем, что убийца выбрал орудием преступления его стамеску, то он ничем не обнаружил этого. Отвечал на вопросы Далглиша спокойно и вежливо, но так бесстрастно, что при обсуждении даже незначительных подробностей жизни клиники возникали большие сомнения в его заинтересованности. Он сообщил свой возраст — двадцать семь лет — и адрес в Пимлико, подтвердил, что работает в клинике чуть больше двух лет, а до этого окончил провинциальное художественное училище. Говорил Нагль хорошо поставленным ровным голосом, но его большие карие глаза почти ничего не выражали. Далглиш заметил, что со своими необычно длинными руками, которые свободно свисали с короткого и мощного туловища, он создавал впечатление по-обезьяньи сильного человека. Черные волосы плотно облегли голову.

Интересное лицо, но лишенное смьшлености. Едва ли Нагль являл собой большой контраст с бедным старым Калли, давно ушедшим домой лечить желудок и жаловаться на судьбу.

Нагль подтвердил рассказ мисс Придди. Он снова опознал свою стамеску, не проявив при этом никаких чувств, кроме короткого отвращения, и сказал, что видел ее последний раз в восемь часов утра, когда пришел на работу и заглянул в ящик с инструментами. Все было в порядке. Далглиш спросил, знают ли в клинике вообще, где стоит ящик.

— Я был бы дураком, если бы сказал «нет», не так ли? — ответил Нагль. — Глупо говорить что-либо, кроме правды, и сейчас, и позже. Пожалуй, знало большинство сотрудников. А остальные могли узнать довольно легко. Мы не запираем комнату портье.

— По-моему, это несколько неосторожно. А вдруг инструментом решат воспользоваться пациенты?

— Они не спускаются в подвал без родственников. Пациентов, принимающих ЛСД, всегда сопровождают, кто-нибудь обычно приглядывает и за пациентами, занимающимися трудовой терапией. Отделение устроили временно. Здесь плохой свет и вообще не очень удобно.

— Куда его переведут потом?

— Собирались на третий этаж. Потом медицинский совет клиники решил передать большую комнату дискуссионной группе по проблемам брака, так что миссис Баумгартен, которая ведет трудовую терапию, упустила эту возможность. Правда, она настаивала, так как пациенты этой группы говорили, что в подвале нарушается их психическое равновесие.

— Кто ведет отделение медицинской психотерапии?

— Доктор Штайнер и одна из сотрудниц социальной психиатрии, мисс Калински. Знаете, что это такое? Клуб, где разведенный и незамужняя рассказывают пациентам, как быть счастливыми в браке. Однако я не вижу, какое отношение это может иметь к убийству.

— Я тоже. А спросил об этом, чтобы узнать, почему отделение трудовой терапии обосновалось в таком неподходящем месте. Когда вы слышали, что Тийпетта не будет сегодня в клинике?

— Около девяти часов утра. Старик очень беспокоился, настаивал, чтобы из больницы святого Луки позвонили и известили нас о том, что произошло. Они и позвонили. Я сообщил об этом мисс Болам и старшей сестре.

— И никому кроме них?

— Кажется, упомянул об этом также Калли, когда он вернулся в конторку. У него почти весь день были боли в животе.

— Мне говорили. Что с ним?

— С Калли? Мисс Болам направляла его на обследование в больницу, но там так ничего и не нашли. Говорят, это все от нервов — психосоматическое.

— Что же его расстроило в это утро?

— Он пришел сегодня раньше меня и начал сортировать почту. Это моя работа. Я сказал ему, чтобы он занимался своими делами.

Далглиш подробно расспросил портье о событиях вечера. Его рассказ точно совпадал с рассказом мисс Придди, и, так же как она, тот не мог вспомнить, была ли дверь в регистратуру приоткрытой, когда он возвращался после отправки писем. Нагль допускал, что он проходил мимо двери, когда решил спросить медсестру Болам, готово ли белье для прачечной. Обычно, когда комнату редко посещают, дверь закрыта, и он заметил бы, если она была бы открытой. Очень жаль, что такая важная подробность упущена, однако... Нагль твердо стоял на своем. Он не заметил. И навсряка сказать не может. Он не заметил также, был ли ключ от регистратуры на доске в комнате отдыха портье. Еще бы — на доске двадцать два крючка, и большая часть ключей отсутствовала.

— Вы представляете себе, что тело мисс Болам какое-то время уже лежало в регистратуре, когда вы вместе с мисс Придди кормили кота? Вы представляете, как важно вспомнить, была ли дверь открыта или закрыта?

— Когда Дженни Придди спустилась вниз позднее, дверь была приоткрыта. Со слов Дженни, а она не врунишка. Если дверь была закрыта, когда я возвращался с почты, значит, кто-нибудь открыл ее между шестью двадцатью пятью и семью. Я не считаю, что это невозможно. Конечно, для меня лучше вспомнить о двери, но, боюсь, не смогу этого сделать. Я повесил пальто в свой шкафчик и сразу пошел спросить медсестру Болам о белье для прачечной, а затем вернулся в комнату отдыха. Дженни встретила меня на нижней площадке у лестницы.

Нагль отвечал без горячности, почти спокойно, как если бы говорил: «Там вот что произошло. Нравится это или нет, но так было». Он слишком умен, чтобы не видеть, что находится в определенной опасности. И достаточно умен, чтобы знать: эта опасность минимальна

для человека, который сохраняет спокойствие и говорит правду.

Далглиш предупредил, чтобы Нагль сразу же звонил в полицию, если вспомнит что-нибудь новое, и отпустил его.

Старшая сестра Амброуз давала показания следующей. Она важно вошла в кабинет, затаенная в белое полотно, воинственная, как линкор. Нагрудник фартука, твердый от крахмала, словно картон, изогнулся на громадном бюсте, где были приколоты знаки отличия медсестры, похожие на военные медали. Седые волосы выбивались из-под шапочки, низко надвинутой на лоб, раздурянившееся лицо выражало бескомпромиссную прямоту. Далглиш подумал, что она с трудом находит силы сдерживать негодование и подозрительность. Он обращался с нею мягко, но все его вопросы встречались с неизменным неодобрением. Старшая сестра коротко сообщила, что в последний раз видела мисс Болам около шести двадцати, когда та шла через холл по направлению к лестнице в подвал. Они не говорили, и администратор выглядела так же, как обычно. Старшая сестра Амброуз вернулась в кабинет электроконвульсивной терапии прежде, чем мисс Болам скрылась на лестнице, и находилась там с доктором Ингрем до тех пор, пока не был обнаружен труп.

Отвечая на вопрос Далглиша о докторе Багли (находилась ли он с ними все время), старшая сестра посоветовала спросить об этом непосредственно доктора. Инспектор уловил, что старшая сестра, если захочет, может дать ему много сведений о клинике, не говоря уже о личных связях мисс Болам, о которых ничего не известно, и не нажимал на нее. Быть может, она потрясена убийством, насильственной смертью мисс Болам более, чем кто-либо другой из персонала. Как это порой случается с лишенными воображения и молчаливыми людьми, потрясенное вызвало раздражение. Старшая сестра действительно была сердита: на Далглиша, так как его работа давала право задавать дерзкие и смущающие вопросы; на саму себя, потому что не могла скрывать свои чувства; даже на жертву, которая вовлекла клинику в это чрезвычайно затруднительное положение. С такой реакцией Далглиш встречался и раньше и не спешил нажимом добиваться сотрудничества с ценным свидетелем. Может быть, позднее старшая сестра Амброуз станет говорить более свободно, но сейчас не надо добиваться ничего, кроме фактов, которые она готова сообщить.

Один факт, по крайней мере, был чрезвычайно важным. Мисс Болам была жива и направлялась к лестнице в

подвал в шесть двадцать. В семь часов обнаружили ее тело. Эти сорок минут стали роковыми; любой сотрудник, сумевший создать прикрытие в виде алиби, ускользнет от следствия. В связи с этим возникало небольшое затруднение. Далглиш не верил, что кто-то сумел проникнуть в клинику извне и притаился в ожидании мисс Болам. Убийца почти наверняка находился в здании. Теперь дело заключалось в том, чтобы методично проверить алиби, определить мотивы каждого. Далглиш принял решение побеседовать с человеком, чье алиби казалось неопровержимым и который имел свое собственное мнение о самом учреждении и о характерах сотрудников. Он поблагодарил старшую сестру Амбруз за содействие (блеск глаз за стеклами очков в стальной оправе подсказал, что его ирония не осталась незамеченной) и попросил констебля прислать мистера Лоде.

Глава вторая

Далглиш первый раз наблюдал вблизи секретаря Совета управления больницами. Перед ним стоял коренастый человек с характерным круглым лицом, кротким взглядом за стеклами тяжелых прямоугольных очков, который в своем хорошо скроенном костюме из твида был похож скорее на сельского врача или провинциальногостряпчего, чем на чиновника. Он держался непринужденно, как человек, уверенный в своей власти, не расположенный спешить, всегда придерживающий что-нибудь про запас, в том числе, подумал Далглиш, ум более проницательный, чем можно предположить исходя из внешнего вида.

Он уселся напротив Далглиша, для удобства подвинул стул вперед, не спрашивая разрешения достал из одного кармана трубку и полез в другой за кисетом с табаком. Кивнув Мартину и его раскрытой записной книжке, медленно заговорил, демонстрируя акцент жителя северной части страны.

— Рeginальд Ивен Лоде. Дата рождения — 21 апреля 1905 года. Адрес — 42-я Мейкпис-авеню, Хайгвелл, Эссекс. Должность — секретарь правления Совета Центрального Восточного управления больницами. А теперь, инспектор, скажите, что вы хотели бы знать?

— Боюсь, очень многое, — ответил Далглиш. — И прежде всего ваши мысли по поводу того, кто мог убить мисс Болам.

Секретарь правления, раскурив трубку и поставив лок-

ти на стол, удовлетворенно кивнул головой, освещенной электрическим светом.

— Хотел бы вам помочь. Шел сюда с твердым намерением выложить свои соображения. Но это было несколько раньше, а теперь... Увы! В этом вопросе ничем не могу вам помочь.

— Были ли у мисс Болам враги, о которых вы знали?

— Враги? Поверьте, старший инспектор, враги — слишком громкое слово! Были люди, которые не переносили ее, как и я. Вам бы она тоже не пришлась по вкусу, не сомневайтесь. Но мы же не воспользовались бы возможностью убить ее, верно? Нет, я не могу сказать, что у нее были враги. Представьте, я ничего не знаю о ее личной жизни. Это не мое дело.

— Можете вы рассказать мне что-нибудь о клинике Стина и положении, которое она занимает? Я, конечно, кое-что знаю о репутации клиники, но было бы полезно, если бы я мог создать ясную картину того, что она сейчас представляет собой.

— Ясную картину того, что она собой сейчас представляет?

Возможно, это было только игрой воображения, но Далглишу показалось, что на лице секретаря правления мелькнула гримаса.

— Главный врач может рассказать вам об этом больше, чем я, — о медицинской стороне дела. Но я могу изложить вам суть. Клиника была основана между двумя войнами семьей мистера Гименя Штайна. История сообщает, что старик страдал от импотенции, но потом начал самолечение психотерапией и впоследствии стал отцом пятерых детей. Дела у них шли неплохо, и когда папа умер, дети в качестве памятника ему поставили клинику на твердый финансовый фундамент. В конце концов они ршили основать собственное учреждение. Все сыновья сменили фамилию на Стин, полагаю, это было обычное для них благоразумие — клиника получила англйзированное имя. Меня часто занимает вопрос: что бы подумал об этом старый Гименей?

— Клиника соответственно зарегистрирована?

— Да. Положение было узаконено по акту тысяча девятьсот сорок шестого года. С тех пор стал поступать доход, но сначала немного. Люди не стремятся особо вкладывать деньги в учреждения, находящиеся под контролем правительства. Но положение стало вполне приличным еще до тысяча девятьсот сорок восьмого года. Много внимания

хозяева уделили оборудованию современной техникой и улучшению обслуживания. Совет управления больницами поощрял эти усилия предусмотренным на этот случай образом.

— Трудно ли управлять клиникой? Я имею в виду проблему личных взаимоотношений.

— Не более трудно, чем в любом другом небольшом учреждении подобного типа. Вы найдете проблемы личных взаимоотношений где угодно. У меня скорее больше трудностей с психиатрами, чем с хирургами. Они у нас настоящие примадонны.

— Вы считали мисс Болам преуспевающим администратором?

— Видите ли... она была умелой. Я не получал на нее никаких жалоб. Она была, я считаю, несколько жесткой. Но, в конце концов, циркуляры министерства не имеют силы, одинаковой с силой закона, при лечении их не следует воспринимать лично продиктованными Всемогущим Богом. Кроме того, я сомневаюсь, что мисс Болам получала их много. Видите ли, она была знающим, методичным чиновником с чрезвычайно высоким чувством ответственности. Я не помню, чтобы она когда-либо присылала отчет с ошибками или неточностями.

«Бедняжка», — подумал Далглиш, уязвленный бесцветной анонимностью этой официальной эпитафии.

— Пользовалась ли мисс Болам здесь уважением? У медицинского персонала, например?

— Ну вот, старший инспектор, теперь вы спрашиваете и об этом. Извольте. Я не вижу причины, почему бы она не пользовалась авторитетом.

— Было ли какое-нибудь давление на вас со стороны медицинского совета в желании удалить ее из клиники?

Кроткие серые глаза Лоде внезапно сделались пустыми.

— Официальные предложения по этому поводу ко мне не поступали, — ответил он спокойно после кратковременной паузы.

— А неофициальные?

— Думаю, время от времени возникали разговоры о том, что для мисс Болам было бы полезным переменить место работы. И это не такая уж плохая мысль, старший инспектор! Чиновник в маленьких лечебных заведениях, особенно в психиатрической клинике, может только выиграть от смены обстановки. Но я не перемещаю свой персонал по прихоти медицинского совета. Боже сохрани! Нет! Да и, как я сказал, официальных просьб не было. Если бы

мисс Болам сама просила о переводе — тогда другое дело. Однако и это было бы нелегко сделать. Она являлась главным административным чиновником, а у нас немного должностей такого ранга.

Далглиш снова спросил о телефонном звонке мисс Болам, и Лоде сообщил, что разговаривал с нею без десяти минут час. Он хорошо запомнил время, потому что как раз собирался выходить на ленч. Мисс Болам просила о возможности поговорить лично с ним, и секретарь соединила их. Она спросила, не сможет ли в связи с возникшей крайней необходимостью видеть его.

— Вы можете вспомнить точно содержание разговора?

— Более или менее. Она сказала: «Могу ли я увидеть вас как можно скорее? Может, вы заглянете к нам сюда, чтобы ознакомиться кое с чем, что вам следовало бы знать? Мне требуется ваш совет. Надо что-нибудь предпринять, пока я не закончу работу». Я отвистил, что не смогу увидеть ее сегодня после обеда, так как должен быть в два тридцать в Финансовом и Главном плановом Совете, а непосредственно вслед за этим — в Объединенной консультативной комиссии. Спросил, не может ли она по телефону объяснить, о чем речь, и подождет ли дело до понедельника. Она заколебалась, но, прежде чем собралась ответить, я принял решение и сказал ей, что зайду вечером по пути домой. Я знал, что вечером в пятницу в клинике до позднего времени ведется прием. Она сказала, что будет работать в своем кабинете с половины седьмого, заранее поблагодарила меня и положила трубку. Дела в Объединенной консультативной комиссии потребовали больше времени, чем я ожидал, в этой комиссии так всегда, и я подъехал сюда уже около семи тридцати. Вы это знаете. В момент, когда обнаружили тело, я находился в комиссии, так что вы не должны сомневаться в причине моей задержки.

— Вы восприняли сигнал мисс Болам серьезно? К какому типу женщин она принадлежала? К тем, кто бежит к руководству с каждым пустяком, или к тем, кто обращается в случае действительно серьезного нарушения?

Секретарь правления на мгновение задумался.

— Ее просьбу я воспринял серьезно, — сказал он. — Поэтому и прискал сегодня вечером.

— Вы не представляете, что это могло быть?

— Боюсь, что нет. Это должно быть что-то такое, о чем она узнала после среды. В среду во второй половине дня я видел мисс Болам на заседании в доме Совета, и она сказала мне, что все в порядке. Я видел ее тогда в последний

раз, и то случайно. Она выглядела, думаю, скорее всего хорошо. Во всяком случае, лучше, чем в другое время.

Далглиш спросил секретаря правления, что он знает о личной жизни мисс Болам.

— Очень мало. Насколько мне известно, у нее не было близких родственников, жила одна в квартире в Кенсингтоне. Медсестра Болам может рассказать вам о ней больше. Они двоюродные сестры, и медсестра Болам, вероятно, является ее ближайшей родственницей. Думаю, у администратора мисс Болам имеются личные средства. Все официальные сведения о прохождении ею службы должны быть в ее досье. Зная мисс Болам, я считаю, что оно велось так же тщательно, как и досье любого другого сотрудника. В этом не приходится сомневаться.

Не двигая своего стула, он наклонился в сторону, резким движением открыл крышку шкафа с картотекой и сунул пухлую руку между манильскими папками.

— Так, так... Болам, Энид Констанс. Вот, смотрите, она пришла к нам в октябре тысяча девятьсот сорок девятого и стала работать машинисткой со знанием стенографии. Восемнадцать месяцев она проработала в главном управлении, затем девятнадцатого апреля пятьдесят первого года ее перевели в одну из клиник нашего фонда на должность степени В, а четырнадцатого мая пятьдесят седьмого года мисс Болам обратилась с просьбой о назначении ее на освободившуюся должность администратора в этой клинике. Должность соответствует степени Д, и она была рада занять ее. Я помню, деятельность в этой сфере не была очень эффективной. В связи с докладом Ноэля Холла мы рассмотрели всю административную и канцелярскую работу, после консультаций в окружном отделе нам удалось эту должность заменить должностью главного администратора. Все это здесь. Дата рождения мисс Болам — 12 декабря 1922 года. Адрес — 37-я Балантайн Меншнс, Юго-Восток, 8. Затем идут детали об уплате налогов, суммах социального страхования и растущем счете в банке. Освобождение по болезни, с тех пор как перешла на работу сюда, мисс Болам брала только один раз, на неделю, это было в тысяча девятьсот пятьдесят девятом году, когда она заболела гриппом. Здесь больше ничего интересного нет. Оригинал ее заявления и приказы о назначении на должности находятся в главном досье управления.

Он передал папку Далглишу, который просмотрел документы.

— Здесь указано, что прежде она работала в Центре ис-

следований в Ботли, — сказал он. — Это не фирма сэра Марка Этериджа? Они занимаются исследованиями в области авиации. Доктор Этеридж его брат, не так ли?

— Мне кажется, мисс Болам, когда оформлялась на эту должность, упоминала в беседе со мной, что немного знакома с братом доктора Этериджа. Очень поверхностно. В Ботли она была только стенографисткой и машинисткой. Думаю, это простое стечение обстоятельств, ведь должна же она была прийти откуда-нибудь. Впрочем, сейчас я припоминаю, что рекомендацию, когда она обратилась к нам, дал ей сэр Марк. Несомненно, рекомендация должна быть в главном досье.

— Не могли бы вы сказать мне, мистер Лоде, кого вы намереваетесь выдвинуть на место, освободившееся после смерти мисс Болам?

Секретарь убрал папку в ящик шкафа.

— Почему бы и нет? Конечно, я должен буду проконсультироваться в Совете, так как обстоятельства необычны, но я хотел бы рекомендовать старшую стенографистку миссис Босток, которая обладает для этого всеми необходимыми деловыми качествами. Если она при замещении должности предшественницы справится, а я думаю, что справится, то станет главным кандидатом на этот пост, хотя мы объявим конкурс в обычном порядке.

Далглиш не комментировал эти слова, но был ими явно заинтересован. Столь быстрое решение вопроса о преемнице мисс Болам могло означать только одно — Лоде уже задумывался об этом раньше. Взаимоотношения между медицинскими сотрудниками могли иметь неофициальный характер, вероятно, они были более активными, чем секретарь мог допустить. Далглиш вернулся к телефонному звонку, в связи с которым мистер Лоде оказался в клинике.

— Слова мисс Болам показались мне очень важными, — сказал детектив. — Она сообщила вам, что здесь, возможно, происходит что-то очень серьезное, о чем вы должны знать, причем началось это еще до ее прихода в клинику. Итак, мы можем предположить: первое, она не была в этом уверена, а только подозревала; второе, она была взволнована не каким-то частным инцидентом, а чем-то продолжающимся достаточно долго. Ну например, систематическим воровством, как противопоставлением одиночной краже.

— Однако, старший инспектор, странно, что вы упомянули о воровстве. У нас недавно произошла кража, но это был единичный случай, первый за все годы существования

здесь клиники, и я не понимаю, как этот случай может быть связан с убийством. Кража произошла неделю назад, в прошлый вторник, если не ошибаюсь. Калли и Нагль, как обычно, ушли из клиники последними, и Калли предложил Наглю выпить в «Королевской марке». Я думаю, вы знаете этот бар в конце Бифстик-стрит. Во всей этой истории есть одна или две странности, но самое удивительное заключается в том, что Калли пригласил выпить Нагля. Они никогда не производили впечатления близких друзей. Так или иначе, Нагль согласился, и они пришли в «Королевскую марку» около семи. Полчаса спустя в бар зашел товарищ Калли, который очень удивился, застав его здесь, так как только что проходил мимо клиники и заметил слабый свет в одном из окон. «Как будто кто-то ходил с фонариком», — сказал он. Нагль и Калли кинулись развальных окон взломано, вернее выбито. Вполне чистая работа. Калли не испытывал склонности продолжать разведку без подкрепления, и я не уверен, что он заслуживает порицания. Ему уже шестьдесят пять, да и сил у него недостаточно. Посоветовавшись, они приняли решение: Нагль полезет внутрь, а Калли позвонит в полицию из телефонной будки на углу. Ваши люди приехали достаточно быстро, однако не смогли схватить взломщика. Он дал Наглю проникнуть в здание, а когда Калли вернулся после телефонного разговора, то увидел убегающего человека.

— Я проверю, насколько наши люди продвинулись в расследовании, — сказал Далглиш. — Но согласен, что связи между этими преступлениями на первый взгляд нет. Много украли?

— Пятнадцать фунтов из стола сотрудника социальной психиатрии. Дверь была заперта, но вор ее взломал. Деньги находились в конверте, надписанном зелеными чернилами и адресованном администратору клиники; получили его неделей раньше. В нем не было письма, только записка, что это деньги от благодарного пациента. Все содержимое ящика было перевернуто вверх дном, но больше ничего не пропало. Вор попытался открыть кабинет с историями болезней в главной конторе, а также взломал ящики письменного стола мисс Болам, однако ничего не взял.

Далглиш заметил, что пятнадцать фунтов следовало бы хранить в стенном сейфе.

— Что же, старший инспектор, конечно, вы правы. Так должно быть. Но с использованием этих денег возникло некоторое затруднение. Мисс Болам позвонила мне, сообщив

о получении их, и заявила, что думает перевести деньги на свободный счет клиники, чтобы использовать их по усмотрению Совета. Это был очень достойный поступок, я так и сказал ей. Вскоре после этого позвонил главврач и спросил, может ли он использовать эти деньги на покупку новых цветочных ваз в комнату ожидания пациентов. Вазы действительно были нужны, и такое использование свободных фондов показалось мне вполне обоснованным, поэтому я созвонился с секретарем Совета и получил его одобрение. Очевидно, доктор Этеридж хотел, чтобы вазы выбрала мисс Кеттл, поэтому попросил мисс Болам передать деньги ей. Я уже известил мисс Болам о решении, она так и поступила, полагая, что вазы доставят сразу. Однако что-то заставило мисс Кеттл изменить планы, и вместо того, чтобы вернуть деньги администратору, она спрятала их в ящик своего стола.

— Как по-вашему, сколько человек знало, что деньги находятся там?

— Об этом же спрашивала полиция. Думаю, большинство сотрудников знали, что вазы не куплены, иначе мисс Кеттл должна была бы показать их. Наверное, все считали нормальным, что, получив деньги, она временно оставил их у себя. Я не знаю. Похищение этих пятнадцати фунтов весьма таинственно. Во всяком случае, старший инспектор, из сотрудников их никто не похищал. Калли видел взломщика только в течение секунды и уверяет, что не знает этого человека. Утверждает, что парень выглядел как джентльмен. Не спрашивайте меня, как он это определил, какими руководствовался критериями. Но сказал именно так.

Далглиш подумал, что происшествие это действительно необычно и требует дальнейшего расследования, однако не видел никакой видимой связи между двумя преступлениями. Он даже не был уверен, что звонок мисс Болам секретарю с просьбой о совете как-то связан с ее смертью, но это предположение выглядело достаточно серьезным. Очень важно раскрыть, если возможно, причину ее подозрений. И он еще раз спросил мистера Лоде, не может ли тот помочь.

— Я уже сказал вам, старший инспектор, мне и в голову не приходит, о чем она могла разузнать. Если бы у меня возникли подозрения о каком-то беспорядке, я не стал бы дожидаться, когда мисс Болам позвонит. Мы не настолько удалены от работников наших учреждений, как может показаться некоторым, и обычно я знаю все, что обязан знать. Если убийство связано с этим телефонным

сообщением, здесь действительно происходит что-то достаточно серьезное. В самом деле, не будете же вы убивать только для того, чтобы помешать секретарю узнать об искажении вашего отчета о командировке или безрассудно использованном ежегодном отпуске? Думаю, никто не зашел бы так далеко в подобном случае.

— Безусловно, — согласился Далглиш. Он дружелюбно посмотрел в лицо секретарю и продолжил безо всякого выражения: — Надо предполагать другое, то, что может погубить карьеру человека. Скажем, половые отношения с пациентом. Что может быть серьезнее этого?

Лицо мистера Лоде не изменилось.

— Я думаю, каждый врач знает о недопустимости подобного поведения, а особенно психиатры. Они должны быть предельно осторожными с некоторыми невращенниками, которых лечат. Откровенно говоря, я в это не верю. Все врачи здесь — знаменитые люди, некоторые даже всемирно известны. Вы не заработаете такую репутацию, будучи глупцом, да и столь знаменитые люди не станут совершать убийство.

— А как насчет остального персонала? Они могут не быть знаменитыми, но вы, по-видимому, уверены в их честности?

Секретарь оставался невозмутимым.

— Старшая сестра Амброуз проработала здесь около двадцати лет, медсестра Болам — пять, — сказал он. — В каждой из них я совершенно уверен. Все канцелярские служащие прибыли с отличными рекомендациями. Остаются два портье — Калли и Нагль. — Мистер Лоде криво усмехнулся. — Теоретически я не могу отрицать с полной уверенностью, что они не совершили убийство, но ни один из них не производит впечатления маньяка. Калли — трогательный чудак и немного выпивает. Я сомневаюсь, сможет ли он убить даже мышь, ничего не напутав. Нагль стоит выше обычных больничных портье. Я знаю, что он художник и здесь работает только для того, чтобы иметь карманные деньги. Он у нас только пару лет, следовательно, не мог быть до прихода мисс Болам. Даже если бы его обольстили все дешенные женщины, что кажется невероятным, худшее, что с ним бы произошло, — это увольнение, которое не огорчило бы его больше, чем то, что случилось сегодня. Хотя ее и убили его стамеской, но уверен, не использовали при этом его руки.

— Знаете, боюсь, это была работа не случайного человека, — мягко заметил Далглиш. — Убийца знал, где хра-

нится статуэтка Типпетта и стамеска Нагля, знал, каким ключом открывается старая регистратура, знал, где ключ висел на доске служебной комнаты портье, возможно, забрал один из резиновых фартуков из мастерской трудовой терапии, безусловно, у него есть медицинские навыки. Более того, убийца не мог покинуть клинику после совершения преступления. Подвальная дверь оставалась запертой на засов, как и дверь черного хода первого этажа. Калли же охранял парадный вход.

— У Калли были боли в животе. Он мог кого-нибудь упустить.

— Вы действительно верите, что это возможно? — спросил Далглиш. И не получил ответа.

* * *

С первого взгляда Марион Болам могла показаться красивой. Правильные, почти классические черты лица, которые оттеняла форма медсестры, вызывали очарование. Ее белокурые волосы, разделенные над широким лбом пробором и собранные на затылке в высокий пучок, были прикрыты простой белой шапочкой. Уже при втором взгляде иллюзия блекла и красота уступала место обычной привлекательности. Черты лица при внимательном изучении становились заурядными, нос оказывался длинноватым, губы слишком тонкими. В обычной одежде, торопливо направляясь после работы домой, она, видимо, теряла особенную выразительность. А здесь... Глаза просто ослепляло сочетание крахмаленного полотна формы со светлой кожей и золотистыми волосами. Только широкий лоб и острый нос помогли Далглишу выявить ее сходство с покойной кузиной. Прежде чем она, потупившись, устремила взгляд своих больших серых глаз на руки, сложенные на коленях, в них на мгновение мелькнуло что-то необычно.

— Я знаю, вы близкая родственница мисс Болам. Случившееся должно быть страшным потрясением для вас.

— Да! О да, конечно! Энид была моей кузиной.

— У вас одинаковые фамилии. Ваши отцы были братьями?

— Да. Наши матери тоже были сестрами. Два брата женились на двух сестрах, и мы стали родственницами вдвойне.

— У нее остались другие родственники?

— Нет. Только моя мама и я.

— Думаю, мне необходимо встретиться с поверенным мисс Болам, — сказал Далглиш. — Но вы окажете мне

огромную услугу, если расскажете все, что знаете, о ее делах. Боюсь, придется задать вам несколько, так сказать, личных вопросов. Они вроде бы не имеют непосредственного отношения к преступлению, но только для непосвященных. Видите ли, я должен знать все, что даже чуть-чуть может касаться дела. Имелись ли у вашей кухни дополнительные доходы помимо жалованья?

— О да. Энид была хорошо обеспечена. Дядя Сидней оставил ее матери около двадцати пяти тысяч фунтов стерлингов, и все это перешло Энид. Я не знаю, сколько точно осталось, но думаю, у нее было около тысячи фунтов в год дохода помимо жалованья. Она снимала тетину квартиру в Балантайн Меншнс, и она... она всегда была очень добра к нам.

— В чем выражалась ее доброта, мисс Болам? Она переводила вам деньги?

— О нет! Энид не хотела переводить деньги. Она делала подарки. Тридцать фунтов на Рождество и пятьдесят в июле, на наш летний отдых. У мамы рассеянный склероз, и мы не можем останавливаться в обычном отеле.

— А что будет с деньгами мисс Болам сейчас?

Серые глаза взглянули на него безо всякого смущения.

— Они перейдут мне и моей маме, — простодушно ответила Марион. — Деньги ведь не могут достаться кому-то еще, не так ли? Энид всегда говорила, что деньги станут нашими, если она умрет первой, конечно, было непохоже, что она умрет первой, во всяком случае, пока моя мама жива.

Маловероятно, чтобы при обычных условиях мисс Болам постоянно помогала родственницам денежными суммами из этих двадцати пяти тысяч фунтов или из того, что осталось, подумал Далглиш. Здесь возникал вполне очевидный мотив, такой понятный, такой всеобъемлющий и такой желанный для любого прокурора. Каждый присяжный будет считать, что ее соблазнили деньги. Неужели медсестра Болам действительно не придавала значения той информации, которую сообщила с такой откровенностью? Что здесь: столь безыскусная невинность или столь самонадеянная виновность?

— Ваша кухня была общительной? — неожиданно спросил он.

— Круг ее друзей был узок. Не думаю, что ее можно было считать общительной. Да и она не стремилась к этому особенно. Основу ее жизни составляли вера в провидение и строгая церковная мораль, что давало полное право считать ее цельной и гармоничной личностью.

— Были у нее враги?

— О нет! Ни единого. Ее очень почитали.

Формальное старомодное слово она произнесла почти неслышно.

— Это может выглядеть как немотивированное, неумышленное убийство, — сказал Далглиш. — Можно, конечно, подозревать одного из пациентов, но в такое трудно поверить. А вы тоже настаиваете на том, что этому убийству трудно подыскать объяснение?

— О нет! Это не пациент. Я уверена, что ни один из наших пациентов не совершил бы убийства. Они не насильники.

— И даже мистер Типпетт?

— Это не мог быть мистер Типпетт. Он лежит в больнице.

— Это мне сказали. Сколько сотрудников знало, что мистер Типпетт не сможет присхать в клинику сегодня вечером?

— Точно не знаю. Знал Нагль, ведь это ему передали по телефону, он сказал Энид и старшей сестре. Старшая сестра сообщила мне. Я обычно стараюсь не выпускать Типпетта из поля зрения, когда занимаюсь в пятницу пациентами, принимающими лечение ЛСД. Конечно, я не могу оставить своих подопечных больше чем на минуту, но время от времени выглядываю проверить, все ли в порядке у Типпетта. Бедный Типпетт так любит трудовую терапию! Миссис Баумгартен теперь будет болеть полгода, но мы не запрещаем Типпетту приходить сюда. Он муху не обидит, не то что... Грешно считать Типпетта способным совершить подобное! Грешно!

Марион Болам произнесла это с внезапной горячностью.

— Никто не предполагает что-нибудь в этом роде, — мягко сказал Далглиш. — Если Типпетт в больнице, я насколько не сомневаюсь, что мы найдем его там, а значит, он не мог находиться здесь.

— Но кто-то положил его статуэтку на тело, ведь так? Ведь если бы Типпетт находился здесь, то сразу попал бы под подозрение, вы бы его запутали и сбили с толку. Грешно так поступать. Очень грешно.

Голос ее прервался, она была готова разрыдаться. Далглиш посмотрел на ее сцепленные тонкие пальцы, лежащие на коленях.

— Я не думаю, что стоит волноваться за мистера Типпетта, — сказал он еще мягче. — Сейчас я хочу, чтобы вы хорошенько подумали и рассказали мне все, что знаете о

происходившем в клинике с того момента, когда заступили на дежурство. Ничего о других людях, только о себе, я хочу знать, что делали лично вы.

Медсестра Болам прекрасно помнила, что делала, и после секундного раздумья начала тщательный и последовательный отчет. Вечером в пятницу она ухаживала за пациентами, которые проходили курс лечения ЛСД. Суть метода, объяснила она, заключается в освобождении глубоко сидящих внутри комплексов, то есть в том, чтобы пациент мог вспомнить, назвать и описать события, давящие на его подсознание и являющиеся основной причиной развития болезни. Начав говорить о лечении, медсестра Болам успокоилась и, казалось, забыла, что перед ней сидит неспециалист. Однако Далглиш слушал ее, не прерывая.

— Это замечательное лекарство, и доктор Багли использует его достаточно активно и много. Оно называется лизергик ацид диэтиламид и, кажется, создано немцами в тысяча девятьсот сорок втором году. Мы даем наркотик больным в виде жидкости — обычная доза четверть миллилитра. Лекарство производится в ампулах и смешано с дистиллированной водой. Рекомендуются не давать пациентам никакого завтрака. Первое действие отмечается примерно через полчаса, а более беспокойный период наступает через час-полтора после приема наркотика. Именно тогда доктор Багли спускается к пациенту. Воздействие может продолжаться до четырех часов, пациент ведет себя беспокойно, кровь приливает к его лицу, и он полностью отключается от действительности. Конечно, больных никогда не оставляем одних, пользуемся подвальным помещением, хорошо изолированным, чтобы шумом не беспокоить других пациентов. Обычно мы проводим ЛСД-терапию в пятницу после обеда и вечером. И я всегда специально готовлю каждого человека.

— Если бы сегодня вечером кто-нибудь из персонала услышал шум, крик в подвале, он мог бы предположить, что это пациент, принявший ЛСД?

Медсестра Болам неуверенно взглянула на него:

— Думаю, что да. Безусловно, больные очень шумные. Моя пациентка сегодня была более беспокойна, чем обычно, поэтому я все время старалась быть рядом. Когда все идет нормально, я ненадолго выхожу в бельевую, которая примыкает к палате, и, как только пациенту становится лучше, сортирую чистое белье. Конечно, дверь между комнатами держу открытой, поэтому могу постоянно наблюдать за больным.

Далглиш попросил подробно рассказать обо всем, что происходило вечером.

— Ну, процедуры начались сразу после половины четвертого, доктор Багли после четырех посмотрел, все ли в порядке. Я оставалась с пациенткой до половины пятого, когда пришла миссис Шортхауз и сказала, что готов чай. Пока я поднималась наверх в дежурную комнату медсестер и пила чай, меня подменяла старшая сестра. Я снова спустилась вниз без четверти пять и в пять позвонила доктору Багли. Он пробыл с пациенткой около сорока пяти минут, затем вернулся в кабинет электроконвульсивной терапии. Я осталась с пациенткой, но та была так беспокойна, что я решила отложить сортировку белья для прачечной до позднего вечера. Без двадцати семь в дверь постучал Питер Нагль и хотел взять белье. Я сказала ему, что белье еще не собрано, он удивился, но ничего не сказал. Через некоторое время мне показалось, что я услышала крик. Сначала я не придавала этому значения, так как он долетел издалека, и я решила, что это на площади играют дети. Затем подумала о необходимости убедиться в этом, и пошла к двери. В этот момент увидела доктора Багли и доктора Штайнера, которые спускались в подвал в сопровождении старшей сестры и доктора Ингрэм. Старшая сестра сказала, что все в порядке, и посоветовала вернуться к пациентке, что я и сделала.

— Вы оставляли процедурную сразу после того, как доктор Багли ушел оттуда без четверти шесть?

— О нет! В этом не было никакой необходимости. Если бы я хотела сходить в туалет или что-то в этом роде, — медсестра Болам слегка покраснела, — то позвонила бы старшей сестре, чтобы она пришла и подменила меня.

— Звонили ли вы из процедурной кому-нибудь еще?

— Только в пять часов, позвать доктора Багли в кабинет электроконвульсивной терапии.

— Вы вполне уверены, что не звонили мисс Болам?

— Я? Звонила Энид? Нет! У меня не было никаких причин ей звонить. Она... знаете, мы встречались в клинике довольно редко. Я подчиняюсь старшей сестре Амбруз, а Энид не имела никакого отношения к медицинским сестрам.

— Но вы, наверно, часто видели ее за пределами клиники?

— О нет! Тоже очень редко. Я приходила к ней домой один или два раза забрать чеки к Рождеству и на лето, и все. Ничего удивительного — мне трудно оставлять маму.

У Энид, разумеется, шла своя жизнь. Она ведь намного старше меня. Нет, нет, в самом деле, я не очень хорошо знала ее.

Голос медсестры Болам прервался, и Далглиш увидел, что она плачет. Роясь под фартуком в карманах своей формы, она всхлипывала.

— Боже мой! Как это ужасно! Бедная Энид! Статуэтка, брошенная на ее тело... ведь это насмешка, нарочно сделали, чтобы было похоже будто она нянчит ребенка!

Далглиш знал, что она не видела тело, и необдуманно успешно сказал об этом.

— Да, да, я не видела тело. Доктор Этеридж и старшая сестра не подпустили меня к ней. Но нам, сотрудникам, рассказали о происшедшем.

Покойная мисс Болам действительно выглядела так, будто нянчила ребенка. Но Далглиш был немало удивлен тем, что кто-то, в глаза не видевший тела, так уверенно все описывал. Главный врач, видимо, представил место трагедии своим сотрудникам весьма красочно.

Наконец, медсестра Болам нашла носовой платок и вынула его из кармана. Вместе с ним на свет появилась пара тонких хирургических перчаток. Перчатки упали к ногам Далглиша.

— Я не думал, что вы здесь пользуетесь хирургическими перчатками, — заметил он, поднимая их.

Медсестра Болам, казалось, ничуть не удивилась его заинтересованности. Вытерев слезы, она удивительно спокойно ответила:

— Мы нечасто пользуемся перчатками, но держим несколько пар. Все больницы перешли сейчас на другие перчатки, а у нас осталось несколько пар старого образца. Это одна из таких. Мы пользуемся этими перчатками при хозяйственных работах.

— Благодарю вас, — сказал Далглиш. — Если можно, я оставлю эту пару у себя. Не думаю, что мне придется вас беспокоить еще раз.

Пробормотав что-то наподобие «благодарствую», медсестра Болам сразу же покинула комнату.

* * *

Медленно тянулись минуты для ожидавших предварительного допроса сотрудников клиники. Фредерика Саксон принесла из своего кабинета на третьем этаже несколько научных статей и углубилась в сложный текст. Этому предшествовала небольшая дискуссия — имеет ли она право ид-

ти наверх одна, но мисс Саксон решительно заявила, что не намерена сидеть, теряя время, и от скуки грызть ногти, пока полиция соизволит ее вызвать. Совесть ее чиста, она не убийца, и ей ни к чему прятаться наверху, не собирается она также уничтожить необходимые следствию вещественные доказательства и не будет в обиде, если уважаемые коллеги не удовлетворятся этим. Прискорбное откровение вызвало ропот протеста и увещаний, но миссис Босток внезапно заявила, что должна сходить в медицинскую библиотеку за книгой, и две женщины вместе покинули комнату и вместе вернулись назад. Калли допросили раньше, так как укоренилась привычка ставить его в один ряд с пациентами, и, освободившись, он отправился домой лечить свой живот. Единственная оставшаяся пациентка, миссис Кинг, была опрошена и уходила в сопровождении мужа. Мистер Бэдж также ушел, громогласно возмущаясь тем, что его лечение прервали, нанеся тем самым непоправимый ущерб здоровью.

— Обратите внимание, он прямо-таки любит себя собой, — доверительно сообщила миссис Шортхауз собравшимся сотрудникам. — Старший инспектор, скажу вам, приложил немало усилий, чтобы поскорее избавиться от многочисленных подробностей его богатой семейной жизни.

Миссис Шортхауз, казалось, могла добавить к ним множество собственных. Ей разрешили сварить кофе и приготовить сэндвичи в маленькой кухоньке на нижнем этаже в задней части здания, и это служило ей оправданием для частых хождений вверх и вниз. Сэндвичи она принесла почти сразу. Каждая чашка была тщательно вымыта. Все эти передвижения и сборы давали ей возможность узнавать подробности о положении дел и сообщать их остальным сотрудникам, ожидавшим своей очереди с трудно скрываемым беспокойством и нетерпением. Конечно, миссис Шортхауз была не тем человеком, которого бы все предпочли в качестве гонца или посыльного, но любые новости, как бы их ни получили и кто бы их ни сообщил, помогали прояснить обстановку. Однако миссис Шортхауз совершенно неожиданно обнаружила хорошие знания особенностей полицейской работы.

— Они обыскали все здание и поставили своего парня у двери. Конечно, ничего не нашли. Это очевидно! Считают, что преступник не мог выбраться из здания. Возможно, по этой причине у входа стоит караул. Я сказала сержанту:

«Все в клинике вымыто мной, это сделано сегодня, так что передайте вашим парням, пусть думают, где топтать башмаками...»

Сержант полиции видел труп. Следы от мужских пальцев есть до сих пор на нижнем этаже, и они нашли какие-то отпечатки. Я видела фотографа. Он шел через холл с треногой и большим кофром, белым сверху, черным снизу... Суются повсюду, даже смешно. Увидели следы в подвальном лифте. Возились с ними...

Фредерика Саксон подняла голову, будто собираясь что-то сказать, но передумала и вернулась к работе. Лифт в подвал площадью около четырех футов, действовавший с помощью переброшенного через блок троса, в то время, когда здание клиники было частным домом, использовали для подъема пиццы из кухни в подвале в столовую на первом этаже. Его не демонтировали. Время от времени медицинские документы из регистратуры, находящейся в подвале, поднимали в кабинеты для консультаций на нижнем и втором этажах, но для других целей лифт почти не использовали.

Миссис Шортхауз ушла мыть чашки. Обратное вернулась через пять минут.

— Мистер Лоде в главной канцелярии звонил председателю правления. Я предполагаю, он говорил об убийстве. Это даст Совету управления больницами возможность поболтать с неделю со знанием дела. Старшая сестра и один из полицейских провели инвентаризацию белья. Кажется, не обнаружили резинового фартука из кабинета трудовой терапии. Ох, и еще одна вещь. Они погасили котел. Хотят, предполагаю, порыться там граблями. Хорошенькое дельце, должна я сказать. В понедельник здесь будет убийственный холод... Приехал фургон из морга. Его вызвала полиция, поскольку они, видите ли, не пользуются машиной «скорой помощи» при насильственной смерти. Вы, вероятно, слышали, как фургон подъехал. Смею сказать, если вы отодвинете штору, сможете увидеть, как несчастную будут забирать.

Но никакого желания отодвигать штору ни у кого не возникло и тогда, когда мягкие, осторожные шаги санитаров с носилками прошаркали за дверью. Санитары шли молча. Фредерика Саксон положила свой карандаш и наклонила голову, словно молилась. Когда закрылась дверь, послышались тяжелые вздохи. На короткое время воцарилась тишина, потом фургон тронулся с места. Все по-прежнему молчали. Говорила только миссис Шортхауз:

— Бедная маленькая зануда! Я меньше года занимаюсь здесь разными делами и никогда не думала, что она представится первой.

* * *

Дженнифер Придди сидела в стороне от других сотрудников на краю медицинской кушетки. Ее беседа со старшим инспектором протекала неожиданно непринужденно. Она беспокоилась о том, что ожидает ее на допросе, и, конечно, не предполагала, что детектив окажется таким спокойным, мягким, с приятным низким голосом. Он не надоел сочувствием по поводу ее шока в связи с внезапным обнаружением тела. Не подтрунивал над нею, не относился к ней по-отцовски или понимающе. Создавалось впечатление, что его интересует только одно: как можно быстрее установить истину. И еще: ей показалось, будто он считает, что все чувствуют одинаково. Она осознавала, что такому человеку лгать невозможно, и не пыталась этого делать. Все спокойно вспоминала, спокойно и откровенно. Старший инспектор задавал ей вопросы, касающиеся промежутка времени в десять минут, или того, что она делала в подвале с Питером. Это было не больше ожидаемого ею в данный момент. Разумеется, он хотел знать, мог ли Питер убить мисс Болам после возвращения с почтой и перед тем, как она встретила с ним. Нет, это было невозможно. Она почти сразу спустилась вслед за Питером по лестнице, миссис Шортхауз может подтвердить это. Вероятно, для убийства Энид требовалось немного времени — она, правда, не пыталась думать об этом внезапном, жестоком, умышленном злодеянии, — но как быстро оно бы ни совершилось, такого времени у Питера не было.

Сейчас Придди думала о Питере, погружаясь в воспоминания о нескольких часах уединения с ним. Однако сегодня вечером интимное тепло воображения было тесно связано с тревогой. Не рассердила ли она его своим поведением? Со стыдом вспомнила, как протяжно закричала от ужаса, когда обнаружила безжизненное тело, свое стремительное бегство, закончившееся в его объятиях. Он был очень добрым и внимательным почти всегда, конечно, когда не был занят работой. Она знала, что он нервничает по пустякам и любая демонстрация любви раздражает его. Дженни научилась признавать, что их любовь, а она больше не сомневалась в том, что это именно любовь, должна иметь свои пределы. С тех пор как они провели некоторое время вдвоем в служебной комнате медсестер после обна-

ружения тела мисс Болам, она перебросилась с Питером только парой фраз. Она не могла представить, что он чувствовал. Но была уверена только в одном — она не сможет позировать сегодня. Ничего невозможно поделать со своим стыдом или виной, долго теперь придется ждать, пока она освободится от этого чувства. Питер рассчитывает на ее приход в мастерскую, как наметили. В конце концов, ее алиби зафиксировано, и родители подумают, что она занимается в вечерней школе. Она просто не найдет разумных оснований, изменяющих их планы, да и Питер слишком умен, чтобы оказаться обманутым. Но она не могла заниматься этим! Именно сегодня вечером! Пугало не так то, что придется позировать, как то, что последует за этим. Однако сил отвергнуть сто явно не хватало, да она и не хотела особенно отказывать ему. Но сегодня вечером, после смерти Энид, она чувствовала, что не сможет перенести его прикосновений.

Вернувшись в комнату после разговора со старшим инспектором, доктор Штайнер присел рядом с нею и принялся утешать. Он очень мил, этот доктор Штайнер. Как всегда, слегка осуждал собственную леность и смех незанятых пациентов. Но он заботился о людях, в отличие от доктора Багли, который, работая и сурово изнурая самого себя тяжелым лечением, в действительности вообще не любил людей, лишь желал показать, что любит. Дженни, несомненно, не было все до конца ясно. Она просто не думала об этом прежде. Сегодня вечером, несмотря на то что она перенесла настоящее потрясение, обнаружив тело мисс Болам, ум ее сделался неестественно ясным. И не только ум, обострены оказались все чувства. Материальные предметы вокруг нее — вощенный ситец чехла на кушетке, красное шерстяное одеяло, свернутое в ногах, яркая зелень и золото хризантем, стоящих в вазе на письменном столе, — ощущались яснее, ярче, реальнее, чем обычно. Она видела очертания руки мисс Саксон, лежавшей на столе и державшей книгу, ее тонкие волосы на лбу, освещенные светом настольной лампы. Ей захотелось, чтобы Питер всегда видел мир вокруг с таким же удивлением и ясностью, как если бы родился один во Вселенной, со всеми первыми яркими оттенками и неизбежной свежестью. Вероятно, подобное чувство должен испытывать художник.

«Наверное, действует бренди», — подумала она и хихикнула. Ей вспомнилось ворчливое бормотание старшей сестры Амброуз полчаса назад:

— Чем Нагль угощает Придди? Этот ребенок полупьян.

Но она не была пьяной и на самом деле не верила в действие бренди.

Доктор Штайнер, пригладив волосы, приблизился к ней и на мгновение положил руку ей на плечо.

— Она была добра ко мне, мне же она не нравилась, — вырвалось бездумно у мисс Придди.

Она больше не чувствовала стыда или вины перед мисс Болам. Лишь излагала факты.

— Вы не должны больше переживать в связи с этим, — мягко сказал врач и похлопал ее по колену. Она не возмутилась. Питер сказал бы: «Распутный старый козел! Скажи ему, чтобы держал свои лапы при себе». Но Питер ошибался. Дженни знала, что это был жест доброты. Мгновение боролась с искушением положить свою руку на руку врача, чтобы он увидел — она все понимает верно. У доктора Штайнера руки маленькис и очень белые для мужчины, так отличающисся от рук Питера, с длинными, костлявыми, испачканными краской пальцами. Придди скользнула взглядом по завиткам волос ниже манжет рубашки психиатра. На безымянном пальце он носил золотое кольцо с печаткой, тяжелое, словно орудие защиты.

— Естественно чувствовать то, что чувствуете вы, — сказал он. — Чем люди будут добрее друг к другу, тем лучше. Мы не должны стыдиться своих чувств. Особенно если начнем понимать и анализировать их, а со временем научимся, не таясь, жить в гармонии с ними.

Но Дженни уже не слушала. Тихо открылась дверь, и вошел Питер Нагль.

Вытерпев вынужденное сидение за письменным столом в приемной и обменявшись банальными замечаниями с молчаливым полицейским, дежурившим там, Нагль теперь искал развлечений в кабинете для консультаций. Несмотря на то, что его допрос был формально закончен, он не мог оставить клинику. Секретарь правления явно хотел, чтобы он остался до конца, закрыл опустевшее здание на ночь, тем более в его обязанности входило открыть клинику снова в понедельник утром. Ход событий также свидетельствовал о том, что он будет привязан к месту по крайней мере еще на пару часов. Утром Питер запланировал вернуться домой пораньше и работать над картиной, но теперь об этом нечего и думать. Возможно, все закончится уже после одиннадцати часов, и он освободится. Но даже если бы они могли пойти в одноэтажный дом в Пимлико вместе с Дженни, она бы не стала ему позировать. Это было ясно. Одного взгляда на ее лицо было достаточно. Она не встала

навстречу, когда Питер вошел в кабинет, и он был благодарен за эту сдержанность. Но она кинула на него быстрый взгляд, полузаговорщический, полуумоляющий. В нем выражалась не только просьба понять ее, но и своеобразный способ извиниться. Ладно, пусть, хотя он сожалел также. Рассчитывал вечером поработать добрых три часа, а времени оставалось так мало. Но если она пыталась передать только то, что не настроена заниматься любовью, ладно, пусть, это его вполне устраивало. Если бы она могла знать, что это устраивало его в течение большинства ночей! Ему лишь хотелось овладеть ею, а Придди надоедливо требовала внимания к самой сути любовной игры. Он же действовал легко и быстро, как обычно принимал пищу, без ложного стыда, беспокоясь только о самом себе. Но это было не для Дженни. Дженни любила. Она любила безнадежно, страстно и опасно, требуя постоянных заверений, легкой нежности и поглощающих время технических приемов, изнуряющих его и едва приводящих к удовлетворению. Она ужасно боялась забеременеть, так что подготовительные мероприятия к любовным действиям болезненно раздражали, а результаты большей частью оказывались такими, что она бурно рыдала на его груди. Как художника, его мучительно восторгало ее тело. Он даже не мог подумать о замене модели, а тем более позволить себе ее заменить. Цена Дженни поднялась слишком высоко.

Нагля почти не огорчила смерть мисс Болам. Он подозревал, что она всегда слишком хорошо знала, сколь мал объем работы, которую он выполняет за получаемые деньги. Остальные сотрудники, введенные в заблуждение сравнением его с этим бедным шутком Калли, думали, что Питер является образцом прилежания и интеллекта. Но Болам была не глупа и кое-что понимала. Нет, он не был ленив. Он мог бы даже один обеспечить в клинике Стина спокойную жизнь, и большинство сотрудников, включая некоторых психиатров, чувствовали бы себя хорошо, не рискуя быть в чем-то повинными. Все сотрудники, зависящие от него, оставались уверенными в его способностях, а он делал им не больше, чем требовалось. Энид Болам знала, что он мог бы работать лучше, но это никого не волновало. Если бы он ушел, она могла бы только надеяться заменить его портье менее деловитым и более умелым. А он был образованным, красивым и вежливым. Все это мисс Болам считала неоспоримыми достоинствами. Он улыбнулся, вспомнив, как много это значило для нее. Нет, мисс Болам никогда не беспокоила его.

В этом ему везло. Но ее собственная удача не внушала уверенности.

Питер посмотрел в дальний конец комнаты, туда, где в одиночестве сидела миссис Босток, грациозно расслабившись на одном из удобных стульев, предназначенных для пациентов, тех самых стульев, которые он принес из комнаты ожидания. Ее голова прилежно склонилась над книгой, но Нагль не сомневался, что мозг занят другим. «Наверное, подсчитывает, какого числа станет администратором», — подумал Нагль. Убийство давало ее карьере прекрасный шанс. В этой женщине нельзя было не заметить честолюбивого стремления подавлять. В связи с происшедшим это стремление разгорелось. Уже можно было чувствовать запах шипящего, охваченного жаром мяса. Под внешним видом незыблемого спокойствия скрывалась натура беспокойная и первная. Питер Нагль ленивой походкой пересек комнату и остановился, опершись на стену рядом с стулом миссис Босток, его рука беспристрастно стряхнула пылинки с ее плеча.

— Прекрасное время настало для вас, — сказал он. — Не так ли?

Миссис Босток продолжала держать глаза на странице, но он знал, что она ответит. Она никогда не могла противостоять, защищая саму себя, даже наоборот — когда защищалась, становилась еще более уязвимой. Как она похожа на всех остальных, подумал он, не может держать свой кровожадный рот закрытым.

— Не понимаю, что вы имеете в виду, Нагль.

— Оторвитесь от книги. Последние шесть месяцев я восхищался вашей исполнительностью. Да, доктор. Нет, доктор. Как вы считаете нужным, доктор. Конечно, я охотно помогу вам, доктор, но здесь имеются определенные сложности... Еще бы! Сложности были! Мисс Болам не отказывалась от борьбы. А теперь она мертва. Очень славно для вас. А они... Они не хотят даже издали взглянуть на своего нового администратора.

— Не будьте наглы и смешны. Кстати, почему бы вам не помочь миссис Шортхауз приготовить кофе?

— Нет никакого желания. И вы еще не администратор, запомните это.

— Не сомневаюсь, что полицию заинтересует, где вы были сегодня вечером. В конце концов, это ваша стамеска.

— Я уходил из клиники с почтой и взял свою вечернюю газету. Вы разочаровались, не так ли? А я хотел бы узнать, где были в шесть двадцать два вы.

— Откуда вы знаете, что она умерла в это время?

— Я не знаю. Но старшая сестра видела, как она спускалась вниз в подвал в шесть двадцать, а, насколько мне известно, в подвале мисс Болам ничего не хранила. Если, конечно, там не было вашего дорогого доктора Этериджа. Но он, несомненно, не унизил бы своего достоинства, обвиняя мисс Болам. Это не его тип, должен сказать. Но вы, конечно, знаете его вкусы в этой области лучше, чем я.

Миссис Босток внезапно вскочила со стула и, согнув правую руку, ударила Нагля по щеке с такой силой, что он покачнулся. Резкий звук удара эхом разнесся по комнате. Все посмотрели на них. Нагль слышал затрудненное дыхание Дженифер Придди, видел, как забеспокоился доктор Штайнер, как он, сдвинув брови, переводил взгляд с одного на другую в недоуменном вопросе, видел презрительный взгляд Фредерики Саксон, брошенный на них, прежде чем она снова углубилась в книгу. Миссис Шортхауз, которая на боковом столе складывала посуду на поднос, посмотрела, обернувшись, секундой позже. Ее острые маленькие глазки ощупывали обоих, тщетно стараясь не упустить чего-нибудь стоящего. Миссис Босток с лицом, залитым румянцем, снова села на стул и уткнулась в раскрытую книгу. Нагль, прикрыв ладонью щеку, громко расхохотался.

— Что случилось? — спросил доктор Штайнер. — В чем дело?

В этот момент дверь открылась, полицейский в форме просунул в кабинет голову и сказал:

— Теперь старший инспектор хотел бы видеть миссис Шортхауз. Пройдите, пожалуйста.

Миссис Эми Шортхауз не видела причины оставаться в рабочей одежде в ожидании допроса. Когда ее вызвали к Далглишу, она была уже одета так, как будто собиралась идти домой. Метаморфоза оказалась поразительной. Удобные рабочие башмаки сменила пара модных вечерних туфель на высоких каблуках, вместо белого халата на ней была надета меховая шубка, головной платок уступил место шляпке, самому последнему идиотизму в сфере изготовления головных уборов. Но в целом вид оставался необычайно старомодным. Миссис Шортхауз являла собой пережиток беспутных двадцатых годов, эффект еще более усиливала короткая юбка и аккуратно завитые, крашенные перекисью водорода волосы, искусно уложенные на лбу и щеках. Однако, как показалось Далглишу, не было ничего фальшивого в ее голосе и внешности. Маленькие серые глазки светились хитростью. Она не казалась испуганной

или огорченной. Детектив подумал, что Эми Шортхауз страстно желает гораздо больших волнений, чем обычно предоставляет ей жизнь, и по возможности этим наслаждается. Она не хотела никакой насильственной смерти, но раз уж это произошло, событие для нее могло оказаться самым грандиозным из всех подобных.

Когда предварительные переговоры остались позади и они подошли к событиям вечера, миссис Шортхауз выложила главную часть своей информации:

— Я могла бы сообщить вам, кто сделал это, но не скажу. Не то чтобы у меня на этот счет не хватало своего собственного мнения. Просто не могу. Но есть одна вещь, о которой я вам скажу. Я была последней, кто говорил с ней! Да, да, я это выложу! Я была последним человеком, кто говорил с ней, стоял лицом к лицу. За исключением убийцы, конечно.

— Вы имете в виду разговор мисс Болам по телефону? Не смогли бы вы рассказать мне об этом, ничего не скрывая? Для одного вечера у меня уже накопилось достаточно тайн.

— Достаточно? Вы находите? — сказала миссис Шортхауз беззлобно. — Ну так слушайте. Было это в комнате, где мы сейчас сидим. Я пришла сюда в шесть часов десять минут, хотела договориться о нужном мне выходном дне на следующей неделе. Мисс Болам достала мое личное дело, мы это решили в два счета и малость поболтали о работе. Я уже собралась идти, уже остановилась перед дверью, чтобы сказать несколько последних слов, как вдруг, вот тебе и на, зазвонил телефон.

— Я хочу, чтобы вы припомнили все как можно точнее, миссис Шортхауз, — сказал Далглиш. — Этот звонок может быть особенно важным. Вы можете вспомнить, что говорила мисс Болам?

— Думаете, кто-нибудь заманивал ее вниз, чтобы прикончить, да? — спросила миссис Шортхауз пристрасно. — Ладно, можно считать и так.

Далглиш подумал, что свидетельница далеко не так глупа. И не сомневался, она хорошо помнит все, что было сказано. И только для большего эффекта делает хорошо рассчитанную паузу.

— Ладно, зазвонил, стало быть, телефон, — продолжала она. — Было это, по моей прикидке, в шесть пятнадцать. Мисс Болам подняла трубку. «Администратор слушает», — сказала она. Она всегда так отвечала. Строго следила, чтобы к ее должности относились уважительно. Питер Нагль

по этому поводу однажды заметил: «Кого, черт побери, она думает, мы ожидаем услышать, набирая этот номер? Хрущева?» Нет, это он сказал не ей. Но все равно. Главное, сказал. Не побоялся! Но как бы там ни было, она сегодня в трубку сказала именно так. Затем некоторое время молча слушала и смотрела на меня, а потом сказала: «Да». Предполагалось, по моей прикидке, что она одна, меня она не принимала во внимание. Затем была более длинная пауза, пока мальчуган на другом конце провода говорил. Наконец она сказала: «Хорошо, оставайтесь на месте. Я спускаюсь вниз». Она, стало быть, попросила меня проводить мистера Лодс к ней в кабинет, если я буду поблизости, когда он придет, я, заверив, что в точности все сделаю, ушла.

— Вы точно передали ее разговор по телефону?

— Так же верно, как то, что я сижу здесь. Она сказала именно так.

— Вы упомянули о малом, который был на том конце провода. Почему вы решили, что это был мужчина?

— Я не говорила, что это мужчина. Я просто предположила, что это мальчуган. Понимаете, я не могла ничего узнать. Вы можете иногда получить представление о том, кто говорит на другом конце провода, вслушиваясь в треск и шум телефона. Но я стояла не рядом с мисс Болам, а у двери.

— Значит, вы не могли слышать другой голос?

— Нет. Мне только показалось, что он говорил тихо.

— А что было после этого, миссис Шортхауз?

— Я простилась с мисс Болам и пошла в главную канцелярию. Питер Нагль отнимал там время у молодой Придди, занимавшейся, как обычно, своей работой, Калли находился в приемном киоске, но это им не мешало. Как только появилась я, Питер пошел относить почту. Он делает это всегда в четверть седьмого.

— Вы видели, как мисс Болам выходила из своего кабинета?

— Нет. В это время я была с Наглем и мисс Придди. Ее видела старшая сестра — я так слышала. Вы расспрашивали ее. Старшая сестра видела мисс Болам идущей в нижнюю часть холла.

— Понимаю. Я говорил со старшей сестрой Амброуз. Но я о другом. Я хочу знать, провожала ли вас мисс Болам, когда вы покидали ее кабинет?

— Нет, не провожала. И сразу после меня не выходила. Может, она думала, что ничего не случится, если немного задержит малого, который ее ждет.

— Может быть, — сказал Далглиш. — Но она бы, видимо, сразу спустилась вниз, если бы ей позвонил врач и сказал, что ждет ее. Так?

Миссис Шортхауз пренебрежительно рассмеялась:

— Может быть, так. А может, нет. Вы не знали мисс Болам.

— Какой она была, миссис Шортхауз?

— Прекрасно, я скажу. Мы вместе работали. Она образцовый работник, и я образцовый работник. Вы можете посмотреть, в каком порядке я содержу помещения.

— Я посмотрю.

— Ее «да» было «да», ее «нет» также выглядело окончательным «нет». Я говорю это, стало быть, о ней. Ничего плохого ни о ком она не говорила за спиной. Но в лицо... Берегитесь! Если вы сорвались и что-то нарушили, она выплескивала вам в лицо целую уйму неприятных слов. Ну и что же?.. Я тоже предпочитаю такой подход к делу. Мы прекрасно понимали друг друга.

— Были у нее враги? Кто-нибудь, кто испытывал к ней недоброе чувство?

— Были ли возможные враги или нет? Враг — не шуточный щелчок по голове. Думается, недовольных нашлось бы немало, и неизвестно, что лучше.

Она прочно расставила ноги и доверительно наклонилась к Далглишу.

— Смотрите, голубчик! — сказала она. — Люди злились на мисс Болам. Некоторые люди. Вы знаете, как все это бывает. То нельзя делать без разрешения, это. А у нее правильное было правильным, неправильное — неправильным. Спрашивала она строго. — Тон миссис Шортхауз и твердые очертания рта ясно выражали целомудренную непреклонность. — Возьмите историю с книгой учета прихода в клинику, пусть это и мслочь. Всем консультантам полагалось отмечаться в книге, а мисс Болам отвозила ее каждый месяц на проверку в правление. Все шло должным образом. Книга лежала в раздевалке врачей, не было никаких хлопот. Потом мисс Болам, заметив, что доктор Штайнер и доктор Мак-Бэйн опаздывают, забрала книгу учета в свой кабинет, и все стали ходить отмечаться к ней. Представьте, как сильно противился этому доктор Штайнер. «Она знает, что я нахожусь здесь, — так говорил он. — Я консультант, а не какой-нибудь работяга. Если она хочет, чтобы в ее дурацкой книге делали отметки, пусть вернет ее назад в гардероб медицинского персонала». Доктора пытались отделаться от нее год или даже больше, я знаю.

— Откуда вы об этом знаете, миссис Шортхауз?

— Вы уж позвольте просто сказать, что знаю. Доктор Штайнер, стало быть, никак не мог остановить ее горячую инициативу. Он ходит сюда проводить психотерапию. Интенсивную психотерапию. Вы когда-нибудь слышали о такой?

Далглиш ответил, что слышал. Миссис Шортхауз посмотрела на него взглядом, в котором недоверие боролось с подозрением. Затем, как заговорщица, наклонилась вперед, словно хотела раскрыть один из секретов менее популярной идиосинкразии доктора Штайнера.

— Он, стало быть, аналитический ориентатор. Аналитический ориентатор. Вы знаете, что это такое?

— Есть некоторые мысли по этому поводу.

— Тогда вам небезызвестно, что он не может заниматься одновременно многими пациентами. За сеанс — два-три, и каждые восемь недель один-единственный новый пациент. Это не улучшает картины.

— Картины?

— Картины обслуживания. Отчет об обслуживании направляется в Совет управления больницами и региональный отдел каждый квартал. Мисс Болам была большой сторонницей хорошей картины обслуживания.

— Тогда она должна была получать одобрение за отчет доктора Багли? Так? Я понимаю, что его сеансы электроконвульсивной терапии обычно чрезвычайно беспокойны.

— Она все ему показывала, обо всем советовалась. Кроме факта его развода, думаю.

— Как это могло влиять на отчет? — спросил Далглиш простодушно. Миссис Шортхауз с жалостью посмотрела на него:

— Кто сказал об отчете? Мы говорили о Багли. О его разводе. Доктор Багли находился в связи с мисс Саксон. Об этом писали во всех газетах. Жена психиатра вызывает в суд психолога. Потом вдруг миссис Багли взяла заявление назад. Никогда не говорила почему. Никому. Здесь это не имело значения. Доктор Багли и мисс Саксон ходили как ни в чем не бывало вместе на работу. Как вам это нравится? Все оставалось спокойным.

— Доктор Багли и его жена помирились?

— Кто сказал о примирении? Они пребывают в браке, это все, что я знаю. У мисс Болам после этого не находилось доброго слова для мисс Саксон. Не то чтобы она когда-нибудь говорила об этом, она не была сплетницей. Но постоянно давала понять мисс Саксон, какие чувства та у

нее вызывает. Мисс Болам была, стало быть, совершенно против такого рода вещей. С нею не очень-то стремились пофлиртовать, скажу я вам!

Далглиш спросил, делал ли кто-нибудь попытки флиртовать с нею. Это был вопрос, обычно задаваемый с максимумом такта, но сейчас он чувствовал, что хитростью от миссис Шортхауз ничего не добьется. Та неудержимо расхохоталась.

— Что вы думаете? Она не была особенно привлекательной для мужчин. Но, насколько я знаю, не для всех. Представляете, кое-кто делал ей предложения заняться сексом. Мисс Болам, стало быть, сразу шла к главному врачу жаловаться. Некоторые из ее докладных печатала мисс Придди. Там было сказано, что кое-кто вел себя нескромно. Конечно, она всегда заботилась о Придди. **Беспокоилась об этом ребенке слишком сильно, на мой взгляд. Придди, когда была совсем молоденькой, состояла в отряде скаутов, возглавляемом мисс Болам, или что-то вроде того, и я считаю, Болам не спускала с нее глаз на случай, если та забудет, чему ее учат руководители. Вы бы только видели, как ребенок смущался при малейшем промахе. Думаю, там не было ничего дурного. Не придавайте большого значения, если кто-нибудь намекнет на то, что там было. У некоторых из мужчин были неприличные намерения, и они сами не отрицали это.**

Далглиш спросил, одобряла ли мисс Болам дружбу мисс Придди с Питером Наглем.

— Ох, вы имеете в виду это... Ничуть не одобряла, как я думаю. Нагль — холоднее рыбы и сама преисподняя. Попробуйте-ка вытянуть из него его чаевые! Он и Придди немного резвятся, и я смею утверждать, что Тигр смог бы рассказать случай или два, если бы коты говорили. Я все-таки не думаю, что Болам обращала на них вниманис. Хотя и хранила в своем кабинете много всяких документов. Так или иначе, Нагля в главной конторе не привечали, а стенографические медицинские отчеты содержались в хорошем состоянии, так что у них не было много времени для проделок. Нагль заботился о книгах мисс Болам. Он был совсем маленьким голубоглазым мальчиком. Никаких отлучек, никаких опозданий, таков наш Питер. Лишь однажды застрял в понедельник в подземке и не мог сообщить об этом! Представьте себе, испортил личное дело. Как-то в мае пришел первым, во время болезни гриппом, потому что мы ждали гостей от герцога, и, стало быть, Питер Нагль посчитал необходимым все надлежащим образом

подготовить. У него оказалась очень высокая температура. Старшая сестра измеряла ее. Мисс Болам быстренько отправила его домой, должна вам сказать. Доктор Штайнер отвез его на своей машине.

— Всем известно, что мистер Нагль хранил инструменты в служебной комнате портье?

— Конечно! Всем известно. Люди всегда идут к нему починить это или то. А где еще он должен хранить инструменты? И нужное старой женщине он также достанет — у него под рукой. Стало быть, разговор праздный. Калли к инструментам не разрешают даже прикасаться. Представьте, это не инструменты клиники. Они принадлежат Наглю. Месяцев шесть назад возник скандал: доктор Штайнер тогда что-то привинчивал отверткой в своей машине и согнул отвертку. Что тут поднялось! Нагль подумал, что отвертку брал Калли, они устроили ад кромешный, кончилось тем, что у Калли снова возникли боли в животе. Бедный старый зануда! Затем Нагль узнал, что кто-то видел, как в служебную комнату портье заходил с инструментом доктор Штайнер. Он пожаловался мисс Болам, та поговорила с доктором Штайнером, и он купил Питеру новую отвертку. Так что, стало быть, жизнь у нас не стоит на месте. Скучать не приходится. Никогда только вот не было прежде убийств. Это что-то новое. Подумать только, миленькое дельце!

— Да, конечно. Если вам, миссис Шортхауз, придет в голову еще какая-нибудь мысль в связи с этим делом, прошу найти время сообщить об этом.

Миссис Шортхауз послушавила палец, поправила им один из локонов на лбу, более уютно укуталась в свою шубку и поднялась, давая таким образом понять, что, по ее мнению, беседа закончена.

— Не бойтесь! Все будет в порядке! Ловите убийцу — это ваша работа, старший инспектор, и вам она, должно быть, нравится. На мой взгляд, я и так наговорила много. Убийца не был доктором. У них для этого нет мужского характера. Психиатры — робкая компания. А говорят, что вы считаете, будто убийца — парень с крепкими нервами.

Далглиш принял решение перейти к допросу врачей. Его интересовали пациенты психиатров и подготовка их к восприятию такой роли. Он заставил врачей ожидать, потому что считал более важным увидеть и расспросить сначала других, даже пусть менее важных, на первый взгляд, свидетелей, таких как ассистент. Инспектор надеялся на то, что они верно поняли его и, действуя таким образом,

он не вызовет раздражения врачей долгим ожиданием. Далглиш без колебаний поступил бы так даже для простого достижения цели, так как жизненный и профессиональный опыт подсказывали ему, что полезную информацию можно чаще всего получить, не давая свидетелю слишком много времени для раздумий, поскольку при потрясении или испуге того может выдать либо обычная болтливость, либо неосторожность. Врачи не являются исключением. Они ожидали в переднем кабинете для консультаций вместе с другими сотрудниками спокойно и не протестуя. С доверием отнесясь к тому, что он знает свою работу, позволяли поступать в соответствии с его личными планами. Вот если бы хирурги и терапевты проявляли такое же понимание и были бы, как пожелал секретарь правления, более покладистыми, чем психиатры.

По просьбе главного врача доктора Мэри Ингрэм приняли первой. У нее оставались дома трое маленьких детей, и было нужно вернуться к ним как можно скорее. Вволю наплакавшись за время ожидания, она смущала коллег, спокойно переносивших ситуацию. Ее огорчения казались им неблагоприятными и несвоевременными. Медсестра Болам умело успокаивала ее, а ведь она, в конце концов, была родственницей убитой. Слезы доктора Ингрэм добавили к напряжению раздражение от неосознанной вины перед той, чьи чувства оказались так беззащитны. Впоследствии, сводилось к тому, что ее надо немедленно отпустить домой к детям. Она мало что смогла рассказать Далглишу. Приходила в клинику только два раза в неделю, помогая на сеансах электроконвульсивной терапии, и едва знала мисс Болам. Все критическое время от шести двадцати до семи находилась в кабинете электроконвульсивной терапии со старшей сестрой Амброуз. Отвечая на вопрос Далглиша, она сообщила, что доктор Багли мог выйти из кабинета на короткое время после шести пятнадцати, но не могла вспомнить, когда точно он вышел и как долго отсутствовал. В конце допроса она посмотрела на Далглиша покрасневшими глазами и сказала:

— Вы ищете, кто ее убил, так ведь? Эту бедную, бедную девушку...

— Мы найдем убийцу, — ответил Далглиш.

Следующим допрашивали доктора Этериджа. Не ожидая вопросов, он сообщил необходимые сведения о себе.

— Если рассмотреть мои передвижения сегодня вечером, — продолжал он, — то, боюсь, не смогу быть вам очень полезен. Я приехал в клинику незадолго до пяти и

зашел в кабинет мисс Болам поговорить перед тем, как подняться наверх. Мы провели небольшое совещание. Мисс Болам выглядела превосходно и ничего не сказала мне о договоренности по поводу встречи с секретарем правления. В пять пятнадцать я позвонил в главную канцелярию миссис Босток. Она была со мной, делая записи под диктовку, до тех пор, пока не спустилась по лестнице вниз с почтой. Вернулась назад через десять минут или что-то около этого, я продолжал диктовать ей до половины седьмого, после чего она ушла через другую дверь прямо с магнитофоном печатать материал. Некоторые из моих лечебных сеансов записаны на пленку, и материал можно прослушивать, но напечатанный на машинке текст также необходим для исследовательских целей или для историй болезни. Я работал один в кабинете консультаций все время после ее ухода, за исключением короткого визита в медицинскую библиотеку, — не могу с точностью вспомнить когда, но было это сразу после ухода миссис Босток и до того, как она вернулась вновь посоветоваться кое о чем со мной. Возможно, было около семи часов. Мы находились вместе до тех пор, пока не позвонила сестра и не сообщила мне о случившемся с мисс Болам. Мисс Саксон как раз спустилась из своего кабинета на третьем этаже, чтобы идти домой, и догнала нас на лестнице, она и я пошли в подвал. Дальнейшее вы знаете, а следующим моим шагом явилась необходимость обеспечить наличие всего персонала и больных в клинике.

— Вы действовали с большим присутствием духа, доктор, — сказал Далглиш. — В результате поле расследования можно значительно сузить. А вы не считаете, что убийца мог притаиться в здании?

— Калли заверил меня, что ни один человек после пяти часов пополудни не входил, не будучи записанным в его журнал. Это наша система посещения клиники. Смущает задняя дверь, но она была заперта, и мой опыт руководителя, заверяю вас, говорит, что проникнуть через нее нельзя. Нет, здание неприступно. Разве... разве что преступник проник сюда в какое-то другое время, скажем, сегодня рано утром, и где-то притаился в подвале.

— Вы можете предположить, где преступник скрывался или как он выбрался из клиники?

Главный врач не ответил.

— У вас нет никаких мыслей по поводу того, кто это мог быть?

Доктор Этеридж медленно провел средним пальцем по своей правой брови. Далглишу показалось, что так научи-

ли его на телевидении во время съемок. И теперь, как и всегда, этот жест служит для привлечения внимания к изящной руке и прекрасному очертанию брови, подчеркивая серьезную задумчивость. Это еще больше усилило ощущение, что он весь поддельный.

— У меня нет мыслей на этот счет. В целом трагедия непостижима. Не могу утверждать, что мисс Болам была вполне покладистой особой. Порой проявляла излишнее негодование. — Он неодобрительно улыбнулся. — Мы не всегда достаточно критично относимся к самим себе, и подавляющее большинство преуспевающих администраторов в психиатрических клиниках, вероятно, более терпимы, чем мисс Болам, но они, возможно, менее требовательны. Однако убийство! Мне, как главному врачу, ужасно даже подумать, что в клинике Стина имелся некто, способный на подобнос злодеянис.

— Способный или одержимый, — сказал Далглиш, не сумев устоять против искушения.

Доктор Этеридж снова улыбнулся так, будто терпеливо объяснял трудный для понимания элемент конструкции телевизионной панели.

— Одержимый? Я не подготовлен для ведения дискуссии с использованием терминов теологии.

— Я тоже, доктор, — сказал Далглиш. — Но это преступление не выглядит как дело рук сумасшедшего. Здесь угадывается разум.

— Некоторые психопаты чрезвычайно умны, старший инспектор. Я достаточно хорошо разбираюсь в психопатии. Это крайне интересное поле для исследования, хотя и не мое. В клинике Стина мы никогда не претендовали на лечение такого рода душевного расстройства, да и не были в состоянии это делать.

«В свое время клиника была хорошей компанией», — думал Далглиш. Акт по охране психического здоровья, принятый в тысяча девятьсот пятьдесят девятом году, определял психопатию как расстройство, требующее медицинского лечения или допускающее его, что и вызвало у части врачей небольшой энтузиазм по поводу ее излечения. Слово «психопатия» показалось Далглишу не особенно точным психиатрическим термином, и он сказал об этом. Доктор Этеридж улыбнулся снисходительно, не вызываяюще.

— Я никогда не был согласен с тем, как акт парламента определяет клиническую суть психопатии. Тем не менее психопатия существует. Не уверен, что в настоящее время болезнь не поддается лечению. Но для меня несомненно,

что больных никоим образом нельзя приговаривать к тюремному заключению. К сожалению, далеко не всегда есть уверенность, что мы имеем дело с психопатом.

Далглиш спросил доктора Этериджа, знал ли он, где Нагль держит инструменты и каким ключом открывается дверь в регистратуру.

— О ключе знал. Когда я в одиночестве работаю до позднего вечера, мне порой требуется какое-нибудь старое досье и я хожу за ним сам. Я занимаюсь, конечно, научными исследованиями, читаю лекции, пишу, и для меня важно иметь постоянный доступ к медицинским документам. Оставляю у себя взятое досье дней на десять. Не думаю, что мне приходилось видеть ящик с инструментами в комнате портье, но я знал, что у Нагля есть собственный набор. Предполагаю, что, если бы мне потребовалась стамеска, я нашел бы ее в комнате портье. Инструменты едва ли можно хранить как-нибудь иначе. Очевидно также, что статуэтка, сделанная Типпеттом, находилась в отделении трудовой терапии. Это был чрезвычайно смешной выбор орудия преступления! Мне кажется заслуживающим внимания то, что убийца явно стремился направить подозрение на персонал клиники.

— Так как двери были заперты, едва ли можно подозревать тех, кто находился в другом месте.

— Я вот о чем думаю, старший инспектор. Если сотрудник клиники, находящийся здесь, действительно убил сегодня вечером мисс Болам, то ему необходимо было отвести подозрение от нескольких человек, находящихся в это время в здании. Самый легкий путь к этому — отпереть одну из дверей. И я полагаю, что в данном случае были использованы перчатки.

— Отпечатков пальцев, конечно, нет ни на одном из двух орудий преступления. Они стерты, но вполне вероятно также, что преступник был в перчатках.

— Двери заперты, и это очень веское доказательство в пользу того, что убийца спокойно притаился в здании. Почему? Был риск, что задняя дверь на нижний этаж окажется запертой. Она находится, как вы знаете, между кабинетом электроконвульсивной терапии и комнатой медперсонала и ведет на хорошо освещенную улицу. Открыть ее без риска трудно, убийца понимал это и вряд ли пытался спастись этим путем. Но есть еще две двери для выхода из здания при пожаре на втором и третьем этажах, а также дверь в подвале. Почему не отпереть одну из них? Может, только потому, что у убийцы не было подходящего случая

в промежуток времени между совершением преступления и обнаружением тела, или потому, что он намеренно хотел бросить подозрение на персонал клиники, если даже неминуемо возрастала опасность для него самого.

— Вы говорите «он», доктор. Как психиатр, вы думаете, что мы должны искать мужчину?

— О да! Я считаю, что это дело мужских рук.

— Несмотря на то, что для убийства не требовалась большая сила? — спросил Далглиш.

— Я подумал не о силе, которая потребовалась для этого, а о методе и выборе орудия преступления. Конечно, это только мое мнение, ведь я не криминалист. Считаю, что преступление совершил мужчина. Конечно, сделать это могла и женщина. Но психологически такое маловероятно, хотя физически вполне возможно.

«В самом деле, — подумал Далглиш. — Здесь требуются просто знания и нервы». Он представил на мгновение полное рршимости приятное лицо, склонившееся над телом мисс Болам, тонкую девичью руку, скользнувшую к пуговицам свитера, расстегивающую их и задирающую кашемировую блузку. Затем клинический выбор точного места для прокола и мычание в напряжении, пока лезвие вонзалось в тело. И наконец, свитер слегка натягивают, скрывая ручку стамески, и кладут безобразный фетиш на вздрагивающее в беззвучных конвульсиях тело в последнем жесте осмеяния и полного пренебрежения.

Далглиш рассказал главному врачу о том, что мисс Шортхауз присутствовала в момент звонка администратору.

— Этот звонок имел возможность сделать не один человек, — заметил он. — Очень похоже, что ее заманивали в подвал.

— Это просто предположение, старший инспектор.

Далглиш мягко заметил, что здравый смысл является основой всей правильно проводимой полицейской работы.

— Рядом с телефоном у двери в регистратуру висит перечень номеров. Любой, даже посторонний, мог набрать номер мисс Болам.

— Но какова была ее реакция на звонок по внутреннему телефону постороннего человека? Не задавая ни одного вопроса, она спустилась вниз. Почему? Видимо, потому, что узнала голос.

— Очевидно, это был кто-то, бояться кого у нее не было причины, старший инспектор. Тогда не увязывается предположение о том, что она знала нечто опасное, за что ее и убили, желая помешать передать это Лоде. Она спу-

стилась навстречу своей смерти без страха и подозрения. Бедняжка! Надеюсь, хотя бы смерть наступила быстро и не мучительно.

Далглиш сказал, что он знает большое количество случаев, когда при вскрытии обнаруживалось расхождение с первоначальным выводом, но эта смерть, несомненно, была мгновенной.

— Для нее самой, очевидно, был лишь один ужасный момент, — добавил он. — Момент, когда она подняла голову вверх и увидела убийцу с поднятой статуэткой, но дальше все произошло стремительно. Будучи оглушенной, мисс Болам ничего не чувствовала. Сомневаюсь, было ли у нее время закричать. Если же она кричала, крики заглушили пачками бумаг, и, кроме того, как я отметил, миссис Кинг несколько шумела во время лечения. — Инспектор чуть помолчал, затем спросил: — А что вы сообщили персоналу о подробностях смерти мисс Болам? Вы ведь говорили с ними?

— Конечно. Я собрал сотрудников в переднем кабинете для консультаций — пациенты в это время находились в комнате ожидания — и коротко изложил происшедшее. Вы считаете, что эту новость не надо было сообщать?

— Я считаю, что им не надо было излагать подробности. Оказалось бы полезным, если бы вы не упоминали об ударе стамеской. Убийца, узнав больше невиновного, может скрыться.

Главный врач улыбнулся:

— Я психиатр, а не детектив. Вам могла показаться странной моя реакция на преступление, а именно то, что я подделился с сотрудниками клиники ужасом и страданиями, не кривя душой. Но я хотел кратко изложить происшествие, осторожно и искренне. Я всегда доверял им и не вижу причины лишать их доверия сейчас.

Все это очень хорошо, думал Далглиш. Но умный человек должен понимать важность сказанного, понимать, насколько это возможно. А главный врач был очень умным человеком. Насколько внимательно рассмотрел положение доктор Этеридж до разговора с сотрудниками? Было ли его сообщение о нападении лишь проявлением безрассудства? В конечном счете, ввести в заблуждение большую часть сотрудников невозможно. Доктор Штайнер, доктор Багли, Нагль, доктор Ингрэм и сестра Амбруз — все видели тело. Мисс Придди видела его также, правда, через секунду уже спасалась бегством. Оставались медсестра Болам, миссис Босток, миссис Шортхауз, мисс

Саксон, мисс Кеттл и Калли. Возможно, доктор Этеридж убежден, что никто из них не мог стать убийцей, у Калли и миссис Шортхауз оказалось алиби. Вынужден ли был главный врач излагать все медсестре Болам, миссис Босток или мисс Саксон? Или он так уверен в собственных выводах, что убийцей должен быть мужчина, что любая попытка ввести женщин в заблуждение — лишь пустая трата времени, имевшая в результате, вероятно, только замешательство и чувство обиды. Главный врач, безусловно, почти прав в своих утверждениях, что любая работа, если бы она происходила на втором или третьем этаже, могла бы помешать возможности успешно открыть пожарную дверь. Но между тем он сам находился в своем кабинете для консультаций на втором этаже. В любом случае дверь для убийцы оказалась отпертой, он находился в подвале, и трудно поверить, что ему не хватило благоприятной возможности уйти. Скудное дело — открыть замок, и имеются все основания считать, что убийца покинул бы клинику именно этим путем. Дверь в подвал была, кроме того, крепко закрыта на засов. Почему?

Следующим вошел доктор Штайнер, низенький, щегольски одетый, внешне владеющий собой. При свете настольной лампы бледная гладкая кожа его лица, казалось, слегка свстилась. Несмотря на спокойствие, он сильно потел. От одежды, от хорошо скроенного традиционно черного пиджака консультанта исходил тяжелый запах. Далглиш удивился, когда доктор сообщил, что ему сорок два года. Он выглядел старше. Гладкая кожа, острые черные глаза, упругая походка молодили его, но он уже располнел, и темные волосы, искусно зачесанные назад, не могли полностью скрыть похожее на тонзуру пятно лысины на голове.

Доктор Штайнер явно воспринимал свою встречу с полицейским как светское общение. Протянув пухлую, хорошо ухоженную руку, улыбнулся, мило произнес: «Как поживаете?» — и спросил, не будет ли он иметь честь говорить с поэтом Адамом Далглишем.

— Я читал ваши стихи, — благодушно объявил он. — Поздравляю вас. Такая обманчивая наивность. Я начал с первого стихотворения и читал все подряд. Таков мой метод оценивать стихи. На десятой странице я подумал о том, что мы получили нового поэта.

Далглиш подумал, что доктор Штайнер не только читал книгу, но и отнесся к ней с некоторой критической проницательностью. На десятой странице было как раз то место,

которое позволяло ему самому порой также считать, что они получили нового поэта. Доктор Штайнер поинтересовался, не встречался ли Далглиш с Эрни Бейлсом, молодым драматургом из Ноттингсма. Он смотрел с такой надеждой, что Далглиш решительно возмущился собой за то, что ему не удалось познакомиться с мистером Бейлсом, однако направил разговор от вопросов литературы к проводимому допросу. Выражение лица доктора Штайнера сразу стало потрясающе серьезным.

— Ужасное событие, крайне ужасное. Я был одним из первых, кто увидел тело, как вы, вероятно, знаете, и это причинило мне большие страдания. Насилие всегда ужасает. Это страшное дело. Доктор Этеридж, наш главный врач, должен в конце года уйти на пенсию. Крайне досадно, что это произошло как раз в последние месяцы его работы в клинике.

Он печально покачал головой, но Далглишу показалось, что в маленьких черных глазах промелькнуло нечто похожее на удовлетворение.

Статуэтка Типпетта передала тайну разгадки специалистам, снявшим с нее отпечатки пальцев, и Далглиш поставил фетиш перед собой на письменный стол. Доктор Штайнер протянул руку к статуэтке, но тут же убрал ее.

— Думаю, лучше ее не трогать, чтобы не оставить отпечатков пальцев, — сказал он. Бросил быстрый взгляд на Далглиша и, не получив ответа, продолжал: — Любопытная резьба, не так ли? Великолепно сделано. Замечали ли вы когда-нибудь, старший инспектор, какие превосходные изделия могут создавать психически больные, даже если предварительно не обучены и не подготовлены? В связи с этим возникает интересный вопрос о природе художественного творчества. Когда больные выздоравливают, их произведения становятся хуже. Исчезает сила выразительности и оригинальность. Через некоторое время их изделия снова ничего не стоят. Мы получили отдельные чрезвычайно интересные образцы сделанных пациентами вещей в нашем отделении трудовой терапии, но этот амулет выделяется среди всех. Типпетт был тяжело болен, когда вырезал его, и вскоре после этого лег в больницу. У него шизофрения. В амулете отражены типичные черты хронической болезни, посмотрите — похожие на лягушачьи глаза, вытянутые ноздри. Одно время Типпетт сам был схож со своей работой.

— Думаю, кто-нибудь знал, где хранится статуэтка? — спросил Далглиш.

— О да! Статуэтка находилась в отделении трудовой терапии. Типпетт очень гордился ею, и доктор Багли часто показывал ее членам Совета, приходящим с проверкой. Миссис Баумгартен, терапевт по труду, держит некоторые лучшие произведения отдельно для показа гостям. Они стоят на полке. В данное время терапевт болеет. Вы, надеюсь, осмотрели отделение?

Далглиш ответил утвердительно.

— Некоторые из моих коллег считают, что трудовая терапия — излишняя трата денег, — доверительно сообщил доктор Штайнер. — Конечно, я никогда не обращаюсь к миссис Баумгартен. Но надо быть терпимым. Доктор Багли постоянно направляет к ней пациентов, и, вероятно, менее вредно заниматься у нее, нежели подвергаться воздействию электроконвульсивной терапии. Однако мысль о том, что творческое напряжение пациентов может помочь при установлении диагноза, представляется мне привлекательной. Конечно, я опасаясь, что требования к миссис Баумгартен точно определять часть нагрузки совершенно неоправданно, так как она неквалифицированный психотерапевт, без аналитической подготовки.

— А стамеска? Вы знаете, доктор, где ее хранили?

— В общих чертах, старший инспектор. Я знал, что у Нагли имеются некоторые инструменты и что, по-видимому, он держит их в служебной комнате портье, но не знал, где именно.

— Ящик с инструментами большой, на нем есть этикетка и стоит он на маленьком столике в служебной комнате. Его трудно не заметить.

— О, это верно! Но у меня нет повода ходить в служебную комнату портье. Это касается всех врачей. Теперь мы должны получить ключ от этого ящика и посмотреть, что там находится. Правда, ящик запирался не всегда. Мисс Болам совершила большую ошибку, позволив Нагли держать ящик открытым. В конце концов, время от времени у нас появляются беспокойные пациенты, и некоторые инструменты могут стать смертоносными.

— Это и подтвердилось на деле.

— Целью клиники не является лечение психически больных. Она основана как центр аналитической ориентации психотерапии, специально для пациентов — представителей средней буржуазии и интеллигентов с высоким умственным развитием. Мы лечим людей, никогда не помышлявших о психиатрической больнице и оказавшихся без места в обычных учреждениях для амбулаторных больных.

В дополнение к этому мы, конечно, ведем большую научно-исследовательскую работу.

— Что делали вы, доктор, сегодня вечером между шестью и семью часами? — спросил Далглиш.

На лице доктора Штайнера отразилось страдание в связи с этим внезапным вмешательством низменного любопытства в интересную дискуссию, но он достаточно смиренно ответил, что вечером в нынешнюю пятницу проводил сеанс психотерапии.

— Я приехал в клинику в пять тридцать, на это время был записан первый пациент. К моему огорчению, он не явился. Лечение находится в такой стадии, когда необходимо его присутствие, и вот пожалуйста... Мистер Бэдж был записан на шесть пятнадцать, и он обычно очень точен. Я собирался принять его во втором кабинете для консультаций на нижнем этаже, но встретился с ним в десять минут седьмого в собственном кабинете. Оказывается, мистер Бэдж не любит сидеть в главной комнате ожидания вместе с пациентами доктора Багли, и, конечно, я не могу упрекнуть его. Надеюсь, вы слышали о Бэдже. Он написал интересный роман «Справедливые люди» — совершенно блестящее разоблачение сексуальных конфликтов, скрываемых из-за условностей респектабельного общества английских предместий. Но я отвлекся. Разумеется, вы допросили мистера Бэджа.

Далглиш в самом деле его допросил. Собеседник оказался скучным и неосведомленным. Старший инспектор слышал о книге Бэджа, опус насчитывал около двухсот тысяч слов, скабрзные эпизоды в нем описывались с такими мелкими подробностями и неторопливостью, что приходило на ум, не нужны ли они только для несложных арифметических упражнений в подсчете страниц. Далглиш не считал, что Бэдж мог принять какое бы то ни было участие в убийстве. Писатель, способный создать такую смесь из секса и садизма, был, вероятно, импотентом и, несомненно, человеком робким. Но не обязательно при этом лжецом.

— Вы вполне уверены в точности указанного времени, доктор? — спросил старший инспектор. — Мистер Бэдж сообщил, что приехал в шесть пятнадцать, и Калли записал его в журнале на это время. Бэдж утверждает, что пошел прямо в ваш собственный кабинет для консультаций и вас там не обнаружил. Бэдж, весьма раздраженный, хотел пойти узнать, где вы.

Доктор Штайнер не проявил ни испуга, ни негодования в связи с вероломством своего пациента. Тем не менее он смутился.

— Любопытно, что мистер Бэдж сказал это. Боюсь, он был прав. Мне он показался немного раздраженным в начале сеанса. Если он сказал, что мы встретились в шесть двадцать пять, то не сомневаюсь, что это правда. Бедняга был очень резок и в этот вечер прервал сеанс, что весьма неприятно на этой специфической стадии лечения.

— Но если вас, когда приехал пациент, не было в передней комнате для консультаций, то где же вы были? — мягко, но настойчиво продолжал Далглиш.

Лицо доктора Штайнера удивительно изменилось. Внезапно он превратился в маленького мальчика, залившегося краской стыда и пойманного в момент озорства. Нет, он не выглядел испуганным, но вид имел чрезвычайно виноватый. Превращение консультанта психиатрии в смущенного правонарушителя выглядело почти комично.

— Но я сказал вам, старший инспектор! Я находился в кабинете для консультаций номер два, расположенном между кабинетом номер один и комнатой ожидания пациентов.

— Что вы там делали, доктор?

В самом деле, все выглядело почти смешно! Чем мог заниматься Штайнер и что вызвало у него такое сильное замешательство? Далглиша забавляла цепочка причудливых возможностей. Читал порнографический журнал? Курил гашиш? Соблазнял миссис Шортхауз? Во всяком случае, здесь не могло быть ничего, связанного с намерением совершить убийство. Ладно, пусть это останется его маленькой тайной... Но доктор Штайнер, очевидно, решил сказать правду.

— Это звучит глупо, я знаю, но... — начал он в порыве стыдливой искренности. — Хорошо... Было довольно тепло, а день у меня выдался беспокойный... В кабинете стоит кушетка... — Он издал короткий смешок. — В самом деле, старший инспектор... В то время, когда мисс Болам надумала умереть, я, выражаясь вульгарно, спал.

Облегчив душу смущенной исповедью, доктор Штайнер сделался крайне говорливым, и было трудно от него избавиться. Но в конце концов он убедился, что на этот раз больше ничем не может помочь следствию, и его место занял доктор Багли.

Доктор Багли, как и его коллеги, не выражал недовольства долгим ожиданием, но постарался взять за это дань. Он до сих пор был одет в свой белый пиджак, который плотно облегал фигуру, когда Багли усаживался на стул. Казалось, ему трудно устроиться удобно: то дергались узкие плечи, то он клал одну ногу на другую, то убирал ее обратно. Морщины, спускавшиеся от носа к уголкам рта, выглядели глубже, чем обычно, волосы казались влажными, глаза чернели омутом в свете настольной лампы. Он прикурил сигарету и, нащупав в кармане пиджака листок бумаги, передал его Мартину.

— Здесь я зафиксировал, пока ожидал внизу, свои личные наблюдения. Надо экономить время.

— Благодарю вас, сэр, — бесстрастно сказал Мартин.

— Могу сообщить, что у меня нет алиби на двадцать минут, начиная с шести пятнадцати. Надеюсь, вы слышали, что я оставлял кабинет, где проводил сеанс электроконвульсивной терапии, за несколько минут до того, как старшая сестра видела мисс Болам в последний раз. Я ходил в гардероб медицинского персонала в конце холла за сигаретами. Помещение оставалось пустым, и никто туда не заходил. Я не торопился назад в кабинет, и когда присоединился к доктору Ингрэм и старшей сестре Амброуз, было двадцать минут седьмого. Они, конечно, пребывали все это время вместе.

— Старшая сестра сказала мне это.

— Нелепо считать, что одна из них может быть причастной к этому делу, но я рад, что они находились вместе. Полагаю, по поводу многих людей вы сможете изменить свою точку зрения. Я же, к сожалению, не имею алиби. Не имея возможности помочь самому себе, не могу помочь также никому другому. Я ничего не слышал и ничего не видел.

Далглиш спросил врача, что он делал вечером.

— До семи часов все шло по обычному распорядку. Я приехал незадолго до четырех часов и зашел в кабинет мисс Болам отметить в журнале посещаемости медицинского персонала. Этот журнал до недавнего времени находился в гардеробе, но затем она забрала его в свой кабинет. Мы немного поговорили — она расспрашивала об обслуживании моей новой машины электроконвульсивной терапии, и я поспешил начать сеанс. Мы прекрасно занимались делом до начала седьмого, и я также периодически

навещал свою пациентку, принимавшую ЛСД. Для этого вида лечения специально использовался процедурный кабинет в подвале, где находилась медсестра Болам. Но я отвлекся. Ведь вы видели миссис Кинг.

Миссис Кинг и ее супруг, когда прибыл Далглиш, сидели в комнате ожидания пациентов, и последнему потребовалось мало времени, чтобы убедиться: с убийством она не имеет ничего общего. Женщина чувствовала себя еще слабой после процедуры и слегка дезориентированной; она сидела, крепко ухватившись за руку мужа, приехавшего в клинику, чтобы сопровождать ее домой, за несколько минут до прибытия сержанта Мартина и его подчиненных. Далглиш коротко и мягко расспросил женщину и отпустил ее. Для этого даже не потребовалась консультация главного врача, он убедился: эта пациентка во время убийства никак не могла встать со своего ложа. Но он в равной степени убедился и в том, что женщина была не в состоянии подтвердить алиби кого-либо другого. Он спросил доктора Багли, когда тот в последний раз навещал пациентку.

— Я видел ее вскоре после приезда, перед тем как приступил к шокотерапии. Наркотик ей дали в три тридцать, и пациентка начала реагировать на него. Должен пояснить, что ЛСД дают в случаях, когда стремятся сделать пациента более восприимчивым к психотерапии во время реализации некоторых глубоко сидящих торможений. Стоит только прекратить наблюдение за пациентом, и это может сильно повредить ему. Медсестра Болам снова вызвала меня вниз, в подвал, в пять часов, и я оставался там около сорока минут. Поднявшись по лестнице наверх, я провел заключительный лечебный шок, думаю, часы показывали без двадцати минут шесть. Последний пациент, приходивший на сеанс электроконвульсивной терапии, покинул клинику через пять минут после того, как мисс Болам видели в последний раз. С половины седьмого я освободился и делал свои записи.

— Оставалась ли открытой дверь в регистратуру, когда вы спускались в подвал в пять часов?

Доктор Багли на мгновение задумался.

— Думаю, она была закрыта, — наконец ответил он. — Трудно утверждать это с полной уверенностью, но если бы дверь была открыта или приоткрыта, я бы, скорее всего, заметил.

— А без двадцати шесть, когда вы оставили свою пациентку?

— То же самое.

Далглиш задавал обычные, неизбежные, очевидные вопросы. Были ли у мисс Болам враги? Знает ли доктор о каких-либо причинах, по которым могли желать ее смерти? Не тревожило ли ее что-нибудь в последнее время? Есть ли у него предположения по поводу того, почему она хотела видеть секретаря правления? Мог бы он разобрать записи, сделанные бегло в ее блокноте? Но, увы, доктор Багли ничем не мог помочь.

— В некотором смысле она была странной женщиной, немного агрессивной, недовольной нами. Но вполне безобидной, вызывающей к себе насилие, я бы сказал, в последнюю очередь. Невозможно высказать, как эта трагедия меня потрясла. Не нахожу слов, чтобы выразить негодование. Думаю, так чувствует каждый из нас. Это нереальная вещь! Невероятная!

— Вы сказали, что она здесь была чем-то недовольна. Эта клиника трудная для администратора? Как я слышал, мисс Болам не была особенно искусна в обхождении с трудными личностями.

— Не верьте всему, что вы слышите, — не задумываясь ответил доктор Багли. — У каждого из нас свой характер, но в целом мы хорошо относимся друг к другу. Доктор Штайнер и я немного ссоримся, но вполне дружелюбны. Он всячески добивается специальной единицы для занятий психотерапией, с регистратором и утвержденным штатом квалифицированных сотрудников, а также небольшой исследовательской работы на стороне. Одно из главных направлений, где время и деньги обильно расходуются на действительное лечение пациентов, — психопатия. Но ему не приходится рассчитывать на решение проблемы таким образом. Окружной совет здравоохранения не спешит.

— Каким был кругозор мисс Болам, доктор?

— Строго говоря, она едва ли была достаточно компетентна для занимаемой должности, но это не мешало в работе. Мисс Болам была антифрейдистка и проэксектистка, выступала против Штайнера и поддерживала меня, если вам нравится. Но это ничего не значит. Ни доктор Штайнер, ни я не наносили ей удара по голове из-за расхождений во взглядах. Как видите, мы не точим нож друг на друга. Все это крайне неуместно.

— Я готов согласиться с вами, — сказал Далглиш. — Мисс Болам была убита с большой осмотрительностью и со знанием дела. И думаю, мотив убийства много более опре-

деленный и важный, чем расхождения во взглядах или личные конфликты. Вы знаете, кстати, каким ключом открывается регистратура?

— Конечно. Если мне требуются старые документы, я обычно хожу за ними сам. И, следовательно, знаю, если это вам поможет, что Нагль держит свой ящик с инструментами в комнате отдыха портье. Кроме того, когда я приехал сегодня после обеда, мисс Болам рассказала мне о Типпетте. Но это едва ли относится к делу, не так ли? Не можете же вы серьезно подозревать, что в убийстве замешан Типпетт?

— Возможно, нет. Скажите, доктор, зная мисс Болам, вы можете представить ее реакцию, когда она обнаружила на полу в регистратуре разбросанные медицинские документы?

Доктор Багли удивленно посмотрел на старшего инспектора и издал короткий смехок.

— Болам была терпеливой, но одержима аккуратностью. Разумеется, страшно возмутилась бы!

— Не могла она позвонить портье, чтобы тот навел порядок или оставил документы в том же состоянии в качестве улики для обнаружения виновного?

Доктор Багли задумался и, казалось, пожалел о своем первом категорическом мнении.

— Нельзя знать определенно, что бы она сделала. Можно только предполагать. Вероятно, вы правы, и она позвонила Наглю. Она не испугалась того, что сделано, но хорошо осознавала обязанности администратора. Пожалуй, уверен в одном — мисс Болам не могла оставить регистратуру в беспорядке, не могла пройти мимо, не поправив криво лежащий коврик или косо висевшую картину.

— А ее двоюродная сестра? Они похожи? Я понимаю, что медсестра Болам делает для вас больше, чем для какого-либо другого консультанта.

Далглиш отметил тень недовольства, пробежавшую по лицу собеседника. Доктор Багли, быстро и откровенно рассказывающий о собственных побуждениях, оказался не склонен объяснять побуждения других. Или мягкая беззащитность медсестры Болам пробудила его покровительственные инстинкты? Далглиш ждал ответа.

— Я не могу сказать, что двоюродные сестры были похожи, — произнес доктор коротко через минуту. — У вас уже сложилось впечатление о медсестре Болам. Я могу только утверждать, что полностью доверяю ей и как медсестре, и как человеку.

— Она является наследницей своей кузины. Вы знали об этом?

Вопрос прозвучал слишком откровенно, чтобы не достичь цели, а доктор Багли уже устал сдерживать раздражение.

— Нет, я не знал. Но я надеюсь, что для нее это порядочная сумма и что она и ее мать получат возможность спокойно пожить в собственное удовольствие. И я надеюсь также, что вы не будете терять время, подозревая невиновных людей. Чем раньше вы распутаете это убийство, тем лучше. Сложилось невыносимое положение для всех нас.

Итак, доктор Багли знал о матери медсестры Болам. Но тогда об этом может знать большинство сотрудников клиники.

— Вы сказали, доктор, — задал Далглиш свой последний вопрос, — что находились один в гардеробе медицинского персонала с шести пятнадцати до шести сорока. Что же вы там делали?

— Ходил в туалет. Мыл руки. Выкурил сигарету. Думал.

— И это все, чем вы занимались в течение этих двадцати пяти минут?

— Да, это все, старший инспектор.

Доктор Багли выглядел жалким лжецом. Колебание длилось мгновение, лицо не изменило цвет, пальцы, державшие сигарету, не дрогнули. Но его голос звучал излишне небрежно, беспристрастие казалось излишне показательным. И одновременно он явно пытался встретиться взглядом с глазами Далглиша. Как очень умный человек, он сделал бы добавление к своему утверждению, и его глаза неотрывно смотрели на детектива, будто внушая тому необходимость повторить вопрос.

— Благодарю вас, доктор, — спокойно сказал Далглиш. — Пока это все.

Глава третья

Так оно и продолжалось: терпеливо задавались вопросы, скрупулезно записывались все мелочи, велось незаметное наблюдение за выражением недоверчивых глаз и положением рук, не выдадут ли они промелькнувший внутри страх, неотреагируют ли как-то особенно. За доктором Багли старший инспектор принял Фредерику Саксон. Когда они столкнулись в дверях, Далглиш почувствовал обоюдное

стремление не встречаться друг с другом глазами. Она была темноволосой, живой, небрежно одетой женщиной лет двадцати девяти, сжато, но откровенно отвечала на вопросы и, казалось, получала извращенное удовольствие, утверждая, что в одиночестве занималась психологическим тестом в своем кабинете от шести до семи, хотя, кроме нее самой, никто не мог подтвердить ее алиби. Он получил от Фредерики Саксон немного, но не настолько, чтобы не принимать ее во внимание вовсе.

Следующей была свидетельница, совершенно отличная от нее. Мисс Рут Кеттл, очевидно, решила, что убийство ее не касается, и, хотя с готовностью отвечала на вопросы Далглиша, всем своим рассеянным видом давала понять, насколько мысли ее заняты более возвышенными вещами. Имеется ограниченное число слов, выражающих ужас и удивление, и в течение вечера сотрудники клиники употребили большинство из них. Реакция мисс Кеттл была менее ортодоксальной. Она высказала свое мнение, что убийство было странным, в самом деле, очень, очень необычным, и затем сидела, щурясь на Далглиша через толстые стекла очков в кротком недоумении, как будто и находила убийство необычным, но едва ли необычным настолько, чтобы начать тут же его обсуждать. Но все же два момента из сведений, которые она оказалась способной сообщить, прозвучали интересно. Далглиш мог только надеяться на их достоверность.

Она очень неопределенно рассказала о собственных передвижениях в течение вечера, но Далглиш с помощью присущей ему настойчивости установил, что мисс Кеттл расспрашивала жену одного из пациентов, принимающих электроконвульсивную терапию до пяти сорока, когда ей позвонила старшая сестра и сообщила, что пациент освобожден и его можно забирать домой. Мисс Кеттл спустилась по лестнице со своим пациентом, сказала «доброй ночи», когда они оказались в холле, и тут же направилась прямо вниз, в регистратуру, чтобы взять досье. Она нашла помещение в полном порядке и, выходя, заперла его на ключ. Несмотря на легкую неуверенность в отношении подробностей своей деятельности вечером, она оказалась точной в определении. «В любом случае, — подумал Далглиш, — это можно проверить у старшей сестры Амброуз». Второй факт был более неопределенным, и мисс Кеттл упомянула о нем с явным равнодушием. Приблизительно через полчаса после возвращения в свой кабинет на втором этаже она явст-

венно услышала, как исчез звук мотора, обслуживающего лифт.

Далглиш устал. Несмотря на центральное отопление, его знобило, и он ощущал хорошо знакомое недомогание, которое всегда предшествовало приступу невралгии. Правая сторона лица уже теряла чувствительность и становилась тяжелой, колющая боль начала спазмами появляться позади глазного яблока. Но перед ним сидел последний свидетель.

Миссис Босток, старшая стенографистка, совершенно не разделяла терпеливого отношения врачей к долгому ожиданию. Она была сильно раздражена, и раздражение ее вошло в комнату вместе с ней, словно сильный северный ветер. Сев без приглашения, она скрестила длинные, удивительно приятной формы ноги и посмотрела на Далглиша с откровенной неприязнью в тусклых глазах. Однако он отметил ее необыкновенно красивую головку. Длинные волосы, золотистые, как гиней, обвивали затейливыми кольцами бледное надменное остроносое лицо. Своей длинной шеей, осанкой, яркой головкой и слегка выпуклыми глазами женщина напоминала экзотическую птицу. Но Далглиш с трудом скрыл потрясение при взгляде на ее руки. Они были громадными, красными и костлявыми, как руки мясника, и выглядели на тонких запястьях нелепо выраженными по воле какого-то злого рока. Можно было считать это почти уродством. Она не пыталась прятать руки, ее ногти выглядели острыми и неухоженными. Однако красивая фигурка, хорошая и дорогая одежда как бы давали наглядный урок в искусстве сводить до минимума недостатки и подчеркивать достоинства. «Она, вероятно, живет своей жизнью, — подумал Далглиш, — по своим однообразным правилам».

Миссис Босток сообщила подробности о своих передвижениях с шести часов вечера кратко, без явного нежелания отвечать. Она видела мисс Болам в последний раз в шесть часов, когда, как обычно, забирала у администратора почту. Пришло только пять писем. Большинство корреспонденции для отправки составляли медицинские отчеты и письма практикующим терапевтам и хирургам от психиатров, к которым мисс Болам не имела, конечно, никакого отношения. Всю отправляемую почту должны были регистрировать в специальном журнале миссис Босток или мисс Придди, а затем они занимались поступившей корреспонденцией, которую в шесть тридцать Нагль забирал из почтового ящика на другой стороне улицы. Мисс Болам ей

показалась такой, как обычно, это было в шесть часов. Миссис Босток взяла свои письма, вернулась в главную контору, вручила их вместе с почтой врачам мисс Придди, а затем поднялась по лестнице наверх стенографировать под диктовку доктора Этериджа весь последний час рабочего дня. Вполне понятно то, что она помогала доктору Этериджу по вечерам в пятницу трудиться над его научной проблемой. Она и главный врач находились вместе, за исключением короткого промежутка времени. Старшая сестра позвонила около семи часов, сообщив новость о смерти мисс Болам. Когда они с доктором Этериджем оставили кабинет, то встретили мисс Саксон, которая как раз уходила домой. Она спустилась в подвал с главным врачом. Миссис Босток по просьбе доктора Этериджа присоединилась к Калли у парадной двери — надо было проследить за выполнением распоряжения о том, чтобы никто не покидал здания. Она оставалась с Калли до момента, когда группа во главе с главным врачом вышла из подвала, затем они все вместе собрались в комнате ожидания, где и находились до прибытия полиции. Исключение составляли два портье, продолжавшие дежурить в холле.

— Вы сказали, что были с доктором Этериджем после шести, за исключением коротких промежутков времени. Что вы оба делали?

— Мы оба работали, разумеется. — Миссис Босток считала вопрос бестолковым и несколько вульгарным. — Доктор Этеридж писал статью о лечении шизофрении у женщин посредством психоанализа. Как я говорила, была договоренность, что я помогаю ему один час вечером по пятницам. Это совершенно не соответствует моим должностным обязанностям, мисс Болам считала, что наша работа не имеет прямого отношения к клинике и доктор Этеридж может заниматься ею в своем кабинете с помощью личного секретаря. Разумеется, такое невозможно. Весь материал, включая находящийся под рукой, здесь. Моя работа разнообразна. Некоторое время я пишу под диктовку. Некоторое время в маленькой конторке печатаю на машинке прямо с имеющихся документов, просматриваю справочники в библиотеке для служебного персонала.

— Что вы делали сегодня вечером?

— Я писала под диктовку около тридцати минут. Затем пошла в примыкающую к кабинету конторку и выполняла там текущую работу. Доктор Этеридж позвонил мне, чтобы я пришла без десяти семь. Мы работали вместе до момента, когда сообщили по телефону о событии.

— Можно считать, что вы писали под диктовку доктора Этериджа до шести тридцати пяти?

— По-видимому.

— И все это время вы были вместе?

— Мне кажется, доктор Этеридж выходил на минуту или на немного больше, чтобы навести справку.

— Почему вы не точны, миссис Босток? Выходил он или не выходил?

— Естественно, это не совсем точно, старший инспектор. Как вы говорите, выходил он или не выходил, одно из двух. Но не вижу причины, почему я должна помнить такую подробность. Этот вечер не был необычным. У меня сложилось впечатление, что он на короткое время выходил, но я действительно не могу воскресить в памяти, когда это точно было. Надеюсь, вам сможет помочь сам доктор Этеридж.

Неожиданно Далглиш изменил направление вопросов. Он сделал полуминутную паузу.

— Вам нравилась мисс Болам, миссис Босток? — спросил он затем.

Вопрос оказался явно нежелательным. Под слоем косметики Далглиш увидел румянец гнева или смущения, заливающего шею женщины.

— Она не была человеком, который мог нравиться. Я старалась относиться к ней лояльно.

— Под лояльным отношением вы имеете в виду, без сомнения, что старались скорее сгладить, чем усилить, ее затруднения с медицинским персоналом и воздерживались от критики ее как администратора?

Нотки сарказма в его голосе, как и предполагалось, разбудили в миссис Босток всю скрытую враждебность. Под маской высокомерия и беспристрастности он мельком увидел опасную школьницу. Миссис не нравилась ему, но такую нельзя было недооценивать или игнорировать.

— Мисс Болам в самом деле не была подходящим администратором для психиатрической клиники. Как мы ни старались, она не вызывала у нас симпатии.

— Чем же она была несимпатична?

— Хотя бы тем, что не нравилась неврастеникам.

«Только бы выдержать, — подумал Далглиш. — Господи, помоги мне. Только бы выдержать». Но вслух он ничего не произнес.

— Она была очень тяжелым человеком, — продолжала миссис Босток. — Взять, например, оплату расходов неко-

торых пациентов на транспорт. Если они являются членами Национальной ассоциации, то получают там, остальным мы помогаем из Фонда самаритян. У нас есть девушка, в достаточной степени интеллигентная, которая дважды в неделю приезжает из Суррея заниматься трудовой терапией. Мисс Болам считала, что она должна лечиться ближе к дому или не лечиться вообще. И не скрывала, что ею движет не забота о пациентке, а стремление попытаться выставить ее.

— Она не говорила об этом пациентке?

— О нет! Она была осторожна и всегда следила за тем, что говорит. Но я видела, как нехорошо она относилась к девушке. Кроме того, она очень критично относилась к интенсивной психотерапии. Эта процедура требует много времени. Так и должно быть. А мисс Болам имела склонность оценивать работу психиатра по числу пациентов, присутствующих на сеансе. Но это было менее важно, чем ее отношение к пациентам. Конечно, и для этого имела причина. Ее мать была душевнобольной и долго мучилась, прежде чем умерла. Я считаю, что она покончила с собой. Мисс Болам было нелегко. Разумеется, она не могла позволить себе ненавидеть собственную мать, поэтому она перенесла свою ненависть на пациентов клиники. Подсознательно боялась также расстройства нервов у себя самой. Это для меня совершенно ясно.

Далглиш не чувствовал себя достаточно квалифицированным, чтобы комментировать такую версию. Он был готов поверить в ее правдивость, но не в то, что миссис Босток думала о собственных интересах, сообщая это. Мисс Болам могла раздражать психиатров тем, что была им несимпатична, но, по крайней мере, они ей доверяли.

— Вы знаете, кто лечил мать мисс Болам? — спросил он.

Миссис Босток, прежде чем ответить, сняла одну элгантную ногу с другой, устроилась на стуле поудобней.

— Я изложила суть факта, — сказала она. — Но очень сомневаюсь в уместности вопроса.

— Может, вы предоставите решать это мне? Я могу выяснить все достаточно легко. Если вы не знаете или не уверены точно, скажите, и это сэкономит нам время, а вам нервы.

— Это был доктор Этеридж.

— А кого, по вашему мнению, назначат преемником мисс Болам?

— В качестве администратора? — спросила миссис Босток невозмутимо. — Разумеется, я над этим не думала.

Наконец главная часть работы, намеченной на вечер Далглишем и Мартином, была выполнена. Тело забрали и регистратуру опечатали. Весь персонал клиники опрошен и большинство сотрудников отпущены домой. Доктор Этеридж был последним врачом, который еще оставался некоторое время и беспокойно ходил вокруг, пока Далглиш не сказал ему, что он может идти. Мистер Лодс и Питер Нагль также находились в клинике, они ожидали вместе в холле, где дежурили двое полицейских в форме. Секретарь правления со спокойной решимостью заявил, что останется в клинике до тех пор, пока там находится полиция, а Нагль не мог уйти, не заперев парадную дверь и не взяв с собой ключ, так как в его обязанность входило открыть клинику в восемь часов утра в понедельник.

Далглиш и Мартин в последний раз обошли помещения. Случайный наблюдатель, увидевший их за работой, мог сделать поспешное предположение, что Мартин служит только фоном, контрастно выделяющим более молодого и более удачливого человека. Но сотрудники Скотланд-Ярда, знавшие их, считали иначе. Внешне они совершенно не походили друг на друга. Мартин, крупный мужчина, около шести футов ростом, широкоплечий, с открытым лицом, выглядел скорее преуспевающим фермером, чем детективом.

Далглиш был чуть выше, худощав, темноволос, легок в движениях. Рядом с ним Мартин казался тяжеловесным. Даже не наблюдая Далглиша за работой, можно было сделать вывод о его остром уме. О Мартине это можно было сказать с меньшей уверенностью. Он был десятью годами старше, чем его шеф, и вряд ли мог рассчитывать на дальнейшее продвижение по службе. Но он обладал качествами замечательного детектива. Никогда не мучился сомнениями по поводу своих собственных мотивов, справедливость и несправедливость воспринимал как два непреложных полюса, никогда не бродил по той сумрачной стране, где нюансы зла и добра бросали свои запутанные тени. Он отличался большой решительностью и неисчерпаемым терпением. Был добрым без сентиментальности и скрупулезно вникал в детали, не упуская из поля зрения всего в целом. Его карьеру нельзя было считать блестящей. Но если он не был способен проявить высоты ума, то не был также способен проявить глупость. Подавляющее большинство полицейских расследований состоит из надоедливой, не раз по-

вторяемой скрупулезной проверки деталей. Подавляющее большинство убийств — это подлые маленькие преступления, вызванные безверием, невежеством и безнадежностью. Делом Мартина было помогать раскрывать их, терпеливо и беспристрастно, чему он и следовал. Столкнувшись с убийством в клинике Стина, с пугающими полутонами приученной к дисциплине умственной работы, он не чувствовал себя ошеломленным. Методическое внимание к деталям раскрывало другие убийства и должно помочь раскрыть это. Все убийцы, умные или ниже среднего уровня развития, расчетливые или действующие под влиянием импульса, будут схвачены: Мартин шел, как обычно, отстав на шаг или два от Далглиша, и мало говорил. Но когда начал говорить, делал это всегда к месту.

Они шли, осматривая здание в позднее вечернее время, начав с третьего этажа. Здесь комнаты восемнадцатого столетия были разделены и приспособлены для работников социальной психиатрии, психологов, терапевтов общего профиля, два больших лечебных кабинета принадлежали психиатрам. Одна из комнат в передней части здания, приятная, сохраненная в прежнем виде, была комфортабельно обставлена удобными стульями и маленькими столиками. Здесь, очевидно, размещался кабинет для свиданий группы брачных проблем, пациенты которой в перерывах между анализом их семейной жизни и сексуальной несовместимости могли наслаждаться замечательным видом на площадь. Далглиш оценил досаду отсутствующей миссис Баумгартен: комната превосходно подходила для отделения трудовой терапии.

Более важные кабинеты располагались этажом ниже, а здесь лишь немного переделали и изменили потолки, двери и окна, чтобы содействовать установлению атмосферы элегантности и уюта. Картина Модильяни находилась в помещении конторы, но не бросалась в глаза. Маленькая медицинская библиотека, в которую вела следующая дверь, со старинными книжными шкафами, — на каждом имелось имя сделавшего подарок, — могла показаться библиотекой джентльмена восемнадцатого столетия, если не рассматривать внимательно названия книг. На книжных шкафах стояли низкие вазы с цветами, кресла, придвинутые друг к другу, радовали глаз, несмотря на то, что, очевидно, были собраны сюда из полудюжины различных домов.

На этом этаже также находился кабинет для консультаций главного врача, один из лучших в клинике. У дальней стены стояла медицинская кушетка, как и в других психи-

атрических кабинетах, имелся низкий диван, покрытый воощенным ситцем, со свернутым красным шерстяным одеялом и подушкой. Остальной мебелью кабинет не был обязан Совету управления больницами. Письменный стол восемнадцатого столетия не загромождали картонные календари или стационарные конторские дневники, на нем лежала только книга для записей, переплетенная в кожу, стояли серебряная чернильница и лоток для бумаг. Рядом находились два кожаных кресла, в углу — буфет из красного дерева. Создавалось впечатление, что главный врач коллекционирует старые эстампы, особенно интересуется выполненными глубокой печатью и гравюрами восемнадцатого столетия. Далглиш осмотрел собрание произведений Джеймса Мак-Арделла и Валентина Грина, выставленных по обе стороны камина на полках, и отметил, что пациенты доктора Этериджа облегчали бремя глубин пошатнувшегося подсознания несколькими прекрасными литографиями Халмендела. Он подумал, что неизвестный вор, проникший в клинику, если и был, по мнению Калли, джентльменом, то, несомненно, знатоком искусства не являлся. Для скороспелого профессионала довольно типично пренебречь добычей из двух литографий Халмендела ради пятнадцати фунтов.

Несомненно, милая комната, свидетельствующая о своем владельце, как о человеке со вкусом и деньгами, доставляющем себе удовольствие, комната человека, который не видит причин, вследствие коих его трудовая жизнь должна протекать в менее приятных условиях, чем досуг. Элегантность пусть несколько затейлива, но хороший вкус, как должно, ортодоксален. Далглиш почувствовал, что пациент, возможно, больше доволен и спокоен в теплой, неряшливой, случайных пропорций клетке верхнего этажа, где Фредерика Саксон делала кавардак из бумаг, цветочных горшков и остатков чайной заварки. Несмотря на гравюры, комнате не хватало оттенков личности. В этом было что-то типичное, присущее ее владельцу. Далглиш вспомнил недавнюю конференцию по психическим заболеваниям, на которой присутствовал вместе с доктором Этериджем, одним из ораторов. Во время доклада доктор казался образцом красноречия и мудрости, хотя впоследствии Далглиш не мог воскресить в памяти ни единого слова...

Они спустились на нижний этаж, где секретарь правления и Нагль, тихо болтавшие с полицейскими, повернулись в их сторону, но не двинулись навстречу. Четыре ожидающих человека стояли вместе, словно печальная группа плакальчиков после похорон, расстроенных и не уверенных в

том, что горе прошло. Голоса говоривших таяли в тишине холла.

Планировка нижнего этажа оказалась простой. Непосредственно перед парадной дверью, слева от входивших, располагался отделанный стеклом приемный киоск. Далглиш снова заметил, что из него хорошо виден весь холл, включая большую изогнутую лестницу в конце. Станным казалось то, что наблюдения Калли в течение вечера оставались необычно избирательными. Он уверенно заявлял, что никто не входил в клинику и не выходил из нее после пяти часов пополудни, не будучи отмеченным в его журнале, но на самом деле многие из входивших в холл оказались незамеченными. Калли увидел миссис Шорткауз, направляющуюся из кабинета мисс Болам в переднюю главную контору, но не видел, как администратор спустилась в нижнюю часть холла, к лестнице, ведущей в подвал. Он видел доктора Багли, выходящего из гардеробной медицинского персонала, но не видел его входящим туда. Большинство передвижений пациентов и их родственников не ускользнуло от внимания Калли, и он мог подтвердить, когда пришла и куда ходила миссис Босток. Он был уверен, что доктор Этеридж, мисс Саксон и мисс Кеттл не проходили через холл после шести часов пополудни. Если они проходили, значит, он этого не заметил. Далглиш чувствовал бы больше доверия к свидетельским показаниям Калли, если бы не было слишком очевидно, что жалкий маленький человек сильно напуган. По прибытии полиции в клинику он выглядел только угнетенным и немного утрюмым. Но перед уходом домой был охвачен ужасом. «На какой-нибудь из стадий расследования, — подумал Далглиш, — придется детально изучить, почему это произошло».

Сзади приемного киоска располагалась главная контора клиники, выходящая окнами на площадь, часть конторы занимала отделенная перегородкой маленькая комната для хранения медицинских документов. За ней и находился кабинет мисс Болам, а дальше, на некотором расстоянии, отделение электроконвульсивной терапии с лечебным кабинетом, служебной комнатой медсестер, мужским и женским помещениями для восстановления сил. Этот комплекс был отделен коридором от гардероба медицинского персонала, туалетной комнаты конторских служащих и буфетной ассистента по хозяйству. В конце коридора находилась запертая боковая дверь, редко используемая, да и то лишь сотрудниками, которым приходилось задерживаться слишком поздно и не желавшим беспокоить Нагля просьбой от-

крыть более сложные замки, отодвинуть засовы и снять цепочки на парадной двери.

С противоположной стороны холла располагались два кабинета для консультаций, комната ожидания пациентов и уборные. Переднее помещение для консультаций разделялось на два довольно больших психотерапевтических кабинета, между ними и комнатой ожидания имелся проход. Доктор Штайнер мог поэтому переходить из одного помещения в другое, не попадаясь Калли на глаза. Он мог также спуститься по холлу к подвальной лестнице, не рискуя быть увиденным. Видел ли его портье? Что скрыл Калли и почему?

Далглиш и Мартин вдвоем обследовали подвальные помещения поздней ночью. В задней части подвала имелась дверь, к которой вели ступеньки. Доктор Этеридж сказал, что эта дверь была закрыта на засов, когда он и доктор Штайнер проверяли здесь все после обнаружения тела. Она была надежно закрыта на засов. Засов исследовали в поисках отпечатков пальцев, но достаточно четко выделялись только отпечатки Питера Нагля. Нагль сказал, что, вероятно, был последним, кто прикасался к замку, так как у него вошло в привычку проверять, закрыта ли дверь на засов, прежде чем запирать ее на ночь ключом. Пользовались выходом из подвала он или кто-нибудь из сотрудников клиники исключительно редко, практически дверь открывалась только тогда, когда привозили уголь или другие тяжелые материалы. Далглиш отодвинул засов. Короткий марш металлической лестницы вел наверх. Здесь снова возникла обитая железом дверь, закрытая на засов, снабженная замком и цепочкой. Но незваному гостю не составляло труда проникнуть в подвальное помещение, особенно когда с тыльной стороны здания двор был плохо освещен и пуст. Сама клиника оставалась менее доступной. Все окна подвала закрывали решетки, за исключением маленького в уборной. Через это окно удрал вор.

Далглиш снова задвинул засов на двери, и они прошли в комнату отдыха портье, занимавшую большей частью тыльную сторону здания. Ничего не изменилось здесь с тех пор, как они осматривали ее впервые. У одной стены стояли два запирающихся ящика для одежды. Посреди комнаты находился тяжелый квадратный стол. В углу — маленькая старомодная газовая печь, в стороне от нее — буфет с чашками, блюдами и жестяной банкой чая, сахаром и бисквитами. Два обитых потертой кожей стула уместились по бокам газовых горелок. Слева от двери висела доска для

ключей с крючками, помеченными номерами, но без указания имен. Вместе с другими на доске висел ключ от регистратуры в подвале. Этот ключ стал теперь собственностью полиции.

Большой полосатый кот свернулся клубком в корзине перед незажженной газовой печью. Когда вспыхнул свет, он шевельнулся и, подняв тяжелую полосатую голову, бросил на назойливых посетителей изумленный и озадаченный взгляд громадных желтых глаз. Далглиш присел на корточках рядом с корзиной и погладил копящую голову. Кот вздрогнул, выпрямился и неподвижно застыл под прикосновением руки. Вдруг он перевернулся на спину, вытянул вверх ноги, твердые, как палки, и открыл для Далглиша мягкую шерстку брюха. Старший инспектор гладил кота и разговаривал с Мартином, предпочитающим собак и терпеливо на них смотревшим.

— Я слышал о нем от миссис Шортхауз, — говорил он. — Это Тигр, кот мисс Болам.

— Мы сделали вывод, что ребенком мисс Болам читала Милна. «Ночные кошки». Почему кота не выпустили на ночь?

— Я также слышал об этом. Мисс Болам думала, что кот, если его закрыть внизу, будет ловить мышей. Нагль ходит во время ленча за пивом и сэндвичем, но Калли перекусывает здесь, и мисс Болам всегда напоминала ему о крошках. Кота запирают в подвале каждую ночь и выпускают днем. Он получает свой корм и вылизывает жестянку.

— Да, я вижу. Облепленную золой из котла.

— Жаль, что кот не может говорить, сэр. Он пробыл здесь долго, ожидая, пока его накормят. Вероятно, был и тогда, когда убийца зашел за ключом от регистратуры.

— И за стамеской. Да, Тигр видел его наверняка. Но как сделать, чтобы он рассказал нам правду?

Сержант Мартин не ответил. Люди, которые проходили перед животным, конечно, были похожи. И все это детская игра.

— Мисс Болам лечила его на свои деньги, — сказал он, вдруг став необычно разговорчивым. — Миссис Шортхауз передавала Холлидею, что доктор Штайнер был очень расстроен этим. Он, по-видимому, не любит кошек, в связи с этим состоялся крупный разговор. Доктор Штайнер заметил миссис Босток, что мисс Болам нравится лечить в клинике все мужское, что ни встретит. Думаю, он выразился более грубо. Конечно, это вроде бы не предназначалось для

передачи мисс Болам, но миссис Босток видела, что делается это как раз с такой целью.

— Да, — сказал кратко Далглиш. — Она была права.

Осмотр продолжался.

Комната была неудобной. Здесь пахло пищей, кожей и, едва ощутимо, газом. Висело несколько старых репродукций картин, оставшихся от прежних владельцев. На одной был изображен основатель клиники, окруженный пятью сыновьями. «Эти репродукции, поблекшие от времени, — подумал Далглиш, — сильнее отражают характер старого Гименя, нежели ортодоксальные памятные полотна, написанные маслом, которые висят в холле верхнего этажа».

На маленьком столике против задней стены лежал ящик с инструментами Нагля. Далглиш поднял крышку. Инструменты, тщательно уложенные, находились на отведенных для них местах. Недоставало только одного, и оставалось мало надежды на то, чтобы он снова занял место в ящике для инструментов Питера Нагля.

— Он мог войти через эту заднюю дверь, если специально оставил ее незапертой, — выразил Мартин вслух мысль Далглиша.

— Конечно. Я допускаю, что в данном случае ошибочно подозревать человека, которого, очевидно, не было в здании, когда зафиксировали убийство. Есть небольшое сомнение по поводу того, что Нагль был с мисс Придди в главной конторе, когда миссис Шортхауз оставила мисс Болам. Калли подтверждает это. А мисс Придди говорит, что вообще не оставляла главную контору, за исключением случая, когда на минуту выходила взять досье из соседнего кабинета. Что вы, кстати, думаете о Шортхауз?

— Думаю, она говорила правду, сэр. Я не могу обвинить ее в том, что она немного солгала, когда ложь могла ей потребоваться. Она из тех, кому нравится, когда что-то происходит, и кто не прочь подтолкнуть происходящее в нужном направлении. Но многое миссис Шортхауз рассказала нам без преувеличения.

— Да, — согласился Далглиш. — Но это не причина сомневаться в том, что мисс Болам спустилась в подвал в результате анонимного звонка, который тем самым устанавливает для нас приблизительное время смерти. Это совпадает также с выводом полицейского хирурга, но более точно мы узнаем все в ходе вскрытия. Конечно, звонок мог быть просто по делу. Возможно, кто-то позвонил из подвала, позвал мисс Болам куда-нибудь вниз, а затем она направилась в его или свой кабинет. Теперь же звонивший

боится признаться в этом. Полагаю, это возможно, но не думаю, что так было на самом деле.

— Если звонок был настоящим, он мог быть связан с кутерьмой в регистратуре — ее пригласили посмотреть, что там творится. Эти папки, безусловно, разбросаны до убийства. Некоторые из них лежали прямо под телом. Мне кажется, ее ударили, когда она нагнулась, подбирая бумаги.

— Я предполагаю это же, — сказал Далглиш. — Но давайте поторопимся.

Они молча миновали дверь служебного лифта и прошли в следующее подвальное помещение — процедурную в передней части здания. Здесь медсестра Болам сидела со своей пациенткой в начале вечера. Далглиш включил свет. Тяжелые шторы были раздвинуты, но на окнах висели тонкие сетчатые занавеси, по-видимому, предназначенные для создания атмосферы уединения днем. Комната оказалась довольно просто обставленной. В одном углу стояла низкая переносная кровать с больничной ширмой в ногах и маленьким креслом у изголовья. У стены напротив входа находились маленький стол и стул, очевидно, для дежурной медсестры. Стол был заполнен формами отчета медсестры и бланками медицинских документов. Вдоль стены по левой стороне тянулся ряд шкафов, где хранились запасы чистого белья клиники. Четвертую стену, видимо, пытались сделать звуконепроницаемой. Об этом свидетельствовали акустические панели и дверь, сделанная крепко и добротно, с тяжелой портьерой.

— Если ее пациентка была достаточно шумной, — сказал Далглиш, — я сомневаюсь, что медсестра Болам могла услышать многое из того, что происходило снаружи. Пройдите в коридор, Мартин, и позвоните по телефону, находящемуся с внешней стороны медицинской регистратуры.

Мартин закрыл за собой дверь, и Далглиш остался один в глубоком молчании. Его слух был обострен, и он слышал тяжелые шаги Мартина. Но он сомневался, было ли так же слышно при шуме, производимом беспокойной пациенткой. Он не смог услышать ни слабого щелчка, когда Мартин снял трубку, ни того, как он набирал номер. Через несколько секунд снова послышались шаги, и Мартин возвратился в регистратуру.

— Я набирал ноль ноль четыре, как он значится в списке внутренних номеров, — сказал он. — Это кабинет мисс Болам. Довольно жутковато слушать телефонные звонки, когда никто не отвечает. Потом кто-то взял трубку. Я даже удивился, когда прекратились звонки. Это, конечно, был

мистер Лоде. Он удивился тоже. Я не стал ему говорить, что у нас еще хватает работы.

— Правильно. Я не слышал, когда вы разговаривали. Однако медсестра Болам слышала крик Придди. По крайней мере, она так утверждает.

— Она в это время ничего не делала, не так ли, сэр? К тому же она отчетливо слышала, как врачи и старшая сестра спускались вниз.

— Это-то как раз вполне объяснимо. Спускаются четверо, представьте, как они топают. Она, конечно, явно подозрительна и могла позвонить своей кухне из этой комнаты, возможно сказав, что в регистратуре кто-то устроил кавардак. Ее пациентка оставалась слишком дезориентированной, чтобы нормально слышать или понимать. Я говорил с нею вместе с доктором Багли, и было ясно, что та не в состоянии засвидетельствовать алиби. Медсестра Болам могла оставить процедурный кабинет и ожидать свою кухню в регистратуре, чувствуя себя в достаточной безопасности. У нее была благоприятная возможность убить. Она имеет необходимые медицинские познания, и у нее есть явный мотив. Если убийца — медсестра Болам, преступление, вероятно, не имеет ничего общего с телефонным звонком к Лоде. Мы должны узнать, что мисс Болам думала, направляясь сюда, но при этом следует учитывать, что это совсем не обязательно связано с ее смертью. Если медсестра Болам знала, что приедет секретарь правления, она могла решиться на убийство незамедлительно по непонятным мотивам.

— Она не производит на меня впечатление достаточно умной, чтобы запланировать все это заранее, сэр.

— Я не представляю ее в качестве убийцы, Мартин, но мы знаем, чем оборачивались и менее вероятные случаи. Находясь здесь внизу, она могла бы запросто совершить убийство. А тут еще резиновые перчатки... Конечно, у нее есть объяснение. Действительно, в клинике имеется много пар таких перчаток, и вполне резонно, что медицинские сестры держат необходимую им пару в кармане своего фартука. Но факт остается фактом: мы не обнаружили отпечатков пальцев ни на одном из двух орудий преступления, нет их и на дверном ключе, никаких старых следов. Кто-то их сначала вытер, а затем воспользовался перчатками. А какие перчатки подходят для этой цели больше, чем хирургические? То, как вонзили стамеску, — практически хирургическая операция.

— Если она додумалась до использования перчаток, она

должна была додуматься и до того, чтобы уничтожить их после этого. Котел оставался зажженным. Куда пропал резиновый фартук из отделения трудовой терапии? Если убийца использовал его для защиты, от него лучше отделаться, бросив в котел. Во всяком случае, мы выясним это завтра, когда котел остынет и можно будет выгрести содержимое. На этих фартуках имеются металлические кнопки на плечевых ремешках, если повезет, мы сможем найти их.

Детективы закрыли за собой дверь в процедурный кабинет и поднялись по лестнице вверх. Далглиш начал ощущать усталость, а колющая боль позади глаза стала почти непрерывной. Неделя была нелегкой, и прием с шерри, обещавший приятное расслабление в конце беспокойного дня, доказал, что такие мероприятия перед беспокойной ночью выбивают из колеи. Хотелось бы знать, где Дебора Риско обедала и с кем. Их встреча теперь казалась частью другого мира. Быть может, он устал потому, что не ощущал уверенности, с которой обычно начинал расследование. Далглиш не верил, что преступление может нанести ему профессиональное поражение, поскольку никогда не испытывал ощущения неудачи. И поэтому его все более раздражало чувство собственного несовершенства и беспокойства. Ему казалось, будто ему противостоит активный, деятельный интеллект, не уступающий его собственному. А он не думал, что у медсестры Болам такой же интеллект.

Секретарь правления и Нагль спокойно ожидали в холле. Далглиш передал ключи от помещений клиники и получил сообщение, что дополнительный комплект, находящийся сейчас в главной конторе управления, будет доставлен в полицию на следующий день. Он, Мартин и двое констеблей подождали, пока Нагль проверит, выключен ли везде свет. Скоро вся клиника погрузилась в темноту, шесть человек вышли в туманную прохладу октябрьской ночи, и каждый направился в свою сторону.

Глава четвертая

Доктор Багли осознавал невозможность того, чтобы вежливо пренебречь мисс Кеттл и не предложить подвезти ее домой. Она жила в Ричмонде, прямо у магистрали, которая вела в его суррейскую деревню. Обычно ему удавалось избегать мисс Кеттл. Ее присутствие в клинике было так неупорядочено, что они редко задерживались до одного и того же часа, поэтому без угрызений совести он уезжал один.

Даже нервотрепка часа пик, пока он выбирался из города, оставалась совсем небольшой платой за те несколько миль езды по прямой магистрали, ощущения мощи автомобиля, которая отдавалась толчками в его спину, и поющего ветра, уносящего прочь напряжение дня. Прежде чем доктор Багли добирался до Сталлинга, он привычно останавливался у укромного паба выпить кружку пива. Никогда он не пил меньше или больше. Этот вечерний ритуал, формально отделяющий день от ночи, стал ему необходим с тех пор, как он расстался с Фредерикой. Ночь не избавляла от громадного напряжения нервов. Багли приучил себя к жизни, в которой величайшее терпение и профессиональное мастерство требовались также и в собственном доме. Поэтому было особенно приятно посидеть спокойно одному, наслаждаясь коротким привалом на границе двух таких различных, но, в сущности, похожих миров.

Сперва Багли ехал медленно, как ездил с нею с тех пор, как узнал, что она не любит большую скорость. Мисс Кеттл сидела рядом, тщательно закутанная в тяжелое твидовое пальто, ее седую стриженую голову нелепо венчала красная вязаная шапочка. Как многие профессиональные специальные работники, она мало понимала людей инстинктом, в результате чего приобрела незаслуженную репутацию бесчувственной женщины. Конечно, все было иначе, когда дело касалось ее клиентов, — как Багли ненавидел это слово! Стоило им, находящимся в прочной клетке профессиональных отношений, оказаться за ее решетками, мисс Кеттл начинала уделять им преданное и щепетильное внимание, объединяющее всех в какую-то тайную общность. Осознанно или нет, но они раскрывали слабости друг друга и извиняли их, одобряли усилия и поощряли их, прощали грехи. Помимо клиентов, все остальное в клинике Стина для мисс Кеттл едва ли существовало. Багли она нравилась. Он долго шел к заключению, что социально-психиатрическая работа содержит в себе сильную привлекательность именно для тех, кто менее всего приносит ей пользу, а мисс Кеттл была лучше, чем остальное большинство. Отчеты, которые она делала для него, были сверхдлинными и до предела насыщенными специфическим рабочим жаргоном, но она, по крайней мере, сдавала их. Клиника Стина относилась к такому типу психиатрических учреждений, в которых сотрудники, осуществляя свое естественное предназначение лечить пациентов, настойчиво стремятся к подготовке психотерапевтов и гораздо меньше переживают по поводу составления отчетов о социально-

психиатрической работе и проведении восстанавливающих силы выходных дней. Нет, ему нравилась Рут Кеттл, но сегодня вечером, в отличие от других вечеров, ему больше хотелось побыть наедине с собой.

Она молчала, пока не достигли Найтбриджа, затем звонкий голос мелодично зазвучал у него в ушах:

— Ужасно запутанное убийство, не так ли? И так странно выбрано время. Что вы думаете о старшем инспекторе?

— Полагаю, что у него высокая квалификация, — ответил Багли. — Но мое отношение к нему несколько противоречиво, вероятно, потому, что у меня нет алиби. Когда мисс Болам вздумалось умереть, я находился один в гардеробе медицинского персонала.

Он знал, что рассчитывает на сочувствие, надеялся услышать горячие возражения, что, мол, его, разумеется, никто не заподозрит.

— Это, конечно, досадно, но не так уж важно, — торопливо добавил он. — Я надеюсь, старший инспектор быстро и правильно разберется с этим делом.

— О, вы так считаете? Странно. Я думала, у него скорее возникло недоумение по поводу происшедшего в целом. Я находилась в своем кабинете большую часть вечера, тоже одна, у меня, вероятно, тоже нет алиби. К тому же я не знаю, когда предположительно наступила смерть.

— Вероятно, в шесть двадцать, — кратко ответил Багли.

— Вот как? Да, да, в этом случае у меня алиби, по всей видимости, нет. — Мисс Кеттл говорила с глубоким удовлетворением. Через минуту она продолжила: — У меня теперь будет возможность устроить день отдыха за городом для четы Уоррикеров, используя свободные деньги. Мисс Болам всегда возражала против того, чтобы тратить свободные деньги на пациентов. Доктор Штайнер и я чувствовали, что, если бы Уоррикеры могли провести вместе пару недель в каком-нибудь тихом и приятном деревенском отеле, они бы смогли разобраться в ситуации и сохранить свой брак.

Доктор Багли испытывал сильное искушение сказать, что брак Уоррикеров был в опасности столь долгие годы, что сохранение или несохранение его едва ли зависело от пары недель, даже в приятном отеле.

— Мистер Уоррикер работает? — спросил он.

— Да! Он работает, — ответила мисс Кеттл так просто, будто этот факт не имел никакого отношения к способности пациентов оплатить свой отдых. — Они никуда не смо-

гут выбраться без дотации из клиники, — продолжала Кеттл. — К сожалению, мисс Болам не отличалась сочувствием. И еще одно. Мисс Болам могла назначать меня осмотреть пациента, даже не сказав об этом. Ужасно! Вот хотя бы сегодня. Когда я заглянула в дневник прямо перед уходом, там оказался записанным новый пациент, на десять часов в понедельник. Представляете? Конечно, его записала миссис Босток, но она дописала: «По распоряжению мисс Болам». Миссис Босток сама никогда ничего подобного не делает. Она очень хороший и старательный секретарь.

Доктор Багли подумал, что миссис Босток — честолюбивый нарушитель спокойствия, но не нашел оснований высказать свою мысль вслух. Вместо этого он спросил, как прошла беседа мисс Кеттл с Далглишем.

— Боюсь, что я не смогла так уж сильно ему помочь, но он заинтересовался, услышав о лифте.

— Что именно о лифте, мисс Кеттл?

— Кто-то пользовался им сегодня. Вы знаете, как он скрипит, когда поднимается, и как гремит, когда доходит до второго этажа. Ну, а я слышала этот тарарам. Конечно, не знаю, когда именно, поскольку тогда это не казалось важным. Это было в самом начале вечера. Думаю, могло быть и около шести тридцати.

— Конечно, Далглиш не думает серьезно о том, что кто-то воспользовался лифтом, желая спуститься в подвал. Действительно, лифт достаточно велик, но для того, чтобы подниматься или спускаться в нем, нужны два человека.

— Да, это так. Никто не смог бы подняться на нем наверх, используя только собственные силы. Для этого нужен сообщник.

Мисс Кеттл произнесла последнее слово с видом заговорщицы, будто оно было частью уголовного жаргона, неприличного выражения, которое она осмелилась употребить. — Я не могу себе вообразить дорогого доктора Этериджа скорчившимся в лифте, как пухлый маленький Будда, пока миссис Босток напрягается, перебирая канат сильными красными ручищами. А вы?

— Нет, — кратко сказал доктор Багли. Описание было неожиданно ярким и образным. Чтобы изменить тему разговора, он произнес: — Было бы интересно узнать, кто был последним в медицинской регистратуре. Перед убийством, я имею в виду. Не могу вспомнить, когда я заходил туда в последний раз.

— Не можете? Как странно! Это такая пыльная, с при-

знаками клаустрофобии комната, я всегда помню, когда бываю там. Например, сегодня вечером — без четверти шесть.

Доктор Багли так удивился, что почти остановил машину.

— Пять сорок пять? Значит, всего за тридцать пять минут до ее смерти!

— Должно быть, так. Если она умерла около шести двадцати. Старший инспектор не сказал мне этого. Но ему было интересно услышать, что я находилась в подвале. Я доставала одну из старых записей об Уоррикере. Да-да, я спустилась туда в пять сорок пять, и там не задерживалась, так как точно знала, где находится документ.

— А в помещении регистратуры все было как обычно? Истории болезни не были разбросаны по полу?

— О нет, все было в полном порядке. Регистратура, конечно, была заперта, так что я взяла ключ из комнаты портье и, закончив, снова заперла дверь регистратуры, повесив ключ обратно на доску.

— И вы никого там не видели?

— Нет, не думаю. Хотя... Да, я слышала вашу пациентку, принимающую сеанс ЛСД. Она казалась очень шумной. Почти как если бы оставалась одна.

— Она не оставалась одна. И никогда не остается. Должен сказать, я сам был с ней около пяти сорока. Если бы вы вышли на несколько минут раньше, мы бы увидели друг друга.

— Только в случае, если бы мы оба воспользовались лестницей в подвал или если бы вы зашли в регистратуру. Но не думаю, что я кого-то видела. Старший инспектор уже спрашивал меня об этом. Сомневаюсь, действительно ли он такой уж проницательный детектив, поскольку казался очень озадаченным происшедшей историей.

И хотя они больше не разговаривали об убийстве, доктору Багли воздух в машине показался тяжелым от незадачных вопросов, прямо витавших в салоне. Двадцать минут спустя он достиг Ричмонд-Грина, свернул с магистрали к дому, где жила Кеттл, и, затормозив, с чувством облегчения наклонился, чтобы открыть ей дверцу. Как только та исчезла из виду, он вылез из машины и, несмотря на холодную сырость, открыл крышу. Несколько следующих миль пролетели в золотой нити подмигивающих дорожных указателей, отмечающих края дороги. На окраине Сталлинга Багли свернул с магистрали туда, где, скрытый вязами, находился темный непривлекательный маленький паб.

Золотая молодежь Сталлинг-Коомбе либо не открыла его для себя, либо предпочитала другие пивные, окаймляющие зеленое кольцо. «Ягуары» ее доблестных представителей никогда не припарковывались у черных кирпичных стен. Салон был, как обычно, пуст, но через перегородку, отделявшую его от бара, доносился легкий гул голосов. Доктор Багли занял привычное место у камина, огонь в котором горел зимой и летом, очевидно, питали зловонными обломками мебели владельца паба. Помещение выглядело негостеприимно. При восточном ветре в трубу задувало, и дым валил внутрь, каменный пол был голым, а деревянные скамьи вдоль стен слишком жесткими и узкими, чтобы давать ощущение уюта. Но пиво здесь подавали холодным и вкусным, стаканы чистыми, и в помещении царил тот вид умиротворения, который достигался простотой и уединенностью.

Джордж принес ему пинту пива:

— Вы поздно сегодня, доктор.

Джордж называл его так со времени второго посещения. Доктор Багли никогда не знал и не заботился о том, чтобы узнать, откуда Джорджу стало известно, кем он работает.

— Да, — ответил он. — Меня задержали в клинике.

Он не произнес ничего больше, и бармен вернулся за стойку. Доктор Багли подумал, насколько благоразумно он поступил. Завтра сообщение об убийстве появится во всех газетах. Вероятно, это будет обсуждаться в пабе. И вполне естественным для Джорджа будет сказать:

— В пятницу доктор заезжал как обычно. Он ничего не упомянул об убийстве... Хотя выглядел расстроенным.

Было ли подозрительным ничего не сказать? Не было ли более естественным для невинного попытаться рассказать о случае с убийством, в которое он вовлечен? Внезапно маленькая комната стала невероятно душной, окружающий мир растворился от внезапно нахлынувших тревог и боли.

Хотя Багли ехал быстро, уже было далеко за десять, когда он добрался до своего дома и увидел через высокую буковую изгородь свет в спальне Элен. Значит, она поднялась, не ожидая его, а это являлось всегда дурным признаком. Въезжая в гараж, он подбадривал себя перед предстоящим. Сталлинг-Коомбе был очень тихим поселком. Небольшие частные усадьбы с домами, спроектированными с претензией на приличную архитектуру и построенными в обычной манере, каждый дом окружал обширный сад.

Сталлинг-Коомбе поддерживал мало контактов с окрестными деревушками и действительно выглядел оазисом процветающих обитателей пригорода, которые, будучи связанными узами общих предубеждений и снобизма, жили подобно изгнанникам, строго сохраняя свою цивилизацию посреди чужой им культуры. Багли купил дом пятнадцать лет назад, вскоре после женитьбы. Тогда ему не понравилось это место, и прошедшие годы доказали, как глупо не принимать во внимание первое впечатление. Но Элен оно понравилось, а Элен была беременна, так что это оказалось дополнительной причиной попытаться сделать ей приятное. Для Элен этот дом, своеобразная подделка под стиль эпохи Тюдоров, обещал многое. На переднем газоне рос огромный дуб («как раз место для прогулок в жаркие дни»), холл был просторным («потом дети будут любить устраивать здесь вечеринки»), в усадьбе царил тишина («так спокойно будет тебе, дорогой, после Лондона и всех этих ужасных больных»).

Но беременность кончилась выкидышем, а с ним исчезла и надежда когда-либо иметь детей. Да и что бы изменилось, появившись они на свет? Стал бы дом менее дорогостоящим хранилищем утраченных иллюзий? Безмолвно откинувшись на спинку сиденья и наблюдая за зловещим квадратом освещенного окна, доктор Багли размышлял над тем, что все неудачные браки в основном похожи. Он и Элен отличались от больной четы Уоррикеров. Они оставались вместе, потому что думали, будто так будут менее несчастны, чем в одиночку. Если бы напряженность и несчастья брака стали больше цены испытаний от законного развода, они бы разошлись. Ни один здравомыслящий человек не стал бы терпеть раздражительность и нетерпимость. Для него существовала лишь единственная веская и неоспоримая причина развода — надежда жениться на Фредерике Саксон. Теперь эта надежда оказалась неосуществимой до тех пор, пока он мог продолжать выносить этот брак, который, несмотря на трудности, все же давал уютную иллюзию собственной необходимости. Багли презирал себя как психиатра, неспособного управлять собственными взаимоотношениями с людьми. Но кое-что все-таки от брака осталось: мимолетная волна нежности и жалости, дававшая ему силы быть большую часть времени добрым...

Он запер ворота гаража и через широкий газон прошел к входной двери. Сад выглядел неухоженным. Содержать его становилось дорого, а Элен проявляла к дому мало интереса. Во всех отношениях было бы лучше, если бы они

продали усадьбу и купили другую — поменьше. Но Элен и слышать не хотела о продаже. В Сталлинг-Коомбе она была счастлива. Настолько же, насколько могла надеяться на счастье в каком-нибудь другом месте.

Багли задумался, как лучше начать разговор о новостях — об убийстве мисс Болам. Элен встречалась с ней только раз, в клинике, в прошедшую среду, и ему не довелось узнать, о чем они говорили. Но эта короткая встреча установила между женщинами какую-то интимность, или, возможно, они заключили союз, направленный против него. Ведь, конечно, союз не был направлен против самой Болам. Ее отношение к нему никогда не менялось. Ему даже казалось, что администратор относилась к нему гораздо лучше, чем к остальным психиатрам. Всегда была готова работать с ним, помогать, вела себя корректно, в ней он не чувствовал ни злобы, ни мстительности или даже мелкой неприязни, не чувствовал он этого и в том, что она, пригласив Элен в свой кабинет в среду днем, за полчаса беседы разрушила величайшее счастье, когда-либо ему известное.

Элен появилась на верхней площадке лестницы.

— Это ты, Джеймс? — спросила она.

В течение пятнадцати лет этот вопрос, задаваемый каждый вечер, забавлял его.

— Да. Извини, что опоздал. Извини, что не мог сказать тебе большего по телефону. В клинике Стина произошло нечто ужасное, и Этеридж решил, что лучше об этом поменьше болтать. Убита Энид Болам!

Из всего сказанного ее заинтересовало только имя главного врача.

— Генри Этеридж! Ну конечно, он всегда так себя ведет. Живет на Харли-стрит с соответствующей прислугой и доходом вдвое больше нашего. Ему следовало бы подумать обо мне, прежде чем задерживать тебя в клинике так поздно. Свою жену он не держит в одиночестве деревни до тех пор, пока ему вздумается отправиться домой.

— В том, что я задержался, Генри не виноват. Я же сказал тебе. Убита Энид Болам! Большую часть вечера в клинике находилась полиция.

На этот раз Элен услышала. Он почувствовал, как она судорожно вздохнула, и увидел, как сузились ее глаза, когда, кутаясь в халат, она спустилась к нему по ступенькам.

— Мисс Болам убита?

— Да, убита.

Элен стояла без движения, казалось, размышляя, затем спокойно спросила:

— Как?

Пока доктор Багли рассказывал, она молчала. Потом они оказались стоящими лицом друг к другу. Он задумался, должен ли сейчас подойти к ней, сделать какой-нибудь означавший проявление сочувствия жест. Но почему сочувствия? Что, в конце концов, потеряла Элен? Когда она заговорила, ее голос звучал холодно, как металл:

— Никто из вас не терпел ее, не так ли? Ни один из вас!

— Это нелепо, Элен! Большинство едва соприкасались с ней по работе, разве что кратковременно, и то в связи с ее профессиональными обязанностями как администратора.

— Это похоже на внутреннее дело? Не так ли?

Он поморщился от грубого судебно-полицейского жаргона, но кратко сказал:

— С твоей точки зрения, да. А что думает полиция, я не знаю.

Элен горько рассмеялась:

— О, я могу предположить, что думает полиция! — Она снова помолчала, потом спросила: — Где был ты?

— Я сказал тебе. В гардеробной медицинского персонала.

— А Фредерика Саксон?

Было безнадежным делом ожидать теперь проявлений сострадания или сочувствия. Было бесполезно даже пытаться сохранить контроль над развитием событий.

— Она находилась в своем кабинете. Если тебе это доставит удовлетворение, ни у кого из нас нет алиби. Но если ты хочешь приписать убийство Фредерике или мне, то ты не так умна, как я считал. Старший инспектор, думаю, весьма неохотно выслушает истеричную женщину, истекающую злобой. Он видел таких достаточно много. Но попытайся! Может, тебе повезет! Почему не покопаться в моем грязном белье?

Он резко вытянул руки по направлению к ней, всего его трясло от гнева. В ужасе отшатнувшись, бросив на него негодующий взгляд, Элен повернулась и стала, спотыкаясь, подниматься по лестнице, путаясь в полах халата и рыдая как ребенок. Багли проводил ее злобным взглядом, его знобило от усталости, голода и отвращения. Сейчас необходимо пойти к ней. Надо все как-то уладить. Но не теперь, не в этот раз. Сначала он должен найти что-нибудь выпить.

На мгновение он оперся на перила лестницы и проговорил с бесконечной усталостью:

— Ох, Фредерика, дорогая Фредерика! Почему ты сделала это? Почему? Почему?

* * *

Старшая сестра Амброуз жила с подругой, пожилой медсестрой, с которой начала работать около тридцати пяти лет назад и которая недавно оставила должность. Они вдвоем купили домик в Гиди-парке, где проживали вместе последние двадцать лет на совместный доход, в удобном и счастливом согласии. Ни одна из них не была замужем, и ни та ни другая не сожалела об этом. В молодости они порой подумывали о детях, но наблюдения за семейной жизнью родственников убедили их, что брак, несмотря на общую веру в противоположное, приносит выгоду мужчинам за счет расходов женщин и что даже материнство не делало совместную жизнь счастливой. По общему согласию это утверждение никто из двоих никогда не пробовал подвергнуть проверке, даже получая брачные предложения. Подобно каждому профессиональному работнику психиатрической клиники, старшая сестра Амброуз была хорошо осведомлена об опасности подавления сексуальных потребностей, но ей ни разу не приходило в голову, что это может относиться и к ней самой и что подавлять их действительно трудно. Возможно, она отгоняла от себя большинство психиатрических теорий как опасную бессмыслицу и даже считала их вредными. Но старшая сестра Амброуз приучила себя думать о консультантах, как о стоящих только на ступень ниже Бога. Подобно Богу, они стремятся своим таинственным путем совершать чудеса, и, подобно Богу, они не могут подвергаться непосредственной критике. Некоторые из них были, по общему признанию, более таинственны в своей деятельности, чем другие, но всегда медицинские сестры, служившие этим чуть меньшим божествам, должны были поддерживать доверие пациентов к лечению, особенно когда успех казался сомнительным, и придерживаться главной профессиональной добродетели — полностью соблюдать лояльность.

«Я всегда лояльна к врачам», — часто слышали из ее уст на Акация-роуд в Гиди-парке. Старшая сестра Амброуз считала, что молодые медсестры, иногда работающие в клинике Стина, заменяя ушедших в отпуск, менее склонны придерживаться традиций, она не отличалась великодушием по отношению к большинству молодых медсе-

стер и очень строго оценивала их профессиональную подготовку.

Как обычно, она добралась по Централ-лейн до Ливерпуль-стрит, пересела на электричку Восточной пригородной линии и двадцать минут спустя входила в опрятный, разделенный на две половины дом, который они купили с мисс Беатрисс Шарп. Сегодня вечером она вставила свой ключ в скважину замка без обычного осмотра сада у дома, без беглого критического взгляда на художественную роспись двери и даже без обычного приятного удовлетворения от вида своих владений и от мысли о превосходном помещении капитала, о чем свидетельствовала эта покупка.

— Это вы, Дот? — крикнула мисс Шарп из кухни. — Вы сегодня чересчур поздно.

— Удивительно, что еще не позже. В клинике произошло убийство, и полиция не оставляла нас в покое большую часть вечера. Насколько я знаю, они находятся там до сих пор. Мне пришлось дать отпечатки пальцев, другим сотрудникам тоже.

Старшая сестра Амброуз намеренно говорила спокойным голосом, но эффект от новости доставил ей удовольствие. Она, впрочем, не рассчитывала на меньшее. В самом деле, не каждый день рассказывают о таком волнующем событии, и сейчас в поезде она потратила некоторое время, обдумывая, как наиболее эффектно преподнести новость.

Подобранные фразы четко выражали наиболее впечатляющие детали. Об ужине временно забыли. Пробормотав, что запеканка с мясом и овощами может всегда подождать, мисс Шарп налила подруге и себе по бокалу шерри, специфического средства против шока, и расположилась в гостиной, чтобы выслушать историю полностью. Старшая сестра Амброуз, которая имела в клинике репутацию осторожной и молчаливой, оказалась гораздо более раскованной дома, и потребовалось немного времени, чтобы мисс Шарп узнала об убийстве столько, сколько могла сообщить подруга.

— Но что вы об этом думаете?

Мисс Шарп вновь наполнила бокалы в беспрецедентной расточительности, точно так же наполнив свои извилины способностями анализом услышанного.

— Как я вижу, убийство должно было произойти между шестью двадцатью, когда вы увидели мисс Болам, направляющуюся к лестнице в подвал, и семью часами, когда было обнаружено ее тело.

— Это очевидно! Старший инспектор спрашивал меня как раз об этом промежутке времени. Я была последним

лицом, видевшим ее живой, в этом не приходится сомневаться. Миссис Биллинг закончила лечение и была готова идти домой в семь пятнадцать, и я проходила напрямик через комнату ожидания, чтобы сообщить об этом ее мужу. Он всегда в это время нервничает, потому что у него ночное дежурство, а необходимо еще поест и быть на работе к восьми. Я посмотрела на свои часы и увидела, что уже шесть двадцать. Когда я вышла из кабинета электроконвульсивной терапии, мисс Болам направлялась к лестнице в подвал. Старший инспектор спрашивал меня, как она выглядела и не разговаривала ли со мной. Нет, мы не разговаривали, и насколько я могла видеть, она выглядела так же, как обычно.

— На кого он похож? — спросила мисс Шарп, мозг которой переполняли образы комиссара Мегре и инспектора Барлоу.

— Старший инспектор? Вполне благовоспитанный, должна сказать. Худощавое, костистое лицо. Очень смуглый. Я уж не говорю о большой обходительности. Представьте себе, каким он был вкрадчивым, чтобы узнать у людей то, что его интересовало. Миссис Шортхауз находилась с ним так долго, прямо час, держу пари, что он выкачал из нее многое. Но я-то не играю в такие игры. Я всегда была предана клинике.

— Ничего не поделаешь, Дот, это убийство.

— Это все очень хорошо, Беа, но вы знаете, что такое клиника Стина. Достаточно болтовни, и никаких добавлений к ней. Мисс Болам не нравилась никому из врачей, насколько мне известно. Но это не повод для ее убийства. Я, во всяком случае, держу рот на замке, и если у других есть голова на плечах, им необходимо делать то же самое.

— Вы совершенно правы. У вас есть алиби, если вы и доктор Ингрэм были все время вместе в кабинете электроконвульсивной терапии.

— О, с этим все в порядке. Там находились также Шортхауз, Калли, Нагль и мисс Придди. Нагль выходил с почтой после шести пятнадцати, а остальные были все вместе. У меня нет уверенности относительно врачей, очень жаль, что доктор Багли выходил из кабинета электроконвульсивной терапии после окончания процедуры с миссис Биллинг. Разумеется, никто, находясь в здравом уме, не может его подозревать, но все равно случившееся досадно. Все ожидали полицию, доктор Ингрэм предложила ничего не говорить об этом. В хорошенькую кутерьму мы бы втянули доктора Багли своим обманом! Я не в состоянии та-

кое понять. Я беспристрастно посмотрела на нее и сказала: «Уверена, если мы все сообщим правду, доктор, невиновным нечего будет бояться». Это заставило ее заткнуться. Я сделала это, представляете. И говорила правду. Но ничего, кроме того, о чем спрашивали. Если полиция хочет услышать сплетни, они могут идти к миссис Шортхауз.

— А что медсестра Болам? — спросила мисс Шарп.

— Медсестра Болам меня беспокоила. Она была все время на месте, но ведь пациентка, принимающая ЛСД, не может удостовериться чье-либо алиби. Старший инспектор побеседовал с ней достаточно быстро. А из меня пытался выкачать все, что можно. Были ли она и ее кузина в дружеских отношениях? Несомненно, они общались в клинике? Можно было кое-что сказать, но я держала язык за зубами. От меня он ничего не добился. Не удивляйтесь! Мы все знаем, что у мисс Болам имелись деньги, и если она не завещала их богадельне, то они должны достаться ее кузине. В конце концов, деньги не могут достаться никому другому.

— Не могу представить, чтобы она завещала деньги богадельне, — сказала мисс Шарп, отличающаяся трезвым мышлением.

— Я не могу считать так с уверенностью. На деле она никогда не уделяла много внимания Тигру, несмотря на то что тот считал ее котом. Я всегда находила это типичным для мисс Болам. Она нашла Тигра фактически умирающим от голода на площади и взяла его в клинику. С тех пор стала покупать три банки мяса для кошек каждую неделю. Но никогда не гладила его, не кормила, не оставляла ни в какой комнате наверху. С другой стороны, глупая Придди всегда торчит внизу в комнате портье и вместе с Наглем заботится о Тигре, но я никогда не видела, чтобы кто-нибудь из них приносил пищу для него. Я думаю, мисс Болам покупала коту пищу, как бы выполняя свои обязанности. В этом проявлялась ее забота о животных. Поэтому она могла оставить свои деньги церкви, где была ревностной прихожанкой, или женской организации скаутов, на текущие расходы.

— Значит, вы считаете, что мисс Болам могла оставить им деньги, свои кровные, — сказала мисс Шарп. Хотя она усиденно критиковала своих племянников и племянниц, но свой маленький и с трудом накопленный капитал хотела заботливо разделить между всеми. То, что деньги могут уйти из семьи, было выше ее понимания.

Они потягивали шерри в молчании. Две полосы элект-

рического света отгоняли темноту, синтетические угольки горели и мерцали, словно маленький фонарь, вращающийся за спиной.

Старшая сестра Амброуз осматривала гостиную и находила ее прекрасной. Торшер отбрасывал свет на хороший ковер, удобный диван и стулья. В углу стоял телевизор, две маленькие антенны с ножками казались похожими на цветы. Телефон уютно устроился у кринолиновой юбки пластмассовой куклы. На противоположной стене, над пианино, висела тростниковая корзина, из которой от комнатного растения вниз каскадом ниспадали потоки зелени, почти что прикрывающие свадебный снимок старшей племянницы мисс Шарп, который с гордостью поставили на пианино. Старшая сестра Амброуз получала успокоение от неизменного домашнего уюта, созданного этими интимными вещами. Они, по крайней мере, оставались теми же самыми. Теперь, после волнений, вызванных пересказом новостей, она чувствовала себя страшно уставшей. Расставив полные ноги, она распустила свободно шнурки черных ботинок, слегка пыхтя от напряжения. Обычно она снимала униформу сразу же, как только приходила домой. Но сегодня вечером не могла позаботиться об этом.

— Нелегко решить, как поступить лучше, — вдруг сказала она. — Старший инспектор утверждал, что любая подробность, какой бы незначительной она ни казалась, может быть важной. Все это очень хорошо. Но если это важное направляет на ложный путь? Если оно подталкивает полицию к ошибочным выводам?

Мисс Шарп не отличалась ни большим воображением, ни излишней чувствительностью, но она прожила с подругой двадцать лет в одном доме и не могла отказать ей в помощи.

— Вы мне лучше скажите, что вы имеете в виду, Дот.

— Хорошо. Это произошло в среду. Вы знаете, что женский гардероб в Стине пользуется успехом? Это находящаяся в стороне большая комната с умывальной раковиной, запирающимися шкафчиками и двумя туалетными комнатами. Клиника работала несколько дольше обычного. Думаю, было значительно больше семи, когда я пошла мыться. Значит, я находилась в туалетной комнате, когда мисс Болам вошла в комнату. С ней была медсестра Болам. Я думала, они обе уже собрались домой и считала, что мисс Болам хочет что-то взять в своем шкафчике, а медсестра Болам сопровождает ее. Должно быть, они находились вместе в кабинете администратора, потому что продолжали

о чем-то говорить и спорить. Я не подслушивала. Вы знаете, как это бывает. Я могла кашлянуть или с шумом наполнить водой таз, чтобы они узнали о моем присутствии, но пока прикидывала, что именно предпринять, было уже поздно.

— О чем они спорили? — спросила ее подруга. — О деньгах?

Ее жизненный опыт подсказывал, что деньги являются наиболее частым поводом для семейных разногласий.

— Было похоже на это. Они говорили негромко, а я, конечно, не старалась вслушиваться. Думаю, упомянули о матери медсестры Болам — она душевнобольная, вы знаете, и прикована к постели. Думаю так, потому что мисс Болам сказала, что очень сожалеет, но она сделала столько, сколько могла, и будет лучше, если Марион примирится с положением и внесет имя своей матери в список ожидающих госпитализации.

— Это достаточно разумно. В таких случаях невозможно ухаживать за больной неограниченное время. Для этого надо бросить работу и оставаться дома.

— Я не считаю, что Марион Болам могла себе позволить это. Во всяком случае, она начала спорить и говорила, что ее мать только закончила курс гериатрического лечения вместе со многими больными женщинами и Энид обязана им помочь, так как этого хотела ее, Энид, мать. Затем она что-то сказала о деньгах, которые перейдут к ней, если Энид умрет, и насколько важнее иметь в наличии некоторую сумму теперь, когда между ними возникли такие разногласия.

— Что мисс Болам ответила на это?

— Это как раз и обеспокоило меня, — сказала старшая сестра Амброуз. — Я не могу вспомнить точно слова, но смысл был таков: Марион не должна рассчитывать на получение каких-либо денег, так как она вроде бы решила изменить завещание. Она сказала, что собиралась сообщить все кузине, после того как решилась на это. И добавила, что деньги налагают на человека большие обязательства и что она молится об указании свыше, как правильно распорядиться ими.

Мисс Шарп фыркнула. Она сочла невозможным поверить, что Бог может посоветовать оставить деньги кому-то вне семьи. Мисс Болам намеренно неверно трактует божественные предписания: Мисс Шарп была далеко не уверена, что одобряет молитву по такому поводу. Несомненно, имеются дела, которые необходимо решать по собственно-

му разумению. Данное дело в их числе. Но она видела затруднения подруги.

— Это будет выглядеть плохо, если обнаружится, — согласилась она. — Не сомневаюсь.

— Я думаю, что знаю Марион очень хорошо, Беа, и что девушка не способна совершить такое злодеяние. Мысль о том, что она совершила убийство, нелепа. Вы знаете мое мнение о ней в целом. Жаль, не смогу присматривать за Марион, когда уйду в отставку в будущем году, но я ей полностью доверяю.

— Может быть, вы правы. Однако полиция вряд ли разделяет такую точку зрения. Почему они должны ей доверять? Наоборот, для них, вероятно, девушка уже стала подозреваемой номер один. Она была на своем месте, но у нее нет алиби, кроме того, у нее есть медицинский опыт и она могла знать, в какой части череп наиболее уязвим и куда вонзить стамеску. Она знала, что Типпетта не могло быть в клинике. А теперь вот спор из-за денег.

— И это не такая маленькая сумма. — Старшая сестра Амброуз наклонилась вперед и понизила голос. — Я думаю, что расслышала хорошо. Мисс Болам упомянула о тридцати тысячах фунтов. Тридцать тысяч, Беа! С такой ставкой можно пойти ва-банк!

Мисс Шарп, несмотря на то, что сумма потрясла ее, заметила просто: люди, которые ходят на работу, имея тридцать тысяч, нуждаются в проверке мозгов.

— Что бы вы сделали, Беа? Думаете, я должна что-нибудь сказать?

Старшая сестра Амброуз, обладавшая устойчивым состоянием и использовавшая накопления по собственному усмотрению, хорошо понимала, что такое решение выше ее сил и перекладывала половину груза на плечи подруги. Обе знали, что момент был кульминационным. Никогда подруги не были более требовательными друг к другу. Мисс Шарп помолчала мгновение или два, потом сказала:

— Нет. И еще раз — нет. Кроме всего прочего, она ваш коллега, и вы доверяете ей. Вы не виноваты в том, что случайно услышали разговор, ведь это было только случайностью. Такие же шансы, как выигрыш в карты. Я постараюсь забыть об этом. Полиция наверняка узнает, как Болам распорядилась своими деньгами и не изменяла ли завещание. Медсестра Болам в любом случае окажется под подозрением. И если проведут судебное разбирательство, — я подчеркиваю «если», запомните это, — вам не нужно впутываться в него. Вспомните тех медсестер

в истбурнском деле, сколько времени они провели в камере. Вы ведь не хотите публичной огласки?

В самом деле, я не хочу этого, думала старшая сестра Амброуз. Ее воображение нарисовало крайне яркую сцену. Сэр Важная Персона или Кто-то Другой, выступающий обвинителем, высокий, вынюхивающий похожим на птичий клюв носом, вперивающий в нее внушающий ужас пристальный взгляд, большие пальцы рук изогнуты на белых полосках, спускающихся с воротника его мантии.

— А теперь, старшая сестра Амброуз, вы, видимо, хотите сказать его светлости и присяжным заседателям, что узнали из разговора между обвиняемой и ее кухиной, который вы слышали.

Смешки в зале. Судья, выглядящий ужасающе в одежде алого цвета и белом парике, наклоняется вперед и смотрит из кресла вниз.

— Если прекратится смех, я расскажу это суду.

Молчание. Сэр Важная Персона снова наносит удар по мячу:

— Итак, старшая сестра Амброуз...

Нет, она никоим образом не хотела такой огласки.

— Думаю, вы правы, Беа, — сказала она. — В конце концов старший инспектор не спрашивал меня, слышала ли я случайно их ссору.

Конечно, он не знает об этом и, если ей повезет, никогда не узнает.

Мисс Шарп почувствовала, что наступило время изменить направление беседы.

— Как воспринял известие о смерти доктор Штайнер? — спросила она. — Вы всегда говорили, что он старался, чтобы Болам ушла в другую больницу.

— Это другая чрезвычайная неожиданность! Он был ужасно расстроен. Я ведь сказала вам, что он был с нами, когда мы обнаружили тело? Знаете, он потерял контроль над собой. Повернулся к нам спиной, и я видела, как вздрагивали его плечи. Он плакал, я думаю. Я никогда не видела его таким расстроенным. Не правда ли, странный народ, а, Беа?

Это был страстный крик негодования и протеста. Люди настолько экстраординарны! А вы думали, что знаете их. Вы работали с ними целые годы, проводили больше времени, чем с семьей или близкими друзьями, знали каждую черточку их лица. И все время они оставались скрыты в себе. Скрытыми, как доктор Штайнер, который плакал над телом мертвой женщины, никогда не нравившейся ему. Та-

кими скрытыми, как доктор Багли, который крутил любовные дела с Фредерикой Саксон, о чем долгое время никто не догадывался, до тех пор, пока мисс Болам не обнаружила их и не рассказала его жене. Такими же скрытыми, как мисс Болам, забравшая с собой в могилу Бог знает какие секреты. Мисс Болам, скучная, заурядная, ничем не выдающаяся Энид Болам, которая вызвала в ком-то столько ненависти, что закончила жизнь со стамеской в сердце. Такими же скрытыми, как этот неизвестный сотрудник, который появится в клинике утром в понедельник, одетый как обычно, выглядящий как обычно, разговаривающий и улыбающийся как обычно, — и этот... тот, кто окажется убийцей.

— Будь проклят улыбающийся негодяй! — внезапно воскликнула сестра Амброуз. Она подумала, что эта фраза взята ею из какой-то пьесы. Вероятно, Шекспир. Большинство цитат она черпала из его пьес. А сейчас его выразительный, злорадный стиль наиболее соответствовал ее настроению.

— Вам надо поесть, — решительно сказала мисс Шарп. — Что-нибудь легкое и питательное. Думаю, запеканку мы оставим до завтрашнего дня, а сейчас возьмемся за вареные яйца?

* * *

Она ожидала у входа в парк святого Иакова, как раз там, где он и рассчитывал ее найти. Пересекая площадку для гуляний и увидев хрупкую фигурку, грустно стоявшую у памятника погибшим во время войны, Нагль почувствовал себя почти виноватым. Настоящий ад находится здесь сырым вечером. Но ее первые слова убили порыв сострадания:

— Нам надо было встретиться в другом месте. Это хорошо для тебя. Конечно, по пути к дому.

Она вела себя, словно сварливая и невнимательная жена.

— Тогда возвратимся назад, в квартиру, — насмешливо предложил он. — Мы можем сесть в автобус.

— Нет. Не в квартиру. Не в этот вечер.

Он улыбнулся в темноте, и они направились вместе в черную тень деревьев. Брели порознь по маленькой дорожке, и она не предпринимала попыток приблизиться к нему. Он спокойно смотрел на ее профиль, на лицо, лишенное теперь следов переживаний, хотя выглядела девушка совершенно разбитой. Внезапно она сказала:

— Этот старший инспектор очень сильно все высматривает? Не так ли? Как ты думаешь, он подозревает нас?

Это была детская потребность в защите. И в то же время она говорила почти беззаботно.

— Ради Бога, что пытался старший инспектор? — грубо спросил Нагль. — Меня не было в клинике, когда она умерла. Ты хорошо знаешь, что я делал.

— Но я не была с тобой. Я была там, на своем месте.

— Никто тебя долго не будет подозревать. Врачи видели это. Мы все оговорили раньше. Ничего плохого не может произойти, если ты будешь быстро соображать и слушаться меня. Вот все, что я хочу от тебя.

Она слушала его кротко, как ребенок, но наблюдая ее усталое, невыразительное лицо, он чувствовал, что находится в обществе незнакомки. Лениво подумал, не хотели ли они когда-либо освободиться друг от друга. И вдруг почувствовал, что она не была жертвой.

Когда они пришли к озеру, девушка остановилась у воды и пристально посмотрела на ее поверхность. Из темноты доносился далекий собачий лай и крикание уток. Нагль чувствовал запах вечернего востерка, соленого, как морской бриз, и дрожал. Повернувшись, изучал ее лицо, опустошенное усталостью, а перед внутренним взором стояла другая картина: широкая бровь под белой шапочкой медсестры, локон золотистых волос, громадные серые глаза, в которых не было ничего, уменьшающего их красоту. Попытался обдумать новую идею. Могло, конечно, ничего не получиться. Легко могло не получиться ничего. Но картина скоро будет закончена, и он сможет избавиться от Дженни. Через месяц он в Париже, но Париж удален только на часы полета, и он будет часто возвращаться назад. А с Дженни пути разойдутся, и он попытается схватить своими руками новую, полноценную жизнь. Иначе его ждет более худший удел, нежели женитьба на наследнице тридцати тысяч фунтов.

* * *

Медсестра Болам жила в узком, окруженном верандами доме на Семнадцатой Реттингер-стрит, N-B, 1. На хорошо знакомом нижнем этаже ее встретила смесь запахов жареного сала, полированной мебели и застоявшейся мочи. За дверью стояла детская коляска для близнецов с переброшенным через ручку пятнистым пододеяльником. Запах стирки чувствовался менее сильно, чем обычно. Она очень задержалась сегодня вечером, и жильцы нижнего

этажа давно закончили ужин. С тыльной части дома слабо доносился плач ребенка, почти заглушенный звуками телевизора. Она услышала государственный гимн. Передачи Би-Би-Си закончились до следующего дня.

Поднялась на первый этаж. Здесь запах пицци был еще слабее, его перебивал специфический запах домашнего дезинфицирующего средства. Жилец первого этажа был помещан на чистоплотности, как жилец подвального этажа на выпивке. Обычно там на подоконнике лежала записка. Сегодня вечером в ней значилось: «Не ставьте здесь грязные бутылки из-под молока. Этот подоконник личный. Имейте в виду». Из-за коричневой полированной двери, несмотря на поздний час, доносились звуки пылесоса, ревущего во всю глотку.

Теперь третий этаж, здесь их собственная квартира. Она остановилась на ступеньке последнего марша лестницы и оглядела результаты трогательной попытки улучшить внешний вид жилища. Стены были покрашены белой масляной краской. Ступени покрыты половиками из серого драгета. Дверь окрашена в яркий желто-лимонный цвет, веселил глаз медный дверной молоток в виде лягушачьей головы. На стене, старательно расположенные одна над другой, висели три гравюры с изображением цветов, которые она купила в маркете на Бервик-стрит. До сегодняшнего вечера ей нравились результаты ее труда. Действительно, вход приобрел вполне приличный внешний вид. Она почувствовала, что появилась возможность приглашать на чашку кофе гостей, например миссис Босток из клиники или даже старшую сестру Амброуз, не извиняясь и не оправдываясь при этом.

Но сегодня вечером, освободившись, чудесно освободившись навсегда от самообмана бедности, Марион Болам увидела квартиру такой, какой та была, — низкой, темной, душной, зловонной и жалкой. Сегодня вечером она впервые осознала, как ненавидит каждый кирпич дома на Реттингер-стрит.

Нерешительно переминаясь, она собиралась с духом, прежде чем войти в квартиру. Было так мало времени подумать, наметить планы. Она отчетливо представила, что увидит, когда откроет дверь комнаты матери. Кровать стояла у окна. Летними вечерами миссис Болам лежала и наблюдала заход солнца за зубчатыми скатами крыш и трубами, изогнутыми расстоянием; башенки вокзала святого Панкратия темнели на пламенеющем небе. Сегодня вечером шторы были задернуты. Патронажная сестра уложила

мать в постель, оставила на столике у кровати телефон и портативный радиоприемник, а рядом колокольчик, которым можно в случае необходимости вызвать жильца из квартиры ниже. Лампа у изголовья включена, маленький оазис света в окружении тьмы. В другом конце комнаты тянулась полоса света от электрического камина, только одна полоса, рассчитанная создать впечатление уюта в октябрьский вечер. Сразу же после того, как она откроет дверь, мать встретит ее взглядом глаз, блестящих от удовольствия и ожидания. И нестерпимо радостное приветствие и такие же нестерпимые вопросы о том, как прошел день.

— Хорошо ли прошел день в клинике, дорогая? Почему ты так поздно? Ничего не случилось?

Что ответить на это?

— Ничего значительного, мамочка, за исключением того, что кто-то пронзил сердце кузины Энид и мы в конечном счете стали богатыми.

А что это значит? Милостивый Боже, что это значит?! Нет больше запахов полироля и пеленок. Не надо унижаться перед соседом со второго этажа, которого мать в случае необходимости вызывает колокольчиком. Не надо следить за электросчетчиком и удивляться, как это приходится приплачивать за камин, когда в комнате достаточно холодно. Не надо благодарить кузину Энид за щедрые чеки дважды в год, один в декабре, приуроченный к Рождеству, другой в июле, чтобы оплатить наем машины, дорогостоящий отель, где обслуживают инвалидов, способных возместить причиняемое беспокойство необходимой суммой. Не надо больше считать дни, следить за календарем, опасаться, не откажет ли Энид в одолжении в этом году. Не надо больше будет брать чек с выражением благодарности, скрывая в глубине души ненависть и обиду за то, что этим латаешь свои прорехи, и делать чопорным, жалобным и униженным лицо. Не надо больше подниматься по этим ступенькам. Они смогут приобрести дом в пригороде, о нем ее мать говорила. Конечно, в первоклассном пригороде, достаточно близко расположенном от Лондона, чтобы можно было ездить в клинику, — глупо оставлять работу прежде, чем станет совершенно ясно, что она не нужна, — но на достаточном удалении, чтобы иметь маленький садик, может, даже похожий на деревенский. Они могли бы даже купить маленький автомобиль. Она научилась бы водить. И тогда, когда матери станет невозможно оставаться одной, они будут вместе. Это означало бы конец раздражаю-

щей тревоги о будущем. Нет причины теперь объявлять матери о ее положении хронически больного человека, требующего ухода переутомленных посторонних людей, которые обслуживают дряхлых, страдающих недержанием стариков, безнадежно ожидающих конца. На деньги можно приобрести менее жизненно необходимые, но важные удовольствия. У нее появится одежда. Не надо будет неизбежно ждать распродажи по сниженным ценам, которая происходит раз в два года, чтобы купить приличного вида костюм. Появилась возможность хорошо одеваться, действительно хорошо, на половину той суммы, которую Энид тратила на такие непривлекательные юбки и костюмы. Ими должны быть наполнены платяные шкафы квартиры в Кенсингтоне. Необходимо, чтобы кто-нибудь разобрал их. А кому они нужны? Кому нужно что-нибудь принадлежащее кухне? За исключением денег. За исключением ее денег. А вдруг она уже написала своему поверенному об изменении завещания? Конечно, это невозможно! Медсестра Болам подавила страх и заставила себя снова углубиться в возможное будущее. Она много времени думала об этом раньше. Допустим, Энид написала поверенному вечером в среду. Допустим. Но было поздно отправлять письмо по почте в тот же вечер, оно должно ждать утра.

Каждый знает, как долго затягивают дела поверенные. Даже если Энид поторопилась и сумела отправить письмо вечером, завещание, вероятно, еще не было готово для подписи. А если даже было готово, если оно ожидало, прибыв назад по почте в официальном конверте, что из этого? Кузина Энид не подпишет его теперь своим круглым, прямым, чистым росчерком, таким характерным для нее. Кузина Энид больше не подпишет ничего.

Медсестра Болам снова подумала о деньгах. Не о своей личной части. Деньги едва ли принесут ей теперь счастье. Но, даже если ее и арестуют за убийство, они не смогут помешать мамочке унаследовать ее часть. Они не смогут помешать этому. Она должна будет получить какие-нибудь необходимые деньги. Каждый знал, что завещание проверяется месяцами. Будет ли выглядеть слишком подозрительно или бессердечно, если она придет к поверенному Энид, объяснит, как они бедны, и попросит ускорить решение дела? Или более предусмотрительно начать переговоры с банком? Может быть, поверенный пошлет за ней? Да, конечно, пошлет. Она и ее мать ближайшие родственники покойной. А поскольку завещание прочитано, она могла бы тактично поднять вопрос об авансе. Наверно, этого было

бы достаточно. Аванс в одну сотню фунтов не так уж много для того, кто унаследовал сумму в тридцать тысяч фунтов.

Вдруг она поняла, что не может больше выдержать всего. Долгое напряжение рассеялось. Она не помнила, как преодолела последние несколько ступенек, как вставила ключ в замочную скважину, быстро вошла в квартиру и направилась в комнату матери. Охваченная страхом, заплакав так, как не плакала с детства, она бросилась на грудь матери и почувствовала ее несущие утешение и ставшие неожиданно сильными хрупкие, трясущиеся руки. Руки, укачивающие ее, как ребенка. Любимый голос ворковал ей что-то, успокаивая. Под дешевой ночной рубашкой чувствовался мягкий запах родной плоти.

Медсестра Болам рассказала ей все.

* * *

После того как два года назад он развелся, доктор Штайнер жил в Хэмпстеде, в доме, занимаемом вдвоем с овдовевшей сестрой. У него была личная гостиная и кухня, что позволяло Розе и ему мало видеть друг друга, таким образом создавая иллюзию, будто вместе им хорошо. Роза была культурным снобом. Ее дом являлся центром скопления бывших актеров, издавших одну книжку поэтов, эстетов, принимающих эффектную позу на окраине балетного мира, и писателей, болес озабоченных тем, чтобы поговорить о своем таланте в обстановке приятного понимания, чем проявить его на практике. Доктора Штайнера они не возмущали. Единственное, о чем он беспокоился, так это о том, чтобы те ели и пили за счет Розы, а не на его деньги. Он прекрасно понимал, что его профессия в глазах сестры имеет определенный отпечаток и что его представление гостям — «мой брат Пауль, знаменитый психоаналитик» — было в некоторой степени компенсацией за ту низкую плату, которую он вносил периодически. Он придерживался твердого правила жить так же бережливо и уютно, как управляющий банком.

Сегодня вечером Розы не было дома. Возмутительно отсутствовать в единственный вечер, когда он нуждался в ее обществе, но это так типично для Розы. Служанки-немки не было дома, что являлось, по-видимому, нарушением, так как в пятницу она работала целый день. Для него на кухне был приготовлен суп и салат, но даже попытка разогреть суп казалась выше его сил. Сандвичи он без удовольствия ел в клинике, утоляя аппетит, но оставляя голод

по протеину, предпочтительно горячему и должным образом зажаренному. Но он не хотел есть один. Налив бокал шерри, осознал свою потребность поговорить с кем-нибудь, с кем угодно, об убийстве. Эта потребность была властной. Он подумал о Валде.

Его брачный союз с Валдой был обречен с самого начала, как любой брак, когда муж и жена в основном игнорируют потребности друг друга, заменяя их иллюзией того, что вполне друг другу подходят. Доктор Штайнер остался одиноким после своего развода, но он чувствовал неудобства и страдал, а впоследствии явилась опустошенность иррациональными ощущениями неудачи и вины. Валда, со своей стороны, получив свободу, явно расцвела. Когда они встречались, он всегда зажигался от ее жара физического благополучия. Они не избегали друг друга, как не избегали после женитьбы ее бывшего мужа и оставленных ею любовников. Общение с ними проходило с проявлением величайшего дружелюбия и доброго юмора. Это было именно то, что подразумевала Валда, говоря о поведении цивилизованных людей.

Доктор Штайнер не любил ее и не восхищался ею. Ему нравилось общество женщин, которые были хорошо образованы, хорошо воспитаны, умны и фундаментально серьезны. Но это был не тот тип женщин, с которыми ему нравилось ложиться в постель. Он знал все об этой неудобной дихотомии. Как психоаналитик, он посвятил относящимся к ней случаям много драгоценных часов. От добра добра искать — счастья не видать. Так говорили некоторые его пациенты. А у него самого, когда он был с Валдой (Милицентой при крещении), порой в самом деле не возникало влечения к другой женщине.

Минуту в телефонной трубке слышались длинные гудки, потом раздался ее голос, и доктор под аккомпанемент звуков музыки и звона бокалов рассказал ей о мисс Болам. Квартира, видимо, была полна людей. Он даже не был уверен, что на другом конце Валда слышит его.

— Что там у тебя происходит? — спросил он раздраженно. — Вечеринка в разгаре?

— Собралось несколько приятелей. Подожди, я уменьшу звук проигрывателя. Ну вот так лучше. Что ты хотел сказать?

Доктор Штайнер повторил рассказ снова. Ответная реакция Валды вполне удовлетворила его.

— Убита! Нет! Милый, какой это ужасный удар для тебя! Мисс Болам... Это не та отчаянно скучная старая адми-

нистраторша, которую ты так сильно ненавидел? Та, которая предъявляла тебе претензии за перерасход денег на развезды?

— Я не ненавидел ее, Валда. По-своему даже уважал. Она отличалась большой честностью. Конечно, слишком одержима, иногда пугающе агрессивна, возможно, в сексуальном отношении холодна...

— Это то, что я тебе сказала, милый. Я всегда знала, что ты не выносишь ее. Ох, Полли, они не подумают, что это твоих рук дело? Нет?

— Конечно нет, — сказал доктор Штайнер, начиная жалеть о порыве откровенности.

— Но ты всегда говорил, что кто-нибудь в конце концов отделается от нее.

Разговор начинал приобретать кошмарный оттенок. Проигрыватель глушил настойчивым басом какофонический дискант вечеринки, в унисон бился пульс на виске доктора Штайнера. У него началась головная боль.

— Я считал, что ее надо перевести в другую клинику, а не бить по голове тупым предметом.

Банальная фраза обострила любопытство. Насилие всегда привлекало ее. Он знал, что Валда представила брызги крови и мозга.

— Милый, я должна услышать об этом все-все. Почему бы тебе не приехать?

— Я думал об этом, — сказал доктор Штайнер. И изобретательно добавил: — Есть одна-две детали, которые не могу передать по телефону. Но раз у тебя вечеринка, приехать трудно. Честно говоря, Валда, сейчас я не способен к общению. Необходимо собраться с мыслями. Ведь это такое ужасное потрясение. В конце концов, так или иначе, но это я обнаружил тело.

— Милый мой бедняга! Дай мне полчаса, и я избавлюсь от своих приятелей.

Приятели шумели так, что доктору Штайнеру показалось, будто они окопались навсегда, и он сказал об этом.

— Ты не угадал. Мы все собирались к Тони. Они обойдутся и без меня. Я выпровожу их, а ты доберешься ко мне за полчаса. Подходит?

Это, несомненно, подходило. Положив телефонную трубку, доктор Штайнер решил, что у него еще есть время принять ванну и спокойно переодеться. Он задумался над тем, какой выбрать галстук. Головная боль исчезла необъяснимым образом. Но прежде чем он вышел из дома, звонил телефон. Подступил невесть откуда спазм мрачного

предчувствия. Возможно, Валда изменила намерение выпроводить приятелей и побыть с ним некоторое время наедине? В конце концов, это только вернувшаяся из прошлого модель семейной жизни. Его рассердило то, что рука, протянутая к телефонной трубке, была нетвердой. Но тревога оказалась напрасной. Звонил доктор Этеридж, который сообщил, что его вызывают на непредвиденное заседание медицинского совета клиники завтра вечером, в восемь часов. Облегченно вздохнув, доктор Штайнер, на мгновение забыв о мисс Болам, едва удержался, чтобы не задать глупый вопрос: чем вызвано срочное заседание?

* * *

Если бы Ральф и Соня Босток жили в Клапэме, в доме у них имелся бы так называемый подвальный этаж. Однако с тех пор, как они обитали в Хэмпстеде, фактически в полумиле от дома доктора Штайнера, маленькая деревянная табличка с безупречным вкусом выгравированными буквами направляла к дому, стоявшему в саду. Здесь они платили около двенадцати фунтов в неделю за общественно приемлемый адрес и преимущество видеть из окна гостиной зеленый покаты́й газон. Они посадили на газоне крокусы и бледно-желтые нарциссы, и весной, когда эти растения ухитрялись цвести при почти полном отсутствии солнца, по крайней мере создавалась иллюзия, что дом находится в саду. Осенью вид становился менее приятным и сырость от почвы просачивалась в комнату. Дом был шумным. На нижнем этаже находился детский сад и жила молодая семья. Ральф Босток, распределяя питье среди тщательно выбранных друзей и повышая голос, чтобы быть услышанным в раздраженных криках, поднятых во время купанья детей внизу, говорил:

— Извините за шум. Я боюсь, что интеллигенция воспитывает своих отпрысков, но, увы, не управляет ими.

Ральф отпускал злые замечания, некоторые из них были умны, но как бы вымучены. Его жена пребывала в твердом убеждении, что он острит вдвое однообразнее других людей.

Сегодня вечером он побывал на политическом митинге. Она одобряла митинг, который мог оказаться важным для него, и не боялась остаться одна. К тому же имелось время подумать. Миссис Босток прошла в спальню и сняла костюм, заботливо встряхнула его, повесила в платяной шкаф и надела домашний халат из коричневого вельвета. Затем села за туалетный столик. Закрепив на лбу крепкую по-

вязку, она принялась наносить на лицо крем. Она устала больше, чем казалось, и хотела выпить, но ничто не могло удержать ее от привычного вечернего ритуала. О многом следовало подумать, многое наметить. Серо-зеленые глаза, обведенные кремом, хладнокровно смотрели из зеркала. Наклонившись вперед, она изучала нежные складки кожи под каждым глазом, эти первые линии возраста. Но, в конце концов, ей всего только двадцать семь лет. Причин для беспокойства еще нет. Но Ральфу в этом году исполнялось тридцать. Время шло. Если они хотят чего-нибудь добиться, времени терять нельзя.

Миссис Босток обдумывала тактику. Ситуацию надо бережно держать в руках, места для ошибок не должно быть. Она уже допустила одну. Соблазн дать Наглю пощечину оказался непреодолимым, но это, безусловно, ошибка, возможно, скверная ошибка, слишком похожая на вульгарное самолюбование. Добивающийся должности администратора не должен давать пощечину портье даже в случае, когда чрезвычайно напряжены нервы, ведь надо создать впечатление спокойного, авторитетного руководителя. Она вспомнила выражение лица Фредерики Саксон. Ладно, Фредерика Саксон вообще не склонна осуждать. Гораздо хуже другое — там находился доктор Штайнер, правда, все произошло быстро, трудно самой поверить, будто он действительно видел. Эта девочка Придди была не в счет.

Когда Нагль подошел, необходимо было сразу определить — что-то неладно. Нет, всегда помнить об осторожности — вот задача и путь к успеху! Он был наглым дьяволом, этот Нагль, но в клинике нашлись бы многие и похуже, консультанты знали это. Умелый портье был слишком нужен им, особенно потому, что способен и готов выполнять множество различных ремонтных работ. Ее поступок не способствовал популярности. Все понимали ценность Нагля каждый раз, когда приходилось ожидать кого-нибудь из технического отдела, если обрывался шнур на оконном переплете или необходимо заменить перегоревшие пробки. А тут под рукой отзывчивый мастер... Нагль, конечно, должен будет уйти, но, прежде чем предпринять нужные шаги, она постарается найти ему хорошую замену.

Главная забота в данное время должна состоять в том, чтобы добиться поддержки консультантов во время назначения на должность. Она могла быть уверена в докторе Этеридже, голос того — решающий. Смущало только одно. Он должен через шесть месяцев уйти в отставку, и его влияние будет слабеть. Если она попытается получить эту

должность и все пойдет хорошо, Совет управления больницами не будет слишком торопиться с объявлением о замещении должности. Почти наверняка они будут выжидать, пока убийство раскроется или полиция отложит дело в долгий ящик. Ей надо стремиться укреплять свое положение в течение этих месяцев. Нельзя допускать никаких промахов. Надо все время беспокоиться о месте. И помнить, что Совет имеет склонность назначать на должности тех, кто не работает в данном учреждении. Здесь велико влияние секретаря правления. Умненько она поступила, встретившись с ним в прошлом месяце и попросив совета, что делать, чтобы получить диплом Института больничных администраторов. Он любил, когда его персонал повышал квалификацию, и ему, мужчине, была приятна просьба о консультации.

Но он не так глуп, следует иметь в виду. Она была подходящим кандидатом, но лишь в случае, если Совет управления больницами найдет, что она подает надежды, и он знал это.

Миссис Босток лежала одна в кровати, расслабившись, на спине, ее ноги покоились на подушке, ум рисовал картину успеха. «Моя жена — администратор клиники Стина», — будет говорить Ральф. Так звучит намного внушительнее, чем: «Действительно, моя жена в данное время работает секретарем. Знаете клинику Стина?..»

На удалении двух миль, в морге северного Лондона, тело мисс Болам, лежащее в ледяном боксе, набитом, как бочка сельдью другими телами, медленно замерзало в эту осеннюю ночь.

Глава пятая

Если уж произошло убийство в клинике Стина, то пятница — самый подходящий для этого день. Клиника в субботу была закрыта, так что полиция могла работать в здании без помех, создаваемых присутствием пациентов и сотрудников. Персонал, по-видимому, радовался двум дням передышки, во время которой можно оправиться от шока, решить, какой должна быть официальная реакция на преступление, найти у друзей утешение и вновь обрести смелость.

День Далглиша начался рано. Он запросил из местного управления полиции справку о краже в клинике Стина, и сведения, вместе с отпечатанными протоколами допросов

предыдущего дня, ожидали его на письменном столе. Кража поставила местных детективов в тупик. Было несомненно, что кто-то в результате взлома проник в клинику и что исчезли пятнадцать фунтов стерлингов. Но не так уверенно можно было связать эти два факта. Сержант, производивший расследование, считал странным, что случайный вор вскрыл ящик письменного стола, похитил лежащие там деньги, но в то же время пренебрег сейфом и оставил нетронутым серебряный чернильный прибор в кабинете главного врача. С другой стороны, Калли, несомненно, видел человека, который покидал клинику, оба — он и Нагль — имели алиби на время вторжения. Местная полиция склонялась подозревать Нагля в том, что взял деньги он, когда находился один в здании, но это не находило подтверждений и было явно нереальным. Кроме того, портье имел много благоприятных возможностей для проявления нечестности в клинике, если бы был к ней склонен, но ничего подобного не наблюдалось. Дело зашло в тупик. Работа продолжалась, но дело считали безнадежным. Далглиш попросил, чтобы его информировали, если появится что-нибудь новое, и отправился с сержантом Мартином осматривать квартиру мисс Болам.

Мисс Болам жила на пятом этаже солидного здания из красного кирпича вблизи Кенсингтон-Хай-стрит. Достать ключи оказалось нетрудно. Постоянно живущая здесь вахтерша вручила их, одновременно формально и поверхностно выразив сожаление о смерти мисс Болам. Казалось, она чувствовала необходимость какого-нибудь личного восприятия убийства, но создавала впечатление человека, полагающего, что обычно жильцы этого дома имеют хорошую склонность обставлять смерть более благопристойным образом.

— Надеюсь, нежелательной огласки не будет, — бормотала она, когда сопровождала Далглиша и сержанта Мартина к лифту. — Эти квартиры дорогие и доступны только избранным, поэтому компания в высшей степени хорошо заботится о жильцах. Прежде у нас никогда не было такого беспокойства.

Далглиш устоял против соблазна сказать, что убийца мисс Болам, очевидно, не признается, что является одним из жильцов компании.

— Огласка не отразится на сдаче квартиры внаем, — заметил Далглиш. — Тем более убийство произошло не здесь.

Вахтерша выслушала и пробормотала, что надеется на это.

Втроем они поднялись на пятый этаж в медленном, старомодном, обшитом панелями лифте. Атмосфера оставалась натянутой.

— Вы хорошо знали мисс Болам? — спросил Далглиш. — Я думаю, она прожила здесь долго?

— Да. Но я знала ее настолько, чтобы только здороваться, и не больше. Она была очень спокойной квартиросъемщицей. Но у нас все жильцы такие. Мне кажется, она жила здесь лет пятнадцать. До этого ответственной квартиросъемщицей была ее мать, и они проживали здесь вместе. Когда миссис Болам умерла, квартиросъемщицей стала дочь. Это было до моего поступления сюда на работу.

— Ее мать умерла здесь?

Вахтерша сдержанно сжала губы:

— Миссис Болам умерла в частной лечебнице за городом. Я считаю, там случилась какая-то неприятность.

— Думаете, покончила с собой?

— Да, я имела в виду именно это. Как я уже сказала, события произошли раньше, чем я поступила на работу. Разумеется, я никогда не упоминала об этом факте ни мисс Болам, ни кому-нибудь из других жильцов. О таких вещах говорить нежелательно. Они фактически оказались очень несчастной семьей.

— Сколько платила мисс Болам за квартиру?

Прежде чем ответить, вахтерша сделала паузу. Это, очевидно, самый главный вопрос среди списка вопросов, на которые не принято отвечать. Потом, неохотно подчиняясь полицейским властям, ответила:

— Квартиры с двумя спальнями на пятом и шестом этажах сдаются по четыреста девяносто фунтов стерлингов без процентов.

Это составляло около половины жалованья мисс Болам, — подумал Далглиш. Слишком резкое соотношение для любого, у кого нет личных средств. Он должен будет еще увидиться с поверенным умершей женщины, но, исходя из осведомленности медсестры Болам о доходах своей кухни, уверен, расхождение будет небольшим.

Он отпустил вахтершу у двери квартиры и вместе с Мартином вошел в нее.

Внимательно разглядеть все, что осталось от закончившейся жизни, часть его работы, часть, к которой он питал некоторое отвращение. Всегда обнаруживалось много такого, что выставляло покойного в невыгодном свете. В течение всей карьеры полицейского Далглиш с любопытством и огорчением изучал много таких оставленных мелочей.

Грязное нижнее белье, поспешно втиснутое в ящики, личные письма, написанные с осторожностью, сведенной к нулю, полусъеденные блюда, неоплаченные счета, старые фотографии, картины и книги, которые покойные не выбрали, чтобы выразить свое представление о странном и грубом мире, семейные секреты, несвежая косметика в неочищенной от жира банке, неразбериха плохо устроенных и несчастливых жизней. Дело не в том, что многие не боялись конца без отпущения грехов, просто большинство людей надеялись со временем очистить свои дебри. Он с детства помнил голос старой тети, уговаривающей его сменить жилет. «А вдруг с тобой что-нибудь случится, Адам? Что подумают люди?» Вопрос теперь казался менее абсурдным, чем в десятилетнем возрасте. Время научило его, что это прямо выражало одну из наиболее важных забот человеческого рода, заботу о том, чтобы не потерять свое лицо.

Но Энид Болам, видимо, заканчивала каждый день так, будто ожидала внезапной смерти. Он никогда не осматривал квартиры более аккуратной и опрятной. Каждый флакон и баночка ее косметики, каждая щетка и гребень находились на туалетном столике в образцовом порядке. Тяжелая двуспальная кровать оказалась тщательно застлана. Пятница, очевидно, для нее была днем смены постельного белья. Использованные простыни и наволочки лежали стопкой в открытом ящике для белья, предназначенного к стирке. На столике рядом с кроватью не было ничего, кроме будильника, графина с водой и Библии, около которой лежала книжечка — специально для чтения каждый день — отрывков из Святого Писания и их толкования. В ящике столика также не оказалось ничего, кроме флакончика с аспирином и сложенных салфеток. Пустой номер в гостинице имел бы большую индивидуальность.

Вся мебель оказалась старой и тяжелой. Богато украшенная дверь платяного шкафа из красного дерева распахнулась бесшумно, показывая кипу аккуратно уложенного белья. Белье выглядело дорого, но не привлекательно. Мисс Болам покупала белье и одежду в таком большом количестве, как вдовы в помещичьих усадьбах. Здесь были хорошо скроенные юбки неопределенного цвета, прочные пальто, сшитые в течение последней дюжины английских зим, шерстяные платья, от которых бы никто не отказался. Закрыв платяной шкаф, было невозможно воскресить в памяти какие-то предметы одежды. Повсюду стояли заботливо укрытые от света вазы из фибры с посаженными в них

луковицами цветов, цветения которых на рождественские дни мисс Болам, без сомнения, уже не увидит.

Далглиш и Мартин работали вместе слишком долго, чтобы им нужно было много переговариваться, и сейчас они передвигались по квартире почти без слов. Везде стояла одинаково тяжелая старомодная мебель, одинаково аккуратно выглядевшая. Трудно себе представить, что в этих комнатах совсем недавно жили, что кто-то готовил еду в безликой кухне. Все выглядело как-то очень спокойно. За высокими и не пропускающими звуки викторианскими стенами гул движения транспорта на Кенсингтон-Хай-стрит был слабым, пульсирующим где-то далеко. Только настойчивое тиканье дедовских часов в холле нарушало тишину. Воздух был холодным и почти без запаха, за исключением запаха цветов. Цветы стояли всюду. На столике в холле — ваза с хризантемами, другая ваза находилась в гостиной. На камине в спальне привлекал внимание маленький кувшин с анемонами. Кухонный стол с полками для посуды украшал более высокий кувшин из желтой меди с осенними листьями, собранными, видимо, во время нескольких загородных прогулок.

Далглиш не любил осенние цветы: хризантемы, которые упрямо отказывались умирать, выставляя напоказ лохматые головки, даже когда ослабели стебли, георгины, эти цветы без запаха, годные только на то, чтобы расти аккуратными рядами в муниципальных парках. Его жена умерла в октябре, и он долго сохранял грусть тяжелой утраты, сопровождающую смерть сердца. Осень не длиннее курортного времени года. Для него цветы в квартире мисс Болам придавали всему окружению унылость, как венки на похоронах.

Гостиная оказалась самой большой комнатой в квартире, здесь стоял письменный стол мисс Болам. Мартин оценивающе провел по его поверхности пальцами.

— Добротный материал, сэр, не так ли? Мы получили в наследство стол, похожий на этот. Нам его оставила мать моей жены. Представляете, в настоящее время не хотят делать мебель, похожую на эту. Конечно, вы ничего подобного доставать не станете. Считаю, что такая мебель слишком велика для современных квартир. Но зато как она сделана!

— Не теряйте надежды, вы что-нибудь непременно достанете, — сказал Далглиш.

— Я тоже так считаю, сэр. Добротные, солидные вещи. Но странно, как она крепко держалась за такую старину.

В общем-то молодая, благоразумная женщина, я так считаю, и уже знала, как устроить все поуютней.

Он придвинул второй стул к столу, за которым сидел Далглиш, устроившись поудобней, как дома.

Письменный стол не был заперт. Столешница без труда откатилась назад. В стороне стояла портативная пишущая машинка и металлическая коробка с папками бумаг, каждая папка снабжена аккуратной этикеткой. Ящики и отделения стола заполняла писчая бумага, конверты и корреспонденция. Как и предполагали детективы, все было разложено в строгом порядке. Они просматривали папки вместе. Мисс Болам оплачивала свои счета должным образом и сохраняла текущие счета по всем хозяйственным расходам. Там имелось много использованных документов. Подробности вложения ею денег были зарегистрированы под соответствующими рубриками. После смерти ее матери попечитель оплатил ценные бумаги и поместил капитал в акции. Операции были так искусно сбалансированы, что не возникало сомнений — мисс Болам хорошо разбирается в делах и значительно увеличила ценные вклады в течение последних пяти лет.

Далглиш записал фамилии ее биржевого маклера и поверенного. С обоими надо увидеться прежде, чем расследование будет закончено.

Умершая женщина хранила несколько личных писем, возможно, они представляли некоторую ценность. Среди них было одно, лежавшее в документах под рубрикой «П», оно было любопытным. Написанное аккуратным почерком на дешевой линованной бумаге, письмо гласило:

«Дорогая мисс Болам!

Посылаю Вам несколько строк благодарности за все, что Вы сделали для Дженни. Не передать словами, как мы хотели и молились, но верили и будем верить в скорое доброе время и в Его намерение ниспослать это время нам. Я чувствую, что мы сделали правильно, разрешив им пожениться. Не буду останавливаться на том, чем это кончилось. Подробности вы знаете. Он ушел по-хорошему. Ее отцу и мне неизвестно, что между ними произошло. Она мало говорит нам, но мы терпеливо ждем, и, может быть, в один прекрасный день она снова захочет быть нашей девочкой. Она стала очень скрытной и не хочет говорить о причинах, и мы не знаем, огорчается ли она. Я стараюсь не чувствовать против него озлобления. Мой муж и я думаем, что это хорошая мысль, если Вы устроите девочку в службе здоровья. В самом деле, хорошо то, что Вы предла-

гаете. И хорошо, что интересуетесь нашими делами, несмотря на происшедшее. Вы знаете, что мы думаем о разводе, и она должна смотреть сейчас на свою работу как на счастье. Мы молимся каждую ночь, чтобы она получила ее.

Благодарим еще раз за Ваше сочувствие и помощь. Если Вы устроите Дженни на должность, она, я думаю, не подведет Вас. Этот урок будет горьким не только для нее, но и для всех нас. Но Его воля исполнится.

С уважением, Эмили Придди, миссис».

«Удивительно — думал Далглиш, — что до сих пор живут люди, которые могут писать письма, похожие на это, с его архаичной смесью раболепия и собственного достоинства, с его наглостью, еще более странной, чем душевное волнение». История, рассказанная в письме, была достаточно обыденной, но Далглиш чувствовал в ней расхождение с реальностью. Письмо могло быть написано и пять лет назад, он представил себе клочок бумаги с указанием даты и почуял запах следа, ведущего к отгадке. Да, да, несомненно, этот прелестный и неудачливый ребенок находится в клинике Стина.

— Маловероятно, что здесь есть что-то важное, — сказал он Мартину. — Но я хочу, чтобы вы съездили в Клапэм и перебросились парой слов с этими людьми. Мы должны узнать, кто ее муж. Но я почему-то не думаю, что он окажется таинственным мародером доктора Этериджа. Убийца мисс Болам — мужчина он или женщина, — когда мы прибыли на место преступления, находился в здании. И мы говорили с ним.

Раздался телефонный звонок, он со зловещей резкостью прозвучал в тишине квартиры, словно знали, что звонят покойной.

— Я возьму трубку, — сказал Далглиш. — Это должен быть доктор Китинг со своим отчетом. Я попросил его позвонить мне сюда, если он закончит в это время.

Старший инспектор вернулся к Мартину через пару минут. Отчет оказался коротким.

— Никаких сюрпризов, — сказал он. — Она была здоровой женщиной. Убита ударом холодного оружия в сердце, перед этим ее оглушили. Что мы видели сами, то и показали результаты вскрытия, в правильности которых не приходится сомневаться. А как тут у вас?

— Вот ее альбом с фотографиями, сэр. Преимущественно снимки, сделанные в лагере скаутов. Похоже, что она выезжала туда с девочками каждый год.

Вероятно, проводила там ежегодный отпуск, подумал

Далглиш. Он с особым уважением относился к тем, кто добровольно отдавал свое свободное время детям других людей. Он не был человеком, любящим детей, и в их обществе через короткий промежуток времени находил их нестерпимыми. Далглиш взял у сержанта Мартина альбом: фотоснимки маленькие и в техническом отношении безупречные, очевидно, их делали любительским аппаратом. Но снимки заботливо располагались на страницах альбома, каждый был снабжен подписью, аккуратно сделанной печатными буквами на белой полоске бумаги. На снимках запечатлены скауты в походе, скауты за приготовлением обеда на примусах, разбивающие палатки, скауты, сидящие вокруг лагерного костра с наброшенными на плечи одеялами, скауты, выстроившиеся в шеренгу на линейке. На большинстве снимков присутствовал капитан скаутов — полная, улыбающаяся, похожая на мать. Трудно было сравнить эту веселую, выглядевшую счастливо женщину с жалким трупом, лежащим на полу регистратуры, или с одержимым стремлением к порядку, властным администратором, находящимся среди сотрудников клиники Стена. Подписи под некоторыми фотографиями казались навеянными трогательными воспоминаниями о счастливых днях.

«Ласточки, накрывайте на стол! Перед глазами Ширли лакомые блюда».

«Валерия „улетает“ от младших членов женского отряда скаутов».

«Снаряжение королевских рыболовов приводится в порядок. Пример берите с Сюзанны!»

«Капитан помогает переправиться через речку. Она взяла с собой Джин».

На последнем снимке мисс Болам была запечатлена во время купания, ее округлые плечи выступали из набежавшей волны в окружении полудюжины девочек. Волосы спадали вниз по обеим сторонам смеющегося лица, мокрые, как морские водоросли. Оба детектива молча смотрели на фотографию.

— О ней прольют немного слез, не так ли? — наконец сказал Далглиш. — Только ее кузина, да и то больше от потрясения, чем жалея ее. Хотел бы я знать, будут ли оплакивать ее «ласточки» и «королевские рыболовы».

Они закрыли альбом и снова вернулись к поискам. Из обнаруженного интерес вызывала только одна находка, казавшаяся очень интересной. Это была сделанная под копирку копия письма мисс Болам поверенному, помеченная числом, предшествовавшим дню ее смерти, и содержащая

просьбу о свидании с ним «в связи с предложением изменить мое завещание, которое мы вкратце обсудили по телефону вчера вечером».

* * *

После визита в Балантайн Меншнс в расследовании возник пробел, одна из тех неизбежных задержек, которые Далглиш никогда не переносил спокойно. Он всегда работал быстро. Его репутация покоилась на скорости, с которой он расследовал каждое преступление, так же как и на успехе. Он не задумывался слишком глубоко, как все это может отразиться на его служебном положении. Ему достаточно было знать, что задержка раздражает его.

Этой задержки, видимо, следовало ожидать. Предполагалось, что лондонский поверенный мисс Болам будет в своей конторе после полудня в субботу. И вдруг Далглишу сообщили по телефону, что мистер Бабкокк, из фирмы «Бабкокк и Гониуэлл», улетел с женой в Женеву на похороны друга после обеда в пятницу и не вернется в свою контору в Сити до следующего вторника. Мистера Гониуэлла также нет на месте, но главный клерк мистера Бабкокка должен быть в конторе в понедельник утром, он, видимо, сможет помочь старшему инспектору. Это говорил сторож. Далглиш не представлял, насколько сможет помочь ему главный клерк. Он предпочитал видеть самого мистера Бабкокка. Поверенный, вероятно, сообщит большое количество информации о семье мисс Болам, состоянии ее финансовых дел, при этом он, по меньшей мере, сделает вид, что всячески сопротивлялся и уступил только проявлениям такта. Подвергать успех риску в результате предварительного обращения к клерку было бы глупо.

Пока среди деталей, поступивших в его распоряжение, имелась одна, требовавшая новой встречи с медсестрой Болам. Однако намеченный на ближайшее время план оказался сорван, поэтому Далглиш позвонил Питеру Наглю и поехал к нему один, без сержанта. У него не было определенной цели визита, но это не вызвало беспокойства. Время все равно не пропадет зря. Обычная работа предполагала такие незапланированные, почти случайные встречи, когда он говорил, слушал, наблюдал, изучал подозреваемого у него дома или тщательно собирал крохи непроизвольно появившейся информации о личности, которая была центральной в расследовании любого убийства, — о жертве.

Нагль жил в Пимлико на четвертом этаже большого бе-

того оштукатуренного дома в викторианском стиле рядом с Экклестон-сквер. Далглиш был на этой улице в последний раз три года назад. Тогда ему показалось, что все здесь безвозвратно пришло в упадок. Но времена изменились. Волна моды и популярности, направление которых в Лондоне так необъяснимо, которые, порой минуя один район, налетают на расположенный в близком соседстве, захватила эту широкую улицу, принесла ей порядок и процветание, разбудила ее. Судя по количеству вывесок на домах, сообщавших об агентствах правлений, спекулянты собственностью, первоначально вызывающие презрительное фырканье, вернули былое уважение и пожинали плоды своей деятельности, извлекая привычную прибыль. Дом на углу был заново покрашен, тяжелая парадная дверь открыта. В подъезде висела доска с именами жильцов, но звонков не имелось. Далглиш сделал вывод, что квартиры были изолированными и что где-то рядом постоянно находился вахтер, который откликнулся на звонки в парадную дверь, когда ее запирали на ночь. Он не увидел лифта и пешком стал подниматься на четвертый этаж, где находилась квартира Нагля.

Это был светлый, веселый дом, очень спокойный. Далглиш не обнаружил никаких признаков жизни до третьего этажа, где за дверью играли на пианино, и играли хорошо, вероятно, упражнялся профессиональный музыкант. Тройной каскад звуков окатил Далглиша и отодвинулся вдаль, когда он достиг четвертого этажа. Здесь он увидел простую деревянную дверь с молотком из желтой меди, на табличке, прикрепленной вверху, было выгравированно только одно слово: «Нагль». Он постучал и услышал голос хозяина:
— Войдите!

Квартира поразила Далглиша. Он приблизительно представлял, как она выглядит, но не рассчитывал попасть в такую огромную, веселую, впечатляющую мастерскую. Она простиралась на всю длину внутренней части дома, большое, обращенное на север окно без штор открывало панораму изогнутых труб-цилиндров и покатых крыш. Нагль был не один. Он сидел, расставив колени, на узкой кровати, стоявшей на поднятой платформе в восточной стороне комнаты. Наискосок от него, одетая только в халат, сидела Дженни Придди. Они пили чай из голубых кружек. На подносе, стоявшем на маленьком столике рядом, виднелись чайник и бутылка молока. Картина, над которой Нагль недавно работал, возвышалась на мольберте посреди комнаты.

Девушка без смущения посмотрела на Далглиша, спустила ноги с кровати и улыбнулась ему с явным удовольствием, почти радушно, но без кокетства.

— Хотите выпить чаю? — спросила она.

— Полицейские никогда ничего не пьют на службе, включая чай, — сказал Нагль. — Ты, ребенок, лучше оденься. Мы не должны шокировать старшего инспектора.

Девушка снова улыбнулась, собрала одной рукой свою одежду, в другую взяла чайный поднос и направилась к двери в дальнем конце студии. Трудно было узнать в этой доверчивой чувственной фигурке заплаканного испуганного ребенка, каким Далглиш увидел ее впервые в клинике Стина. Он наблюдал за тем, как девушка шла. На ней не было совершенно ничего, кроме халата Нагля. Твердые соски виднелись через тонкую шерсть. Далглиш сделал вывод, что они занимались любовью. Когда Придди скрылась из виду, он повернулся к Наглю и увидел в его глазах мимолетный отблеск недавних развлечений. Но ни тот, ни другой ничего об этом не сказали.

Далглиш обошел студию, Нагль наблюдал за ним с кровати. В комнате не было беспорядка. При виде этой почти навязчивой аккуратности Далглиш почему-то вспомнил квартиру Энид Болам, с которой это жилище в других отношениях не имело ничего общего. Помост с простой деревянной кроватью, стул и маленький стол явно служили спальней. Остальная часть студии была занята принадлежностями художника, но это не было беспорядочной путаницей, с которой непосвященные ассоциируют жизнь художника. С полдюжины больших картин, написанных маслом, были расставлены у южной стены, и Далглиш поразились их выразительности. Здесь не было любительского любования доставшимся маленьким талантом. Мисс Придди, очевидно, служила Наглю только моделью. Ее девичье тело с тяжелой грудью предстало перед ним в разнообразных позах, здесь — в сокращенном ракурсе, там — необычайно растянутым, будто художник упивался своим техническим мастерством. Большинство недавно написанных картин стояли на мольбертах. На одной была изображена девушка, сидящая, расставив ноги, на табурете, с детскими руками, бесцеремонно висящими между бедер, груди выступают вперед. В этом стремлении выставить напоказ технические возможности, в дерзком использовании зеленых и розово-лиловых цветов, в точной тональности было что-то родственное с тем, что удерживала память Далглиша.

— У кого вы учились? — спросил он. — У Сэджа?

— Совершенно верно. — Нагль, казалось, не удивился вопросу. — Вы знаете его работы?

— У меня есть одна из его ранних картин, написанная маслом. Обнаженная фигура.

— Вы сделали хорошее приобретение. Выставьте ее.

— Я все намереваюсь это сделать, — сказал мягко Далглиш. — Надеюсь, что это произойдет. Вы долго у него занимались?

— Два года. Конечно, только часть времени проводил в мастерской. Хочу поучиться у него еще три года. Разумеется, если он еще будет способен учить. Мэтр теперь одряхлел, как старая собака, и к тому же слишком любит собственные работы.

— Вы стараетесь немного подражать ему, — сказал Далглиш.

— Вы так считаете? — Нагль, казалось, не был оскорблен. — Это любопытно. Из этих пут надо выбирать. Самое позднее в конце месяца я отправляюсь в Париж. Я обратился к Боллинджеру с просьбой о стипендии. Старик замолвит за меня словечко, на этой неделе я получил письмо, где он говорит, что сделает это.

Как Далглиш ни старался, не смог уловить нотку триумфа в его голосе. Радость Нагля была прикрыта маской безразличия, хотя у него была причина любоваться собой. Стипендия Боллинджера — это не какой-то ординарный приз. Это, как знал Далглиш, два года в европейском городе с щедрым содержанием и свободная студенческая жизнь или работа, по усмотрению стипендиата. Путь к своему, теперь такому завидному положению Боллинджер начал как владелец фабрики, изготавливавшей патентованные медицинские препараты, это принесло ему богатство и успех, но не дало удовлетворения. Он получал деньги от продажи желудочных порошков, но сердце принадлежало живописи. Его собственный талант был небольшим, и, судя по коллекции полотен, которую он завещал растерянным попечителям местной картинной галереи, вкус равнялся его таланту. Но стипендия Боллинджера гарантировала, что художники будут вспоминать его с благодарностью. Боллинджер не верил в процветание настоящего искусства в бедности и в то, что художников стимулировали их напряженные усилия в холодной мансарде при пустом желудке. В молодости он сам был беден и не получал удовольствия от этого. Много путешествовал в старческом возрасте и за границей был счастлив. Стипендия Боллинджера давала возможность молодым художникам получать удовольствие

от второго без претерпевания первого, и это было стоящим выигрышем. Если Наглю решили дать стипендию Боллинджера, сдва ли его трогают теперешние тревоги клиники Стина.

— Когда вы должны отправиться в путь? — спросил Далглиш.

— Когда захочу. В конце месяца, скорее всего. Вообще-то, есть большое желание уехать пораньше, а не ждать, пока оформят увольнение. Нет никакого смысла задерживаться. — Говоря это, Нагль резко повернул голову к дальней двери и добавил: — Вот почему это убийство вызывает у меня такую досаду. Я боюсь, оно может стать причиной задержки. Ведь как-никак там была моя стамеска. И это не единственное, что впутывает меня в дело. Когда я находился в главной канцелярии, ожидая почту, кто-то позвонил и сказал, чтобы я спустился вниз за бельем для прачечной. Было похоже, что звонила женщина. Я уже был одет в пальто и собирался выходить, поэтому сказал, что заберу белье по возвращении.

— Вот почему вы зашли к медсестре Болам после вашего возвращения с почты и спросили ее, не готово ли белье?

— Совершенно верно.

— Почему вы не сказали ей о телефонном звонке перед вашим уходом?

— Не знаю. Я не думал, что это имеет какое-то значение. Меня не очень привлекает болтаться около процедурной ЛСД. У меня по спине начинают бегать мурашки от стонов и ворчания больных. Когда медсестра Болам сказала, что белье не готово, я подумал, что звонила мне мисс Болам и просто не назвала себя. Она имела привычку вмешиваться в выполнение медсестрами своих обязанностей, по крайней мере, они так считали. Во всяком случае, я ничего не сказал о звонке. Мог это сделать, но не сделал.

— И вы не сказали об этом также мне, когда я допрашивал вас первый раз.

— Опять-таки совершенно верно. Истина в том, что все это обрушилось на меня и я хотел иметь время подумать. Но, пока я обдумывал, вы вызвали меня к себе, и это выскочило из головы, тем более что вы сочувственно восприняли мой рассказ. Вы можете верить мне или не верить, как вам угодно. Мне все равно.

— Вы, как ни странно, слишком спокойны для человека, который в самом деле верит, что кто-то пытался впутать его в дело с убийством.

— А что мне беспокоиться? Они не добились успеха ни

в одном, ни в другом, и я верю, что шансы обвинить невинного человека в этой стране практически равны нулю. Вам следовало бы считаться с этим. С другой стороны — взять систему присяжных, — шансы виновного избежать наказания высоки. Вот почему я не думаю, что вы раскроете убийство. Слишком много подозреваемых. Слишком много различных версий.

— Мы это видим. Расскажите мне подробней об этом звонке. Когда вы точно сняли телефонную трубку?

— Я не могу вспомнить. Минут за пять до того, как Шортхауз вышла в главную канцелярию, думаю так. Может быть, раньше. Может, Дженни помнит?

— Я спрошу ее об этом, когда она вернется. Что точно вам сказали?

— Дословно так: «Белье готово, зайдите, пожалуйста, за ним». Я подумал, что это звонит медсестра Болам. Ответил, что я уже уйду с почтой и зайду, когда вернусь. Прежде чем она успела возразить, я положил трубку.

— Вы были уверены, что это звонила медсестра Болам?

— Уверен, но не совсем. Я, разумеется, подумал о ней, потому что медсестра Болам как раз в это время обычно звонит о белье. Суть в том, что женские голоса похожи, потому мог позвонить кто-то другой, но я не разобрал кто.

— Но это был именно женский голос?

— О да. Это была женщина.

— В определенной степени это ложное сообщение, так как мы знаем, что фактически белье не было рассортировано.

— Да. Но о чем это говорит? О том, что не все стыкуется. Если меня хотели заманить вниз, в подвал, чтобы создать ложное обвинение, убийца рисковал, так как я мог появиться в самый неподходящий момент. Медсестра Болам, например, не стала бы спрашивать меня о белье, если бы собиралась идти в регистратуру, где прохладилась ее кухня. Если же мисс Болам умерла раньше, то звонок вообще не имеет никакого смысла. Предполагали, что я стал бы вынюхивать вокруг и наткнулся бы на тело? Но убийца не мог хотеть, чтобы его обнаружили слишком быстро. Так или иначе, но я не спускался в подвал, пока не вернулся с почты. К счастью, меня в клинике не было. Почтовый ящик находится недалеко, через улицу, но я обычно спускаюсь вниз на Бифстик-стрит купить в киоске «Стандарт». Продавец, вероятно, помнит меня.

Дженнифер Придди возвратилась как раз в тот момент, когда он произнес последние слова. Она перседелась

в простое шерстяное платье. Застегивая пояс на талии, сказала:

— Зря ты поспорил с беднягой Калли, когда он уходил, из-за газеты. Мог бы ее оставить ему, дорогой, раз он попросил. Он хотел только узнать, какие места на скачках заняли лошади, на которых он поставил.

— Чертов старый скряга! Он дрожит над каждым трехпенсовиком. Почему бы ему иногда не заплатить за газету самому? Да, этого от него не дождешься.

— Ты зол на него, дорогой. Тебе газета все равно была не нужна. На площадке перед лестницей мы завернули в нее еду для Тигра. А ты знаешь Калли. Он вечно расстроен из-за своего живота.

Нагль выразил мнение о животе Калли энергично и оригинально. Мисс Придди бросила на Далглиша взгляд, как бы приглашая его разделить восхищение потрясающей выходкой гения.

— Питер! — пробормотала она. — Милый! Ты в самом деле ужасен!

Она, маленькая женщина, говорила снисходительно, мягко упрекая, стремилась управлять. Далглиш взглянул на Нагля, определяя, не надоело ли ему это, но художник, казалось, ничего не слышал. Он спокойно сидел на кровати и смотрел на них сверху вниз. Одетый теперь в коричневые полотняные брюки, толстую синюю фуфайку и сандалии, он выглядел так же официально, скромно, но изящно, как в своей униформе портье, его кроткие глаза были беззаботны, сильные длинные руки расслаблены.

Под пристальным взглядом девушка беспокойно прошла по студии, касаясь со счастливым видом обладательницы рам картин, ее пальцы пробежали по подоконнику, затем она переставила вазу с георгинами на другой подоконник. Казалось, она старалась произвести сильное впечатление нежными оттенками женственности на эту мужскую мастерскую с ее дисциплиной, продемонстрировать, что это ее дом, что здесь предназначенное ей природой место. И девушку нисколько не смущали картины, на которых изображено ее нагое тело. Возможно, она получала удовлетворение от самолюбования.

— Вы помните, мисс Придди, — внезапно спросил Далглиш, — звонили ли по телефону мистеру Наглю, когда вы находились в канцелярии?

Девушка выглядела удивленной, но беззаботно ответила, обращаясь к Наглю:

— Медсестра Болам звонила о белье, ведь это была

она? Я вернулась из архивной комнаты, куда выходила только на секунду, и слышала твои слова, ты говорил, что уже собрался на почту и спустишься вниз, когда отнесешь корреспонденцию. — Она засмеялась. — Потом положил трубку и сказал более или менее всхливно, что медицинские сестры стараются заполнить тебя в свое полное распоряжение. Помнишь?

— Да, — коротко ответил Нагль. Он повернулся к Далглишу: — Есть еще вопросы, старший инспектор? Дженини пора отправляться домой, а я обычно провожаю ее. Родители не знают, что она встречается со мной.

— Один-два вопроса, не больше. Как вы оба считаете, почему мисс Болам обращалась к секретарю правления?

Мисс Придди отрицательно покачала головой.

— Это, нисколько не касается нас, — сказал Нагль. — Она не знала, что Дженини позирует мне. А если бы даже узнала, то не стала бы это сообщать мистеру Лоде. Она неглупа. Она знала, что ему нет никакого дела, чем сотрудники занимаются в свободное время. В конце концов, обнаружив связь доктора Багли с мисс Саксон, она все же не оказалась настолько безрассудной, чтобы сказать об этом Лоде.

Далглиш не спросил, почему мисс Болам не сделала этого.

— Это в определенной степени касалось руководства клиники, — сказал он. — А в последнее время там не происходило ничего необычного?

— Ничего, кроме нашей знаменитой кражи со взломом, когда стащили пятнадцать соверенов. Но вы об этом знаете.

— Это не имеет ничего общего с Питером, — сказала девушка, стремительно бросившись на его защиту. — Его даже не было в клинике, когда поступили эти пятнадцать фунтов. — Она повернулась к Наглю. — Ты помнишь, милый? Это было в то утро, когда ты застрял в подzemке. Ты даже не знал об этих деньгах!

Во всем чувствовалась ее искренность. Вспышка раздражения в ее больших темно-карих глазах была мгновенной, но Далглиш не упустил ее. Когда после короткой паузы Нагль заговорил, его голос звучал совершенно спокойно.

— Я узнал об этом достаточно быстро. Мы все знали. Поднялся шум и спор о том, кто послал эти проклятые деньги, так что должен был знать каждый. Это все?

Он посмотрел на Далглиша.

— Нет. Вы знаете, кто убил мисс Болам?

— Я рад сказать, что нет. Я не думаю, чтобы это был

кто-то из психиатров. У этих парней, я знаю, есть слишком веские причины, чтобы оставаться в здравом уме. Ни одного из них я не могу представить в качестве убийцы. У них на это не хватит духа.

Определенно, кто-то уже произносил очень похожие слова.

Подойдя к двери, Далглиш помедлил, потом обернулся. Нагль и девушка сидели вместе на кровати так, как он увидел их впервые, войдя в комнату, никто не сделал попытки проводить его, но Дженни подарила ему прощальную улыбку.

— Почему вы пошли выпить с Калли в тот вечер, когда произошла кража со взломом? — задал Далглиш еще один вопрос Наглю.

— Калли пригласил меня.

— Это не показалось вам необычным?

— Показалось. И настолько, что я пошел с ним, удивляясь, чем вызвано приглашение.

— И что было?

— Ничего особенного. Калли попросил меня одолжить ему соверен, и я, естественно, отказал. Вот и все. А пока мы сидели, клиника оставалась пустой и кто-то забрался в нее. Я лично не представляю, чтобы Калли мог предвидеть это. Может, это его работа?.. Во всяком случае, не вижу связи между кражей и убийством.

Не видел этой связи и Далглиш. Когда он спускался по лестнице, его беспокоила лишь одна мысль о том, что время уходит, теряется, что все меньше времени остается до утра понедельника, когда клиника откроется вновь и его подозреваемые соберутся там, а репутация большинства из них оказалась явно подмоченной. Но последние сорок минут принесли ему немало. Он начал различать в запутанном клубке пряжи основную нить. Когда он достиг третьего этажа, пианист играл Баха. Далглиш на мгновение остановился послушать. Он поистине наслаждался контрапунктической музыкой. Но пианист внезапно оборвал игру в сильном диссонансном аккорде. И больше ничего не было. Далглиш в тишине спустился по лестнице и незаметно оставил этот спокойный дом.

* * *

Когда Багли приехал в клинику на заседание медицинского совета, все места, отведенные для парковки машин врачей, оказались заняты. «Бентли» доктора Этериджа стоял рядом с «роллсом» доктора Штайнера. По другую сторо-

ну изношенный «воксхолл» свидетельствовал о том, что доктор Альбертина Мэддокс также решила присутствовать на совете.

В комнате конторы на первом этаже шторы на окнах были раздвинуты, и за окнами виднелось темно-синее октябрьское небо. Посредине стола из красного дерева стояла ваза с розами. Багли вспомнил, что мисс Болам всегда заботилась о цветах, когда проходили заседания медицинского совета. Кто-то решил поддержать традицию. Розы выглядели вялыми осенними бутонами из оранжереи, без запаха, жесткие, без шипов на стеблях. Через пару дней они раскроют лепестки в своем коротком и бесплодном цветении. А меньше чем через неделю умрут. Багли подумал, что такие экстравагантные и вызывающие восхищение цветы не соответствуют тому настроению, с каким проводится заседание. Но пустая ваза может вызвать невыносимое недоумение и смущение.

— Кто принес розы? — спросил он.

— Думаю, миссис Босток, — ответила доктор Ингрэм. — Она готовила комнату к заседанию, когда я приехала.

— Замечательно, — сказал доктор Этеридж.

Он коснулся пальцем одного из бутонов так мягко, что тот даже не дрогнул. Багли не хотелось вступать в дискуссию о качестве роз или проницательности миссис Босток при выборе цветов.

— Мисс Болам хорошо разбиралась в цветах, очень хорошо, — сказал главный врач. Он посмотрел на коллегу так, будто бросал вызов тем, кто с ним не согласен.

— Итак, будем начинать? — спросил он.

Доктор Багли как секретарь на общественных началах сел по правую сторону от директора Этериджа. Следом за ним занял место доктор Штайнер. Доктор Мэддокс устроилась справа от Штайнера. Других консультантов не было. Доктор Мак-Бэйн и доктор Мэсон Джайлс находились в Соединенных Штатах, где участвовали в конференции. Остальные сотрудники, видимо, решили терпеливо подождать понедельника. Доктор Этеридж счел необходимым обзвонить их всех по телефону и поставить в известность о заседании. Он нашел оправдания формальными, и они приняли это как должное.

Альбертина Мэддокс, до того как переквалифицировалась в психиатры, была преуспевающим хирургом. Возможно, типично противоречивое отношение ее коллег к своей специальности поднимало в их глазах авторитет доктора Мэддокс, имевшей двойную квалификацию. Она пред-

ставляла интересы клиники в объединенном медицинском консультационном совете, где защищала Стин от случающихся порой нападков терапевтов и хирургов, защищала с остроумием и энергией, внушающими уважение и страх. В клинике она не входила в число противников Фрейда и в одинаковой мере, как считал Багли, выступала против ужасных грубостей обеих сторон. Ее любили пациенты, но это не производило впечатления на коллег. Они также пользовались любовью своих пациентов и за ней замечали только одно — чрезвычайное искусство в умении улаживать переходящие границы конфликты. Она была полной седовласой непримечательной женщиной, выглядевшей, как и было на самом деле, спокойной матерью семейства. Имела пятерых детей, сыновья были умными и процветающими, дочери удачно вышли замуж. Ее муж с не бросающейся в глаза внешностью и дети относились к ней с терпеливой заботой, что не переставало удивлять коллег в Стине, для которых эта женщина была грозной личностью. Теперь она сидела с Гектором, старым пекинесом, примостившимся на коленях, с видом домохозяйки из пригорода на спектакле, заранес им довольной.

— Альбертина, в самом деле, зачем вам потребовалось брать с собой Гектора? — бросил раздраженно доктор Штайнер. — Я не хочу быть жестоким, но это животное вызывает улыбку. Ему давно пора замолчать.

— Благодарю вас, Пауль, — ответила доктор Мэддокс низким, прекрасно модулированным голосом. — Гектор захочет замолчать, как вы образно выразились, когда он перестанет находить жизнь прекрасной. Судя по всему, он еще не достиг такого состояния. Не в моих правилах уничтожать живое существо только потому, что оно своим видом вызывает у меня неудовольствие или приносит какое-то неудобство.

— Хорошо, что вы нашли время присесть сегодня вечером, Альбертина, — поспешно вмешался доктор Этеридж. — Я сожалею, что известить о заседании пришлось так неожиданно.

Он говорил без иронии. Как и его коллеги, доктор Этеридж хорошо знал, что доктор Мэддокс чуть раньше, в четыре часа, участвовала в заседании Совета управления больницами.

— Я член вашего совета, Генри, — снисходительно ответила доктор Мэддокс. — Разве была какая-нибудь причина, мешающая присутствовать на заседании?

Ее пристальный взгляд, брошенный на доктора Ингрэм,

подразумевал, что не все присутствуют здесь на одинаковых правах. Мэри Ингрэм была женой обычного, практикующего в предместье врача и приезжала в клинику два раза в неделю, чтобы обслуживать в качестве анестезиолога сеансы электроконвульсивной терапии. Ни как психиатру, ни как консультанту формально ей не следовало присутствовать на заседании медицинского совета. Доктор Этеридж правильно истолковал этот взгляд.

— Доктор Ингрэм любезно пришла сегодня сюда по моему приглашению, — сказал он решительно. — Главный вопрос сегодняшнего заседания — убийство мисс Болам, а доктор Ингрэм была в пятницу вечером в клинике.

— Но не является подозреваемой, я правильно понимаю? — заметила доктор Мэддокс. — Я поздравляю ее. Хорошо, что хотя бы один из медицинских сотрудников сумел обеспечить себе удовлетворительное алиби.

Она строго посмотрела на доктора Ингрэм, ее тон подразумевал, что отсутствие алиби у большинства младших сотрудников и неспособность удостоверить его трех старших консультантов — факт сам по себе подозрительный. Никто не спросил, откуда доктор Мэддокс узнала об алиби. По-видимому, она говорила со старшей сестрой Амброуз.

— Нелепо так относиться к алиби, когда полиция может всерьез подозревать одного из нас! — обидчиво проговорил доктор Штайнер. — Мне совершенно ясно, что произошло. Убийца, притаившись, поджидал ее в подвале. Мы знаем это. Он мог там прятаться часами, возможно, даже с предыдущего дня. Мог проскользнуть мимо Калли с одним из пациентов, выдать себя за родственника или санитаря больничной автомашины, мог даже с помощью взлома проникнуть в клинику ночью. Находясь в подвале, он располагал достаточным временем, чтобы подобрать ключ к двери регистратуры и выбрать орудия убийства. Ни статутка, ни стамеска не были спрятаны в недоступном месте.

— А как, по вашему мнению, этот неизвестный убийца оставил здание? — спросил доктор Багли. — Мы тщательно все осмотрели, не дожидаясь прибытия полиции, а детективы произвели такой осмотр снова. Двери подвала и первого этажа, я это отлично помню, были закрыты на засов.

— Лифт поднимается в шахте с помощью троса, переброшенного через блок, а наверху можно воспользоваться пожарными выходами, — ответил доктор Штайнер, выкладывая с некоторой рисовкой свою козырную карту. — Я осматривал лифт, это вполне возможно. Маленький человек или женщина, согнувшись в кабине, поднимутся наверх.

Трос достаточно толст, чтобы выдержать не очень тяжелый вес, и немного труда требуется, чтобы быстро подняться. Но тому, кто поднимается, надо, конечно, предварительно похудеть.

Он благодушно посмотрел на свое собственное брюшко.

— Прелестная версия, — сказал Багли. — Правда, ей сильно не хватает достоверности. Все двери, открываемые в случае пожара, в тот вечер также были заперты на засовы с внутренней стороны.

— Нет такого здания, из которого отчаянный и опытный человек не смог бы выбраться или в которое не смог бы забраться, — объяснил доктор Штайнер, будто у него самого был большой опыт в подобных мероприятиях. — Он мог выбраться из окна первого этажа и по карнизу достичь пожарной лестницы. Все говорит о том, что убийце совсем не обязательно быть из числа сотрудников, находившихся на службе вчера вечером.

— Это могла быть и я, например, — сказала доктор Мэддокс.

Доктор Штайнер был непоколебим.

— Это, конечно, бессмыслица, Альбертина. Я не делаю никаких обвинений. Просто констатирую, что круг подозреваемых не так ограничен, как считает полиция. Детективы прямо расспрашивали о личной жизни мисс Болам. Очевидно, у нее имелся враг.

Но доктор Мэддокс не собиралась сдаваться.

— Мне повезло, — объяснила она, — я была на концерте музыки Баха в Роял Фестивал Холле до позднего вечера с мужем, а перед этим мы пообедали. А чтобы все доказательства в мою пользу оставались убедительными, я постаралась встретить там своего деверя-епископа. Епископа консервативного направления англиканской церкви, — добавила она самодовольно, как будто воскурение фимиама и риза являлись гарантией епископской добродетели и честности.

Доктор Этеридж сказал, мягко улыбаясь:

— Я буду лишен алиби даже в том случае, если евангелический помощник приходского священника поручится, что я был в числе его прихожан вчера вечером с шести пятнадцати до семи часов. Но прекратим напрасно растрачивать время на пустое теоретизирование. Преступление расследует полиция, и мы должны в определенном смысле смириться с этим. Наша главная забота заключается в том, чтобы сбалансировать положение клиники, добиться признания наших сотрудников невиновными, кроме того, мы

все должны обсудить предложение председателя и секретаря правления о том, что миссис Босток вполне справится с обязанностями администратора. Но давайте по порядку. Вы не будете возражать, если я взгляну, что у меня записано о последнем заседании?

Ему ответили без энтузиазма, но согласились, бормоча при этом, что вопрос является обычной провокацией, и главный врач пододвинул к себе записную книжку, делая в ней пометки.

— Как он выглядит? — спросила доктор Мэддокс. — Я имею в виду этого старшего инспектора.

Доктор Ингрэм, обычно молчаливая, неожиданно ответила ей.

— Ему около сорока. Во всяком случае, так мне показалось. Он высокий и темноволосый. Мне понравился его голос и изящные руки.

И тут же она залилась краской, сообразив, что эти невинные слова могут стать для психиатра ошеломляющим открытием. Упоминание об изящных руках было, видимо, ошибкой. Доктор Штайнер, игнорируя внешность Далглиша, принялся с горячностью оценивать душевные качества старшего инспектора, к чему его товарищи-психиатры проявили вежливое внимание экспертов, интересующихся гипотезой коллеги. Далглиш в изображении доктора Штайнера становился удивительным и интригующим человеком.

— Я согласен, что он одержим навязчивой идеей и, кроме того, умен, — сказал главный врач. — То, что ошибки, которые он может допустить, будут ошибками умного человека, опаснее всего. Мы должны уповать на то, что ошибок не будет. Убийство и неизбежная огласка, несомненно, окажут нежелательное воздействие на пациентов и на всю работу клиники. И в этих условиях мы обязаны решить вопрос с предложением о миссис Босток.

— Я всегда предпочитала мисс Болам миссис Босток, — сказала доктор Мэддокс. — Очень жаль, что мы потеряли администратора, хоть он и был не слишком подходящим, однако сомнительна и прискорбна попытка заменить его другим, который окажется еще хуже.

— Я согласен, — сказал доктор Багли. — Из них двоих я также всегда выше ставил мисс Болам, но если мы будем искать по объявлению, может прийти неизвестно кто, а миссис Босток все-таки знает дело.

— Кроме того, Лоде выяснил, что Совет управления больницами не собирается назначать человека со стороны, пока полиция не закончит расследование, даже в случае,

если кто-нибудь захочет получить это место. Нам не надо дополнительных осложнений. Достаточно того, что уже произошло. В связи с этим возникает проблема с прессой. Лоде считает, и я с ним согласен, что со всеми вопросами репортеры должны обращаться в штаб-квартиру управления, а здесь никто не должен ничего объяснять. Мне кажется, это самое лучшее для решения вопроса. В интересах пациентов важно, чтобы репортеры не подняли шумихи вокруг клиники. Лечение их, вероятно, пострадает и без этого. Соглашамся с официальным указанием Совета управления?

Все были согласны. Никто не выразил энтузиазма по поводу прессы. Доктор Штайнер не участвовал в достижении общего согласия по этому вопросу. Он думал о преемнице мисс Болам.

— Я не могу понять, почему доктор Мэддокс и доктор Багли проявляют по отношению к миссис Восток такую враждебность, — ворчливо сказал он. — Я отмечал это и ранее. Между тем смешно сравнивать ее достоинства с достоинствами мисс Болам. Нет сомнений в том, кто из них более подходит для должности администратора. Миссис Восток очень умная женщина, у нее решительный характер, она обладает нужной квалификацией и прекрасно понимает важность работы здесь. Ничего подобного нельзя было сказать о мисс Болам. Ее отношение к пациентам, мягко выражаясь, было не самым великодушным.

— Я не считаю, что она так уж часто вступала в контакт с пациентами, — сказал доктор Багли. — Во всяком случае, на нее никто не жаловался.

— Она получила свою должность случайно, и платили ей из фонда на разъезды. Я могу вполне поверить, что пациенты не жаловались на ее отношение к ним. Но, по моему мнению, это несколько другой класс. Они очень чувствительны к тому, как к ним относятся. Мистер Бэдж, например, всегда передает мне в таких случаях суть происшедшего.

Доктор Мэддокс рассмеялась:

— Ох уж этот Бэдж! Он приходит к вам до сих пор? К декабрю обещают выпустить его новый роман. Было бы интересно, Пауль, посмотреть, как ваши усилия улучшили его прозу. Если это так, общественные деньги потрачены не зря.

Доктор Штайнер стал обиженно возражать. Он лечил немало писателей и художников, некоторые из них по рекомендации Розы получали небольшой курс психотерапии.

Несмотря на то что Штайнер хорошо чувствовал искусство, его обычная критическая пронизательность терпела фиаско, когда дело касалось проблем его пациентов. Он не мог спокойно переносить рассуждений о вечных надеждах на то, что их великий талант в конце концов признают, это каждый раз сердило его, выводя из себя. Доктор Багли подумал об этом одном из многих вызывающих умиление качествах доктора Штайнера: в жизненных вопросах он был трогательно наивным. И теперь доктор пустился путано защищать характер своего пациента и стиль его прозы.

— Мистер Бэдж в высшей степени талантливый и чувственный человек, — закончил он, — человек, мучимый неспособностью испытывать удовлетворение от сексуальных отношений, особенно с женами.

Это неудачное нарушение приличий, казалось, явно вызовет со стороны доктора Мэддокс дальнейшие нападки.

— Не могли бы мы оставить свои профессиональные разногласия и сконцентрировать вниманис на сути дела? — мягко вмешался доктор Этеридж. — Доктор Штайнер, у вас есть какие-либо возражения по поводу назначения миссис Босток временно на должность администратора?

— Вопрос чисто риторический? — ответил раздраженно доктор Штайнер. — Если секретарь правления хочет ее назначить, ее назначат. Эта комедия с обсуждением на нашем совете, безусловно, смешна. У нас нет права одобрять этот выбор или не одобрять его. Это мне совершенно ясно дал понять Лодс, когда я месяц назад обратился к нему с предложением перевести мисс Болам куда-нибудь в другое место.

— Я не знал, что вы предлагали ему это, — сказал доктор Этеридж.

— Я говорил с ним после сентябрьского заседания в управлении. Это было только пробное предложение.

— И оно, не сомневаюсь, встретило хорошо обоснованный отказ, — сказал Багли. — Вам было бы лучше не предлагать такое.

— Или сначала обсудить на заседании нашего совета, — сказал доктор Этеридж.

— А с каким результатом? — воскликнул доктор Штайнер. — Что произошло с тех пор, как я пожаловался на Болам? Ничего! Вы все соглашались, что она неподходящая фигура на должность администратора. Вы все, по крайней мере большинство, соглашались, что миссис Босток — или кто-то, пришедший со стороны, — будет предпочтительнее, чем она. Но когда дошло до необходимости действовать,

ни один из вас не согласился поставить свою подпись под письмом в Совет управления больницами. И вы прекрасно знаете — почему! Вы были в ужасе от этой женщины! Да, да, в ужасе!

Раздался хор протестующих возгласов.

— Вы ее представляете слишком страшной, — сказала доктор Мэддокс. — А все черты ее характера были просто неловким проявлением прямоты. Вас она просто чем-то сильно задела, Пауль.

— Возможно. Но я в связи с ней делал попытки что-нибудь решить... Говорил с Лоде.

— Я также говорил с ним, — спокойно заметил Этеридж. — И, возможно, с большим успехом. Я знал, конечно, что совет ясно представляет себе нашу неправомочность руководить административным персоналом, поэтому и сказал только, что мисс Болам, как кажется мне, психиатру и председателю медицинского совета, по своему темпераменту не подходит на занимаемую ею должность. И предположил, что перевод в другое место будет в ее собственных интересах. Это не являлось критикой деловых качеств. Лоде, конечно, уклонился от прямого ответа, но понял совершенно определенно, что я имел в виду. И, думаю, принял это к сведению.

— Принимая во внимание присущую вам осторожность, подозрительность по отношению к психиатрам и обычную скорость в принятии решений, — сказала доктор Мэддокс, — мы смогли бы избавиться от мисс Болам, думаю, в теченис ближайших двух лет. Однако кто-то, несомненно, ускорил ход событий.

Неожиданно заговорила доктор Ингрем. Ее розовое, несколько глуповатое лицо покраснело до неприличия. Она сидела чопорно и прямо, а руки, лежавшие на столе, дрожали.

— Я не думаю, что вы должны говорить подобные вещи, — начала она. — Мисс Болам умерла, ее зверски убили. Вы же сидите здесь, все вы, и рассуждаете так, будто это вас совершенно не касается! Я знаю, она не пользовалась у вас уважением, но она умерла, я не думаю, что сейчас время быть жестокими.

Доктор Мэддокс с любопытством посмотрела на доктора Ингрем, как бы удивляясь тому, что видит перед собой такого исключительно тупого ребенка, вдруг удачно сделавшего умное замечание.

— Я вижу, вы придерживаетесь суеверия о том, что о мертвых нельзя говорить плохо, — сказала она. — Проис-

хождение этого атавистического предрассудка всегда интересовало меня. Вы должны будете как-нибудь рассказать об этом. Я с удовольствием выслушаю вашу точку зрения.

Доктор Ингрэм, густо покрасневшая от смущения, сдерживая слезы, выглядела так, будто ей предложили рассказать о каком-то своем преимуществе, от которого она и сама рада отказаться.

— Мы говорим жестоко? — спросил доктор Этеридж. — Я сожалею, если кто-нибудь подумал, что мы говорим жестоко. Было несколько вещей, о которых не следовало бы говорить. Нет ни одного члена медицинского совета, которого бы не ужаснула бессмысленная, чудовищная смерть мисс Болам и кто бы не хотел вернуть ее назад к нам, не смотря на недостатки.

Переход от высокого к комичному был слишком очевиден, чтобы его не заметили. Как бы осознав удивление и замешательство коллег, главный врач поднял глаза и сказал, бросая вызов:

— Есть кто-нибудь, кто не согласен со мной? Есть?

— Конечно нет, — заметил доктор Штайнер.

Он говорил успокаивающе, но его пронизательные маленькие глазки смотрели в сторону, стараясь встретиться взглядом с доктором Багли. Во взгляде скрывалось замешательство, но Багли уловил в нем также ухмылку скрытого злорадства. Главный врач разыграл всю сцену не слишком искусно. Он позволил отбиться от рук Альбертине Мэддокс, и контроль над заседанием медицинского совета вскоре оказался чисто формальным. Особенную жалость вызывало то, что доктор Этеридж казался вполне чистосердечным. Он взвешивал каждое слово и, к этому выводу давно пришли все, испытывал неподдельный ужас от насилия. Он никогда не был чужд состраданию, его действительно потрясла и опечалила насильственная смерть беззащитной женщины. Но слова прозвучали фальшиво. Он нашел убежище в педантизме, в осторожной попытке снизить эмоциональный накал совещания банальным соглашением. И достиг успеха только в громком лицемерии.

После неожиданного выступления доктора Ингрэм на совещании, казалось, воцарилось уныние. Доктор Этеридж делал судорожные попытки руководить им, но это удавалось плохо, разговор стал скучным и бессвязным, с одного перескакивали на другое, однако все время возвращались к убийству. Чувствовалось, что медицинскому совету надо на этот счет выработать свою общую точку зрения. Переходя оцупью от одной версии к другой, наконец остановились

на предположении доктора Штайнера. Убийца явно проник в клинику раньше, днем, когда еще не действовала система записи приходящих в специальный журнал. Он незаметно пробрался в подвал, не снеха выбрал орудия преступления, затем позвонил мисс Болам, вызвал ее вниз, отыскав номер в табличке, которая висела рядом с телефоном. После убийства незаметно поднялся на какой-нибудь из верхних этажей, выбрался из окна, ухитрились закрыть его, прежде чем стал пробираться к пожарной лестнице. Этим его действиям, свидетельствующим о большой удаче, связанной с необычной, удивительной ловкостью, должного значения не придали. Под руководством доктора Штайнера версию тщательно доработали. Телефонный звонок мисс Болам к секретарю правления расценили как не имеющий отношения к делу. Она, бесспорно, хотела сообщить о каких-то мелких проступках, действительных или выдуманных, которые никак не могли быть связаны с ее последующей смертью. Предположение, что убийца поднялся наверх в лифте, было вообще отвергнуто как фантастическое, несмотря на то, что, как заметила доктор Мэддокс, человек, который смог закрыть тяжелое окно, балансируя с наружной стороны на карнизе, а затем пройти пять футов до пожарной лестницы, мог с таким же успехом решить и проблему подъема лифта.

Доктор Багли, утомленный своей частью разработки образа действий мифического убийцы, наполовину прикрыл глаза и смотрел из-под опущенных век на вазу с розами. В тепле комнаты мягкие лепестки цветов заметно раздвинулись. Теперь красный, зеленый, розовый цвета аморфно, слившись вместе, как ему казалось, плыли по столу, отражаясь в его блестящей поверхности. Вдруг доктор Багли открыл глаза полностью и увидел пристальный взгляд доктора Этериджа. В этом изучающем взгляде читалось огорчение.

— Некоторые члены нашего совета устали, — сказал главный врач. — Я — также. Если ни у кого нет срочных дел, требующих обсуждения сейчас, объявляю заседание закрытым.

Доктор Багли подумал о том, что у него нет шансов побыть наедине с главным врачом в опустевшей комнате. Но когда он проверял, закрыты ли окна, доктор Этеридж сам обратился к нему:

— Итак, Джеймс, вы уже приняли решение о том, кто сменит меня на посту главного врача?

— Не лучше ли заняться этим вопросом, когда будет

дано объявление о вакансии? — спросил тот в ответ. Но тут же добавил: — А что вы думаете о Мэсоне Джайлсе или Мак-Бэйне?

— Мэсон Джайлс не согласится. Он ведет большую преподавательскую работу и не захочет совмещать то и другое. А Мак-Бэйн слишком крепко связан с основным окружным комплексом для подростков.

Багли подумал, что для главного врача было типичным время от времени сдерживать свои чувства и не смягчать фактов, рассчитывая на то, что за него это сделают другие. Таким образом он сэкономил жизненные силы.

— А Штайнер? — спросил он. — Я полагаю, что он подходит.

Главный врач улыбнулся:

— О, я не думаю, что окружной отдел здравоохранения назначит доктора Штайнера. Хотя это сугубо внутреннее дело клиники. У нас должен быть кто-то свой, кто справится с делами нашего учреждения и против кого не будет возражать окружной отдел. Если нам пришлют чужого, могут случиться слишком большие перемены. Вы знаете мою точку зрения. Если произойдет скрытое объединение психиатрии с общей медициной, это станет величайшим благом. Мы сможем получить койки. Стин сможет занять надлежащее место в управлении учреждений для амбулаторных больных. Я не говорю, что это вероятно, но это возможно.

Что думают об этом варианте в окружном отделе здравоохранения? Доктор Этеридж слышал об этом в общих чертах. Небольшие учреждения для амбулаторных больных без соответствующего штата, не выполняющие функции реабилитации и не имеющие связей с больницами общего профиля, в глазах тех, кто планирует переустройство, окажутся анахронизмом.

— Меня не волнует, где я занимаюсь своими пациентами, пока меня оставляют в покое, не выводят из себя, пока не слишком велик показатель эффект со стороны начальства и пока крахмалят белье, — сказал доктор Багли. — Эти предложения слить психиатрические единицы с больницами общего профиля очень хороши до той поры, пока больницы не убедятся, что нам необходимы персонал и площади. А я слишком устал с кем-то бороться. — Он посмотрел на главного врача. — Кстати, я никак не могу понять... Я звонил вам в кабинет вчера вечером из комнаты медицинского персонала, хотел предложить поболтать после окончания работы...

— В самом деле? В котором часу?

— В шесть двадцать или шесть двадцать пять. Телефон не отвечал. Позже у нас, конечно, возникли другие заботы, чтобы думать об этом.

— Наверно, я был в библиотеке, — сказал главный врач. — Буду рад, если вы найдете время пересмотреть свое решение. И надеюсь, что вы пересмотрите его, Джеймс.

Он выключил свет, и они вместе спустились по лестнице. Неожиданно остановившись, главный врач повернулся к Багли:

— Вы звонили в шесть двадцать? Я нахожу это очень любопытным, очень любопытным.

— Да, мне кажется, именно в это время.

Доктор Багли с удивлением и раздражением отметил, что это в его, его собственном, а не главного врача голосе звучали нотки вины и замешательства. Появилось сильное желание уйти из клиники, чтобы избежать голубого, задумчивого взгляда, который столь легко приводил его в замешательство. Но здесь оставалось и кое-что еще, что должно было быть сказано. Возле двери он заставил себя приостановиться и глянуть в лицо доктора Этериджа. Несмотря на все старания говорить бесстрастно, голос доктора Багли зазвучал принужденно, даже враждебно:

— Мне интересно знать, должны ли мы сделать что-нибудь для медсестры Болам?

— Каким образом? — мягко спросил главный врач. Не получив ответа, он продолжил: — Весь персонал знал, что они могли просить меня принять их в любое время. Но я не приветствую секретов. Это расследование убийства, Джеймс, и оно вне моей компетенции. Полностью вне моей компетенции. Я думаю, что у вас хватит ума занять ту же позицию. Спокойной ночи.

Глава шестая

Ранним утром понедельника, в годовщину смерти своей жены, Далглиш отправился в маленькую католическую церковь на задворках Стрэнда, чтобы поставить свечу. Его жена была католичкой. Он не разделял ее религиозных взглядов, и она умерла прежде, чем он начал понимать, что эти взгляды значили для нее и какое значение такое серьезное различие между ними могло иметь для брака.

Первую свечу он зажег в день, когда она умерла, чтобы

придать какую-то определенную форму нестерпимому горю и, возможно, в детской надежде на то, что это хоть немного умиротворит ее душу. Это была уже четырнадцатая свеча. Он думал о своей обособленной и уединенной личной жизни, о посещении храма не как о суеверии или благочестии, а как о привычке, с которой он не смог бы расстаться, даже если бы захотел. Во сне он видел жгущую доволно редко, но зато абсолютно отчетливо, а просыпаясь, не мог долго удержать в памяти ее лицо.

Далглиш опустил монету в прорезь, взял свечу и поднес фитиль к умирающему огоньку расплывшегося огарка. Фитиль вспыхнул мгновенно, ярким и чистым пламенем. Для него всегда было важным, загорится ли фитиль сразу. Мгновение он глядел на пламя, не чувствуя ничего. Затем повернулся и направился к выходу.

Церковь казалась почти пустой, но она распахнула перед ним атмосферу интенсивной и молчаливой деятельности, которую он чувствовал, но в которой не смог бы участвовать. По пути к двери он узнал женщину, одетую в красное пальто и темно-зеленый головной платок, которая задержалась, чтобы опустить пальцы в чашу со святой водой. Это была Фредерика Саксон, старший психолог клиники Стина. Они вместе достигли входной двери, и ему пришлось приложить усилия, удерживая дверь открытой, из-за внезапного порыва осеннего ветра. Она улыбнулась ему дружелюбно и без смущения.

— Здравствуйте, я не видела вас здесь прежде.

— Я прихожу сюда только раз в год, — ответил Далглиш. Он не стал объяснять почему, а она не задавала вопросов.

— Мне хотелось вас видеть, — сказала она. — Есть некоторые подробности, которые, как я думаю, вам следует знать. Вы сейчас свободны? Если да, то не могли бы вы оказать любезность и поговорить с подозреваемой в кафе? Я бы не хотела приходить в вашу контору, а просить о беседе в клинике еще сложнее. И в любом случае мне требуется кофе. Я замерзла.

— Здесь должно быть одно местечко за углом, — сказал Далглиш. — Кофе там терпимый, и его можно выпить без помех.

Кафе за год изменилось. Далглиш помнил его как чистое, но скучноватое заведение с рядом сосновых столов, покрытых клеенкой, и длинным прилавком, на котором стояли чайник и стеклянные колпаки, прикрывавшие внушительных размеров сэндвичи. Теперь кафе поднялось

на ступеньку выше. Стены покрывали панели — имитация старого дуба, на них были развешаны грозные рапиры, старинные пистолеты и абордажные крючья; правда, их подлинность вызывала сомнение. Официантки выглядели, как авангард дебютанток, зарабатывающих деньги на булавки, а освещение было сдержанным, почти сумрачным. Мисс Саксон направилась к столику в дальнем углу.

— Только кофе? — спросил Далглиш.

— Пожалуйста, только кофе.

Фредерика Саксон подождала, пока будет сделан заказ.

— Это касается доктора Багли, — затем сказала она. — Считаю, что вы обязаны выслушать меня. А мне лучше рассказать вам об этом сейчас, чем ждать, пока вы меня спросите, к тому же я хочу, чтобы вы слышали об этом именно от меня, а не от Эми Шортхауз.

Она говорила без тени смущения.

— Я не спрашивал о ваших взаимоотношениях с доктором Багли, поскольку это, по моему мнению, не касалось непосредственно дела, но раз вы хотите рассказать, это может быть полезным, — заметил Далглиш.

— Я не хочу, чтобы у вас сложилось неверное представление, будто бы мы испытывали недоброе чувство к мисс Болам. Знайте же: этого не было. Однажды мы даже почувствовали себя благодарными ей.

Далглишу не было нужды спрашивать, кого она имела в виду, говоря «мы».

Подошла равнодушная официантка и поставила перед ними маленькие прозрачные чашечки с кофе, покрытым бледной пленкой. Мисс Саксон сняла пальто и развязала головной платок. Она положила в кофе сахар, затем через стол передвинула пластмассовую сахарницу Далглишу. В ней не было ни неловкости, ни натянутости, держалась она с непринужденностью школьницы, пьющей кофе с приятелем. В общении она показалась ему необычайно спокойной, возможно потому, что он не находил ее физически привлекательной. Было трудно поверить, что это лишь вторая их встреча и что поводом, сблизившим их, оказалось убийство.

Фредерика Саксон сдула пенку с кофе и, не поднимая глаз, сказала:

— Джеймс Багли и я полюбили друг друга около трех лет назад. У нас не было в связи с этим угрызений совести. Хотя мы специально не приглашали любовь, но, конечно, не стали ей противиться, когда она пришла. Никто добровольно не откажется от счастья, если только это не мазо-

хист или святой, а мы не относились ни к тем, ни к другим. О том, что у Джеймса есть жена-неврастеничка, я узнала так, как обычно узнают подобные вещи, но вообще он мало говорил о ней. Мы признавали, что она нуждается в нем и что развод не стоит на повестке дня. Мы убедили себя в том, что не причиним ей никакого вреда и что ей не следует знать о нашей связи. Джеймс часто говорил, что его любовь ко мне делает их брак более счастливым для каждого. Конечно, легче быть добрым и справедливым, когда хотя бы один из двоих счастлив. Возможно, он был прав, но определенно я не знаю. Видимо, мы использовали все-таки рациональное объяснение того, что вынуждены делать тысячи любовников.

Мы не могли видеться часто, но у меня своя квартира, и мы ухитрились проводить пару вечеров в неделю вместе. Однажды Элен, это его жена, отправилась погостить у сестры и мы провели вместе целую ночь. Конечно, в клинике нам приходилось быть очень осторожными, но по делу мы встречались там друг с другом нечасто.

— Как ваши отношения стали известны мисс Болам? — спросил Далглиш.

— Все произошло довольно глупо. В театре мы смотрели пьесу Ануя, а она сидела за нами в следующем ряду. Кто бы мог подумать, что Болам захочет взглянуть на персонажей Ануя? Видимо, ей прислали бесплатный билет. Как раз исполнилась вторая годовщина нашего сближения, и на протяжении всего спектакля мы держались за руки. Ну а перед этим немного выпили. Потом мы вышли из театра, все еще держась за руки. Любой сотрудник клиники, любой, кого мы знали, мог встретить нас. Мы становились беспечнее, рано или поздно кому-нибудь довелось бы нас увидеть. По чистой случайности этим человеком стала Болам. Кто-нибудь другой, возможно, предпочел бы не совать нос не в свое дело. Но она была не такой.

— Почему она рассказала об этом миссис Багли? Думаю, сделать это слишком жестоко и непорядочно.

— Так оно и есть. Но Болам не видела себя с этой стороны. Она являла собой редкий и счастливый тип человека, ни минуты не колеблющегося в поисках различия между добром и злом. Она не отличалась впечатлительностью, поэтому не могла представить себе чувства других людей. Я уверена, если бы ей довелось быть женой неверного мужа, то она желала бы, чтобы ей об этом сказали. Ничто не может быть хуже, чем незнание. Она обладала тем типом внутренней силы, который получает удовольствие именно

от борьбы. Думаю, она считала своим долгом сказать о том, что узнала. Как бы то ни было, однажды в среду днем Элен неожиданно пришла в клинику Стина повидать мужа, мисс Болам пригласила ее в свой кабинет и все рассказала. Я часто пытаюсь представить, что именно она говорила Элен. Мне представляется, что она изрекла что-то вроде фразы о нашей близости. Мисс Болам могла заставить звучать вульгарно практически все.

— Она рисковала, — сказал Далглиш. — Вы согласны? Ведь достоверность была небольшой, а доказательства вообще отсутствовали.

Мисс Саксон рассмеялась:

— Вы говорите как полицейский. У нее было достаточно доказательств. Даже Болам распознавала любовь, когда видела ее. Кроме того, мы наслаждались обществом друг друга без письменного разрешения, а это уже было достаточной неверностью.

Слова звучали горько, но Фредерика Саксон произнесла их без возмущения или сарказма. Она пила свой кофе с очевидным удовольствием. Далглиш подумал, что она вполне могла бы говорить так об одном из пациентов клиники, обсуждая с беспристрастным и умеренным профессиональным интересом капризы человеческой природы. Он все еще не мог поверить, что ее любовь была неглубокой, а чувства поверхностными, и спросил про реакцию миссис Багли.

— Она была из ряда вон выходящей, по крайней мере, казалась таковой в то время. Миссис Багли восприняла сообщение удивительно спокойно. Углубляясь в прошлое, я поражаюсь: не были ли мы втроем сумасшедшими, живущими в воображаемом мире, который две минуты рационального мышления превратили в несуществующий. Элен прожила всю жизнь, постоянно воображая себя в той или иной ситуации. Поза, которую она решила принять на этот раз, — храбрая, все понимающая жена. Она настаивала на разводе. Развод должен был стать одним из так называемых дружеских разводов. Но расторжение брака на такой основе, как мне кажется, возможно только тогда, когда люди перестали заботиться друг о друге, вообще никогда не заботились или даже были неспособны к этому. Здесь был предмет для обсуждения. Счастье каждого должно быть сохранено. Элен собиралась открыть магазин одежды — об этом она говорила долгие годы. Мы оказались заинтересованы в этом все трое и подыскивали для магазина подходящее помещениe. Не правда ли, действительно трогательно?

На самом деле, мы все дурачили себя, заявляя, что дела идут к лучшему. Вот почему я сказала, что Джеймс и я испытывали благодарность к Энид Болам. Персонал в клинике узнал, что предстоит развод и что место Элен займу я. В связи с этим нам было высказано очень немного. Сама Болам никому не говорила о нашем разводе. Она не отличалась болтливостью, не была злобной, так что ее роль в нашей истории ограничивалась сообщением жене Багли. Думаю, что кому-нибудь из сотрудников мог проговориться Джеймс, но ни я, ни Болам никогда никому не сообщали о предстоящем разводе.

Затем случилось невероятное. Элен начала ломаться. Джеймс оставил ее в Суррее и жил в моей квартире. Он довольно часто виделся с ней. Сперва рассказывал немного, но я знала, что происходит. Конечно, она была больна, и мы понимали это. Она играла роль терпеливой, не жалующейся жены, и, согласно фильмам и романам, ее мужу теперь следовало бы вернуться к ней. Но Джеймс не возвращался. Он оберегал меня от переживаний в связи со случившимися скандалами, но я хорошо представляла, как на него действуют эти сцены, слезы, просьбы, угрозы покончить жизнь самоубийством. Сегодня она соглашалась на развод, завтра не хотела и слушать о том, чтобы дать ему свободу. Конечно, она не могла бы этого сделать. Сейчас я это понимаю. Дать ему свободу выше ее сил. Это унижает: говорить о муже, как о собаке, посаженной на цепь на заднем дворе. Пока это происходило, я все более и более отчетливо понимала, что продолжать борьбу дальше не в силах. Главным стало то, что долгие годы являлось только медленным процессом. Есть ли смысл пытаться все это объяснить? Не знаю. Имеет ли это отношение к расследованию? Девять месяцев назад я стала изучать основы религии с надеждой вступить в лоно католической церкви. Когда это стало известно, Элен отозвала свое заявление в суд о разводе и Джеймс вернулся к ней. Думаю, его больше волновало, что с ним произошло и к чему он идет. Но, во всяком случае, можно видеть, что у него нет причины ненавидеть Болам. Не так ли? Врагом стала я.

Далглиш подумал, что она не так уж яростно боролась. Румяное, здоровое лицо с широким и слегка скошенным носом, большим жизнерадостным ртом не очень соответствовало трагедии. Он вспоминал, как выглядел доктор Багли в свете настольной лампы в кабинете мисс Болам. Конечно, глупо и самонадеянно пытаться определить степень страдания по чертам лица или выражению глаз. Однако

разум мисс Саксон казался столь же упруг и жизнерадостен, как и ее тело. Это не означало, что она менее чувствительна, потому что выражала большее спокойствие. Но он испытывал глубокое сочувствие к Багли, отвергнутому любовницей в момент величайшего испытания счастья личной жизни, которого никто не мог ни разделить, ни понять. Вероятно, никто не мог бы себе представить в полном объеме значение такой измены. Далглиш не претендовал на то, чтобы понять мисс Саксон. Нетрудно вообразить, что сотрудники клиники попытались бы сделать это. В голову легко приходили летающие на поверхности объяснения. Но он не мог поверить, что Фредерика Саксон ушла в религию от собственной сексуальности или что она бежит от действительности. Он думал о некоторых фразах, сказанных ею о Энид Болам:

«Кто бы мог подумать, что Болам захочет взглянуть на персонажей Ануя?.. Видимо, ей послали бесплатный билет... Даже Болам распознавала любовь, когда видела ее... Она могла заставить звучать вульгарно практически все...» Далглиш был слишком далек от веры, заменяя понятие религиозности размышлением о сексуальности. Однако в словах Фредерики не звучала подлинная злость. Она говорила то, что думала, и была довольно беспристрастна в отношении мотивов своих поступков. Возможно, в клинике она считалась лучшим знатоком человеческих характеров.

Внезапно, отклоняясь от главной темы, Далглиш спросил:

— Кто, по-вашему, убил ее, мисс Саксон?

— Судя по характеру и подробностям преступления, наличию таинственных телефонных звонков из подвала, предполагаемому движению лифта и достоверным алиби?

— Судя по характеру и подробностям преступления.

— Я бы сказала, что это Питер Нагль, — произнесла дама без колебаний.

Далглиш почувствовал разочарование. Впрочем, думать, что она может что-то действительно знать, было нелепо.

— Почему Нагль? — спросил он.

— Частично потому, что это мне кажется «мужским» преступлением. Очень характерна сама попытка нападения. Я не могу себе представить женщину, убивающую таким образом. Думаю, что, находясь перед лицом не понимающей происходящего жертвы, женщина не могла бы дышать спокойно. Да еще стамеска! Использование ее с таким опытом наводит на мысль об идентификации орудия

убийства с убийцей. Почему он не воспользовался им иначе? Он мог наносить ей удары вновь и вновь статуэткой.

— Грязно, шумно и не наверняка, — сказал Далглиш.

— Но стамеска — достаточно верное орудие в руках человека, который знает, что способен умело воспользоваться ею, человека, который в буквальном смысле является «мастером на все руки». Я не могла бы себе представить, например, доктора Штайнера, убивающего таким образом. Он даже гвоздя на забьет, не сломав при этом молоток.

Далглиш был спокоен и мог согласиться, что Штайнер невинен. Его неловкость в обращении с инструментом упомянул не один сотрудник клиники. Скорее всего, он лгал, говоря, будто не знает, где хранилась стамеска, но Далглиш склонялся к мысли, что Штайнер действовал так из страха, а не стремясь скрыть вину. А его стыдливое признание, что он спал в ожидании мистера Бэджа, звучало вполне правдоподобно. Далглиш сказал:

— Сопоставление стамески и Нагля столь бросается в глаза, что и мы склонялись к тому, чтобы подозревать его.

Они допили кофе, и Далглиш подумал, что она хочет уйти, но, оказалось, Фредерика Саксон не торопилась. После секундной паузы она промолвила:

— Мне бы хотелось сказать еще несколько слов, уже в пользу другого человека. Этот человек — Калли. Здесь нет ничего важного, но кое-что вам следует знать, и я обещала себе рассказать вам об этом. Бедный старый Калли утратил последний рассудок, а его и в лучшие дни было не так много.

— Я знаю, что кое в чем он солгал, — сказал Далглиш. — Думаю, он видел, как кто-то прогуливался по холлу...

— О нет! Ничего похожего на это я сказать не могу. Я о другом. Это касается резинового фартука, пропавшего из отделения трудовой терапии. Вы сделали вывод, что убийца мог надеть фартук. Но Калли позаимствовал его на время из отделения в прошлый понедельник, он надевал его, когда красил эмульсионной краской свою кухню. Вы знаете, какие проблемы возникают с красками. Он не спрашивал у мисс Болам разрешения взять фартук, поскольку знал, что ответ будет отрицательным, а к миссис Баумгартен обратиться не мог, так как та болеет. Он собирался положить фартук на место в пятницу, но когда старшая сестра вместе с вашим сержантом проверяли кладовую и спросили его, не видел ли он фартука, испугался и ответил «нет». Он не слишком умен, к тому же боялся, что вы заподозрите его из-за этого в убийстве.

Далглиш спросил, когда Калли рассказал ей об этом.

— Я знала, что фартук у него, потому что видела, как он его брал. Предполагая, что он сильно встревожен, встретила с ним вчера утром. Когда Калли волнуется, у него начинаются боли в желудке, и я решила, что будет лучше, если кто-нибудь присмотрит за ним.

— А где фартук сейчас? — спросил Далглиш.

Мисс Саксон рассмеялась:

— Лежит в одном из мусорных баков Лондона, если только их уже не опорожили. Бедный старый Калли не стал класть его в бак у своего дома, опасаясь, что это проверит полиция, и не смог его сжечь, потому что живет в муниципальной квартире с электрическим отоплением и без камина. Поэтому он подождал, пока жена уляжется спать, бодрствовал до одиннадцати часов, а потом разрезал фартук на куски кухонными ножницами. Он положил куски во множество бумажных пакетов, запихал их в портплед и поехал на автобусе номер тридцать шесть до Харроуруд, чтобы оказаться подальше от своего дома. Затем вышел из автобуса и опускал по одному пакету в каждый из встреченных по дороге мусорных баков, а металлические пуговицы бросил у решетки водостока. Это было для него страшное дело, и бедняга едва добрался домой живым от усталости и болей в желудке, так как опоздал на последний автобус. Когда я дозвонилась ему на следующее утро, он был не в лучшей форме, но я убедила его, что это не является делом жизни или смерти, особенно смерти. И сообщила, что введу вас в курс дела.

— Благодарю вас, — сказал Далглиш. — Больше вам не в чем признаваться? Или ваша совесть возражает против передачи несчастного психопата правосудию?

Она рассмеялась, надела пальто, накинула платок поверх своих темных распущенных волос, завязала его.

— Ох, нет! Если бы я знала, кто совершил убийство, я бы вам рассказала. По правде говоря, мне не нравятся убийства и я вполне законопослушна. Но ведь речь идет о правосудии. Это ваш термин. Прошу вас, я бы хотела сама заплатить за свой кофе.

«Она не хочет считать, будто я купил у нее информацию, даже если речь идет о паршивом шиллинге», — подумал Далглиш, и едва удержался от искушения сказать, что кофе входит в официальные издержки, на мгновение представив сарказм тех выражений, которые обрушились бы на него. В целом она ему понравилась, хотя ее уверенность и

самодовольство раздражали. Вероятно, то, что он чувствовал, можно назвать завистью.

Когда они выходили из кафе, Далглиш спросил, не направляется ли она в клинику.

— Нет, по утрам в понедельник я свободна. Но я буду в клинике завтра.

Фредерика Саксон чинно поблагодарила его за кофе, и они расстались. Он двинулся на восток, в сторону клиники, а она в направлении Стрэнда. Обернувшись на мгновение, чтобы посмотреть на ее стройную темную фигуру, он представил себе Калли, пробирающегося в ночном полумраке со своим трагическим узелком, почти оцепеневшего от страха. Далглиш не удивился, что старый портье настолько доверился Фредерике Саксон, на месте Калли, он, возможно, поступил бы так же. «Она, — думал Далглиш, — сообщила много интересной информации, но оказалась неспособной подтвердить алиби доктора Багли или собственное».

* * *

Миссис Босток, с блокнотом наготове, сидела рядом с креслом доктора Этериджа, скрестив элегантные ноги и приподняв голову в сознании торжественности момента, как всегда, когда выслушивала распоряжения главного врача.

— Старший инспектор Далглиш звонил по телефону и сказал, что скоро будет здесь. Он хочет снова видеть кое-кого из персонала и просил о беседе со мной перед ленчем.

— Не представляю, как вы сможете встретиться с ним до ленча, доктор, — сказала миссис Босток подавленно. — На два тридцать назначено заседание комитета профсоюза, а у вас даже не хватило времени взглянуть на повестку дня. Доктор Тэльмадж из Соединенных Штатов записан на двенадцать тридцать, а я рассчитывала, что вы подиктуете мне в течение часа, начиная с одиннадцати.

— Это подождет. Боюсь, старший инспектор займет большую часть предназначенного вам времени. У него какие-то вопросы по работе клиники.

— Я не вполне поняла, доктор. Вы имеете в виду, что его интересует расстановка высшего руководства?

Голос миссис Босток являл собой приятную смесь удивления и неодобрения.

— По-видимому, так, — ответил доктор Этеридж, — он упомянул о журнале регистрации деловых встреч, указателе диагнозов, журналах, где регистрируется входящая и исходящая корреспонденция, и системе медицинских записей.

Будет лучше, если вы лично свяжетесь с ним. Если мне надо будет диктовать, я пошлю за мисс Придди.

— Естественно, я сделаю все, что смогу, — произнесла миссис Босток. — К сожалению, он выбрал один из самых загруженных дней. Было бы проще составить программу заранее, если бы, конечно, я знала, что потребуется.

— Мне представляется, что мы все хотели бы это знать, — ответил главный врач. — Я могу лишь ответить на его вопросы, столь же полно, как и вы. И, пожалуйста, передайте Калли, как только он появится, чтобы позвонил мне.

— Хорошо, доктор, — сказала миссис Босток, признавая свое поражение, и удалилась.

Этажом ниже, в кабинете электроконвульсивной терапии, доктор Багли опустился в белое кресло, предложенное медсестрой Болам.

— Миссис Кинг будет проходить здесь курс лечения ЛСД, как обычно, в среду. Думаю, лучше всего было бы предоставить ей один из кабинетов психологической совместности на третьем этаже. Ведь по вечерам в среду мисс Кеттл не бывает в клинике, не так ли? Поговорите с ней. В противном случае мы могли бы воспользоваться кабинетом мисс Калински или одной из тех маленьких комнаток для бесед, что расположены за ним.

— Это будет удобно для вас, доктор? — спросила медсестра Болам. — Вам придется подниматься на два лестничных пролета, когда я позвоню.

— Ничего со мной не случится. Я могу выглядеть ввалившимся в старческое слабоумие, но своими ногами пока еще пользуюсь.

— А как быть с кушеткой, доктор? Думаю, мы могли бы установить там носилки. Как вы считаете?

— Согласен. Поручите это Наглю. Я не хочу, чтобы вы в одиночку ходили по подвалу.

— Но я не боюсь. В самом деле не боюсь, доктор Багли. Доктор Багли вышел из себя.

— Ради Бога, медсестра, пораскиньте умом. Конечно, вы не бойтесь! Где-то в этой клинике находится проклятый убийца, и никто, за исключением вас, не будет чрезмерно счастлив оказаться в подвале в одиночку. Если вы в самом деле не боитесь, имейте достаточно здравого смысла скрывать это, особенно от полиции. Где старшая сестра? В главной канцелярии?

Он снял трубку и торопливо набрал номер:

— Старшая сестра? Это Багли. Я только что сказал

медсестре Болам, что меня не приводит в восторг идея пользоваться на этой неделе подвалом.

Отчетливо донесся голос старшей сестры Амброуз:

— Как считаете нужным, доктор. Но подвал подходит больше. Если мы направим в отделение электроконвульсивной терапии подменную медсестру, я смогла бы охотно остаться с медсестрой Болам внизу. Мы могли бы обслужить миссис Кинг вдвоем.

Доктор Багли коротко бросил:

— Я хочу, чтобы вы, как обычно, были в отделении электроконвульсивной терапии, старшая сестра, а пациент, принимающий курс ЛСД, поднимется наверх. Я надеюсь, вы это наконец поняли.

* * *

Два часа спустя в кабинете главного врача Далглиш поставил на стол доктора Этериджа три черные металлические коробки, каждая из которых имела маленькие круглые отверстия на торце и содержала карточки телесного цвета. Это был указатель диагнозов. Далглиш сказал:

— Миссис Босток объяснила мне, что это. Если я правильно ее понял, каждая из карточек представляет пациента. Записанная по истории болезни информация закодирована, и код пациента помещен на карточку. Карточки прокомпьютеризованы рядами маленьких дырочек, расстояние между которыми пронумеровано. Пробив любое число ручной машинкой, я разрезаю карточку между двумя соседними отверстиями, получая продолговатый разрез. Если затем пропустить металлический стержень через, скажем, номер двадцать и продеть его прямо сквозь карточки, а затем поворачивать коробку, все карточки, на которых пробито это число, окажутся на поверхности. Это в самом деле одна из простейших перфорационных карточных систем.

— Да. Мы используем эту систему главным образом в качестве указателя и для исследований.

Если главный врач и был удивлен заинтересованностью Далглиша, то не подал виду. Старший инспектор продолжал:

— Миссис Босток сказала мне, что вы не кодируете историю болезни до тех пор, пока пациент не закончит курса лечения, и что эта система вступила в действие в тысяча девятьсот пятьдесят втором году. Это означает, что наблюдаемые сейчас больные еще не имеют карточек, если, конечно, не лечились здесь раньше, а те пациенты, которые окончили лечение до пятидесят второго года, вообще не включены сюда.

— Да. Нам хотелось бы включить более ранние случаи, но это вопрос рабочего времени персонала. Кодирование и перфорация отнимают много времени и сил, ведь это дополнительная работа. Сейчас мы кодируем записи февраля тысяча девятьсот шестьдесят второго года.

— Пробив однажды карточку больного, вы можете найти любой диагноз или категорию пациентов? Те, которые нужны?

— Да. — Главный врач слегка улыбнулся. — Я не хочу сказать, что мы можем сразу же выбрать карточки всех местных слабоумных, у которых были голубоглазые бабушки и которые родились в законном браке, потому что мы не кодируем информацию о дедушках и бабушках. Но то, что закодировано, может быть без проблем извлечено.

Далглиш выложил на стол тонкую папку из манильской пеньки.

— Миссис Босток одолжила мне инструкцию по кодированию. Я убедился, что вы кодируете пол, возраст, семейное положение, адрес, диагноз, консультанта, который пользовал пациента, даты первого и последующих обращений и значительное количество деталей, относящихся к симптомам, лечению и его результатам. Вы также кодируете социальное положение. Мне это кажется интересным.

— Конечно, это необычно, — ответил доктор Этеридж. — Думаю, такой подбор был сделан главным образом по чисто субъективной причине. Но нам это нужно, потому что во многом полезно для исследований. Мы постоянно пользуемся подборками из главной регистратуры. Они довольно точны.

Далглиш провел тонким металлическим стержнем по своим пальцам.

— Значит, я могу выбрать карточки пациентов первого класса, которые проходили курс лечения восемь-десять лет назад, были женаты, имели семью и страдали, скажем, сексуальными расстройствами, kleptomанией или любым другим общественно-неприспосабливаемым нарушением поведения личности?

— Вполне, — тихо подтвердил главный врач. — Но я не вижу, зачем вам это может понадобиться.

— Это может быть использовано для шантажа, доктор. Мне пришло в голову, что мы столкнулись с ловко придуманным механизмом предварительного отбора жертвы. Вы пропускаете сквозь карточки стержень, и вот вам нужная. А каточка в правом верхнем углу помечена номером. Вни-

зу, в подвальной регистратуре, вас уже ждет заполненная история болезни.

— Это всего лишь предположение, — произнес главный врач. — Здесь нет ничего очевидного.

— Доказательств, конечно, нет, но это вполне вероятная версия. Обратимся к фактам. В среду днем мисс Болам видела секретаря правления после заседания и сказала ему, что в клинике все в порядке. Утром в пятницу, в двенадцать пятнадцать, она позвонила ему по телефону с просьбой о неотложном визите, так как здесь, в клинике, происходит нечто, что ему «следовало бы знать». Это было нечто серьезное, нечто, начавшееся задолго до появления здесь мисс Болам, то есть более трех лет назад.

— Что бы это ни было, вовсе не очевидно, что это послужило причиной ее смерти.

— Конечно, это не обязательно.

— На самом деле, если убийца хотел предотвратить встречу мисс Болам и Лоде, он сделал эту попытку довольно поздно. Ничто не помешало бы секретарю правления приехать сюда сразу после часа дня.

Далглиш возразил:

— Секретарь правления сказал, что не может приехать в клинику до окончания встречи, которая была намечена на послеобеденное время. Это позволяет нам задать вопрос: кто мог подслушать неофициальный разговор? Официально на коммутаторе сидел Калли, но большую часть дня он чувствовал себя неважно и время от времени, иногда всего лишь на несколько минут, его подменяли другие сотрудники. Нагль, миссис Босток, мисс Придди и даже миссис Шортгауз — все утверждают, что помогали ему на коммутаторе. Нагль не скрывает, что подменил его ненадолго в середине дня, прежде чем отправиться за пивом и ленчем, но утверждает, что не помнит точное время. Не помнит и Калли. Никто не берет на себя смелость признаться, что именно он дежурил на коммутаторе в момент звонка.

— Они могли не знать, даже если бы и дежурили, — возразил доктор Этеридж, — мы настаиваем на том, чтобы оператор не слушал разговоры. Это, помимо прочего, важно в нашей работе. Мисс Болам могла просто попросить соединить ее с конторой управления. Ей довольно часто приходилось звонить в финансовый отдел и отдел снабжения наряду со звонками секретарю правления. Она могла даже просто попросить дать городскую линию и позвонить по ней сама. Это возможно при пользовании определенной системой.

— Но и в таком случае разговор может быть подслушан человеком на коммутаторе.

— Думаю, это возможно.

— О том, что она ждет мистера Лоде, мисс Болам сказала Калли во второй половине дня, при этом могла упомянуть о предстоящей встрече и другим людям, — заметил Далглиш. — Мы этого не знаем. Никто, кроме Калли, не признается, что ему было об этом сказано. В подобных обстоятельствах это не удивительно. Сейчас же мне надо узнать, что именно мисс Болам хотела сказать мистеру Лоде. Одной из самых первых версий, которые могут возникнуть, я считаю версию шантажа. Бог знает, насколько это серьезно.

Минуту главный врач молчал. Далглишу показалось, что он обдумывает дальнейшие возражения, подбирая подходящие слова и выражения беспокойства или недоверия.

— Конечно, это серьезно, — наконец произнес он. — Бессмысленно тратить время, отрицая важность всего. Очевидно, сделав такое предположение, вы и проводили свое расследование. Чем я могу вам помочь?

— Надо попытаться выбрать предполагаемую жертву, позже, возможно, сделать несколько телефонных звонков.

— Вы знаете, старший инспектор, что истории болезни являются конфиденциальными документами?

— Я не прошу дать мне для ознакомления ту или иную историю болезни. Но если я и сделал бы это, ни вам, ни вашим пациентам не следует беспокоиться. Не начать ли нам? Давайте выберем больных первого класса. Вы могли бы назвать мне их коды?

К первому классу принадлежало значительное число пациентов клиники Стина. Обслуживаются только неврозы представителей высших слоев общества, подумал Далглиш. Поглядев секунду на поле предстоящего сражения, он сказал:

— Если бы я был шантажистом, мужчину или женщину я бы предпочел выбрать? Это, возможно, зависит от моего собственного пола. Женщина могла бы выбрать женщину. Но если важен постоянный доход, то лучше сделать ставку на мужчину. Давайте-ка пока отложим мужчин на потом. Мне представляется, что наша жертва живет вне Лондона. Рискованно выбрать бывшего пациента, который слишком легко может поддаться искушению обратиться в клинику и дать вам знать о происходящем. Думаю, что я бы выбрал себе жертву из маленького городка или деревни.

— Мы кодируем графство, если только адрес не лондон-

ский, — произнес главный врач. — Лондонские пациенты закодированы иначе — городом. Наилучшим для нас шагом в действиях было бы изъять лондонские адреса и посмотреть, что останется.

Так и было сделано. Теперь количество карточек, подлежащих рассмотрению, составляло всего несколько дюжин. Большинство пациентов Стина, как и можно было ожидать, проживали в Лондоне. Далглиш сказал:

— Женатые или одинокие? Трудно решить, какие из них более уязвимы. Давайте оставим этот вопрос открытым и приступим к диагнозам. В этой части я особенно нуждаюсь в вашей помощи, доктор. Сознаю, что это глубоко конфиденциальная информация. Я имею в виду, что вы выберете коды тех диагнозов или симптомов, которые могли бы представлять интерес для шантажиста. Деталей мне знать не надо.

И вновь главный врач замешкался. Далглиш, держа в руке металлический стержень, терпеливо ждал, пока доктор раскрывал книгу шифров, и сидел в молчании. Казалось, доктор Этеридж не видел ее страниц. Через минуту он встрепенулся и поднял глаза.

— Попробуйте коды двадцать три, шестьдесят восемь, шестьдесят девять и семьдесят один, — тихо сказал он.

Теперь оставалось только одиннадцать карточек. На правом верхнем углу каждой из них был нанесен номер истории болезни. Далглиш отметил номера и сказал:

— Это все, что мы можем получить от указания диагнозов. Теперь следует поступить так, как, думается, поступил бы шантажист, взглянув на истории болезни и изучив более подробно предполагаемые жертвы. Спустимся в подвал?

Главный врач, не говоря ни слова, встал. Спускаясь по лестнице, они встретили шедшую вверх мисс Кеттл. Она кивнула главному врачу и наградила Далглиша быстрым, задумчивым взглядом, как бы пытаясь понять, не встречала ли его раньше, не надо ли было его узнать. В холле беседовали доктор Багли и старшая сестра Амброуз. Когда Этеридж и Далглиш направились к лестнице в подвал, они замолчали, лица их стали серьезными. В другом конце холла сквозь стекло приемной конторки проступал серый контур головы Калли. Портье не обернулся, и Далглиш предположил, что Калли, занятый созерцанием входной двери, не услышал их.

Регистратура оказалась заперта, но уже не опечатана. В комнате портье Нагль надевал пальто, очевидно отправ-

ляясь на ленту. Он остался равнодушным, когда главный врач снял с крючка ключ от регистратуры, но проблеск интереса в его кротких мутноватых глазах не остался незамеченным Далглишем. И так, за ними внимательно наблюдали. Уже рано утром каждый в клинике должен был знать, что он, старший инспектор, проверяет указатель диагнозов, а затем посетит регистратуру. Для одного человека эта информация представляла крайне важный интерес. Далглиш надеялся, что убийца испугается и впадет в отчаяние, но опасался, что в связи с этим станет еще более опасным.

Доктор Этеридж включил в регистратуре свет, и лампы дневного освещения замирцали, пожелтели и вспыхнули белизной. Комната как бы обнажилась. Далглиш вновь ощутил ее характерный запах: смесь плесени, старой бумаги и нагретого металла.

Он стоял, не выказывая никаких эмоций, пока главный врач запирает дверь изнутри на замок и опускает ключ в карман. Сейчас здесь не осталось и признака того, что комната служила местом преступления. Порванные записки были приведены в порядок, папки расставлены по полкам, кресло и стол заняли свои обычные места.

Папки были связаны шпагатом в пачки по десять штук в каждой. Некоторые из них казались хранившимися столь долго, что едва не приклеились друг к другу. Шпагат впился в разбухшие пеньковые обложки, сверху лежал тонкий слой пыли. Далглиш сказал:

— Можно попытаться определить, какие из этих пачек развязывали с тех пор, как наверху избавились от записей и спустили их сюда на хранение. Некоторые из них выглядят так, будто их не касались годами. Допускаю, что какая-то пачка могла быть развязана с действительно невинными целями, чтобы извлечь запись, но мы можем также начать с записей из тех пачек, которые были очевидно развязаны в течение последнего года. Первые два номера относятся к группе с номерами около восьми тысяч. Они, кажется, на верхней полке? Есть ли у нас лестница?

Главный врач скрылся за первым рядом стеллажей и вновь возник уже с небольшой стремянкой, с трудом маневрируя ею в узком проходе. Глядя, как Далглиш поднимается по ступенькам, он сказал:

— Скажите, старший инспектор, это привлечение меня к вашим конфиденциальным делам означает, что вы исключили меня из списка подозреваемых? Если так, мне следует знать, каким образом вы пришли к такому заключению. Я не льщу себя надеждой, что вы верите, будто я

не способен на убийство. Уверен, что ни один детектив не думает так ни об одном человеке.

— И ни один психиатр, — добавил Далглиш. — Я не спрашиваю себя, способен ли человек на убийство вообще, я задаюсь вопросом, способен ли он именно на это конкретное убийство. Не думаю, что из вас получился бы умелый шантажист. Я не вижу, каким образом вам стало бы известно о предполагаемом визите Лоде. И сомневаюсь в том, что вам хватило силы или умения на убийство таким образом. Наконец, я думаю, что вы, возможно, являетесь тем самым человеком здесь, которого мисс Болам не могла бы заставить ждать. Даже если я ошибаюсь, вам бы было трудно отказаться от сотрудничества со мной. Не так ли?

Далглиш был умышленно краток. Яркие голубые глаза все еще смотрели на него, приглашая к откровенности, которую детектив не мог допустить, хотя откровенности в данный момент было трудно противиться.

Главный врач продолжал:

— За всю свою жизнь я столкнулся с тремя убийцами. Двоих из них опустили в негашеную известь. Один из двоих вряд ли знал, что делает, но не смог бы остановиться. Вы удовлетворены таким объяснением, старший инспектор?

— Никто, нормально ощущая жизнь, не был бы удовлетворен этим, — ответил Далглиш. — Но я не вижу, как это влияет на задачу, которую я сейчас решаю, — схватить убийцу прежде, чем он, или она, убьет кого-нибудь еще.

Главный врач больше не сказал ни слова. Они вместе нашли одиннадцать историй болезни, которые искали, и захватили их с собой наверх, в кабинет доктора Этериджа. Если Далглиш и предполагал, что главный врач столкнется с трудностями на следующем этапе расследования, то был приятно удивлен. Намек на то, что убийца может не ограничиться одной жертвой, разрушил последнее сопротивление. И когда Далглиш объяснил, чего именно он теперь хочет, главный врач не возражал.

— Я не спрашиваю у вас имена ваших пациентов, — сказал Далглиш. — Меня также не интересуют их заболевания. От вас требуется только, чтобы вы позвонили им домой и тактично поинтересовались, не обращались ли они по телефону в клинику совсем недавно, возможно, утром в пятницу. Вы могли бы объяснить, что кто-то сделал звонок, который необходимо проверить. Если звонил кто-то из этих больных, мне понадобится имя и адрес. Диагноза не надо. Только имя и адрес.

— Я должен просить согласия пациента на предоставление такой информации.

— Ну, раз должны, — сказал Далглиш, — оставляю это на ваше усмотрение. Все, о чем я прошу, это предоставить мне вашу информацию.

Условие главного врача было формальностью, и они оба знали это. Одиннадцать историй болезни лежали на письменном столе, и ничто не могло бы удержать Далглиша от следующих шагов. Он уселся на некотором расстоянии от доктора Этериджа в одном из больших кожаных кресел и с профессиональным интересом приготовился наблюдать за работой своего необычного помощника.

Главный врач снял трубку и попросил подключить его к городской линии. Номера телефонов пациентов были записаны в историях болезни, и первые же два звонка сократили количество возможных вариантов с одиннадцати до девяти. Оказалось, что пациенты со времени обращения в клинику сменили адрес. Доктор Этеридж извинился перед новыми владельцами этих номеров за беспокойство и набрал третий номер. Абонент ответил, и главный врач спросил, не может ли он поговорить с мистером Кальдекотом. После продолжительного потрескивания он сказал:

— Нет, я не слышал об этом. Очень печально. Правда? Нет, ничего важного. Просто старый знакомый. Прозвоня через Уилтшир, надеялся вновь повидать мистера Кальдекота. Нет, я не буду говорить с миссис Кальдекот, не хочу ее расстраивать.

— Умер? — спросил Далглиш, как только главный врач положил трубку.

— Да. По-видимому, года три назад. У бедняги оказался рак. Я должен отметить это в его истории болезни.

Он сделал запись. Далглиш терпеливо ждал. Следующий номер было трудно обнаружить, и возникло предположение, что он изменился. Когда наконец доктор Этеридж дозвонился, там не сняли трубку.

— Кажется, нам не везет, старший инспектор. Ваша версия была разумна, но, видимо, более остроумна, чем верна.

— Пока что у нас для проверки осталось еще семь пациентов, — тихо произнес Далглиш.

Главный врач пробурчал что-то о докторе Тэльмадже, которого он ждет, но заглянул в записи и снова набрал цифры. На этот раз пациент был дома и, по крайней мере, не был удивлен, услышав главного врача клиники Стина.

Он сделал длинное описание своего нынешнего психоло-

гического состояния, которое было выслушано доктором Этериджем с терпеливой симпатией и соответствующими репликами. Далглиш заинтересовался и даже слегка поразился тому умению, с которым был проведен разговор. Но этот пациент не звонил в клинику в последнее время. Главный врач положил трубку и некоторое время отмечал сказанное пациентом в истории болезни.

— Это явно наш успех. Он совсем не был удивлен тем, что я позвонил. Похоже, пациенты считают само собой разумеющимся, что врачи весьма озабочены их состоянием и думают о них лично все время, днем и ночью. Но он, увы, не звонил. Он не лжет, я вас уверяю. Это отнимет много времени, старший инспектор, но думаю, мы должны продолжить.

— Да, пожалуйста. Я сожалею, но мы должны продолжить.

Уже следующий звонок принсс настоящий успех. Сначала разговор показался очередным провалом. Из диалога Далглиш сделал вывод, что сам пациент недавно лег в больницу, а говорила его жена. Затем он увидел, как изменилось лицо главного врача, и услышал, как тот произнес:

— Звонили вы? Мы знали, что кто-то звонил, и пытались определить, кто именно. Полагаю, вы уже слышали об ужасной трагедии, случившейся у нас недавно. Да-да, это взаимосвязано.

Он подождал, слушая, что довольно долго говорила женщина на другом конце провода. Затем положил трубку и сделал краткую пометку в настольном блокноте. Далглиш молчал. Главный врач посмотрел на него озабоченно:

— Это жена полковника Фентона из Спритгс-Грин в Кенте. Приблизительно в полдень прошлой пятницы она звонила мисс Болам по очень важному делу. Она не захотела рассказывать об этом по телефону, и я решил, что лучше не оказывать на нее давления. Но ей хочется повидать вас как можно скорее. Я записал ее адрес.

— Благодарю вас, доктор, — сказал Далглиш и взял протянутый листок бумаги. Он не выразил ни удивления, ни облегчения, но сердце его пело. Главный врач покачал головой, словно все это оставалось за пределами его понимания.

— Миссис Фентон говорила как очень почтенная пожилая леди, которая строга в соблюдении всех правил хорошего тона, — сообщил он. — Она сказала, что была бы счастлива, если бы вы разделили с ней вечерний чай.

Сразу же после четырех Далглиш выехал в Спригтс-Грин. Это была ничем не примечательная деревушка, лежащая между шоссе, ведущими в Мейдстон и Кентербери. Ему не удалось вспомнить, проезжал ли он ее раньше. Деревушка оказалась немногочленной. «Она, — подумал Далглиш, — слишком далеко от Лондона, чтобы соблазнить владельцев сезонных билетов, и теперь не то очаровательное время, которое привлекает склонных к уединению влюбленных или художников и писателей, стремящихся к деревенскому покою с деревенской дешевизной жизнью». Коттеджи, заселенные главным образом сельскохозяйственными рабочими, небольшие садики, грядки с обычной и брюссельской капустой, разбросанные в беспорядке и покрытые рубцами от недавнего сбора урожая; окна домов в большинстве закрыты, предохраняя от вероломства английской осени.

Далглиш миновал церковь, ее невысокую колокольню, сложенную из кремниевой гальки, со сверкающими чистой стеклами окон, едва видными из-за окружавших ее каштанов. Церковный двор находился в беспорядке; однако это не было неприятным зрелищем. Трава между могилами уже скошена, видны следы попыток очистить гравийные дорожки от сорняков. Отделенный от кладбища высокой живой изгородью, стоял дом викария, угрюмое викторианское здание. За ним лежала маленькая зеленая травянистая лужайка, окруженная рядом коттеджей, среди них выделялись уродливого современного вида пивная и бензоколонка. За «Головой короля» находилась бетонная коробка автобусной остановки, там уныло ожидала группа женщин. Когда Далглиш проезжал мимо них, они быстро и без интереса посмотрели на него. Весной, без сомнения, окружающие вишневые сады могли бы придать очарование даже Спригтс-Грин. Однако сейчас небо дышало холодной сыростью, поля выглядели бесконечно промокшими, а медленная, словно траурная процессия коров, которых вели на вечернюю дойку, превратила обочину дороги в сплошную грязь. Чтобы пропустить коров, Далглиш снизил скорость до скорости пешехода, продолжая осматривать Спригтс-Грин. Ему не хотелось спрашивать дорогу.

Поиски не отняли много времени. Дом находился недалеко от дороги и был отгорожен от нее буковой изгородью, отливавшей золотом в угасающем свете дня. Дальше проезда не оказалось, и Далглиш осторожно припарко-

вал свой «купер-бристоль» на травянистой обочине, затем вошел в белую садовую калитку. Перед ним стоял низкий, неказисто построенный дом, крытый тростником. Он дышал уютом и простотой. Когда детектив обернулся, чтобы запереть за собой калитку, из-за угла дома вышла женщина и двинулась к нему навстречу. Она оказалась до того маленькой, что даже поразила Далглиша. Ведь мысленно он уже представлял дородную, туго затянутую в корсет жену полковника, снисходительно согласившуюся принять его, но только в удобное ей время и в удобном для нее месте. Действительность оказалась менее пугающей и более интересной. Было что-то величавое и слегка трагическое в том, как она шла ему навстречу по тропинке. Одета в толстую юбку и жакет из твида, без шляпки, ее густые светлые волосы развевал вечерний бриз. На ней были большие садовые перчатки, такие большие, что даже садовый совок, который она несла, выглядел детской игрушкой. Подойдя к детективу, она стянула правую перчатку и протянула ему руку, глядя встревоженными глазами, в которых почти незаметно просвечивало доверие. Но когда женщина заговорила, ее голос зазвучал неожиданно твердо.

— Добрый день, — сказала она. — Вы, должно быть, старший инспектор Далглиш? Меня зовут Луиза Фентон. Вы приехали на машине? Мне показалось, я слышала звук мотора.

Далглиш объяснил, где он оставил машину, и выразил надежду, что она никому не помешает.

— О нет! Не мешает. Но это не самый приятный способ доехать сюда. Вам было бы проще доехать на поезде до Мардена, а я бы послала за вами полицейского. У нас нет машины. Мы с мужем не слишком-то любим автомобили. Сожалею, что вам пришлось просидеть в машине всю дорогу от Лондона.

— Так было быстрес всего, — сказал Далглиш, удивленный тем, что ему приходится почти оправдываться в том, что он живет в двадцатом столетии. — Я хотел встретиться с вами поскорее. — Он старался не выдать голосом своей настойчивости, но внезапно увидел, как напряглись ее плечи.

— Да, да, конечно. Не хотите ли осмотреть сад, прежде чем мы войдем в дом? Уже смеркается, но время еще есть.

Она явно ожидала, что он проявит интерес к саду, и Далглиш без особой охоты согласился. Восточный ветер, поднявшийся на закате дня, пронизывал его насквозь, но он никогда не торопился начинать беседу. А эта беседа

обещала быть для миссис Фентон трудной, и она имела право оттянуть ее насколько можно. Он сам поразился своему нтерпению. В последние два дня его очень раздражало предчувствие неудачи, которое все более смущало, так как появилось совершенно необъяснимо. Следствие было еще только в самом начале. Ум подсказывал ему, что оно продвигается нормально. В этот момент он был близок к пониманию мотива преступления, а мотив, как он знал, был в этом деле решающим. В своей карьере в Скотланд-Ярде он пока что не имел несудач, но это дело с ограниченным числом подозреваемых и их затейливыми увертками выглядело неприятным претендентом на первую. А пока он беспокоился, раздосадованный беспричинными опасениями, уходило время. Возможно, дело только в осени. Возможно, и в том, что он устал. Далглиш поднял воротник пальто и постарался выглядеть заинтересованным и понимающим.

Они прошли через калитку за углом дома и оказались в главном саду.

— Я очень люблю свой сад, но многое мне не удается, — говорила миссис Фентон. — У меня растет далеко не все. Хотя мы и стараемся. У мужа уже все пальцы зеленые. Сейчас он в Мейдстоне в больнице на операции по поводу грыжи. Я так рада, что она прошла успешно. Вы увлекаетесь садоводством, старший инспектор?

Далглиш объяснил, что живет в городской квартире в Сити высоко над Темзой, а недавно продал свой коттедж в Эссексе.

— Я мало понимаю в садоводстве, — сказал он.

— Но вы все равно порадуетесь, взглянув на наш сад, — заметила миссис Фентон с мягкой настойчивостью.

Здесь в самом деле было на что посмотреть, даже при угасающем свете осеннего дня. Полковник дал полную волю своему воображению, создав картинное и недисциплинированное изобилие. Возможно, в качестве компенсации за вынужденную регламентацию большей части своей жизни. Там был маленький газон, окружающий пруд, в котором имелась рыба, пруд, обрамленный брусчаткой различной формы, непрерывный ряд шпалерных арок, ведущих с одной заботливо ухоженной делянки на другую, розарий с солнечными часами, где несколько последних роз все еще сияли белым цветом на своих безлистных стеблях, буковые заросли, тис и боярышник в качестве зеленого и золотого фона для запрудивших все хризантем. В низкой части сада пробегал маленький ручей, перекрытый через каждый десяток ярдов деревянными мостиками, которые свидетельст-

вовали если не о вкусе, то об усердии полковника. Аппетит приходит во время еды. Полковник, однажды успешно перебросивший мостик через ручей, не смог противостоять новым желанием. Как раз в эту минуту они стояли на одном из мостиков. Далглиш мог видеть вырезанные на перилах инициалы полковника. Под ногами маленький поток, уже наполовину запруженный первой опавшей листвой, играл свою печальную музыку. Неожиданно миссис Фентон сказала:

— Так, значит, кто-то убил ее. Я знаю, что должна чувствовать жалость к мисс, чем бы она ни занималась. Но не могу. Пока не могу. Мне следовало бы догадаться, что Мэтью не единственная жертва. Ведь шантажисты никогда не останавливаются на одной жертве, не так ли? Мне кажется, что кто-то не смог так жить больше и сделал свой выбор. Это ужасная вещь, но я понимаю того, кто это сделал. Я прочитала об убийстве в газетах, прежде чем позвонил главный врач. И знаете, старший инспектор, на минуту я стала счастлива. Ужасно говорить такие вещи, но это правда. Я была рада, что она мертва. Я подумала, что Мэтью теперь не надо ни о чем беспокоиться.

— Мы не думаем, что мисс Болам шантажировала вашего мужа, — мягко проговорил Далглиш. — Возможно, это была и она, но маловероятно. Мы думаем, ее убили как раз потому, что она обнаружила шантаж и решила его прекратить.

Суставы пальцев миссис Фентон побелели. Руки, схватившиеся за перила мостика, начали подергиваться.

— Боюсь, что я оказалась очень глупа, — сказала она. — Мне не следует больше занимать ваше время. Становится холодно, не так ли? Пойдемте в дом.

Молча они повернули к дому. Далглиш укоротил свой размашистый шаг, чтобы идти в ногу с тонкой прямой женщиной. Он с тревогой взглянул на нее. Та казалась очень бледной, и ее губы беззвучно шевелились. Но шагала она твердо, явно успокаиваясь. Он сказал себе, что не следует торопить события. Через полчаса, возможно даже через меньший промежуток времени, в его руках будет верный мотив преступления, мотив, подобный бомбе, которая сможет взрывом раскрыть сразу все дело. Но необходимо потерпеть. Далглиш снова ощутил смутное беспокойство, даже в эту минуту приблизившегося триумфа. Его преследовало предчувствие неудачи. В саду сгустились сумерки. Где-то тлел костер, и в ноздри проникал едкий дым. Газон под ногами превратился в мокрую губку.

Дом встретил их блаженным теплом и чуть различным запахом хлеба домашней выпечки. Оставив его, миссис Фентон направилась в комнату в дальнем конце коридора. Он предположил, что было дано распоряжение приготовить чай там. Затем ввела его в гостиную, в уют горящих в камине поленьев, отбрасывающих слабую тень поверх обитых ситцем кресел, дивана и поблекшего ковра, включила большой светильник, стоявший сбоку от камина, и задернула шторы, будто отгородившись от несчастья. Появился чай на подносе, который поставила на низкий столик флегматичная служанка в переднике, почти столь же старая, как и ее хозяйка, по-прежнему избегавшая смотреть на Далглиша. Чай был хорош. С чувством, которое слишком походило на жалость, Далглиш заметил, что затруднения миссис Фентон явно в его интересах. К чаю подали свежее выпеченные лепешки, два вида сандвичей, домашние пирожные и охлажденные взбитые сливки. Всего было слишком много, будто для чая школьников. Казалось, две женщины, столкнувшись с неизвестным и, скорее всего, нежеланным посетителем, нашли облегчение от неопределенности в подготовке этого ошеломляюще обильного пира. Было похоже, что миссис Фентон сама поражена представшим перед ней разнообразием. Она передвигала чашки по подносу, как обеспокоенная, неопытная хозяйка. Только когда Далглиш был обеспечен чаем и сандвичем, она вновь заговорила об убийстве.

— Мой муж посещал клинику Стина около четырех месяцев. Это было десять лет назад, когда он оставил армию. В то время он жил в Лондоне, а я оставалась в Найроби с невесткой, ожидавшей первенца. Я и не знала никогда, что муж проходил курс лечения, пока неделю назад он сам не рассказал мне об этом.

Она остановилась, и Далглиш сказал:

— Вы должны знать, что нас совсем не интересует, в чем состоит расстройство здоровья полковника Фентона. Это конфиденциальное медицинское дело, оно не касается полиции. Я не просил доктора Этериджа об информации, связанной с заболеванием, а если бы и попросил, то он не дал бы ее мне. Факт, что ваш муж подвергался шантажу, может быть скрыт, хотя я не думаю, что этого удастся избежать, но причина его обращения в клинику и детали лечения являются только вашим и его делом.

Миссис Фентон осторожно поставила свою чашку на поднос. Глядя на огонь, она произнесла:

— На самом деле я не думаю, что это мое дело. Я не

была расстроена тем, что он ничего мне не рассказывал. Это сейчас легко сказать, что мне следовало бы понять его и попытаться помочь. Думаю, он поступил достаточно умно, умолчав об этом. Люди так беспокоятся об абсолютной честности в браке, но это не слишком чутко — доверять такие мучительные вещи, если только вы не хотите действительно доставить страдания. И все же я хотела бы, чтобы Мэтью рассказал мне о шантаже раньше. Тогда он действительно нуждался в помощи. Вместе, я уверена, мы смогли бы что-нибудь придумать.

Далглиш спросил, когда это началось.

— Мэтью сказал, что около двух лет назад. Ему позволили по телефону. Голос напомнил ему о лечении в клинике Стина и процитировал некоторые из самых интимных подробностей, которые Мэтью рассказал психиатру. Затем голос предположил, что муж согласится помочь больным, пытающимся преодолеть те же затруднения. Многое было сказано об ужасных социальных последствиях в случае, если их не будут лечить. Все это было очень искусно и умно увязано, и не было ни малейшего сомнения, что последует затем. Мэтью спросил, каких действий от него ждут, и получил ответ, что ему следует отправлять пятнадцать фунтов в банкнотах так, чтобы они поступали в клинику с первой почтой первого числа каждого месяца. Если первое число приходилось на субботу или воскресенье, письмо должно было бы прибыть в понедельник. Ему следовало писать адрес зелеными чернилами и вкладывать в конверт вместе с деньгами записку, гласившую, что это посылает благодарный пациент. Голос сказал, что он может быть уверен в том, что деньги пойдут туда, где сделают наибольшее добро.

— Это был достаточно умный план, — сказал Далглиш. — Шантаж было бы трудно доказать, и сумма прекрасно рассчитана. Думаю, что ваш муж избрал бы иную линию поведения, если бы сумма оказалась чрезмерной.

— О, он так бы и сделал! Он никогда не позволил бы, чтобы нас разорили. Я не имею в виду, что мы могли себе позволить терять по пятнадцать фунтов в месяц, но это была сумма, которую Мэтью вполне мог выкроить из своих личных денег, не вызывая у меня подозрений. А размер требований не увеличивался. И в этом его необычность. Мэтью всегда думал, что шантажиста никогда нельзя удовлетворить и он будет увеличивать свои требования, пока жертва не отдаст последний пенни. Но в этом случае было совсем не так. Мэтью послал деньги, чтобы они прибыли

первого числа следующего месяца, и ему вновь позвонили. Голос поблагодарил его за великодушный вклад и ясно дал понять, что больше пятнадцати фунтов не ждут. И высылать деньги в большей, чем сказано, сумме не надо. Звонивший сказал что-то о том, что вполне удовлетворен. По словам Мэтью, он почти смог убедить себя в правдоподобности истории. Около полугода назад он решил пропустить месяц и посмотреть, что получится. Было очень неприятно. Раздался еще один звонок, и угроза оказалась слишком явной. Голос повскал о необходимости спасти больных от социального остракизма и сказал, что жители Спрингс-Грина были бы очень огорчены, услышав об отсутствии у него великодушия. Мой муж решил продолжать платежи. Если бы в дерсушке действительно стали известны подробности лечения мужа, для нас это означало бы только одно — необходимость уехать отсюда. Моя семья живет здесь около двухсот лет, и мы оба любим этот дом. Мэтью получил бы сердечный приступ, если бы ему пришлось расстаться с садом. И потом, здесь еще и деревушка. Конечно, вы не видели ее во всей красе, но мы ее любим. Мой муж — здешний церковный староста. Наш маленький сын, погибший в дорожной аварии, похоронен здесь. Нелегко сниматься с насиженного места в семьдесят лет.

Да, это было бы нелегко. Далглиш не спросил ее, почему открытие вынудило бы их уехать. Более молодая, стойкая, искушенная в житейских делах пара, без сомнения, не обратила бы внимания на возникшую огласку, проигнорировала инсинуации и приняла смущенное сочувствие друзей с твердой уверенностью, что ничто не длится вечно и что некоторые вещи в деревенской жизни так же безжизненны, как прошлогодний снег. Жалость было бы принять труднее. Возможно, что именно боязнь жалости вынуждает большинство жертв уступать. Далглиш спросил, что сделало происходящее явным.

— Откровенно говоря, две вещи. Первое: нам с некоторых пор потребовалось больше денег. Младший брат мужа неожиданно умер месяц назад, оставив свою вдову почти без средств. Она инвалид и вряд ли проживет больше года или двух, но, к счастью, она живет в доме престарелых под Норвичем и хочет остаться там. Разумеется, встал вопрос с оплатой ее пребывания. Ей надо было дополнительно выделять пять фунтов в неделю, и я не могла понять, почему Мэтью столь обеспокоен этим. Конечно, это требовало более тщательного планирования нашего бюджета, но я думала, что мы справимся, но Мэтью, конечно, знал, что

нам это не удастся, если он будет продолжать посылать по пятнадцать фунтов в клинику Стина. Затем последовала его операция. Я знаю, что она была не слишком серьезна. Но любая операция — это риск, если тебе семьдесят лет, и он боялся, что может умереть и вся история выйдет наружу без его объяснения. Поэтому он рассказал обо всем мне. Я очень рада, что он сделал это. Довольный результатом, он лег в госпиталь, и операция прошла удачно. Действительно, очень удачно. Могу я предложить вам еще чаю, старший инспектор?

Далглиш передал ей чашку и спросил, что она решила предпринять. Теперь они приближались к сути дела, но он был по-прежнему осторожен, чтобы не вспугнуть ее или не показаться чрезмерно взволнованным. Вопросы и комментарии могли бы вполне принадлежать обычному гостю, поддерживающему вежливую беседу с хозяйкой. Она была пожилой леди, прошедшей через суровые испытания жизни и столкнувшейся теперь еще с одним, возможно даже большим, чем прежние. Ему представилось, что такое откровение с посторонним дается ей нелегко.

— Что я решила сделать? Да, это была проблема. Я была ограничена в своих действиях, понимая, что шантажиста надо остановить, но при этом мне хотелось, чтобы мы не пострадали в случае, если бы задуманное мне удалось. Я не очень умная женщина, — качать головой бесполезно, старший инспектор, если бы я была умной, убийства бы не произошло, — но я тщательно все продумала. Мне показалось, что лучшим выходом было бы посетить клинику Стина и встретиться с кем-нибудь из руководства. Объяснить происходящее, даже не упоминая своего имени, попросить их провести расследование и положить конец шантажу. Кроме того, они ведь знали о моем муже, так что мне не надо было посвящать в его тайну какого-нибудь нового человека, и они были столь же заинтересованы избежать скандала, как и я. Клиника выглядела бы в не слишком хорошем свете, если бы все открылось, не так ли? Возможно, для них поиск шантажиста был бы не очень трудным делом. Кроме того, предполагается, что психологи разбираются в человеческих характерах. И еще — это должен был быть кто-то работавший в клинике, когда туда поступил мой муж. Учитывая, что это женщина, поле розысков сужалось.

— Вы имеете в виду, что шантажировала женщина? — удивленно спросил Далглиш.

— О да. По крайней мере, голос по телефону, как казал муж, был женским.

— Он уверен в этом?

— У него не было никаких сомнений. Понимаете, ведь был не только голос. Были и другие признаки, подробности, о которых она говорила. Подробности эти относятся именно к представителям мужского пола, страдающим этой болезнью, по телефону говорили даже о том, сколько несчастий они могут причинить женщинам и так далее. Словом, все детали указывали на то, что звонила женщина. Муж хорошо запомнил все разговоры по телефону и может рассказать вам о своих наблюдениях. Думаю, вы захотите увидеть его возможно скорее, да?

Тронутый ее явной обеспокоенностью, Далглиш ответил:

— Если врач считает, что полковник Фентон чувствует себя достаточно хорошо для краткой беседы со мной, я бы хотел повидаться с ним сегодня вечером, заехав в больницу по пути в Лондон. Есть два момента, в которых лишь он может мне помочь, один из них — пол шантажиста. Я не побеспокою его больше, чем это необходимо.

— Уверена, что он сможет поговорить с вами. У него небольшая палата — там такие называют «мягкой комнатой», — палата для выздоравливающих, и он неплохо себя чувствует. Я сказала ему, что вы придете сегодня, и он не будет удивлен, увидев вас. Не думаю, что мне надо вас сопровождать, если только вы не считаете это необходимым. Уверена, он предпочитает видеть вас одного. Я напишу ему записку.

Далглиш поблагодарил ее и сказал:

— Это интересно, что ваш муж сказал о женщине. Конечно, он, может быть, и прав, но не исключена и хитрость со стороны шантажиста. Некоторые мужчины могут превосходно имитировать женский голос, да и подборку подробностей сделать не так трудно. Если полковник решил преследовать преступника в судебном порядке, то будет нелегко доказать его вину в этом конкретном преступлении. Насколько я вижу, доказательства здесь практически нет. Думаю, нам следует очень внимательно отнестись к вопросу о поле преступника. Но, извините, я прервал вас.

— Да, да, это очень важно определить, кто звонил — мужчина или женщина. Надеюсь, муж сможет вам в этом помочь. Ну так вот. Я решила, что лучше всего было бы посетить клинику. Я отправилась в Лондон утренним поездом в прошлую пятницу, побывала у маникюрши, кроме того, Мэтью в больнице была нужна пара вещей. Я решила

сначала зайти в магазин. Конечно, мне следовало бы прежде всего направиться в клинику. Была и другая ошибка. Я не могла избавиться от малодушия. Медлила, старалась вести себя так, будто не происходит ничего особенного, просто это обычный визит, который я совершаю между хождением по магазинам и маникюром. В конце концов я решила совсем не идти в клинику. Вместо этого я туда позвонила. Видите, я же сказала, что не слишком умна.

Далглиш спросил, что вызвало изменение плана.

— Оксфорд-стрит. Знаю, что это звучит глупо, но все случилось именно так. Я не бывала в Лондоне одна довольно долгое время и забыла, насколько он сейчас ужасен. Я любила его, когда была девчушкой. Тогда он казался чудесным городом. Теперь все изменилось, улицы показались мне заполненными ненормальными людьми и иностранцами. Я знаю, что не следует негодовать по их поводу — имею в виду иностранцев... Но... Я чувствовала себя там совсем чужой. И автомобили... Я попыталась перейти Оксфорд-стрит и очутилась на одном из островков между ними. Конечно, автомобили никого не убивали и никого не сбивали. Они бы и не смогли, даже двигаться не могли. Но смрад выхлопных газов... Ужасно. Я зажала нос платком, почувствовала себя дурно и чуть не потеряла сознание. Когда я добралась до тротуара, то вошла в магазин, чтобы отыскать там комнату отдыха для женщин. Комната была на четвертом этаже, и я потеряла много времени в поисках нужного лифта. Толпа ужасала. Давка, духота. Когда я добралась до комнаты отдыха, все стулья оказались заняты. Я прислонилась к стенке, удивляясь, что у меня еще есть силы стать в очередь за чем-нибудь съедобным для ленча, и вдруг увидела ряд телефонных будок. Внезапно я осознала, что могу просто позвонить в клинику и спасти себя от ужасной поездки туда, от тяжелого испытания во время изложения моего дела, сидя лицом к лицу с незнакомым человеком. Это было глупо, как я сейчас вижу, но тогда показалось очень хорошей мыслью. По телефону было бы легче скрыть, кто я такая, и я чувствовала, что смогла бы более подробно рассказать все. Мысль о том, что, если разговор окажется очень трудным, я смогу просто бросить трубку, тоже показалась мне неплохой. Видите, я смалодушничала, и единственным оправданием мне может служить сильная усталость, подобную трудно предположить. Я ожидаю, что вы скажете, мол, мне следовало бы отправиться прямо в полицию, в Скотланд-Ярд. Но Скотланд-Ярд — такое место, которое у меня ассоциируется с детек-

тивными рассказами и убийствами. Обычным людям едва ли кажется возможным, что он существует реально и что можно позвонить туда и рассказать о ваших затруднениях. А я обычный человек. Кроме того, я все еще очень беспокоилась о том, чтобы избежать скандала. Все, что я хотела, это остановить шантажиста. Видимо, это был не очень-то патристический поступок?

— Это был очень понятный поступок, — ответил Далглиш. — Не могли бы вы вспомнить, что сказали мисс Болам?

— Не совсем четко. Я боялась. Когда я нашла четыре пенни для телефона-автомата и отыскала в справочнике номер, несколько минут у меня ушло на решение вопроса, что я скажу. Мне ответил мужской голос, и я попросила соединить меня с администратором клиники. Затем раздался женский голос: «Администратор слушает». Я не ожидала, что трубку возьмет женщина, и внезапно мне в голову пришла мысль, что я разговариваю с самой шантажисткой. Разве это было исключено? Я сказала, что кто-то из сотрудников клиники, возможно она сама, шантажирует моего мужа и что я звоню сказать, мол, с этого момента никто не получит ни единого пенни и, если нам опять позвонят, мы обратимся прямо в полицию. Все это вырвалось у меня внезапно. Дальше меня всю затрясло, и пришлось опереться на стенку телефонной будки. Я высказывалась немного истерично. Когда она смогла вставить слово, то спросила меня, не являюсь ли я пациенткой, если да, то кто меня лечит, и сказала вроде, что пригласит кого-нибудь из врачей поговорить со мной. Она, наверное, решила, что я сошла с ума. Я ответила, что никогда не обращалась в клинику и что, даже если бы и нуждалась в лечении, избавь Боже от этого, то придумала что-нибудь лучше, чем обращаться в заведение, где неосторожность и горе пациентов сделали предметом шантажа. Я закончила разговор фразой, что в дело вовлечена женщина, что она работает в клинике около десяти лет и что, если администратор не замешана в этом, то она исполнит свой долг, раскрыв, кто занимается шантажом. Она попыталась договориться со мной о встрече или о том, чтобы я назвала себя, но я повесила трубку.

— Вы назвали ей какие-нибудь детали, с помощью которых был организован шантаж?

— Я рассказала ей, что мой муж ежемесячно высылает пятнадцать фунтов в конверте, адрес на котором написан зелеными чернилами. Именно тогда она стала настаивать,

чтобы я приехала в клинику или в крайнем случае назвала свое имя. Резко прекратив разговор, я, конечно, поступила грубо, но я очень испугалась, не знаю почему. Но я уже сказала все, что хотела сказать. Как раз в этот момент один из стульев в комнате отдыха освободился, я полчаса сидела, пока не почувствовала себя лучше. Затем я отправилась прямо на вокзал Чаринг-Кросс, съела там в буфете сэндвичи, выпила кофе и подождала поезда. Об убийстве я прочитала в субботней газете и посчитала само собой разумеющимся, что одна из других жертв — ведь там, конечно, должны были быть и другие — решила освободиться от шантажа. Я не связывала преступление с моим телефонным звонком, по крайней мере сначала. Затем я задумалась, не должна ли сообщить полиции, что творится в этом ужасном заведении. Вчера обсудила это с мужем, и мы решили впопыхах ничего не предпринимать. Мы решили, что лучше подождать и посмотреть, не будет ли дальнейших звонков от шантажиста. Это молчание не доставило большой радости. В газетах не сообщались подробности убийства, так что я не знала точно, что именно случилось. Но я поняла, что шантаж может быть каким-то образом связан с преступлением и что полиция пожелала бы узнать о нем. Пока я колебалась, что же предпринять, позвонил доктор Этеридж. Остальное вы знаете. Я все еще удивлена, как вы смогли меня найти.

— Мы нашли вас тем же способом, каким шантажист выбрал в качестве жертвы полковника Фентона, воспользовавшись диагностическим указателем клиники и историями болезни. Вам не следует думать, что в клинике Стина не заботятся о конфиденциальных документах. Доктор Этеридж чрезвычайно угнетен в связи с шантажом. Но нет никаких систем, полностью защищенных от умного и хитрого злоумышленника.

— Ведь вы найдете его? — спросила она. — Найдете?

— Благодаря вам, думаю, мы сможем это сделать, — ответил Далглиш. Когда он протянул руку, чтобы попрощаться, миссис Фентон внезапно спросила:

— На кого она была похожа, старший инспектор? Я имею в виду убитую женщину. Расскажите мне о мисс Болам.

— Ей был сорок один год, — сказал Далглиш. — Не мужем. Я не видел ее живой, но знаю, что у нее были светло-каштановые волосы и серо-голубые глаза, склонность к полноте, густые брови, тонкие губы. Она была единственным ребенком в семье, родители ее уже умерли.

Жила довольно одинокой жизнью, но для нее многое значила церковь и то, что она являлась капитаном скаутов. Любила детей и цветы. Она была человеком, знающим, что такое совесть, и квалифицированным администратором, но не очень хорошо понимала людей. Она была добра к ним, когда у них появлялись затруднения, но люди считали ее слишком жесткой, лишенной чувства юмора и склонной все осуждать. Думаю, в чем-то они были правы, хотя это была женщина с сильно развитым чувством долга.

— Я виновата в ее смерти. И признаю это.

— Вы ведь знаете, что это не так, — мягко сказал Далглиш. — В этом виновен только один человек, и благодаря вам мы найдем его.

Она отрицательно покачала головой:

— Если бы я сразу же обратилась к вам или хотя бы набралась смелости прийти в клинику, вместо того чтобы звонить по телефону, сейчас она была бы жива.

Далглиш подумал, что Луиза Фентон заслуживает большего, чем успокоения путем вежливой лжи. Да и даст ли ей ложь успокоение?

— Думаю, это могло быть правдой, — ответил он. — Но ведь слишком много «если». Мисс Болам могла бы остаться сегодня живой, если бы секретарь правления отменил встречу с нею, если бы поторопился в клинику, если бы она сразу сама отправилась к нему, если бы старый портье не страдал бы болями в желудке... Вам кажется, что вы думаете правильно, а все остальные ошибаются. Но только кажется.

Она коснулась рукой плеча Далглиша, будто он нуждался в утешении.

— Думаю, я не смогла вам достаточно помочь. Пожалуйста, простите меня. Вы были очень терпеливы и любезны. Можно я задам один вопрос? Вы сказали, что благодаря мне схватите убийцу. Вы уже знаете, кто он?

Глава седьмая

Вернувшись через два часа в свой кабинет в здании Скотланд-Ярда, Далглиш обсудил этот случай с сержантом Мартином. Перед ним на письменном столе лежала раскрытая папка.

— Вы считаете, сэр, что рассказ миссис Фентон соответствует истине?

— Да. Полковник сообщил то же самое. Теперь у него

позади сразу два тяжелых испытания — операция и исповедь жене, но, вообще-то, он не был склонен принимать всерьез ни то, ни другое. Я обратил его внимание на то, что, возможно, женщину убили прежде, чем убийца изучил все обстоятельства. И тогда он выложил мне все целиком. Все! Рассказ соответствовал тому, что мне сообщила миссис Фентон, за исключением одного любопытного дополнения. Как вы думаете — какого? Догадайтесь. Даю вам три попытки.

— Неужели кража со взломом? Это был Фентон?

— Черт побери! Мартин, порой вы преподносите сюрпризы. Да, это был полковник. Он не брал пятнадцать фунтов. Но я бы не стал его обвинять, даже если бы он сделал это. В конце концов, деньги были его. Он решил забрать их, если они попадутся ему на глаза. Но, конечно, этого не случилось. У него было другое намерение: найти и взять медицинские документы. Во многом ему было не разобратся, но он совершенно четко понимал: только история болезни реально свидетельствует об установленном врачом за время, когда он был пациентом клиники Стина, диагнозе. Несмотря на то что в своей оранжерее он имел практику вырезания стекла алмазом, он потерпел неудачу и, когда услышал, что появились Нагль и Калли, обратился в бегство. Но до этого в главной канцелярии он нашел одну из папок и стал ее просматривать. Когда он обнаружил, что истории болезни пронумерованы, то понял, что потерпел поражение. Дело в том, Мартин, что он совершенно забыл свой клинический номер. Думаю, он просто вычеркнул его из памяти, когда вновь почувствовал себя здоровым.

— Значит, клиника что-то сделала для него?

— Сам он так не считает. Я убежден, что он не является редким исключением среди пациентов клиники. Психиатрам есть от чего прийти в уныние. Да и вообще... Ведь не стремятся же врачи перед хирургической операцией объяснять больным, что на успех выпадает только половина шансов. Нет, полковник не чувствовал ни особенной благодарности к клинике Стина, ни желания открыть клинике большой кредит за избавление его от беспокойства. Думаю, он был прав. Не думаю, чтобы доктор Этеридж смог бы вразумительно объяснить, как они ухитряются сделать достаточно много для психически больных за те четыре месяца, которые, скажем, длилось лечение Фентона. Его лечение, если это можно назвать лечением, вероятно, в определенной степени послужило причиной увольнения из

армии. Трудно сказать, приветствовал ли он такой поворот или, наоборот, боялся его. Но нам лучше избежать соблазна стать любителями-психологами.

— Что полковник представляет собой, сэр?

— Низенький. Вероятно, выглядит ниже из-за своей болезни. Волосы песочного цвета, мохнатые брови. Похож на маленького злого зверька, выглядывающего из норы. Как личность намного слабее, чем его жена, несмотря на то, что миссис Фентон кажется хрупкой. Общеизвестно, как трудно лежать в больничной постели одетым в длинную больничную пижаму и выслушивать предупреждения грозной старшей сестры, мол, будьте пай-мальчиком и не болтайте слишком долго. Полковник не очень помог нам в отношении голоса. Говорит, будто голос был похож на женский и будто он его раньше никогда не слышал. С другой стороны, он не проявил никакого удивления, когда я предположил, что голос могли изменить. Но он был искренним и, очевидно, не мог рассказать больше, чем рассказал. Он просто больше ничего не знал. Но все равно мы продвинулись вперед в установлении мотивов. А это один из тех редких случаев, когда знание «почему» является знанием «кто».

— У вас уже есть основания установить — кто?

— Нет еще. К сожалению, мы не готовы. Нам теперь надо позаботиться о том, чтобы увязать отдельные детали вместе.

Далглиш снова почувствовал расколаживающее предчувствие неудачи. И стал анализировать случившееся, будто уже не добился успеха. Где был допущен неверный ход? Он почувствовал, что вышел на след убийцы, в кабинете главного врача, когда разобрался с диагностическим индексом-клиники. Факта этого было вполне достаточно для вывода — искать надо в клинике и ее окружении. Он и собирался это делать.

— Думаю, вы побывали дома у Придди? — спросил Далглиш. — Она замужем?

— Вне всяких сомнений, сэр. Я был там вечером и дружески побеседовал с ее родителями. К счастью, мисс Придди не было, она ушла за рыбой и жареным картофелем к ужину. Они живут в крайне стесненном материальном положении.

— Понятно... Однако продолжайте.

— Могу доложить не очень много, сэр. Они живут в одном из тех домов, которые спускаются террасой к южной железнодорожной линии, ведущей в Клапэм. Дом уютный и милый, но без телевизора и подобных ему современных

вещей. Предполагаю, это из-за их религиозности. Обоим супругам Придди уже за шестьдесят, думаю, не ошибся. Дженифер для них все еще ребенок. Ее матери во время родов было больше сорока лет. Это довольно обычная история для подобных браков. Я удивлен, что они рассказали мне об этом, но они не умолчали. Дженифер и ее будущий муж встречались, а когда должен был появиться ребенок, поженились.

— Довольно жалкий союз. Молодое поколение думает, что знает о сексе все, и поэтому совершенно бесцеремонно обращается с несколькими основополагающими факторами. Однако эти маленькие несчастья никого в наши дни не волнуют.

Далглиша поразила горечь, с которой он высказал эти свои слова. В самом деле, было ли необходимо, чтобы он так страстно протестовал в связи с этой маленькой трагедией? Что с ним произошло?

— Видимо, Придди — заботливые люди, — продолжал Мартин. — Обычно дети сами беспокоятся о стариках, но при этом презирают старшее поколение. Придди намного душевнее. В доме не слишком много комнат, но родители уступили первый этаж и сделали там для молодой пары отдельную маленькую квартиру. Они мне показали ее. Действительно, очень мило.

Далглиш подумал, как сильно он не любил выражение «молодая пара» с его уютным оттенком радующей глаз домашней жизни и скрытым за ним отголоском будущего разочарования.

— Вы добились успехов, хоть визит и был коротким, — сказал он.

— Мне они понравились, сэр. Хорошие люди. Брак, конечно, распался окончательно, и я думаю, что они задумались теперь, правильно ли поступили, торопя события. Муж Дженни оставил Клапэм свыше двух лет назад, и никто не знает, где он. Они назвали мне его имя и показали фотографию. Он не имеет ничего общего с клиникой Стина, сэр.

— Я не думаю, чтобы он был связан с нею. Мы вряд ли рассчитывали обнаружить, что Дженифер Придди окажется миссис Генри Этеридж. Ее родители и муж не имеют отношения к преступлению.

Далглиш даже не мог припомнить, как много времени провел в гостиных, спальнях, пабах и полицейских участках, разговаривая с людьми, которые вошли, пусть порой ненадолго, в соприкосновение с этим убийством. Насильст-

венная смерть приходит, как великий освободитель от сдерживающих факторов, судорожный пинок, заставляющий кувырком падать с вершин такого множества муравейников. Его работа, исполняя которую он, конечно, мог ввести себя в заблуждение, что служебные обязанности не являются трудными, раскрывала мимолетно сокровенные тайны жизни многих мужчин и женщин. Далглиш мог никогда не встретить их снова, разве что в качестве полужнакомых лиц лондонской толпы. Но разве это меняло дело? Иногда он презирал свое собственное изображение терпеливого, незапутавшегося, нестроного судебного исследователя страданий и грехов других людей. Как долго мог ты оставаться беспристрастным, удивлялся он себе, прежде чем погубил собственную душу?

— Что произошло с ребенком? — внезапно спросил он.

— У нее был выкидыш, сэр, — ответил Мартин.

«Конечно, — подумал Далглиш. — Ничего не бывает окончательно благополучным для таких, как Придди». В тот вечер он почувствовал, что также заразился их несчастьем. И спросил, узнал ли что-то Мартин о мисс Болам.

— Кроме того, что мы уже знаем, немного. Они посещали одну и ту же церковь, и Дженифер Придди состояла в женской организации скаутов вместе с мисс Болам. Старики говорили о ней с большим уважением. Она помогала тем, у кого должен был появиться ребенок, — у меня сложилось впечатление; что она даже платила, желая приготовить для этого дом. Когда брак Дженни не удался, мисс Болам предложила ей пойти работать в клинику Стина. Я думаю, старики были бы рады, если бы кто-то присматривал за Дженни. В общем, о личной жизни мисс Болам нового я узнал мало. Но... Понимаете, сэр, мне бросилось в глаза, как внезапно изменилась Дженифер. Произошло это после того, как она возвратилась с ужином. Миссис Придди попросила меня задержаться и поесть с ними, но я отказался. Вы знаете, на ужин у них была рыба с жареным картофелем. Родители позвали ее попрощаться со мной. Выйдя из кухни, она выглядела, как при смерти. Постояла секунду или две, но старики, кажется, ничего не заметили. Однако я видел, Дженни была очень сильно напугана.

— Возможно, вы что-то там обнаружили. Она могла подумать, что вы упомянете о ее дружбе с Наглем.

— Не думаю, что это было так, сэр. Когда она вернулась из магазина, в ней не было ничего необычного. Я объяснил ей, что просто веду с ее родителями дружеский разговор; ведь они были друзьями мисс Болам и, может быть,

в состоянии сообщить нам что-нибудь полезное о ее личной жизни. Это не должно было встревожить ее. И, судя по внешнему виду, не встревожило. А пять минут спустя она появилась совершенно потрясенная.

— Никто в это время не приходил в дом? Никто не звонил по телефону?

— Нет. Я ничего не слышал. Телефонную трубку никто не брал. Мне кажется, что-то произошло с нею, когда она находилась в кухне. Я не мог расспросить ее, незаметно развязать ей язык. Но родителям рассказал об этом и попросил их, если они о чем-нибудь узнают, сразу сообщить нам.

— Мы должны обязательно увидеть ее снова, и чем раньше, тем лучше. Алиби Нагль должно быть разрушено, только она одна и может это сделать... Я не думаю, что девочка сознательно лгала или намеренно утаила очевидное. Истина просто никогда не приходила ей в голову.

— Мне кажется, сэр, пока у нас нет мотивов. Что вы хотите сделать? Заставить его немного подражать от страха?

— Я не рискну, Мартин. Это опасно. Нам следует спешить. Я думаю, мы должны сейчас же отправиться к Наглю и дружески поболтать с ним.

Но когда двадцать минут спустя они добрались до Пимлико, квартира оказалась закрытой и сложенный клочок бумаги выглядывал клином из-под дверного молотка. Далглиш развернул записку и прочитал вслух:

«Милый! Прости, что скучала по тебе. Я должна срочно поговорить с тобой. Если я тебя не увижу сегодня вечером, буду завтра в клинике как можно раньше. Люблю. Дженни».

— Подождем его здесь, сэр?

— Сомневаюсь в целесообразности этого. Думаю, я могу догадаться, где он. Сегодня утром, когда мы звонили, на коммутаторе сидел Калли, но я уверен, что Нагль и, вероятно, все остальные в Стине узнали, как я заинтересовался медицинскими документами. Я просил доктора Этериджа положить их обратно, когда уеду. Нагль раз или два в неделю заходит вечером в Стин, чтобы проверить паровой котел и закрыть кран сушилки отделения терапии. Предполагаю, что он сегодня вечером воспользовался случаем и посмотрел истории болезни. Это, вероятно, побудило его к действиям. Нам в любом случае надо заглянуть туда.

Когда автомобиль двинулся по направлению к северному берегу реки, Мартин сказал:

— Нетрудно заметить, что он нуждается в деньгах.

Снимать такую квартиру на жалованье портье... А кроме того, сколько требуют краски и принадлежности для живописи...

— Да. Студия производит сильное впечатление, думаю, она понравится вам, когда вы увидите ее. И были уроки у Сэджа. Нагль мог платить за них немного, но Сэдж не будет учить даром. Я не думаю, что шантаж приносил большой доход. Для этого надо быть слишком ловким. Но... Видимо, имелась не одна жертва. Если даже он получал только пятнадцать, тридцать фунтов в месяц, свободных от налогов, этого достаточно, чтобы продержаться до отъезда к Боллинджеру или до момента, пока он приобретет себе имя.

— Он чего-нибудь стоит? — спросил сержант Мартин. Было немало лиц, мнением которых он не интересовался, но его шеф, имевший большой опыт, не входил в их число.

— По-видимому. Во всяком случае, его опекает Боллинджер.

— Вы не сомневаетесь в том, что это его рук дело, сэр?

— Конечно, есть сомнения, — раздраженно сказал Далглиш. — На этой стадии расследования сомнения существуют всегда. Но всегда учитывается и то, что мы уже знаем. Шантажист дает указание, чтобы деньги пересылали в отличном от остальных, специально помеченном конверте, по-видимому, для того, чтобы он мог забрать его, прежде чем будет вскрыта почта. Нагль приходит в клинику первым, он отвечает за сортировку писем и разносит их каждому адресату. Полковника Фентона предупредили, что он должен посылать деньги так, чтобы они поступали первого числа каждого месяца. Помните, Нагль пришел в клинику первого мая, несмотря на то, что был болен, а затем оставался дома. Вряд ли это было связано с желанием помочь при встрече герцога, что так высоко ставится сотрудниками ему в заслугу. Единственный раз он не появился на работе первым, застряв в метрополитене, и именно в этот день мисс Болам получила пятнадцать фунтов от неизвестного благодарного пациента.

А теперь перейдем к убийству и восстановим факты. У Калли были боли в желудке, и Нагль помогал Калли на коммутаторе. Он услышал, что говорила, позвонив, миссис Фентон. И знал, какова будет реакция мисс Болам, достаточно верно определив, когда она позвонит секретарю правления. Он снова подслушал разговор и узнал, что мистер Лоде приедет в клинику после деловой встречи в другом месте. Мисс Болам должна умереть до того, как он

приедет. Но как этого добиться? Он не может рассчитывать на то, что выманит ее из клиники. Под каким предлогом он это сделает и как обеспечить себе алиби? Нет, убийство должно произойти в стенах клиники. И в конце концов, возможно, это не такой уж плохой план. Администратор не пользовалась большой популярностью. При удаче полиции можно подсунуть много подозреваемых, в том числе с весьма убедительным желанием смерти мисс Болам.

Так возник план. Было очевидным, что звонить мисс Болам из подвала нельзя. Ну что ж, рядом во всех помещениях имелись телефоны. Но если он не будет ее подстергать в регистратуре, как обеспечить гарантию, что она подождет, пока он спустится вниз? Вот почему Нагль разбрасывает вокруг документы. Он знает мисс Болам достаточно хорошо и уверен, что она не сможет не возмутиться. Доктор Багли предполагал, что ее первой реакцией мог стать телефонный звонок Наглю с указанием поспешить на помощь. Но она не стала звонить, потому что ожидала его появления с минуты на минуту. Вместо этого мисс Болам принялась убирать разбросанные документы, тем самым задержавшись в регистратуре на то время, которое ему было необходимо.

Вот как это, думаю, произошло.

В десять минут седьмого Нагль спускается в комнату портье взять свое пальто. Именно тогда он отпирает дверь регистратуры и сбрасывает папки с документами на пол, оставляет включенным свет и закрывает дверь, затем отпирает дверь черного хода. Следующий шаг — он поднимается в главную канцелярию забрать исходящую корреспонденцию. Мисс Придди периодически выходит в соседнюю комнату, где хранятся архивы. Когда она делает это в очередной раз, он за полминуты успевает позвонить мисс Болам, чтобы та спустилась вниз в регистратуру, так как он обнаружил там что-то очень серьезное. Мы знаем, как она реагировала на это сообщение. Не успел Нагль положить трубку на место, вернулась Дженифер Придди. Он объяснил ей, что говорил с медсестрой Болам по поводу белья, которое надо сдать в прачечную. Затем, не теряя времени, он с почтой на отправку оставляет комнату. Пересекает улицу, достигает почтового ящика. Затем стрелой мчится в нижнюю часть двора, входит в подвал через незапертую дверь, кладет в карман стамеску, забирает статуэтку и направляется в регистратуру. Мисс Болам, как Нагль и рассчитывает, находится там, коленапреклоненная, она собирает порванные и разбросанные папки. Она смотрит

на портье, готовая спросить, где он был. Но прежде чем успеваеt сказать слово, получает удар по голове. Мисс Болам теряет сознание, и у него появляется время, чтобы пронзить ее сердце. Здесь нельзя было допустить ошибки, и он не допускает ее. Нагль — художник, он пишет с натуры, хорошо разбирается в анатомии, вероятно, не хуже, чем большинство психиатров. И умело обращается со стамеской. Для этой в высшей степени важной работы он использует инструмент, с которым привык обращаться.

— Нагль не мог спуститься в подвал в то время, когда прошел на угол Бифстик-стрит за своим «Стандартом», — заметил Мартин. — Мальчик, продавец газет, не мог поклясться, что видел его. Он мог купить газету, возвращаясь в Стин, но также мог приобрести ее и во время ленча, сунув в карман.

— Думаю, так и было, — сказал Далглиш. — Поэтому он не разрешил Калли проверить по ней результаты скачек. Калли сразу обнаружил бы, что это дневной выпуск. Поэтому Нагль забирает газету с собой, на площадке у лестницы заворачивает в нее корм для кота, а потом бросает ее в топку котла. Он недолго находится в подвале один. Следом за ним сразу же спускается Дженни Придди. Но все равно Нагль успеваеt снова закрыть дверь черного хода на засов и зайти к медсестре Болам, чтобы спросить, готово ли белье для прачечной. Если бы Придди не спустилась в подвал, он отыскал бы ее в главной канцелярии. Никоем образом ему нельзя было оставаться в подвале одному больше минуты. Убийство должно было быть зафиксировано тем временем, когда он выходил с почтой.

— Мне кажется странным, почему он не оставил дверь в подвал незакрытой на засов, — сказал Мартин, — после убийства. Ведь он мог сам обратиться на это внимание... А пятнадцать совершенов после проникновения в клинику полковника Фентона наверняка взял он. Такие ребята всегда знают, где что лежит. Нагль думал, что поступает правильно.

— Больше похоже на то, что он хотел скрыть причины проникновения в клинику, хотел представить все обычной кражей со взломом. Ему совсем не улыбалось навести полицию на мысль, почему неизвестный, оказавшись в здании, копается в медицинских документах. Вымогая эти пятнадцать фунтов в месяц, получать которые мог только он сам, Нагль не думал, что может возникнуть такое стечение обстоятельств. И, видимо, обрадовался, завладев деньгами в тот вечер. Но это было не главное. Он восполь-

зовался лифтом. Это был тонкий расчет. Надо было за пять минут подняться на второй этаж, а затем выскользнуть из подвальной двери, при этом предполагалось, что кто-нибудь может услышать звуки движения лифта и запомнить.

Сержант Мартин подумал, что это все хорошо увязывается одно с другим, но, дьявол его побери, требует доказательства. И сказал об этом.

— Именно это я имел в виду вчера, — согласился Далглиш. — Но теперь мы заставили Нагль потерять хладнокровие. И в связи с этим должны заглянуть сегодня вечером в Стин. Если он там, попробуем на него немного нажать. По крайней мере, мы теперь знаем, чего достигли.

* * *

За полчаса до того, как Далглиш и Мартин побывали на площадке перед квартирой на четвертом этаже дома в Пимлико, Питер Нагль вошел через парадный вход в клинику и запер за собой дверь. Он не включал свет и освещал себе путь в подвал сильным фонариком. В подвале надо было сделать немного: закрыть кран печи для сушки, проверить работу котла. Затем он собирался заняться своим собственным маленьким дельцем. Для этого надо войти в регистратуру. Это теплое, как бы распространяющее ощущение смерти помещение не внушало ему ужаса. Смерть была смертью, финишем, полной потерей энергии, молчанием для каждого. В мире всевозрастающих неопределенностей это достаточно четко определено. Для человека с нервами, позволяющими убивать, имелось многое, чего следовало бояться более обоснованно. И сюда не входил страх перед призраком смерти.

Вдруг Нагль услышал звонок в парадную дверь. Звонок был робкий, как бы пробный, но он прозвучал в тишине клиники сверхъестественно громко. Когда Нагль открыл дверь, через порог быстро проскользнула фигура Дженни, она показалась ему духом-двойником, являющимся незадолго до смерти, тонким призраком, рожденным ночной темнотой и туманом.

— Извини, милый, я должна была тебя увидеть, — сказала Дженни. — Я не нашла тебя в студии и подумала, что ты здесь.

— Кто-нибудь видел тебя у моего дома? — спросил он.

Он чувствовал, что это важно, чувствовал, не зная почему. Она удивленно посмотрела на него:

— Нет. Дом казался совершенно пустым. Я никого не встретила. А почему ты спрашиваешь?

— Да так, ерунда. Пойдем вниз. Я зажгу газовый камин. Ты замерзла.

Они вместе спустились в подвал, их шаги отдавались гулким эхом в мрачной тишине здания, которое завтра наполнится голосами, движением и непрерывным гулом полной значения деятельности. Дженни шла на цыпочках, а когда начинала говорить, сразу переходила на шепот. На верхней площадке лестницы взяла его руку в свою, и он почувствовал, что та дрожит. Когда они спустились наполовину, внезапно раздался слабый шум и она остановилась.

— Что это?

— Ничего, Наверно, Тигр выскребает свою консервную банку.

Наконец они оказались в комнате отдыха портье, и вспыхнул огонь. Нагль удобно устроился в одном из кресел и улыбнулся Дженни. Чертовски досадно, что она пришла именно сейчас, но он должен скрыть раздражение. Во всяком случае, он мог избавиться от нее достаточно быстро. Хорошо было бы, чтобы она ушла из клиники до десяти часов.

— Все в порядке? — спросил он.

Неожиданно она опустилась на ковер у его ног и обхватила его бедра. Ее затуманенные глаза смотрели на него в страстной мольбе.

— Милый, я должна знать! Я не представляю, что ты сделал. Но я люблю тебя и хочу помочь. Милый, ты должен рассказать мне, что тебя тревожит.

Это было хуже, чем он опасался. Она как-то что-то разузнала. Но как? И что?

— Ради Бога, скажи, что должно меня тревожить? — спросил он, стараясь говорить беззаботно. — В следующий раз ты, видимо, сообщишь, что ее убил я.

— Ох, Питер, пожалуйста, не шути! Я очень беспокоюсь. Случилось что-то дурное, я знаю это. Это все деньги? Да? Ты взял эти пятнадцать фунтов?

Он смог громко, с облегчением рассмеяться. В порыве чувства крепко обхватил ее руками, прижал к себе, его голос приглушали ее волосы.

— Глухой ребенок! Если я захочу воровать, я в любое время достану большие деньги. Зачем мне размениваться на такие мелочи? С чего тебе вдруг пришла в голову эта чепуха?

— Почему ты взял их? Ох, милый, не сердись на меня. Я так волновалась. На, посмотри газету.

— Ради Бога, что за газета?

Нагль едва удержался, чтобы не встряхнуть Дженни. И был рад, что она не может видеть его лицо. Но что она, во имя Бога, пыталась сказать?

— «Стандарт». Этот сержант пришел к нам сегодня вечером. Я купила на ужин рыбу и жареный картофель. Когда я развернула продукты на кухне, я просмотрела газету, в которую они были завернуты. Это был «Стандарт» за пятницу. Там на первой странице помещен большой снимок воздушной катастрофы, ты знаешь, он занимал первую полосу. И тогда я вспомнила, что мы завертывали в твой номер «Стандарта» пищу для Тигра. Но там первая страница была иной. Этого снимка я раньше не видела.

Он сжал ее в объятиях и совершенно спокойно спросил:

— Ты ничего не сказала об этом полицейскому?

— Конечно нет, милый! Узнав об этом, они заподозрят тебя! Я никому ничего не говорила, но мне было нужно видеть тебя. Меня не волнуют эти пятнадцать фунтов. Меня не волнует, встретил ли ты ее в подвале. Я знаю, ты не убивал ее. Все, что я хочу от тебя, — это довериться мне. Я люблю тебя и хочу помочь. Я не смогу это сделать, если ты будешь от меня таиться.

Это было то, что все они ему говорили, но в действительности, ни один человек из миллиона не хотел знать правду о нем. На секунду Нагль заколебался — не сказать ли ей, не выплюнуть ли всю эту жестокую историю в бесхитрое умоляющее лицо и посмотреть, как вдруг исчезнет выражение жалости и любви. Возможно, она могла бы перенести то, что узнала о мисс Болам. Но это было пустяком в сравнении с другим. Как она выдержит слова о том, что он шантажировал всех не ради нее, что он ничего не делал для сохранения их любви и что нет никакой любви, которую надо было бы сохранять, нет и никогда не было. Конечно, он мог бы жениться на ней. Он всегда знал, что это может стать необходимостью. Только она одна могла свидетельствовать против него в суде, и был только один надежный способ заставить ее держать язык за зубами. Но времени оставалось мало. В конце недели он собирался быть в Париже. А в этом случае пришлось бы путешествовать не одному. Нагль задумался. Пересадив Дженни на ручку кресла, все еще обнимая ее, прижав свое лицо к ее щеке, он мягко проговорил:

— Послушай, дорогая. Есть кое-что, что тебе следует знать. Я не говорил тебе об этом прежде, потому что не хотел причинять волнение. Я в самом деле взял пятнадцать фунтов. Конечно, совершил ужасную глупость, но

сейчас беспокоиться об этом бессмысленно — поздно. Думаю, что мисс Болам должна была догадываться, но точно не знаю. Она ничего мне не говорила, и по телефону ей звонил не я. Но я был в подвале после того, как ее убили. Я оставил заднюю дверь открытой и вернулся этой дорогой. Меня выводит из себя, что этот старый дурак Калли отмечает меня, когда я вхожу и когда выхожу, будто я такой же рехнувшийся, как больные, и просит у меня газету, как только я появляюсь. Почему бы ему самому не покупать газету, проклятому старому скряге! Представится случай, я ему подложу свинью. Так вот, когда я вернулся через заднюю дверь в подвал, то увидел в регистратуре свет, дверь была приоткрыта, ну я и заглянул в нее. Там и лежало тело. Я знал, что меня не должны застать на этом месте, тем более вдруг раскроется история с пятнадцатью монетами, поэтому снова выскользнул через заднюю дверь подвала и, как обычно, вернулся через парадный вход. Конечно, я промолчал об этом и молчу до сих пор. Я должен был так поступить, дорогая. Я собирался быть у Боллинджера в конце этой недели, а полиция не позволила бы мне уехать, если бы меня начали подозревать. А если я не уеду сейчас, другого такого шанса в моей жизни больше не будет.

Это, по крайней мере, было правдой. Он должен был уехать прямо сейчас. Это стало навязчивой идеей. Это были бы не только деньги, свобода, солнце и яркие личности. Но окончательное оправдание скудных, безрадостных лет борьбы и унижений. Боллинджер принял его под свое покровительство. Другие художники могли в этом претерпеть неудачу и спокойно приближаться к концу. Другие, но не он.

И даже теперь он еще мог проиграть. Положение оставалось шатким. Он произвел впечатление, как подчеркнул сам, по недоразумению. Все еще висело на волоске. Он не представлял точно, как бы Дженни смогла доказать его ложь. А она и не пыталась это делать. Тем больше он был поражен ее реакцией.

— В конце недели! Ты думаешь уехать в Париж почти сразу? Ну а как с клинкой?.. Как с твоей работой?

— Ради Бога, Дженни, ну разве это проблема? Я уйду потихоньку, а они найдут кого-нибудь на мое место. И вполне обойдутся без меня.

— А я?

— Ты, конечно, поедешь со мной. Я всегда это имел в виду. Ведь ты же знала это?

— Нет, — сказала она, и Наглю показалось, что в ее

голосе зазвучала огромная печаль. — Нет, я никогда этого не знала.

Он попытался найти доверительный тон с легким оттенком упрёка.

— Я никогда не обсуждал этого с тобой, так как считал это само собой разумеющимся. Я знаю, что времени мало, но мы в него уложимся, если ты не будешь слишком долго дожидаться дома. В этом случае у родителей возникнут подозрения. Ведь у тебя есть паспорт? И разве ты не ездил во Францию со скаутами на Пасху? Я считаю, что мы поженимся по специальному разрешению как можно быстрее — ведь у нас теперь есть деньги — и напишем твоим родителям из Парижа. Ведь ты хочешь поехать? Дженни?

Внезапно она задрожала в его объятиях, и Нагль почувствовал, как ее теплые слезы обожгли его лицо.

— Я думала, что ты хотел уехать без меня. Дни шли, а ты никогда ничего не говорил. Конечно, я хочу поехать. Меня не беспокоит происходящее, пока мы вместе. Но мы не можем пожениться. Я никогда не говорила тебе об этом раньше, так как боялась, что ты рассердишься, а ты никогда не расспрашивал меня. Я не могу выйти за тебя замуж, потому что я уже замужем.

* * *

Машина свернула на Воксхолл-бридж-роуд, но там было большое движение, и они продвигались вперед крайне медленно. Далглиш откинулся на спинку сиденья с таким видом, будто впереди у него куча времени, но на душе было тревожно. Он не мог объяснить причины своего нетерпения, просто торопился попасть в клинику. Позвонить туда? Но это было бы весьма рискованно. В таком случае возникла реальная возможность, что Нагль покинет здание, прежде чем они приедут. Конечно, не исключалось, что он уже сейчас смаковал свою вечернюю пинту пива в каком-нибудь пабе Пимлико. На следующем углу светофор вспыхнул красным цветом, и машина медленно остановилась — в третий раз на расстоянии сотни ярдов.

— Ему бы не удалось продолжать шантаж долго, даже убив мисс Болам, — внезапно произнес Мартин. — Раньше или позже миссис Фентон — или, возможно, какая-нибудь другая жертва — обратилась бы в клинику Стина.

— Но он мог заниматься им достаточно долго для того, чтобы продержаться до получения стипендии Боллинджера, — заметил Далглиш. — И даже если бы шантаж выплыл наружу, прежде чем он прекратил вымогательство,

что мы смогли бы доказать? Да и сейчас, узнав немало, что мы можем доказать? В связи со смертью мисс Болам какой состав присяжных смог бы отбросить обоснованные сомнения, не была ли шантажисткой именно она? Наглю достаточно будет заявить, что он видел странные конверты с адресом, написанным зелеными чернилами, и что он откладывал их к почте администратора. Фентон подтвердит, что, по его мнению, по телефону ему звонила женщина. И шантажисты порой уходят из жизни с помощью насилия. Нагль не будет продолжать заниматься шантажом после звонка миссис Фентон. Даже это истолкуют в его пользу. А как же иначе? Умерла мисс Болам, и шантаж прекратился. О, я знаю все аргументы против обвинения его в вымогательстве! Что тут можно доказать?

— Он постарается выкрутиться, — флегматично произнес Мартин. — Ловкачи так поступают всегда. Конечно, девушка полностью под его влиянием, жаль бедняжку. Если она в своих показаниях будет настаивать на том, что Нагль не оставался в одиночестве достаточно долго, чтобы успеть сделать этот звонок...

— Она будет на этом настаивать, сержант.

— Я уверен, что Нагль не знает о том, что она замужем. И думает в случае, если она станет для него опасной, жениться на ней, чтобы она придержала язык.

— Вы правы, сержант, — тихо сказал Далглиш. — Поэтому мы должны арестовать его, прежде чем он обнаружит, что сделать этого не сможет.

* * *

В комнате портье клиники Стина Нагль писал письмо. Он писал свободно. Бойкие и лживые фразы с неожиданной легкостью ложились на бумагу. Было бы неверно думать, что кто-нибудь сможет увидеть всплеск сентиментальной, рассчитанной на дешевый эффект трескотни и узнает в нем автора. Нагль скорее бы умер, чем отослал такое письмо. Но письмо и не должен был никто прочитать, никто, кроме Дженни. Через тридцать минут оно окажется в топке котла, сослужив свою службу и превратив все елейные фразы в неприятные воспоминания.

«Когда вы прочтете эти строки, мы оба — Дженни и я — будем во Франции. Я знаю, что это событие глубоко опечалит вас, но, пожалуйста, верьте мне, когда я говорю, что мы не можем жить друг без друга. Я знаю, однажды мы станем достаточно свободными, чтобы вступить в законный брак. Но и до этой счастливой поры Дженни будет

оставаться со мной в безопасности, и я отдам всю свою жизнь, чтобы сделать ее счастливой. Пожалуйста, постарайтесь понять и простить».

«Достаточно хорошая концовка», — подумал Питер Нагль. Как бы то ни было, письмо написано, чтобы показать его Дженни, и больше никто его не увидит. Он позвал ее и пододвинул листок, лежавший на столе:

— Вот что я им написал.

Она молча прочитала письмо.

— Наверно, так и надо.

— Черт побери, тут что-то не так?

Он почувствовал прилив гнева. С таким трудом принятые усилия были восприняты недостаточно воодушевленно. Он рассчитывал на другое — на изумленную благодарность.

— Тут все в порядке, — тихо сказала она.

— Будет лучше, если ты напишешь тоже. Нет, не делай приписку в конце. Напиши отдельно.

Он протянул через стол лист бумаги, стараясь не встретиться с нею глазами.

— Лучше покороче, — сказал он.

Она взяла ручку, но не начинала писать.

— Я не знаю, что им сказать.

— Тебе не нужно говорить много. Я уже объяснил все.

— Да, — сказала Дженни с глубокой печалью. — Ты объяснил все.

Он сдержал возросшее раздражение в голосе и сказал:

— Пиши, что тебе жаль быть причиной их огорчений, но ты не можешь поступить иначе. Или что-нибудь подобное. Тьфу, пропасть! Ведь речь не о конце мира. Сгодится все. Поверь, не очень-то они будут страдать. Я пока поднимусь наверх в кабинет мисс Саксон, почию замок. Когда спущусь обратно, мы отпразднуем наш отъезд. Правда, есть только пиво, но сегодня вечером ты выпьешь пива, моя дорогая, и оно понравится тебе.

Питер Нагль взял из ящика с инструментами отвертку и быстро вышел, прежде чем она успела возразить. Его последний беглый взгляд вызвал на ее лице бросавшийся в глаза испуг, оставшийся и после его ухода. Она не позвала его назад.

Наверху Нагль моментально надел резиновые перчатки и открыл дверцу шкафа с сильнодействующими лекарствами. Это сопровождалось таким громким треском, что он замер на месте от страха, ему показалось, будто он услышал ее оклик. Но тревога оказалась ложной, в действительности

сти снизу не доносилось ни звука. Он хорошо помнил скандал, разразившийся месяцев шесть назад, когда один из пациентов доктора Багли впал в неистовство и потерял ориентацию. Нагль помогал заниматься им, пока Багли звал старшую сестру для того, чтобы дать ему паралдегид. Нагль вспомнил его слова:

«Дадим препарат в пиве. Изрядно мерзкое вещество, но оно едва ощущается в пиве. Это странно. Два глотка, старшая сестра, два кубических сантиметра».

Дженни, которая не любит пива, ощутит вкус препарата еще меньше.

Питер Нагль сунул отвертку и синий флакончик с паралдегидом в карман куртки и, выскользнув за дверь, осветил себе путь фонариком. Все шторы в клинике были задернуты, но важно, чтобы никто не заметил самого слабого света. Дженни с удивлением восприняла его быстрое возвращение. Нагль подошел к ней и поцеловал сзади в шею.

— Прости, любимая, я не могу оставить тебя одну. Я совсем забыл, что ты можешь волноваться. Замок может подождать. Как дела с письмом?

Дженни протянула ему лист. Это была записка самоубийцы, иначе ее расценить в судебном разбирательстве было невозможно. Ничего лучшего он не сумел бы продиктовать. Нагль почувствовал уверенность и возбуждение, как бывало, когда он рисовал и дело шло хорошо. Теперь можно без помех осуществить задуманное. Дженни писала:

«Я не могу сказать, будто считаю виноватой себя в том, что сделала. У меня не было выбора. Я чувствую себя такой счастливой, и все было бы превосходно, если бы только вы не остались несчастными. Только это имеет для меня сейчас значение, это самое важное для меня. Пожалуйста, постарайтесь меня понять. Я очень люблю вас. Дженни».

Питер Нагль положил письмо на стол и пошел разливать по стаканам пиво, тщательно скрывая свои действия за открытой дверцей буфета. Господи, как воняет эта дрянь! Он быстро добавил пенящегося пива и окликнул ее.

— Ты счастлива, дорогая?

— Ты прекрасно знаешь это.

— Тогда давай выпьем. За нас, дорогая!

— За нас!

Она сделала гримасу, когда жидкость коснулась ее губ. Он засмеялся:

— Ты выглядишь так, будто пьешь яд. Приди в себя, девочка. Делай так!

Питер Нагль открыл рот и осушил до дна свой стакан.

Смесь, Дженни слегка содрогнулась и с усилием проглотила пиво. Он взял у нее пустой стакан, поставил на стол и обнял. Она прильнула к нему, руки, обвивающие шею, напоминали холодный компресс. Освободившись от объятий, он потянул ее вниз, рядом с собой, на кресло с подлокотниками. Затем, обнимая друг друга, они соскользнули на пол и оказались на коврике у камина. Он выключил свет, и ее лицо сияло в неистовом красном пламени, будто она лежала в лучах жаркого солнца. Тишину нарушало только шипение газа.

Он потянул на себя подушку с кресла и подложил ее под голову Дженни, обняв девушку левой рукой, и они лежали молча, прижимаясь друг к другу бедрами. Внезапно она повернула лицо к нему, и Нагль почувствовал ее язык — влажный и скользкий, как рыба, он проник между его зубами. Ее глаза, ее зрачки, темные в газовом свете, были полны сильной страстью. «Дорогой, — шептала она. — Милый!»

«Иисусе Христе, — подумал он. — Только не это!» Он не мог обладать ею теперь. Это быстро успокоит ее, но это невозможно. Не было времени. И наверняка полицейский патологоанатом сможет определить, что произошло с женщиной. Он подумал, что надо как-то сдержать ее порыв, и прошептал:

— Мы не можем, дорогая. Мы не можем теперь рисковать.

Дженни покорно прошептала что-то и прижалась к нему, поднимая свою левую ногу над его бедрами. Она сделала это тяжело и вяло, но он не смел шевельнуться, не смел даже говорить, опасаясь, что выдаст себя неосторожным словом. Теперь она глубоко переводила дух, горячо и неприятно дышала в его левый глаз. Боже, как долго это длится! Он вслушивался, сдерживая собственное дыхание. Внезапно Дженни фыркнула, как довольное животное. Под своей рукой он почувствовал, как изменился ритм ее дыхания. Это было физическое освобождение от напряжения, ее тело расслабилось. Она заснула.

Лучше дать ей еще несколько минут, решил Нагль. Это не сэкономит время, но он не имел права спешить. На теле не должно остаться кровоподтеков, на лице никаких следов борьбы. Это было важно. Теперь он уже не мог повернуть назад.

Он лежал, ожидая, так неподвижно, что их можно было принять за два мертвых тела, слившихся в последнем экстазе, как это традиционно изображают. Но вот он осторож-

но приподнялся на правом локте и посмотрел на нее. Ее лицо покраснело, рот с короткой верхней губой, изогнутой над детскими белыми зубами, был полуоткрыт. В ее дыхании чувствовался запах парaldeгида. Нагль смотрел на нее некоторое время, отмечая длину светлых ресниц на щеках, высокий изгиб бровей и тени под широкими скулами. Странно, он никогда не рассматривал в целом ее лицо. Жаль. Но теперь думать об этом поздно.

Он успокаивал ее, пока осторожно волочил через комнату к черному зеву камина.

— Все в порядке, Дженни, дорогая. Это только я. Я удобно тебя устроил. Все в порядке, дорогая.

Но ему было ясно, что он успокаивал самого себя.

Основание старомодного камина только на несколько дюймов возвышалось над полом. Ощущая под рукой ее лопатку, Нагль осторожно продвигал Дженни вперед. Когда подушка приняла тяжесть ее головы, он посмотрел на камин и убедился, что газ выходит струей, тихо и беспрепятственно. Ее голова мягко отклонилась в сторону, рот, влажный и трогательный, как у грудного ребенка, находился как раз над газовыми горелками. Он будто парил в воздухе и был готов поглощать смерть. Когда Нагль вытянул свои руки из-под ее тела, она издала легкий вздох удовлетворения, будто сообщая, что наконец устроилась удобно.

Нагль бросил последний взгляд, довольный проделанной работой.

А теперь надо торопиться. Нашуывая в кармане резиновые перчатки, он двигался с фантастической скоростью, легко, его дыхание стало поверхностным и затрудненным, будто он не мог больше переносить его звук. Записка самоубийцы лежала на столе. Нагль взял отвертку, мягко вложил ее в правую руку девушки, сжал ладонь вокруг блестящей рукоятки, кончики пальцев направил на основание клинка. Так ли должна она держать отвертку? Достаточно похоже. Затем положил отвертку на стол поверх записки самоубийцы.

Вымыв свой стакан, вытер его и поставил в буфет, подержал кухонное полотенце секунду прямо над камином, пока влажное пятно не высохло. Погасил огонь. Не надо было оставлять никаких следов. Когда в последний раз он зажигал свет, ничего не было видно. Он сразу побеспокоился о флакончике парaldeгида и стакане Дженни, решив оставить их на столе рядом с запиской и отверткой. Наверняка было естественно для нее выпить, сидя за столом, а

затем, когда почувствовала первые признаки дремоты, перебраться к камину. Потом, передумав, Нагль вытер следы своих пальцев с флакончика и вложил его в левую руку Дженни, а указательный и большой пальцы правой руки положил на пробку. Ее рука была теплой, когда он к ней прикоснулся, и так расслаблена, что не чувствовались кости. Затем он позаботился об отпечатках ее пальцев на стакане и бутылке из-под пива.

Подошла очередь его письма к Придди и перчаток, он бросил то и другое в топку котла. Оставалось только повернуть кран газа. Кран был справа от камина — в пределах досягаемости ее правой руки. Нагль поднял руку Дженни, нажал ее указательным и большим пальцами на кран и повернул его. Раздалось слабое шипение газа. Как долго, хотел бы он знать, продлится это? Возможно, минуты? Он погасил свет, вышел и закрыл за собой дверь.

И тут же вспомнил о ключах от входной двери. Они должны находиться у нее. Его сердце обдало холодом, он представил себе, какой роковой может оказаться даже одна ошибка. И проскользнув назад в комнату, включил фонарик. Достал ключи из кармана и почти не дыша, предохраняясь от газа, положил их рядом с телом. Он уже потянул на себя дверь, когда услышал мяуканье Тигра. Должно быть, кот спал под буфетом. Теперь он медленно обошел вокруг лежавшего тела и попытался тронуть лапой правую ногу девушки. Нагль чувствовал, что не выдержит, если приблизится к ней снова.

— Иди сюда, Тигр, — шепотом позвал он. — Иди сюда, мальчик.

Кот посмотрел на него большими янтарными глазами и, казалось, задумался, без эмоций и без торопливости. Затем медленно пошел к двери. Нагль подхватил его левой ногой под мягкий живот и быстрым движением перебросил через порог.

— Мчись отсюда, кровожадный дурак. Или ты хочешь лишиться жизни? Этот корм смертельный.

Он закрыл дверь, и кот, внезапно проявив активность, бросил прочь, в темноту.

Нагль, не зажигая света, направился к задней двери, нащупал засов, отодвинул его и вышел. За дверью на мгновение помедлил, проверяя, пуст ли двор. Теперь он ощутил громадное напряжение. Лоб и руки взмокли от пота, трудно было дышать. Он втянул в себя сырой и благословенно прохладный ночной воздух. Туман не был густым, так, просто дымка, сквозь которую уличный фонарь в конце

двора мерцал в темноте, словно желтый костер. Это мерцание, только на сорок ярдов вокруг, символизировало безопасность. Похожий на животное в своем логове, Нагль пристально вглядывался в ужасающее очарование опасного маяка и заставлял передвигаться ноги. Но их сила исчезла. Притаившись в темноте дверного пролета и прижавшись спиной к косяку, он боролся с паникой. После всего, что произошло, не требовалось большой спешки. Несколько минут он еще останется в своем призрачном убежище, затем покинет двор. Необходимо только выйти на площадь по другую сторону здания и подождать, пока случайный прохожий не станет свидетелем того, как он тщетно колотит в дверь парадного входа. Все слова, которые он собирался сказать, были уже подготовлены.

«Там моя девушка. Я думаю, она находится внутри, но не хочет открыть дверь. Она была со мной в начале вечера, и когда ушла, я обнаружил, что нет ключей. Она была в странном состоянии. Лучше позвать полицейского. Я пошел бы и разбил это окно...»

Затем раздастся звон разбитого стекла, можно будет проникнуть в подвал и получить шанс снова задвинуть засов на задней двери, прежде чем обнаружится, что она открыта. Самое худшее уже произошло. С этого времени все становилось таким легким. Около десяти часов тело унесут, клиника опустеет. Он моментально осуществит завершающий акт. Но пока еще не все. Пока еще не все.

* * *

На набережной движение транспорта оставалось почти неизменным. Казалось, это была одна из достопримечательностей Савойи.

— Клиника, конечно, в эту пору охраняется? — внезапно спросил Далглиш.

— Нет, сэр. Вы помните? Утром я спросил вас, не нужно ли выставить сюда сотрудника, и вы сказали, что нет.

— Помню.

— В конце концов, сэр, это казалось едва ли необходимым. Мы тщательно обыскали здание и не пропустили ни одного человека.

— Я знаю, Мартин, — раздраженно ответил Далглиш. — Неожиданно большое количество людей стало причиной моего решения.

Машина остановилась еще раз. Далглиш высунул голову из окна.

— Что за чертовщину он думает устроить?

— Думаю, сэр, он постарается нас перехитрить.

— Это меня и тревожит. Вы делаете успехи, сержант. Вылезайте. Остаток пути сделаем пешком. Я, вероятно, круглый дурак, но когда мы доберемся до клиники, перекроем оба выхода. Вы пойдете с тыльной стороны.

Если Мартин и удивлялся чему-либо, не в его характере было показывать это. Кое-что в нем уже говорило о стареющем человеке. Но хотите или нет, Нагль не вернулся в свою квартиру, а клинику запер и покинул. А они, двое дураков, будут таращить глаза, подкрадываясь к пустому зданию. Успокойся, сказал он себе, все выяснится. Надо приложить много энергии, чтобы держаться наравне со старшим инспектором.

* * *

Нагль, конечно, не знал, как долго он ожидал в дверном пролете, сгибаясь почти вдвое и пыхтя, как животное. Но время прошло, и вернулось спокойствие, а вместе с ним и способность передвигаться. Он пошел крадучись вперед вдоль тыльной стороны забора по направлению к нижней части двора. Шел автоматически, руки одеревенели, глаза полузакрыты. Вдруг он услышал звук шагов. Открыв глаза, он увидел силуэт в свете уличного фонаря и узнал знакомую грузную фигуру. Медленно, неотвратимо человек приближался к нему сквозь легкий туман. Его сердце подскочило в груди, возбужденно заколотилось так, что сотрясало все тело. Ноги стали тяжелыми и холодными, как смерть, они сдерживали первое роковое побуждение к бегству. Но мозг продолжал работать. Несмотря ни на что, думал Нагль, оставалась надежда. Он был более ловким, чем они. К счастью, они не помышляют о том, чтобы войти в клинику. Почему же они оказались здесь? А Дженни, наверное, к этому времени уже должна умереть. В связи с ее смертью они могут заподозрить, что случай слишком похож один на другой. Но они никогда не докажут сходство.

Фонарь осветил его лицо.

— Добрый вечер, парень, — произнес тихий, флегматичный голос. — Мы надеялись встретить вас.

Нагль не ответил и изобразил подобие улыбки. Он только мог предполагать, как выглядит в этом сильном свете: безжизненное лицо, испуганно разинутый рот, широко раскрытые глаза.

Полицейский нагнулся и поднял кота, держа его так, что он разделял их. Кот начал мурлыкать, довольный пульсирующим теплом громадной руки.

— Так здесь Тигр! Вы выпустили его, да? Вы и кот вышли вместе?

Затем оба мгновенно отдали себе полный отчет о том, что происходит, их взгляды встретились. От тепла кошачьей шерсти поднялся вверх слабый, но легко уловимый запах газа.

* * *

Следующие полчаса прошли для Нагля в беспорядочной суматохе, сплетении шума и спящего света, несколько живописных картин бросились в глаза несоответственно ярко и остались запечатленными в мозгу на всю оставшуюся жизнь. В памяти не сохранилось, как сержант тащил его назад вдоль железной изгороди, запомнилась только хватка, крепкая, словно жгут, онемение своей руки и горячий резкий звук дыхания Мартина. Затем внезапное падение и уныние, затяжной звон разбитого стекла, кем-то выбитого окна в комнате портье, резкий звук бегущих по лестницам клиники ног, вспышки света, больно режущие глаза. В одной из неожиданно ярких сцен Далглиш склонился над телом девушки, его широко раскрытый рот прижимался к ее рту, когда он нагнетал свое дыхание в ее легкие. Два тела, казалось, дрались друг с другом, сжимали друг друга в бесстыдном объятии, казалось, насиловали мертвую. Нагль ничего не говорил. Он почти не мог думать, но инстинкт предостерегал его, что он должен молчать. Прижатый к стене сильными руками, зачарованно ожидая очередного лихорадочного подъема плеч Далглиша, он чувствовал, как слезы начинают выступать на глазах. Энид Болам мертва, и Дженни была мертва, а он теперь уставший, безнадежно уставший. Он не хотел убивать Дженни. Это все Болам, которая завлекла его во все беды и опасности убийства. Она и Дженни не оставили ему другого выбора. И он потерял Дженни. Дженни мертва. Он столкнулся с чудовищным преступлением, несправедливостью, которую причиняли ему, он чувствовал без удивления слезы жалости к себе, слезы, которые стекали теплыми струями вниз по щекам.

Комната неожиданно заполнилась людьми. Большинство из них были в форме, один сильно смахивал на Холбейна — такой же дородный, со свиными глазками, медлительный в движениях. Слышался свист кислорода и бормотанье советующихся голосов. Осторожными, опытными руками положили на носилки что-то завернутое в красное одеяло, которое свисало между ручками, когда носилки подняли.

Почему они несли их так бережно? Ведь труп не ощущает тряски.

Пока Дженни не унесли, Далглиш хранил молчание. Затем, не глядя на Нагля, сказал:

— Слушайте, сержант. Отправьте его в управление. Мы сможем выслушать его рассказ там.

Нагль пошевелил губами. Они были так сухи, что он слышал их шуршание. Через несколько секунд безостановочно полились слова. Тщательно отрепетированный рассказ он выплеснул в неожиданном порыве, бесцветно и неубедительно.

— Мне нечего рассказывать. Дженни пришла ко мне домой повидаться, и мы провели вечер вместе. Я сказал ей, что уезжаю без нее. Она восприняла это очень болезненно. После того как она ушла, я обнаружил, что пропали ключи от клиники. Я знал, что она вне себя, и подумал, что будет лучше последовать за ней. Здесь на столе записка. Записку оставила она. Я увидел, что она мертва, что помочь ей я не могу, поэтому и ушел. Я не хотел быть замешанным в эту историю. Мне надо подумать о Боллинджере. Быть замешанным в самоубийстве, только этого не хватало в моем положении!

— Вам было бы лучше ничего больше сейчас не объяснять, — сказал Далглиш. — Но вы поступили неблагоразумно. То, что вы рассказали, не совсем сходится с тем, что она сообщила нам. Записка на столе — не единственная, оставленная ею.

Нарочито медленно он вынул из своего нагрудного кармана маленький сложенный листок бумаги и, развернув его, держал в дюйме от замороженных, испуганных глаз Нагля.

— Если вы были вместе вечером у вас в квартире, как объясните появление этой записки, которую мы обнаружили под дверным молотком?

В это мгновение Нагль с болезненным отчаянием осознал, что мертв, что обессилен и опустошен, что после всего случившегося он не выдержит обвинений, выдвинутых против него. Инстинктивно он протянул руку к записке, но сразу отдернул ее. Далглиш снова положил записку в карман. И пристально глядя на Нагля, сказал:

— Итак, вы помчались сюда поздним вечером, потому что беспокоились о ней? Очень трогательно! В таком случае позвольте мне предоставить вам возможность расслабиться после нервного потрясения. Мисс Придди будет жить.

— Она мертва, — вяло произнес Нагль. — Она убила себя.

— Она дышала, когда мы закончили искусственное дыхание. Завтра, если все пройдет хорошо, она расскажет нам о происшедшем. И не только то, что произошло сегодня вечером. У нас есть к ней кое-какие вопросы и по поводу убийства мисс Болам.

Нагль громко расхохотался:

— Убийство мисс Болам! Вам никогда не удастся повесить его на меня! И я скажу вам, несчастным болванам, почему. Потому что я не убивал ее! Валяйте дальше, если хотите выставить себя полными дураками. Не позволяйте мне останавливать вас. Но я все равно вас предупреждаю. Если я арестован за убийство мисс Болам, то сделаю так, чтобы вашими именами смердела каждая газета страны. — Он протянул свои запястья Далглишу. — Валяйте, старший инспектор! Надевайте наручники! Валяйте дальше и обвиняйте меня. Что вас удерживает? Ведь вы все проделали очень умно, не так ли? Ты слишком ловок, проклятый надменный легавый.

— Я не обвиняю вас, — сказал Далглиш. — А предлагаю вам просхать в управление, чтобы ответить на некоторые вопросы и сделать соответствующее заявление. Если вам нужен адвокат, вы имеете полное право получить его.

— Хорошо. Я получу адвоката. Но не прямо сейчас. Я не спешу, старший инспектор. Видите ли, я жду посетителя. Мы договорились встретиться здесь ровно в десять, сейчас около десяти. Должен сказать, что мы собирались побыть наедине здесь, и не думаю, что мой посетитель обрадуется, увидев вас. Но если вы хотите встретиться с убийцей мисс Болам, вам лучше не уходить далеко. Это не продлится долго. Тот, кого я жду, имеет привычку являться вовремя.

Казалось, весь его страх внезапно исчез. Большие карие глаза опять стали невыразительными, превратились в угрюмые лужицы, только радужная оболочка пылала огнем жизни. Прежде чем кто-нибудь из полицейских успел ответить, послышался звук шагов. Кто-то вошел в подвал и тихо продвигался по коридору.

Далглиш беззвучным рывком придвинулся к двери и оперся о косяк. Робкие, неуверенные шаги замерли снаружи. Три пары глаз наблюдали, как повернулась дверная ручка, сначала направо, потом налево. Голос мягко позвал:

— Нагль! Ты здесь? Нагль! Открой же дверь!

Далглиш ступил в сторону и рывком распахнул дверь.

Хрупкая фигурка сделала несколько шагов вперед, в оазис света люминесцентных ламп. Большие глаза пришедшей стали еще больше и перебегали с лица на лицо, словно глаза непонятливого ребенка. Всклинув, она прижала к груди сумочку, будто пыталась защитить ее. Нагль подскочил к ней, выхватил сумочку и бросил ее Далглишу. Сумочка оказалась в руках детектива, и он ощутил пальцами тепло кожезаменителя. Нагль попытался овладеть голосом, но в нем явно слышались возбуждение и триумф:

— Загляните внутрь, старший инспектор! Нет, подождите минутку. Сначала я скажу вам, что вы там обнаружите. В сумочке лежит подписанное признание в убийстве Энид Болам и сто фунтов стерлингов в купюрах — первый взнос на мой счет в банке, чтобы я держал язык за зубами.

Он обернулся к своей посетительнице:

— Извини, малышка. Я считал, что все будет иначе. Мне в самом деле хотелось молчать об увиденном, но с вечера прошлой пятницы кое-что существенно изменилось. Теперь необходимо побеспокоиться о самом себе, чтобы на меня не повесили обвинение в убийстве. Увы! Наш маленький договор останется невыполненным.

Но Марион Болам его уже не слышала, она была без сознания.

* * *

Два месяца спустя суд рассматривал дело Марион Грейс Болам, которой предъявили обвинение в убийстве двоюродной сестры. Капризная осень превратилась в зиму, и Далглиш в одиночестве возвращался в управление под серым одеялом неба, провисающего от тяжести снеговых туч. Уже падали первые влажные снежинки, тихо таявшие на лице. В кабинете шефа горел свет и были опущены шторы, не впуская внутрь сверкание реки, ожерелье света вдоль набережной и холодную инерцию второй половины зимнего дня. Далглиш сделал краткий доклад. Шеф выслушал его не перебивая, а затем сказал:

— Думаю, они попытаются уменьшить наказание. Как выглядит женщина?

— В общем-то спокойной... Как ребенок, знающий, что был непослушным, и надеющийся на то, что взрослые посмотрят сквозь пальцы на его шалости. Она не чувствует очень большой вины за собой. Думаю, за исключением обычной для женщины вины в том, что ее разоблачили.

— Это был совершенно прямолинейный случай, — сказал шеф. — Очевидный подозреваемый, очевидный мотив.

— Видимо, слишком прямолинейный для меня, — с горечью произнес Далглиш. — Если этот случай не излечит меня от самонадеянности, толку не будет. Если бы я обращал больше внимания на очевидные вещи, мне следовало бы задаться вопросом, почему она не вернулась на Реттингер-стрит до одиннадцати, когда закончились передачи по телевидению. Конечно, она была с Наглем и они договаривались о выплате денег этому шантажисту. Они встретились в парке святого Иакова. Парень понял свои шансы, когда вошел в регистратуру и увидел, что она нагнулась над телом кузины. Он наблюдал за ней, пока она что-то не услышала. Тогда он исчез оттуда с обычной ловкостью. Конечно, именно он так осторожно положил статуэтку на тело. И даже эта яркая деталь увела меня в сторону. Я просто не представлял себе Марион Болам, делающей такой пренебрежительный заключительный жест. Но это и в самом деле преступление, разгадка которого лежала на поверхности. Болам фактически даже не делала попытки замести следы. Резиновые перчатки, которые тогда надела, снова оказались в кармане ее формы медсестры. Орудием преступления послужило то, что попало под руку. Она не пыталась вовлечь в преступление кого-нибудь еще. Она даже не пыталась серьезно подумать. В шесть двадцать она позвонила в главную канцелярию и попросила Нагля пока не спускаться за бельем для прачечной. Он не умолчал об этом звонке, но это дало мне еще одну возможность остаться излишне хитроумным. Затем медсестра Болам позвонила кухне. Она не могла быть абсолютно уверена, что Энид придет одна, и это вполне оправдывают разбросанные медицинские записи на полу. Затем она подождала свою жертву в регистратуре, держа в руке злополучную статуэтку и приготовив в кармане стамеску. К несчастью, в клинику тайно вернулся Нагль, побывав у почтового ящика. Он подслушал звонок мисс Болам секретарю правления и решил уничтожить историю болезни Фентона. Ему показалось наиболее безопасным сунуть ее в топку бойлера. Обнаруженное убийство заставило его изменить свой план, да он и не видел возможности осуществить задуманное с тех пор, как было обнаружено тело и регистратуру опечатали. У медсестры Болам, конечно, не было возможности выбрать более подходящее время. Вечером в среду она узнала, что Энид собирается изменить свое завещание. Вечер пятницы был самым ближайшим промежутком времени, когда проводился сеанс лечения ЛСД и когда подвал был

в ее распоряжении. Она не могла действовать раньше и не решилась бы на такое действие потом.

— Убийство более подходило Наглю, — сказал шеф. — Ты не можешь упрекнуть себя в том, что сосредоточился именно на нем. Но если ты настаиваешь на том, чтобы мы доставляли тебе удовольствие, жалея тебя, позволь испортить тебе эту радость.

— Подходило, возможно, более Наглю, но совсем не обязательно, — возразил Далглиш. — И зачем бы ему убивать мисс Болам? Его единственной целью, если не считать добычу легких денег, было добраться до Боллинджера и без помех уехать в Европу. Известно, что повесить на него шантаж Фентона было бы трудно даже в случае, если бы секретарь правления обратился в полицию. И ведь в самом деле, мы все еще не можем с достаточной достоверностью обвинить его. Но убийство — другое дело. Похоже, что у всех, кто связан с убийством, меняются планы. Даже невиновному не так легко стряхнуть с себя эту разлагающую пыль. Убийство мисс Болам, если бы Нагль его совершил, лишь увеличило бы опасность разоблачения в вымогательстве. Но убить Придди — это совсем другое дело. В этом случае он мог сохранить свое алиби, преодолеть все препятствия и подарить себе надежду на брак с наследницей тридцати тысяч фунтов. Нагль знал, что у него мало шансов на это, если Марион Болам узнает о любовной связи с Придди.

— По крайней мере, — согласился шеф, — он проходит у нас как соучастник, и это позволяет нам на какое-то время упрятать его за решетку. Я не сожалею, что Фентоны избавились от тяжелых испытаний, какими для них стали бы показания в суде. Но сомневаюсь, что удастся поддержать обвинение Нагля в покушении на убийство, если только Придди не изменит своих показаний. Если она будет упорствовать в этом, мы не сумеем ничего добиться.

— Она не изменит своего решения, сэр, — горько сказал Далглиш.

— Конечно, Нагль не хочет видеть ее, но это для нее ничего не меняет. Все, о чем она сейчас думает, — планы их совместной жизни, когда он выйдет на свободу. И помоги ей Бог, если ее мечта быть вместе с Наглем осуществится.

Шеф раздраженно передвинул огромное тело в кресле, закрыл папку и протянул ее через стол Далглишу.

— Ни ты, ни кто-нибудь другой тут ничего больше сде-

лать не можете, — сказал он. — Она, Дженифер Придди, относится к такому типу женщин, которые сами губят себя. Кстати, я видел художника Сэджа. Ну и странные представления о юридической процедуре у этих людей! Я сказал, что сейчас дело уже не в нашей компетенции, и отослал Сэджа в нужное место. Знаешь, что он хочет? Он хочет оплатить защиту Нагля. Как тебе это нравится?! Сказал, что если мы вдруг ошибаемся, то мир потеряет выдающийся талант.

— Было бы что терять, — пробурчал Далглиш. Размышляя вслух, он добавил: — Насколько должен быть хорош художник, чтобы после преступления, вроде того, что совершил Нагль, его можно было бы отпустить с миром? Как Микеланджело? Веласкес? Рембрандт?

— Ну, знаешь, — спокойно сказал шеф, — если мы станем задавать себе такие вопросы, то уже не будем полицейскими.

В кабинете Далглиша сержант Мартин собирал документы. Он бросил взгляд на своего начальника, флегматично проговорил: «Доброй ночи, сэр», — и вышел. Некоторых ситуаций его простодушная натура предпочитала избегать. Едва за сержантом закрылась дверь, раздался телефонный звонок. Это была миссис Шортхауз.

— Алло! — прокричала она в трубку. — Это вы? Вы подкинули мне чертову пропасть работы. Видела вас сегодня в суде. Однако сомневаюсь, что вы заметили там меня. Как у вас дела?

— Спасибо, хорошо, миссис Шортхауз.

— Не думаю, чтобы мы встретились еще, поэтому я решила позвонить вам, пожелать всего хорошего и рассказать новости. Могу вам сообщить, что в клинике перемены. Мисс Саксон уходит. Она собирается работать в интернате для дефективных детишек где-то на севере. Интернат содержит церковь. Ну и фантазия — уйти работать в монастырь! Никогда прежде в клинике Стина никто не делал подобного.

Далглиш сказал, что вполне этому верит.

— Мисс Придди перевели в одну из легочных клиник объединения. Мистер Лоде подумал, что перемены пойдут ей на пользу. Но у нее был ужасный скандал с родителями, и теперь она живет одна в Килбурне. Но вы, бьюсь об заклад, все знаете. Миссис Болам перебралась в дорогой пансионат под Уортингом. Само собой, с долей денег наследства своей родственницы Энид. Вот оно как! Жалкая

стерва! Удивляюсь, как она смогла после всего прикоснуться даже к одному пёни.

Далглиш этому не удивлялся. Но промолчал, и миссис Шортхауз продолжала:

— А тут еще доктор Штайнер... Он женится на своей собственной жене.

— Что вы имеете в виду, миссис Шортхауз?

— Ну, снова женится. Они так внезапно все решили. Они развелись в свое время, а теперь снова вступают в законный брак. Что вы думаете по поводу всего этого?

Далглиш ответил, что вопрос в другом — что об этом думает доктор Штайнер?

— О, он рад, как собака новому ошейнику. И ошейник — это как раз то, чего он заслуживает, можете мне поверить. Да, вот еще что... Прошел слух, что окружной отдел собирается закрыть клинику и отправить весь персонал обслуживать амбулаторных больных. Ну, не стоит удивляться! Сначала одной удар в сердце, потом отравление газом другой, а теперь процесс над убийцей. Чего уж тут ожидать хорошего? Доктор Этеридж говорит, что это расстроит больных, но я не вижу оснований так считать. Количество пациентов чуть ли не вдвое увеличилось, это с прошлого-то октября! Можете представить — находятся такие, кто говорит, что у нас не было бы затруднений с Наглем и Придди, если бы вы с самого начала направили расследование по верному пути. Это было трудное дело. И вот, что я вам скажу, старший инспектор, — вы сделали все самым лучшим образом и не причинили никакого вреда, о котором можно было бы говорить.

«Никакого вреда, о котором можно было бы говорить, — горько подумал Далглиш, положив трубку. Подобные слова — явные спутники неудачи». Да, да, неудачи! Одного осознания этого было вполне достаточно, чтобы ощутить раздраженную, разъедающую жалость к самому себе, даже без морализирующих поучений шефа, такта Мартина и соболезнований Эми Шортхауз.

Для того чтобы освободиться от охватившего его уныния, нужно было отдохнуть от атмосферы преступлений и смерти, может, хватило бы одной короткой вечерней прогулки, когда рядом бы не было никаких посторонних. В голову Далглишу неожиданно пришло, что он хочет пообедать с Деборой Риско. По крайней мере, сказал он себе, усмехнувшись, произойдет смена проблем. Но положив руку на телефонную трубку, он приостановился, вспомнив давнюю предосторожность и давние неопределенности.

Ведь он совсем не уверен, будет ли она рада его звонку, и даже не знал, где ее служебное место — у Гана или Иллингворта. Затем вспомнил, как она смотрела на него во время их последней встречи, и снял трубку. Конечно, он имел полное право пообедать с привлекательной женщиной без профессионального предварительно-болезненного самоанализа. Приглашение, которое он собирался сделать, не являлось чем-то более значительным, чем возможность оплатить счет и убедиться, что вечер ей понравился. А автор, конечно, имеет полное право позвонить своему издателю.

Дональд Уэстлейк

Убийца лучшего друга

Детектив Эбрахам Ливайн из Бруклинского 43-го полицейского участка грыз карандаш и сердито глядел на свой только что написанный отчет. Отчет ему не нравился, как и вообще все это дело. Происшедшая история вызывала ощущение неправдоподобности, и чем больше он о ней думал, тем сильнее укреплялось это чувство.

Ливайн был невысоким, приземистым человеком. Подвижное лицо, светлые с проседью волосы подстрижены коротко, по-военному, ежиком. Из пятидесяти трех прожитых лет двадцать четыре года он прослужил в полиции, и последние несколько лет у него случались сердечные приступы. Каждый раз они напоминали о смерти, и Ливайн с тревогой прислушивался к биению стареющего сердца.

В его работе смерть вообще часто напоминала о себе. Естественная смерть, случайная, насильственная.

Эта смерть была насильственной, но Ливайн испытывал какое-то странное чувство. Он и его коллега Джек Кроули получили сигнал сразу после ленча. Сигнал поступил от полицейского Тэннера с Проспект-парка: человек, назвавшийся Ларри Перкинсом, подошел к Тэннеру в пар-

ке и заявил, что только что отравил своего лучшего друга. Тэннер пошел с ним, и в квартире, куда Перкинс привел его, действительно, нашел мертвое тело. Он и передал сообщение. Ливайн и Кроули, возвращавшиеся в участок после ленча, приняли его. Они развернулись и поехали назад.

За рулем был Кроули, а Ливайн сидел рядом, размышляя о смерти. Эта смерть, по крайней мере, относилась к числу опрятных. Ни ножей, ни бомб, ни разбитых пивных бутылок. Яд — и все. Жертва должна выглядеть так, будто ее сразил сон, если, конечно, здесь не один из тех ядов, которые вызывают спазмы мышц перед смертью.

Кроули вел машину не спеша, без сирены. Ему шел пятый десяток. Крупный, несколько полноватый, с квадратными лицом и тяжелым подбородком, он производил впечатление человека заурядного.

Машина двигалась вверх по Восьмой авеню, весеннее солнце освещало капот. Они направлялись на площадь Герфилд, им нужен был квартал между Восьмой авеню и Западным Проспект-парком. Квартал пришлось объехать, потому что на Герфилд было одностороннее движение. Нужный им район представлял собой двойной ряд облупленных каменных зданий, разделенных внутри на тысячи квартир, уютных закоулков, ниш, коробкообразных пещер, где работники метро спали ночью. Метро на Манхэттене — в шести кварталах отсюда, на площади Великой Армии.

В час дня прошлой пятницы, в конце мая, тротуары были пустынные, здания выглядели покинутыми. Только машины стояли вдоль левой стороны улицы, свидетельствуя о наличии в домах скрытой жизни.

Нужный им дом находился в середине квартала, на правой стороне. Стоянка автомобилей была здесь запрещена, так что Кроули пришлось оставить машину на противоположной стороне. Он щелкнул солнечным козырьком вместе с прикрепленной к нему служебной карточкой и последовал к двери под лестницей. Дверь была открыта. Ливайн и Кроули вошли внутрь. После яркого солнечного света глазам Ливайна потребовалось несколько секунд, чтобы привыкнуть к тусклому освещению. Наконец он смог различить фигуры двух мужчин, стоящих в конце коридора у закрытой двери. Один из них был Тэннер — молодой полицейский шести футов роста, с квадратным и невыразительным лицом. Другой, очевидно, Ларри Перкинс. Ливайн и Кроули двинулись по коридору. В течение семи лет совместной работы негласно установилось разделение труда, которое удовлетворяло их обоих. Кроули задавал вопросы,

а Ливайн выслушивал ответы. Кроули представился Тэннеру, который сказал:

— Это Ларри Перкинс из дома 294 по Четвертой улице.

— Тело там? — спросил Кроули, указывая на закрытую дверь.

— Да, сэр, — сказал Тэннер.

— Войдем, — предложил Кроули. — Не спускайте глаз с этой пташки. Смотрите, чтобы не упорхнула.

— Мне надо кое-что отнести в библиотеку, — сказал неожиданно Перкинс.

Все удивленно посмотрели на него.

Ливайн взглянул на Перкинса, стараясь понять, что это за человек, — технический прием, которым он пользовался почти автоматически. Вначале он попытался отнести Перкинса к какому-нибудь определенному типу. Затем наступила пора найти особые индивидуальные черты, выделяющие Перкинса из общего типа. Благодаря этим операциям Ливайн мог составить для себя довольно полную характеристику человека, и большей частью она оказывалась близкой к истине.

Определить общий тип не составило труда. Перкинс, в своем черном шерстяном свитере, подпоясанный ремнем цвета хаки, в потертых туфлях без носков, был «арти», богема. Каков их лозунг в этом году? В прошлом году они провозгласили модным уныние, в этом году призывали «бить». Именно так. Значит, Ларри Перкинс принадлежал к категории «битников». А индивидуальные особенности обязательно проявятся вскоре в разговоре, манерах.

Кроули повторил: «Давайте войдем внутрь», — и все четверо двинулись в комнату, где лежал труп.

В квартире была одна большая комната, кухонька не больше чулана и крошечная ванная. Убирающаяся в стену кровать стояла откинутой. Она была покрыта полосатой, как зебра, тканью. Кухонный стол и пара кресел — вот и вся мебель. На столе за огромной грудой долгоиграющих пластинок виднелся проигрыватель. Все, за исключением проигрывателя, выглядело поблекшим, изношенным и подержанным, включая тонкий, бежевого цвета ковер на полу и грязные обои в цветочках. Два окна выходили на узкий зацементированный двор и торцевую сторону другого каменного здания. На улице был яркий солнечный день, но сюда солнце и не думало заглядывать.

Посередине стоял карточный столик с пишущей машинкой и двумя кипами бумаги. Убитый находился здесь же. Он грудью навалился на столик, выброшенные вперед руки

тяжело лежали на стопках бумаги, голова покоилась на пишущей машинке. Лицо было обращено к двери, глаза закрыты, мышцы расслаблены. По крайней мере, Ливайн мог удовлетвориться тем, что смерть была спокойная.

Кроули посмотрел на тело, проворчал что-то и обернулся к Перкинсу.

— О'кей, — сказал он. — Расскажи нам о случившемся.

— Я положил яд ему в пиво, — просто сказал Перкинс. Во всяком случае, его манеры не походили на манеры «битников». — Он попросил открыть банку пива. Выливая его в стакан, я положил туда яд. После того как он умер, я пошел и рассказал все полицейскому.

— И это все?

— Да.

Ливайн спросил:

— Почему вы его убили?

Перкинс посмотрел поверх Ливайна:

— Потому что он был помпезный осел.

— Смотрите на меня, — приказал Кроули.

Перкинс тут же повернул голову, но детектив успел уловить едва заметное волнение в глазах юноши. Он, однако, не мог сказать, чем оно было вызвано.

Ливайн бегло оглядел комнату, подержанную мебель, карточный стол, неподвижное тело, молодого Перкинса, одетого как «битник», но разговаривающего изысканно-вежливо, внешне спокойного, но со скрытым сильным волнением. Что же заметил Ливайн в глубине его глаз? Ужас? Гнев? Мольбу?

— Расскажи нам об этом парне, — сказал Кроули, указывая на тело. — Его имя, где вы познакомились, в общем, все.

— Зовут его Эл Грубер. Вернулся из армии около восьми месяцев назад. Живет на свои сбережения и на солдатское пособие. Я хотел сказать: жил.

— Он был студентом колледжа?

— Более или менее. Он прослушал несколько курсов в «Колумбии» — в Колумбийском университете, вечерами. Он был не только студентом.

— Кем еще? — спросил Кроули.

Перкинс пожал плечами:

— Да почти никем. Писателем. Непризнанным писателем. Вроде меня.

Ливайн спросил:

— И много он получал денег за свои произведения?

— Ничего, — сказал Перкинс. На этот раз он не повер-

нул, чтобы взглянуть на Ливайна, и продолжал смотреть на Кроули, пока отвечал. — Один из журналов у него однажды что-то принял, но не думаю, что они опубликовали это. Во всяком случае, ему ничего не заплатили.

— Он был подавлен этим? — спросил Кроули.

— Очень подавлен. Мне хорошо знакомо это чувство.

— Так вы из той же упряжки?

— Такая же жизненная история, — сказал Перкинс. Он взглянул на тело Эла Грубера. — Ну, почти такая же. Я тоже пишу и ничего за это не получаю. Живу на солдатское пособие и свои сбережения, немного зарабатываю перепиской на машинке и хожу вечерами в «Колумбию».

В комнату вошли медицинский эксперт и ребята из лаборатории. Ливайну и Кроули ничего не оставалось, как ждать и наблюдать за происходящим. Когда они увидели, что эксперт закончил первоначальный осмотр, то оставили Перкинса на попечение Тэннера и вышли переговорить с ним.

Задавал вопросы, как обычно, Кроули.

— Ну как, док? Что это, по-вашему?

— Достаточно простой случай, — сказал эксперт. — На первый взгляд, парня отравили здесь. Почувствовав это, он подошел к пишущей машинке, чтобы сообщить, кто убийца, и умер. На кухонном столе нашли использованный стакан и пузырек с лекарством. Мы проверим их, они явно имеют отношение к делу.

— Ухитрился ли он что-нибудь отпечатать перед смертью? — спросил Кроули.

Эксперт покачал головой:

— Ни слова. Бумага в машинке скручена, видно, он очень спешил и все-таки не успел.

— Он зря тратил время, — сказал Кроули. — Малый сразу признался.

— Тот, что остался с полицейским?

— Угу.

— Не кажется ли это странным? — спросил эксперт. — Попробуйте-ка отравить кого-нибудь, а потом выскочить на улицу и признаться первому встречному полисмену.

Кроули пожал плечами:

— Ну вы-то, конечно, не смогли бы.

— Я подготовлю для вас заключение как можно быстрее, — сказал эксперт.

— Благодарю, док. Пошли, Эйб, доставим нашего голубка в гнездышко.

— О'кей, — рассеянно произнес Ливайн.

Он уже почувствовал что-то неладное. Ощущение того, что все здесь далеко не так просто, возникло сразу же, как только он уловил нечто в глазах Перкинса. Это чувство росло с каждой минутой. Но ситуация не становилась яснее.

Они вернулись к Тэннеру и Перкинсу, и Кроули сказал: — О'кей, Перкинс, давайте прогуляемся.

— Вы собираетесь забрать меня? — спросил Перкинс.

Голос его был полон какого-то странного нетерпения.

— Поторапливайся, — сказал Кроули. Он не считал нужным отвечать на праздные вопросы.

— Хорошо, — ответил Перкинс. И повернулся к Тэннеру: — Не могли бы вы сдать мои книги и пластинки в библиотеку? Они должны быть возвращены сегодня. Все на стуле. И кроме того, в стопке пара пластинок Эла.

— Конечно, — ответил Тэннер. Он пристально и осторожно посмотрел на Перкинса, и Ливайн отметил, что то же ощущение, не дающее покоя ему, видимо, охватило и Тэннера.

— Пойдем, — сказал Кроули нетерпеливо, и Перкинс двинулся к двери.

«Я должен установить истину», — подумал Ливайн.

Как только Кроули и Перкинс покинули квартиру, Ливайн стал рассматривать книги и пластинки, которые Перкинс хотел вернуть в библиотеку. Здесь было два сборника пьес елизаветинской эпохи, «Ежегодник новых искусств» и две книги по криминологии. Пластинки главным образом представляли записи народных песен.

Ливайн нахмурился и подошел к Тэннеру.

— О чем вы говорили с Перкинсом перед нашим приходом? — спросил он.

Вид у Тэннера был озадаченный.

— Об ограниченности мышления преступников, — ответил он. — Здесь что-то нечисто, лейтенант.

— Возможно, вы правы, — согласился Ливайн и последовал за Кроули и Перкинсом.

Все трое сели на переднее сиденье машины, Кроули опять был за рулем, а Перкинс расположился посередине. Ехали молча. Ливайн пытался понять, где же крылась фальшь.

В участке, после регистрации, Перкинса провели в одну из комнат для допроса. Здесь стоял простой обшарпанный стол и четыре стула. Кроули сел за стол, Перкинс напротив, Ливайн расположился в левом углу, а стенографист с блокнотом в руке занял четвертый стул за спиной Кроули.

Первые вопросы Кроули, по сути дела, повторяли те, которые он задавал на квартире Грубера, на этот раз для того, чтобы их записать.

— О'кей, — сказал Кроули, когда покончил с ними. — Вы и Грубер занимались одним и тем же делом; вели один и тот же образ жизни. Вы оба были непубликующимися писателями, оба посещали вечерние курсы в «Колумбии», оба существовали на весьма скудные средства.

— Все верно, — сказал Перкинс.

— Давно ли вы познакомились?

— Около шести месяцев назад. Мы встретились в «Колумбии» и ехали вместе в метро после занятий. Разговорились, выяснили, что оба мечтаем об одном и том же, и стали друзьями. Видите ли, бедность любит компанию.

— В «Колумбии» посещали одни и те же классы?

— Только один. Творческого процесса. Его вел профессор Стоунгелл.

— Где вы купили яд?

— Я не покупал. Купил его Эл, когда вернулся из армии, и держал при себе. Он не переставал говорить, что если вскоре хорошо не заработает, то покончит с собой. Но на самом деле он не думал об этом. Это была своего рода шутка.

Кроули потянул себя за мочку правого уха. По долголетнему опыту работы с партнером Ливайн знал: этот жест означает, что Кроули в замешательстве.

— Вы пошли к нему сегодня, чтобы убить?

— Да, именно так.

Ливайн покачал головой. Конечно же, это неправда.

— Почему вы принесли с собой библиотечные книги? — мягко спросил он.

— Я шел в библиотеку, — сказал Перкинс, повернувшись вместе со стулом к Ливайну.

— Смотрите на меня, — рявкнул Кроули. Перкинс повернулся опять к Кроули, и снова Ливайн успел заметить ту же вспышку в его глазах, на этот раз более сильную и в то же время более похожую на мольбу. О чем Перкинс мог умолять?

— Я шел в библиотеку, — повторил Перкинс. — Эл взял пару пластинок на мой абонемент, и я зашел за ними. По дороге я решил его убить.

— Почему? — спросил Кроули.

— Потому что он был помпезный осел, — упрямо повторил Перкинс.

— Потому что он добился, что его рассказ был принят

одним из литературных журналов, а вам это не удалось? — подсказал Кроули.

— Возможно. Отчасти. А в целом из-за его характера. Он был необщительный человек. И слишком много о себе воображал.

— Почему вы убили его сегодня? Почему не на прошлой или на следующей неделе?

— Потому что я захотел это сделать сегодня.

— Почему вы сами сдались?

— Вы все равно забрали бы меня.

— Вы сознавали это перед тем, как убили его? — спросил Ливайн.

— Не знаю, — ответил Перкинс, не поворачиваясь к Ливайну. — Не задумывался. А когда это произошло, понял, что полиция так или иначе найдет меня. Обратятся к профессору Стоунгеллу, к другим людям, которые знали нас обоих, и решил не дожидаться. Пошел и сознался.

— Вы заявили полицейскому, — сказал Ливайн, — что убили своего лучшего друга.

— Все верно.

— Почему вы употребили выражение «лучший друг», если ненавидели его так сильно, что хотели убить?

— Он был моим лучшим другом. По крайней мере, в Нью-Йорке. Я, по сути, никого не знал, кроме профессора Стоунгелла. Эл был моим лучшим другом, потому что был единственным.

— Вы сожалеете, что убили его? — спросил Ливайн.

На этот раз Перкинс повернулся к нему, не обращая внимания на Кроули.

— Нет, сэр, — сказал он, и его глаза теперь ничего не выражали.

В комнате воцарилось молчание. Кроули и Ливайн смотрели друг на друга. На немой вопрос Кроули Ливайн пожал плечами и покачал головой. Что-то здесь было не так, но что — он не знал. Перкинс, который мог бы пролить свет на это дело, окончательно все запутал.

Кроули повернулся к стенографисту:

— Оформите как положено. И пришлите кого-нибудь, чтобы забрать голубка в его гнездышко.

После того как стенографист ушел, Ливайн сказал:

— Перкинс, вы хотите что-нибудь добавить не для протокола?

Перкинс усмехнулся. Он отвернулся от Кроули и уставился в пол, будто увидел там нечто занятное.

— Не для протокола? — пробормотал он. — Пока здесь вас двое, все будет для протокола.

— Вы хотите, чтобы один из нас ушел?

Перкинс опять взглянул на Ливайна и перестал улыбаться. Казалось, он на минуту задумался, а затем отрицательно покачал головой:

— Нет, но, во всяком случае, благодарю вас. Не думаю, что смогу что-нибудь добавить. По крайней мере сейчас.

Ливайн нахмурился и опять уселся на стул, пристально вглядываясь в Перкинса. Юноша казался не очень-то искренним: слишком уж много противоречий нагородил он. И разобраться в Перкинсе никак не удавалось — образ его расплывался.

После того как Перкинса увели двое полицейских в форме, Кроули поднялся, потянулся, вздохнул, дернул себя за мочку уха и спросил:

— Что думаешь об этом, Эйб?

— Не нравится мне все это.

— Знаю. Видел по твоему лицу. Но он признался, что же еще?

— Как ты знаешь, самооговор не такое уж редкое явление.

— Но здесь не тот случай, — сказал Кроули. — Парень может признаться в преступлении, которого не совершал, когда ему нужна реклама или что-то в этом роде, либо если он покрывает кого-нибудь. Перкинс мне не кажется звонарем, вряд ли существует кто-то третий, кого он мог бы покрывать.

— Если учесть высшую меру наказания, принятую в штате, то признание в убийстве, которого он не совершал, может стать для него самоубийством.

Кроули покачал головой:

— А что, это, пожалуй, похоже на Перкинса.

— На Перкинса ничего не похоже. Он воздвиг перед нами гладкую стену, на которую мы палимся. Но за ней что-то есть, пару раз это проскальзывало.

— Не делай из мухи слона, Эйб. Малый сознался. Он убийца. Давай остановимся на этом.

— Понимаю, что работа закончена. И все же что-то меня все-таки беспокоит.

— О'кей, — сказал Кроули. Он снова сел и положил ноги на стол. — Давай разберемся. Что тебя беспокоит?

— Все. Во-первых, мотив. Ведь не убивают человека только за то, что он помпезный осел, а через минуту не утверждают, что он был твоим лучшим другом.

— Обстоятельства порой толкают людей на страшные поступки. Даже по отношению к друзьям.

— Согласен. Пойдем дальше. Способ убийства. Он не выглядит правдоподобным. Когда человек убивает импульсивно, он хватается что-нибудь и наносит удар. Придя в себя, скрывается. Но когда применяешь яд, чтобы отравить кого-то, то прибегаешь к довольно трусливому способу. И вряд ли у тебя возникнет желание сразу же торопиться звать полицейского. Совсем не то психологическое состояние.

— Он использовал яд, потому что тот оказался под рукой, — предположил Кроули. — Грубер купил его, возможно, он стоял на кухонном столе или где-то еще, и Перкинс импульсивно схватил его и высыпал в пиво.

— Что-то здесь не вяжется, — заметил Ливайн. — Ты пьешь пиво из банок?

Кроули усмехнулся:

— Пью.

— Я видел много пустых пивных банок в квартире, из одной из них Грубер пил свое последнее пиво.

— Ну да. Так что из того?

— Когда ты пьешь баночное пиво, ты наливаешь его из банки в стакан или пьешь прямо из банки?

— Прямо из банки. Но не каждый так делает.

— Ладно. А что ты скажешь о библиотечных книгах? Собираясь убить, понесешь ли ты с собой библиотечные книги?

— Это было импульсивное убийство. Он не знал, как поступит, пока там не оказался.

Ливайн встал.

— Черт знает что, — сказал он. — Можно ответить на каждый вопрос в отдельности. И случай вроде бы простой. Так почему же так много вопросов, которые нуждаются в объяснении?

Кроули пожал плечами:

— Не знаю. На мой взгляд, главное то, что парень сознался, этого для меня достаточно.

— А для меня нет, — проговорил Ливайн. — Я думаю вернуться туда и попытаться распутать это дело. Хочешь, пойдем вместе?

— Никто не водил рукой Перкинса, когда он подписывал свое признание, — сказал Кроули.

— Не возражаешь, если я тебя на время покину?

— Действуй. Пришло твое время, детектив-фантазер, — усмехнулся Кроули.

Первым местом, куда отправился Ливайн, был дом Грубера.

Ливайн спустился вниз к полуподвальной двери под лестницей, вошел в коридор, но остановился не перед дверью убитого, а перед квартирой напротив. На прикрепленном к двери клочке бумаги неуклюжими детскими каракулями было выведено: «Управляющий». Ливайн негромко постучал и стал ждать. Через минуту дверь, придерживаемая цепочкой, открылась. Примерно на уровне пяти футов показалось круглое лицо:

— Кто вам нужен?

— Полиция, — ответил Ливайн. Он раскрыл свой бумажник и показал карточку.

— О, конечно, — произнес хозяин.

Дверь захлопнулась, и Ливайн услышал, как зазвенела цепочка, потом дверь широко распахнулась.

Управляющий оказался маленьким пухлым человечком. На нем были вельветовые брюки и нижняя рубашка в жирных пятнах. Он просипел: «Входите, входите», — и, повернувшись спиной к Ливайну, направился с свою захламленную, с затхлым запахом комнату.

Ливайн сказал:

— Я хочу поговорить с вами о Грубере.

Управляющий закрыл дверь и вперевалку пошел на середину комнаты, качая головой.

— Ну не жалость ли? — воскликнул он. — Эл был славный малый. Без денег, но славный малый. Садитесь куда хотите.

Ливайн огляделся: комната переполнена жуткой, тяжелой, покосившейся мебелью. Он выбрал наименее изношенное кресло и сел на самый краешек. Хотя он был невысокого роста, колени его почти касались подбородка; не покидало ощущение, что, стоит пошевелиться, тут же упадешь.

Управляющий колом прокатился по комнате, опустился в одно из кресел, погрузившись так, будто уже никогда не собирался из него вылезть.

— Настоящее горе, — продолжал сетовать он. — И подумать только — я, возможно, мог бы предотвратить это.

— Вы? Каким образом?

— Это случилось примерно в полдень, — сказал управляющий. — Я смотрел телевизор и вдруг услышал голос из квартиры напротив. Кто-то кричал: «Эл! Эл!» Тогда я вышел в коридор, но крики прекратились. Я не знал, что делать. Подождал с минуту и опять пошел смотреть телепередачу. Вероятно, тогда это и произошло.

— Не слышали ли вы какого-нибудь другого шума, когда были в коридоре? Только крик?

— Да, только это. Я думал, что это был один из их споров, и собирался сказать, чтобы вели себя потише, но все прекратилось прежде, чем я успел открыть свою дверь.

— Споров?

— Да, между мистером Грубером и мистером Перкинсом. Они имели привычку спорить, как только сойдутся, кричали друг на друга, — в общем, сущий обезьянник. Другие жильцы всегда выражали недовольство. Они спорили иногда поздно ночью. Жильцы, конечно же, вскакивали и звонили мне с жалобами.

— О чем же они спорили?

Управляющий пожал полными плечами:

— Кто знает? Называли какие-то имена. Людей. Писателей. Оба они считали себя великими писателями или чем-то в этом роде.

— Может, они дрались, грозили друг другу? Например, не угрожал ли один из них убить другого?

— Нет, они только кричали и обзывали друг друга. Ту-пица, невежда и тому подобные выражения... Но на самом деле, они, я думаю, любили друг друга. Во всяком случае, всегда были вместе. Им просто нравилось спорить, только и всего. Знаете, как это принято у студентов. У меня здесь прежде снимали комнаты ребята из колледжа, и они были точно такими же. Все любят спорить. Конечно, ничего подобного раньше здесь не случалось.

— Что за человек был Грубер? Вы не могли бы рассказать о нем?

Управляющий какое-то время обдумывал вопрос.

— Спокойный парень, — проговорил он наконец. — За исключением тех случаев, когда находился с мистером Перкинсом. Тогда он кричал так же громко и часто, как и другие. Но обычно был спокойным. И с хорошими манерами. Это просто удивительно для современного парня. Он был всегда вежлив и всегда готов прийти на помощь, если это требовалось. Помню, как-то раз я тащил кровать на третий этаж. Мистер Грубер подошел и энергично стал помогать, так что большую часть работы сделал он.

— И, кажется, он был писателем? По крайней мере, пытался стать им?

— О, безусловно. Я почти все время слышал стук пишущей машинки. И мистер Грубер всегда носил с собой блокнот, записывал в нем что-то. Я спросил его однажды, что он туда заносит, и он ответил, что это описания мест,

подобных Проспект-парку, и людей, знакомых ему. Он говорил, что всегда хотел стать писателем, подобным какому-то парню по имени Вулф, который тоже жил в Бруклине.

— Понимаю, понимаю. — Ливайн с трудом выбрался из кресла. — Очень вам благодарен.

— Не стоит, — отмахнулся управляющий и засеменил за Ливайном к двери. — Это все, чем я мог помочь.

— Еще раз благодарю, — произнес Ливайн.

Он вышел в коридор и остановился, обдумывая ситуацию. Сзади щелкнул замок двери. Ливайн повернулся, прошел по коридору к квартире Грубера и постучал.

Как он и полагал, в квартире для наблюдения на некоторое время был оставлен полицейский. Когда тот открыл дверь, Ливайн показал ему удостоверение и сказал:

— Я веду расследование по этому делу. Мне хотелось бы еще раз осмотреть место.

Полицейский впустил его, и Ливайн стал внимательно перебирать личные вещи Грубера. Наконец на дне ящика кухонного стола он нашел пять записных книжек. Четыре были полностью исписаны четким и аккуратным почерком, а пятая оказалась исписанной лишь наполовину. Ливайн отнес блокноты на карточный столик, отодвинул пишущую машинку, сел и начал их бегло перелистывать.

Он нашел то, что искал, в середине третьего блокнота. Описание Ларри Перкинса, сделанное человеком, только что убитым Перкинсом. Описание, или, скорее, исследование характера, занимавшее четыре страницы, начиналось с внешнего портрета и переходило к обсуждению личности Перкинса. Ливайн обратил особое внимание на последнюю часть этой записи: «Ларри не хочет писать, он хочет быть писателем, а это разные вещи. Он жаждет романтического ореола, славы и денег и думает, что добьется этого, став писателем. Вот почему он поверхностно занимался театром, живописью и всеми другими так называемыми изящными искусствами. Передо мной и Ларри стоит одна и та же преграда: ни один из нас не может сказать что-то особенное, заслуживающее внимания. Разница между нами в том, что я стараюсь найти, что сказать, а Ларри хочет выехать лишь на одной бойкости. Однажды он поймет, что потерпел поражение на этом пути. И этот день будет для него роковым».

Ливайн закрыл блокнот, взял последний, тот, что был не до конца исписан, и перелистал его. Одно слово в этом блокноте привлекло его внимание: «Нигилизм». Грубер явно ненавидел это слово и в то же время боялся его. «Ниги-

лизм — это смерть; — было написано на одной странице. — Это вера в то, что убеждений не существует, что нет задачи, стоящей того, чтобы тратить на нее время. Может ли писатель так считать? Литература — это положительное действие. Как же можно ее использовать во имя отрицательных целей? Выражение нигилизма есть смерть. Если я не могу сказать ничего обнадеживающего, я вообще не должен говорить».

Ливайн положил записные книжки обратно в ящик кухонного стола, поблагодарил полицейского и пошел к машине. Он надеялся, что заполнит пробелы в характеристике Перкинса с помощью записных книжек Грубера, но, повидимому, определить личность Перкинса представлялось Груберу таким же трудным делом, как сейчас Ливайну. Он узнал многое о покойном: тот был искренним, сильно чувствующим, требовательным к себе, насколько к этому способен молодой человек, и все же Перкинс все еще оставался для него загадкой. «Бойкость», — так сказал Грубер. Но что скрывалось за этой бойкостью? Способность убить, а потом признаться? Или что-то еще?

Ливайн сел в машину и направился в сторону Манхэттена.

Профессор Харви Стоунгелл находился в аудитории, когда детектив появился в Колумбийском университете, но девушка, сидевшая за столом перед кабинетом декана, сказала ему, что Стоунгелл буквально через несколько минут выйдет из аудитории и будет некоторое время свободен.

Дверь кабинета была закрыта, так что Ливайн ждал в коридоре, наблюдая за студентами, спешащими по своим делам.

Профессор появился примерно минут через пятнадцать в сопровождении двух студентов. Это был высокий и стройный человек с удлинненным лицом и густой пепельной шевелюрой. Ему можно было дать и пятьдесят, и семьдесят лет. Одет он был в твидовый пиджак с кожаными вставками на локтях и широкие серые брюки.

— Профессор Стоунгелл? — спросил Ливайн.

— Да.

Ливайн представился и показал свое удостоверение.

— Мне хотелось бы поговорить с вами несколько минут.

— Пожалуйста. Только извините, я сейчас...

Стоунгелл дал книгу одному из студентов, указывая, какие разделы тот должен прочитать, и объяснил другому студенту, почему тот не получил удовлетворительной оценки за последнее задание.

Когда студенты ушли, Ливайн прошел в тесный узкий кабинет Стоунгелла и сел за стол.

— Вы по поводу моих студентов? — спросил профессор.

— Двух из них. С вашего вечернего курса. Грубер и Перкинс.

— Эти двое? Что с ними, они попали в беду?

— Боюсь, да. Перкинс признался, что убил Грубера.

Узкое лицо Стоунгелла побледнело.

— Грубер умер? Убит?

— Перкинсом. Он отдал себя в руки правосудия после случившегося. Но, буду с вами откровенен, меня тревожит один момент. Не могу этого объяснить. Вы знали обоих. Я подумал, что вы могли бы кое-что рассказать мне.

Стоунгелл закурил сигарету, предложил Ливайну, но тот отказался. Он бросил курить вскоре после того, как его стало беспокоить сердце.

— Надо немного подумать, — сказал через минуту Стоунгелл. — Грубер и Перкинс... Они оба были хорошими студентами в моей группе, возможно, даже лучшими. И были хорошими приятелями.

— Я слышал, что они дружили.

— Между ними было дружеское соревнование, — продолжал Стоунгелл. — Стоило одному начать работу, как и другой принимался за подобную, стремясь превзойти друга-соперника. Впрочем, это скорее касалось Перкинса, чем Грубера. И они всегда занимали противоположные позиции в любом вопросе и кричали друг на друга, словно заклятые враги. Но на самом деле были очень близкими людьми. Я не могу себе представить, как один из них мог убить другого.

— Был ли Грубер похож на Перкинса?

— Можно ли так сказать? Нет, они были совершенно непохожи. Старая история о том, что противоположности притягиваются. Грубер был, несомненно, более чувствительным и искренним. Я не хочу этим сказать, что Перкинс был совершенно бесчувственным и неискренним. Перкинсу свойственны чувствительность и искренность, но они были почти исключительно направлены на него самого. Все соотносил с собой, со своими чувствами и желаниями. Грубер был гораздо шире, его чувствительность была обращена к внешнему миру, к чувствам других людей. Все это можно проследить по их произведениям. Сила Грубера заключалась в глубокой мотивации образов, в тонком изображении взаимоотношений между персонажами. Перкинс отличался бойкостью в создании и развитии динамических

сюжетов. Но его характерам не хватало глубины. В действительности, его ничто не интересовало, кроме самого себя.

— Судя по всему, он не из тех парней, кто спешит сознаться в совершенном убийстве.

— Я понимаю, что вы имеете в виду. Да, это на него не похоже. Не думаю, что Перкинс способен испытывать угрызения совести. Скорее, он из тех, кто считает, что преступник лишь тот, кто пойман.

— Однако не мы поймали его. Он сам пришел к нам.

Ливайн рассматривал названия книг на полке позади Стоунгелла.

— А что вы можете сказать об их психическом состоянии в последние дни? — спросил он. — В общих чертах, конечно. Были они счастливы или несчастливы, раздражительны или довольны?

— Думаю, оба они были немного подавлены, — сказал Стоунгелл. — Хотя по разным причинам. Оба вернулись из армии менее года назад и приехали в Нью-Йорк, чтобы попытаться стать писателями. Груберу трудно давался сюжет. Мы говорили об этом несколько раз.

— А Перкинс?

— Подобные проблемы его особенно не волновали. Он, как я уже говорил, писал довольно ловко и искусно, но все это было поверхностно. Думаю, они действительно могли ссориться. Перкинс видел, что у Грубера были сила и искренность, которых не доставало ему, а Грубер считал, что Перкинс свободен от исканий и сомнений, так сильно мешающих ему, Груберу.

В прошлом месяце они говорили о том, что бросят колледж, вернутся домой и забудут обо всех этих вещах. Но никто из них не сделал этого, по крайней мере до сих пор. Грубер не мог, потому что желание писать было слишком сильно в нем, Перкинс, потому что очень хотел стать знаменитым писателем.

— Год может показаться прекрасным мгновением, когда получаешь все, к чему стремишься, — заметил Ливайн.

Стоунгелл улыбнулся.

— Когда вы молоды, — сказал он, — год может показаться вечностью. Терпение — атрибут старости.

— Полагаю, вы правы. Что вы можете сказать о подругах или других людях, которые знали их?

— Есть здесь одна девушка, они оба с ней встречались. Опять соперничество. Не думаю, что это было что-то серьезное, но сильным было желание отбить ее друг у друга.

— Вы знаете ее имя?

— Да, конечно. Она училась в одной группе с Перкинсом и Грубером. Попробую найти ее домашний адрес.

Стоунгелл достал с полки ящик с небольшой карточкой и просмотрел ее.

— Вот, нашел, — сказал он. — Ее зовут Анна Мария Стоун. Живет на Гроув-стрит. Пожалуйста.

Детектив взял карточку у Стоунгелла, записал имя и адрес.

— Извините за беспокойство, — сказал он.

— Не стоит, — ответил Стоунгелл, вставая. Он протянул руку, и Ливайн, пожимая ее, отметил, что она красивая и тонкая, но удивительно сильная.

— Не знаю, могу ли я вам еще чем-то помочь, — сказал профессор.

— Не думаю, — проговорил Ливайн. — Это было бы пустой тратой вашего времени. Перкинс, в конце концов, сошелся.

— Еще... — начал Стоунгелл.

Ливайн кивнул:

— Знаю. Это то, что дало бы мне лишнюю работу.

— Если бы вы знали, о чем я думаю. Все происшедшее представляется мне выдумкой, фантазией. Два молодых студента, к которым я проявлял интерес, должны были ходить по земле спустя полвека после моей смерти, и вдруг вы говорите мне, что одного из них нет в живых, а другой все равно что мертв. Это не укладывается в голове. Они не придут сегодня вечером на занятия — нет, я еще не могу поверить в это.

Анна Мария Стоун жила в квартире на пятом этаже дома без лифта, на Гроув-стрит в Гринвич Виллидж. Ливайн запыхался, пока достиг третьего этажа, и остановился на минуту, чтобы отдышаться и дать успокоиться своему сердцу. Не было звука в мире более громкого, чем биение его собственного сердца в эти дни, когда это биение ускорялось или становилось слишком неровным, что вызывало у детектива такой страх, какого он не испытывал за все двадцать четыре года службы в полиции.

Наконец он добрался до пятого этажа и постучал в дверь квартиры 5Б. Изнутри донесся неясный шум, открылся смотровой глазок, и на него подозрительно уставился голубой глаз.

— Кто там? — спросил приглушенный голос.

— Полиция, — ответил Ливайн. Он вытащил свой бу-

мажник и поднял его высоко, так, чтобы глаз в смотровом глазке мог видеть удостоверение.

— Секунду, — произнес глухой голос, и смотровой глазок закрылся.

Послышалось лязганье отпираемых замков, дверь открылась, и невысокая стройная девушка с белокурым хвостом, одетая в розовые эластичные брюки и серый пушистый свитер, жестом предложила Ливайну войти.

— Возьмите кресло, — сказала она, закрывая за ним дверь.

— Благодарю вас. — Ливайн опустился в весьма неудобное корзинообразное кресло, а девушка села на такое же лицом к нему. Казалось, ей там вполне удобно.

— В чем я провинилась? — спросила она его. — Неосторожно перешла улицу или что-нибудь еще?

Ливайн улыбнулся. Почему это люди обычно считают себя в чем-то провинившимися, если полиция заходит к ним?

— Нет, — ответил он. — Это касается двух ваших друзей: Эла Грубера и Ларри Перкинса.

— Этих двух?

Девушка выглядела спокойной. Она была слегка заинтригована, но отнюдь не встревожена. Видно было, что ей не о чем больше думать, кроме как о неосторожном переходе улицы.

— Что они натворили?

— Как близки вы были с ними?

Девушка пожала плечами.

— Я была в их обществе, только и всего. Мы вместе учились в «Колумбии». Они оба хорошие парни, но ничего серьезного ни с одним из них у меня не было.

— Не знаю, как сказать вам об этом, — начал было Ливайн. — Чтобы не так сразу. — Он немного помолчал. — Вскоре после полудня Перкинс сдался полиции, заявив, что он только что убил Грубера.

Девушка вытаращила на него глаза. Дважды она пыталась что-то произнести, но так ничего и не сказала. Молчание затягивалось, и только тут Ливайн подумал, правду ли говорила девушка, может быть, все-таки было что-то серьезное в ее отношениях с одним из этих парней. Затем она замигала и отвернулась от него, чтобы откашляться. Секунду пристально смотрела в окно, потом повернулась и сказала:

— Он морочит вам голову.

Детектив покачал головой:

— Мне бы также этого хотелось.

— Иногда у Ларри бывали странные проявления чувства юмора, — сказала она. — Это всего лишь отвратительная шутка. И, как всегда, по поводу Эла. Вы ведь не нашли тело?

— Боюсь, нашли. Он был отравлен, и Перкинс признался, что именно он дал ему яд.

— Эту маленькую бутылочку Эл всегда держал рядом. Это была только шутка. Ничего более.

Она еще немного подумала, пожала плечами, как бы колеблясь — верить или не верить, и затем обратилась к нему:

— Почему вы пришли ко мне?

— Не знаю, говорить ли вам? Какое-то ощущение неправдоподобия. Что-то в этом деле не так, но что, я не знаю. Здесь нет ни капли логики. Я не могу ничего добиться от Перкинса, и слишком поздно что-нибудь добиваться от Грубера. Но чтобы понять случившееся, необходимо лучше узнать этих людей.

— И вы хотите, чтобы я рассказала вам о них?

— Да.

— Откуда вы узнали обо мне? От Ларри?

— Нет, он совсем о вас не упоминал. Я полагаю, инстинкт джентльмена. Я разговаривал с вашим учителем, профессором Стоунгеллом.

— Да, да. — Она вдруг поднялась одним резким и быстрым движением, будто вспомнила о чем-то важном. — Хотите кофе?

— Благодарю вас, с удовольствием.

— Идемте. Мы можем разговаривать, пока я буду его готовить.

Ливайн последовал за ней через квартиру. Коридор привел их из узкой длинной гостиной мимо спальни и ванной в крошечную кухню. Она готовила и рассказывала:

— Они хорошие друзья. Я хотела сказать, что они были хорошими друзьями. И в то же время как они отличаются друг от друга! Ей-Богу! Простите, я все время путаю прошлое и настоящее.

— Говорите так, как будто они оба живы, — сказал Ливайн. — Это, должно быть, легче.

— Я действительно никак не могу поверить в другое, — сказала она. — Эл... он намного скромнее, чем Ларри, хотя по-своему сильно чувствовал. У него был как бы перевернутый комплекс мессианства. Понимаете, он представлял

себе, что станет великим писателем, но боялся, что у него нет достаточно материала для этого. Муки и попытки анализировать себя, ненависть ко всему написанному, потому что считает: все недостаточно хорошо. СклЯнка с ядом — это обман и вместе с тем одна из тех шуток, в которых есть доля истины. Эти мысли, постоянно его угнетающие, видимо, и привели к выводу, что смерть не худший выход.

Она закончила готовить кофе и стояла, как бы осмысливая свои собственные слова.

— Теперь он нашел выход, не так ли? Я не удивлюсь, если окажется, что он попросил Ларри привести приговор в исполнение.

— Вы предполагаете, что он попросил Ларри об этом?

Она покачала головой:

— Нет, во-первых, Эл вообще никого не мог просить ни о какой помощи. Я это знаю, потому что, когда я пару раз пыталась заговорить с ним на эту тему, он просто слушать об этом не мог. Не то чтобы не хотел, не мог — и все. Он считал, что сам должен всего добиться. Ларри же не отличается альтруизмом, и к его помощи прибегнуть можно в самом крайнем случае. В действительности Ларри неплохой парень. Он только ужасно эгоцентричный. Они оба такие, но по-разному. Эл искал свое место в мире, был всегда недоволен собой, терзался этим, а Ларри всегда гордился собой. Знаете, Ларри мог сказать: «Для меня главное — это я», а Эл мог спросить: «Стоящий ли я человек?»

— Может быть, между ними произошла ссора на днях или еще что-нибудь вроде этого, что могло толкнуть Ларри на убийство?

— Ни о чем таком я не знаю. Они становились все более и более подавленными, но никто из них не упрекал другого. Эл корил себя за то, что у него ничего не получается, а Ларри проклинал глупость мира. Вы знаете, Ларри хотел делать то же самое, что Эл, но Ларри не тревожил вопрос: достоин ли он этого, есть ли у него способности? Он дважды сказал мне, что хочет стать знаменитым писателем и станет им, даже если для этого потребуется ограбить банк, чтобы подкупить издателей, редакторов, критиков. Это шутка, конечно, похожая на бутылку с ядом Эла, но я думаю, что в этой шутке также была доля истины. — Кофе готов. — Она налила две чашки и села напротив. Ливайн добавил в кофе немного сгущенного молока и рассеянно его помешивал.

— Я хочу знать, почему, — сказал он. — Это покажется

странным. Считают, что полицейские хотят знать — кто, но не почему. Я знаю кто, но хочу знать почему.

— Ларри единственный, кто мог бы рассказать вам, но не думаю, что он это сделает.

Детектив выпил немного кофе и поднялся.

— Не возражаете, если я позвоню от вас? — спросил он.

— Идите прямо. Телефон в гостиной, около книжного шкафа.

Ливайн вернулся в гостиную и позвонил на службу. Он попросил Кроули и, когда его коллега подошел, поинтересовался:

— Перкинс уже подписал признание?

— Скоро подпишет. Его только что отпечатали.

— О'кей, задержите его там, когда он подпишет. Хочу поговорить с ним. Я на Манхэттене, сейчас возвращаюсь.

— Чего ты хочешь добиться?

— Я не уверен, что чего-нибудь добьюсь. Просто хочу поговорить в Перкинсом еще раз.

— Что тебя тревожит? У нас есть труп, есть признание, есть убийца. Зачем же создавать самому себе работу?

— Не знаю. Может, это все и лишнее.

— О'кей, я задержу его. В той же комнате, что и раньше.

Ливайн вернулся в кухню.

— Благодарю за кофе, — сказал он. — Если вам больше нечего мне сказать, то я вас покидаю.

— Нечего, — сказала она. — Ларри теперь единственный, кто мог бы сказать вам что-то еще.

Она проводила его до входной двери, и он, уходя, опять поблагодарил ее.

Вернувшись в участок, Ливайн зашел за переодетым в штатское детективом Рикко, высоким, атлетически сложенным человеком лет тридцати пяти. Он скорее походил на сотрудника районной прокуратуры, чем на полицейского. Ливайн предложил ему принять участие в игре, и они оба отправились в комнату, где дожидались Перкинс и Кроули.

— Перкинс, — начал Ливайн. С минуту он ходил по комнате, давая Кроули возможность вступить в игру, тот что-то начал рассказывать Рикко, — это Дан Рикко, репортер из «Дейли-ньюс».

Перкинс взглянул на Рикко с явным интересом. Ливайн про себя отметил, что это первое проявление неподдельного интереса.

— Репортер?

— Да, — сказал Рикко. Он взглянул на Ливайна. — А это кто?

Он играл убедительно и изящно.

— Студент Ларри Перкинс, — ответил Ливайн, сделав ударение на имени. — Он отравил своего товарища, тоже студента.

— О, вот как. — Рикко мельком взглянул на Перкинса. — Из-за чего? — спросил он, обращаясь к Ливайну. — Девушка? Ревность?

— Думаю, нет. Тут скорее некое интеллектуальное побуждение. Они оба хотели стать писателями.

Рикко пожал плечами:

— Два парня — конкуренты в одном деле? И притом такие горячие?

— Главное, — подчеркнул Ливайн. — Перкинс мечтает быть знаменитым. Он хотел прославиться, став знаменитым писателем, но из этого ничего не вышло. Тогда он решил стать знаменитым убийцей.

Рикко взглянул на Перкинса.

— Это верно?

Перкинс сердито посмотрел на них, особенно на Ливайна:

— Какая разница?

— Парнишка плачет по электрическому стулу, — сказал Ливайн с грустной иронией. — У нас есть подписанное им признание. Дело закончено. Но я испытываю к нему симпатию, и мне не хотелось бы, чтобы он ушел из жизни, не добившись того, к чему так стремился. Я подумал, не смогли бы вы дать что-нибудь о нем на второй полосе под хорошим заголовком, такое, чтобы он мог повесить на стене своей камеры?

Рикко хмыкнул и покачал головой.

— Никакой возможности, — сказал он. — Даже если я напишу большой рассказ, редакция может оставить от него лишь пару строк. Такого рода истории стоят десять центов дюжина. Люди убивают друг друга по всему Нью-Йорку двадцать четыре часа в сутки. Если это не представляет большого сексуального интереса, если это не одно из массовых убийств, вроде того случая с парнем, который подложил бомбу в самолет, то убийца в Нью-Йорке — довольно заурядное явление. И кому он нужен весной, когда танцевальный сезон в самом разгаре?

— Но у вас же есть влияние в газете, Дан, — сказал Ливайн. — Может, вы, по крайней мере, дадите телеграфное сообщение об этом случае.

— Ни шанса на миллион. Таких преступлений в Нью-Йорке каждый год сотни. Очень жаль, Эйб, хотелось бы сделать для вас что-нибудь, но ничего не получится.

Ливайн вздохнул.

— О'кей, Дан, — произнес он. — Раз вы так говорите.

— Еще раз простите. — Рикко улыбнулся Перкинсу. — Ты уж извини, парень. Вот если бы ты прирезал певичку или что-нибудь в этом роде...

Когда Рикко ушел, Ливайн мельком взглянул на Кроули, который усердно дергал себя за мочку уха и выглядел весьма озадаченным. Ливайн сел лицом к Перкинсу:

— Ну?

— Дайте мне минуту, — огрызнулся Перкинс. — Я хочу подумать.

— Я был прав, не так ли? — спросил Ливайн. — Вы хотели сгореть в пламени славы?

— Верно, верно! Эл выбрал свой путь, а я свой. Какая разница?

— Никакой разницы, — сказал Ливайн. Он устало поднялся и направился к двери. — Я отошлю вас обратно в камеру.

— Послушайте, — сказал вдруг Перкинс. — Знаете ли, я не убивал его. Понимаете, он покончил жизнь самоубийством.

Ливайн открыл дверь и направился к двум полицейским, ожидавшим в коридоре.

— Подождите! — В голосе Перкинса звучало отчаяние.

— Знаю, знаю, — сказал Ливайн. — Грубер действительно сам покончил с собой, и я предполагаю, что вы сожгли записку, которую он оставил.

— Вы меня осуждаете за это?

— Плохо твое дело, парень.

Перкинс не хотел уходить. Ливайн с невозмутимым видом наблюдал, как его уводили, затем позволил себе расслабиться. Он опустился на стул и стал задумчиво рассматривать вены на руках.

Кроули прервал молчание:

— Что все это значит, Эйб?

— Только то, что ты слышал.

— Грубер — самоубийца?

— Они оба.

— Что же мы будем теперь делать?

— Ничего. Мы провели расследование, получили признание, произвели арест. Теперь все сделано.

— Но...

— Но черт возьми! — Ливайн свирепо посмотрел на своего коллегу. — Этот маленький обман преследовал определенные цели, Джек. Он хотел признаться в преступлении и заработать электрический стул. Он сам выбрал себе судьбу. Это был его выбор. Я не торопил его: он сам выбрал свой собственный конец. И получит то, чего хотел.

— Но послушай, Эйб...

— Не хочу ничего слушать!

— Дай мне сказать хоть слово.

Ливайн вдруг вскочил, и все, что так долго накапливалось у него внутри, вырвалось наружу: и негодование, и ярость, и разочарование.

— Черт возьми! Ты этого еще не понимаешь. У тебя в запасе еще лет шесть-семь. Ты не знаешь, что значит каждый раз, проснувшись утром в постели, лежать, вслушиваться в неровное биение своего сердца и со страхом ожидать смерти! Ты не знаешь, что значит чувствовать, как твое тело начинает умирать. Оно становится старым и умирает, и все летит к чертовой матери!

— Но что же делать с...

— Я тебе скажу, что! Они сделали выбор! Оба молодые, у них сильные тела и крепкие сердца, и годы впереди, десятки лет, а они захотели расстаться со всем этим. Они захотели отбросить все то, чего у меня уже нет. Не подумай только, что я хочу последовать их примеру. Избави Бог! Но раз они выбрали смерть, так дадим им умереть!

Тяжело дыша от напряжения, Ливайн бросал фразу за фразой в лицо Кроули. Затем вдруг наступила тишина, и он услышал прерывистый шум своего дыхания и почувствовал, как через все тело, через все мускулы и нервы пробежала дрожь. Осторожно он опустился на стул, уставившись в одну точку на стене, стараясь успокоить дыхание.

Джек Кроули что-то говорил, но это было уже далеко, и Ливайн не мог его услышать. Он прислушивался к другому — к самому громкому звуку во всем мире. К рваному ритму своего сердца.

Питигрилли

Пожиратель женщин

Часть первая

В каждом купе любого поезда всегда найдется какое-нибудь окно, которое невозможно открыть или которое никак не закрывается, что дает повод пассажиру затеять беседу со своей дорожной спутницей.

— Благодарю вас, — говорит золотоволосая спутница для начала.

— Помилуйте, не за что, — отвечает молодой человек.

Дама берет в руки роман, который она дочитала до конца еще двумя станциями ранее, и начинает читать его сначала.

На столике лежит очищенный мандарин, позолоченный солнечным лучом, и наличие этого фрукта в вагоне придает южноамериканскому поезду что-то итальянское. Поезд этот в течение четырех часов пролетел расстояние, отделявшее Бланкамуру, расположенную на западной границе Булгомии, от Какаочинча, промышленного городка, славящегося своими какао, мясными консервами и драмами ревности, в которых герои решают споры при помощи бритв.

— Мы идем с опозданием? — осведомилась дама и отложила книгу в сторону.

— Кажется, нет.

Они были в купе почти одни. На противоположном конце скамьи сидела старая близорукая дама, держа одну руку на маленьком черном саквояже, — с такими саквояжами разъезжают прелаты, — а другой рукой поднося ко рту крылышко голубя.

Он знал, кто она.

Она знала, кто он.

Несколько месяцев тому назад они встретились на светском горном курорте, где железистый источник вызвал к жизни ряд отелей. В отелях этих останавливались бразильские миллиардеры; боливийские искательницы приключений; жгучие женщины из Эквадора; мулатки с Огненной Земли; пахнущие хлебом и начиненные песетами плантаторы; увещанные драгоценностями теноры из Неаполя и красочные тореадоры из Севильи.

Дама, весьма нравственная и скромная особа, овдовев в двадцатилетнем возрасте, вышла замуж за брата покойного, решив, что в этом случае измена ее покойному мужу будет менее ощутимой. А для того, чтобы не задеть оставшегося в живых, упоминая о покойном муже, она всегда называла его: «Мой бедный шурин!»

То был тип «красивой женщины». Опущенная до кончика носика вуалетка служила чудесной защитой для ее сияющих глаз, и под покровом легкой ткани вертикальная складка между бровями казалась глубже и значительнее. Обычно эту складку называют «складкой воли», но когда речь идет о женщине, то можно говорить лишь о «складке капризности».

Маленькие руки и изящная обувь. Духовный облик женщины определяется для меня двумя вещами: номером ее перчаток и ценою ее обуви. Ради изящной пары обуви женщине можно простить многое.

Под большими серыми глазами, — о, великолепие этих серых глаз! — пролегли синеватые тени, словно она раздавила в руках фиалки и затем пальцем нанесла сок этих нежно-фиолетовых цветов на свои веки. Это сравнение я заимствую из одной книги, но если угодно, то могу его тут же вернуть.

Прекрасное сложение. Впрочем, с точки зрения Пабло Амбарда, никогда не понимавшего, в чем заключается значение полных женщин в минуты чувственности, она была несколько полновата.

— Вы Пабло Амбард?

— Совершенно верно, сударыня. А вы — графиня Бискоттос ди Наварра.

— Да, но прошу вас без титула. Я его употребляю только для швейцаров в отелях. Мы не раз встречались в отеле, но вы никогда не искали подходящего случая заговорить со мной.

— Я никогда не ищу случая. Он должен явиться сам собою. Следует выждать, и вот видите — сегодня в поезде этот случай представился.

— Но он мог представиться и ранее. Куда вы едете?

— В Какаочинча.

— Я тоже еду туда.

— И вы полагаете пробыть там долго?

— Ровно столько, сколько потребуется для того, чтобы найти квартиру. Мой муж переведен в местную прокуратуру и будет читать в университете европейское уголовное право.

— А где вы были до настоящего времени?

— О, очень далеко отсюда. Я пересекла с моим мужем Атлантический океан — он был послан в Италию изучать уголовное право.

— Воображаю, как вы скучаете по Италии!

— Ничего подобного. Венеция повергает меня в печаль, — речь венецианцев, исполненная для всех такого изящества, действует на меня своей меланхоличностью. И потом, этот ничем не нарушаемый покой вод доводит меня до слез.

— Мопассан писал о Венеции, что это зараженный город, в котором разъезжаешь по сточным каналам на похоронных дрогах.

— Я бы этого не сказала, и я не осмелюсь утверждать, что Венеция мне не нравится. Но для того, чтобы постичь красоту этой жемчужины, мне нужно, чтобы я любовалась ею из окна отеля «Даниэли», в то время как метрдотель на французском языке читает мне интернациональное меню.

И графиня не лгала, она действительно была заражена этой болезненной утонченностью, которая стала знаменем времени. Мы все любим аромат цветов, но когда он разлит по флаконам; мы любим природу, но когда она преображена в лужайки для гольфа. И античная Греция мила нам только тогда, когда она приукрашена живописцем на парижский лад.

Пабло Амбард был модным писателем. Его произведения, как и всю современную литературу, можно было объединить под одним заглавием — «Тысячи способов, как сервировать супружескую измену». Романы его составили ему репутацию пожирателя женщин, потому что читатель

никак не может себе представить, что можно писать о женщине без того, чтобы предварительно не раздеть пять десятков представительниц этого пола.

Вообще же говоря, он предпочитал дамам горничных. Дамы доводят свои прелести до невероятного, горничные гораздо скромнее, они переняли все, что свойственно их господам, но в них все это в значительной степени мягче.

Они донашивают старые платья своих хозяек, но вносят в них некоторую скромность, они не швыряются иностранными словами, и для них иностранные слова в их речи все еще — изюминки в торте.

Они душатся духами своих хозяек, но не злоупотребляют этим, и не ведут разговоров на литературные темы. И, наконец, если они и любят музыку, то выражают свою любовь не тем, что говорят о Дебюсси, а тем, что напевают песенку или пытаются подобрать что-нибудь на рояле.

Вам не приходится по целым дням наслаждаться их обществом, — потому что их свободное время очень ограничено. Если им случается забеременеть, то они отправляются в деревню и не стесняются родить, произведя на свет Божий здорового ребенка и резонно полагая, что лучше иметь внебрачного ребенка, чем ничего.

— А как вы стали писателем? — спросила путешественница.

— Так же, как становятся кошкой. Сперва ради своего удовольствия, а потом для удовольствия других. В один прекрасный день находишь человека, который готов оплатить ваши старания, и потом продолжаешь делать то же самое за плату.

— Но прежде вы преподавали философию?

— Увы, мои ногти были слишком чисты для того, чтобы я мог заниматься наукой. Директор института возненавидел меня, и тогда я занялся литературой.

— Вы пользуетесь такой популярностью! Должно быть, немало людей хотят познакомиться с вами. Им всем хотелось бы побеседовать с вами.

— Увы, их ожидает разочарование. Полагают, что писатель не может говорить, не произнося значительных и интересных слов, как многие думают, что акробат не может идти по улице просто, не совершая сальто-мортаде. Лучше не блистать ни умом, ни красноречием, ни остроумием, — тогда люди начинают предполагать, что вы обладаете всем этим в гораздо большей степени. А чем вы заполняете свою жизнь, сударыня? Вы развлекаетесь?

— Да! Но если бы знали, до чего скучно развлекаться!

— А вы верны своему мужу?

— Мне кажется, что быть ему верной гораздо эlegantнее, чем изменять ему.

— В данном случае дело не в этом! Измена — явление, порождаемое взаимным влечением!

На путешественнице был темно-коричневый костюм, придававший ее лицу матовую свежесть опала.

— Я прочла все ваши книги.

— В самом деле?

— Скажите хотя бы, что это вам льстит.

— Собственно, в том, что читают книги, которые пишутся для того, чтобы их читали, нет ничего удивительного.

— Я тоже могла бы стать писательницей, — призналась дама. — Моя жизнь — это тема для прекрасного романа.

Все женщины убеждены в том, что самый рядовой случай их жизни мог бы явиться отличной темой для романа. Бедные женщины! Все они убеждены в том, что они центр мироздания.

— Но вы, конечно, знаете, — продолжала Кончита (все испанки всегда зовутся Кончитами), — как смотрят приличные родители на то, что их дети хотят окунуться в мир искусства. Ради родителей я отказалась от своего намерения и ограничиваюсь тем, что думаю и не пишу. А вы... вы, должно быть, много путешествуете и владеете многими языками?

— Владеть многими языками совсем не обязательно, достаточно знать из каждого языка ровно столько, сколько требуется для того, чтобы иметь возможность заказать себе комнату и спросить женщину, любит ли она вас.

— И на каком языке вы предпочитаете спрашивать об этом?

— На том языке, на котором женщина готова ответить мне «да». Сударыня, вы уже знаете, где сегодня полагаете заночевать?

— В ожидании, пока мне удастся найти квартиру, я остановлюсь в отеле. Я телеграфировала в «Литуанию» и в «Кристалл-отель», но по нынешним временам для того, чтобы получить в отеле комнаты, надо располагать очень хорошими рекомендациями. Я боюсь, что мне придется пройти крестный путь по всем отелям. А вас никто не ждет?

— Нет. Я одинок.

— И у вас нет подруги?

— В Булгомии у меня их две или три.

— И вы любите всех трех?

— Для того, чтобы не любить ни одной из них, я разбавляю подлинное чувство водою побочных увлечений. И тем самым все эти увлечения взаимно нейтрализуются.

— И вы не чувствуете потребности иметь одну постоянную, действительно любимую вами подругу?

— Ах, я отлично знаю, что это такое! Сначала я получаю пылкие телеграммы, переживаю период страстного увлечения, чтобы потом выслушивать, что я трус, неблагодарный, что у меня нет сердца и что я эгоист, такой же эгоист, как и все остальные мужчины... Писатель не должен любить. Влюбленный мужчина перестает быть мужчиной и человеком искусства.

— Он не может больше писать?

— Разумеется, он сможет написать еще несколько вкормленных его влюбленностью произведений, но создать что-нибудь значительное можно только с трезвою головой. Произведение искусства порождается любовью, но любовь эта должна быть далеко в прошлом.

— О ваших любовницах никогда ничего не слышно.

— Это, должно быть, потому, что у меня никогда не было любовниц. Большинство женщин, которыми я обладал, были продажными женщинами.

— Это ужасно! Как можете вы пойти к продажной женщине, которая раздевается перед вами, хотя десятью минутами ранее не знала вас?

— Но в этом же таится весь соблазн! Разве не прекрасно, что мне отдается женщина, которая десять минут назад меня не знала и которая даже не спрашивает меня о моем имени, положении, семье, не интересуется тем, кто мой любимый художник и люблю ли я музыку, не разговаривает со мной о кризисе кабинета и новой пьесе...

— И вы оплачиваете женщину, которая ложится с вами в постель, не испытывая потребности быть с вами?

— Но ведь омары и дичь, которая попадает ко мне на тарелку, тоже не испытывают никакого влечения ко мне, и все же я оплачиваю их...

— Продажная любовь! Какой ужас!

— Вы полагаете, что между проститутками и порядочными женщинами разница уж так велика? Проститутки хотят, чтобы им платили наличными, а порядочные женщины предоставляют вам трехмесячный кредит.

Поезд замедлил ход.

Не открывайте двери на ходу! Это сопряжено с опасностью. И вообще, пусть ее лучше откроет кто-нибудь другой.

Носильщик завладел чемоданами и картонками путешественницы, и попутчики покинули поезд.

— Что у вас в багаже? — осведомился таможенный чиновник.

— Любовные письма, — ответил романист.

И, помогая даме занять место в автомобиле, приказал:

— В отель «Литуания».

Они ехали в открытой машине. Пабло чувствовал теплое прикосновение тела Кончиты. На перекрестке такси застряло между грузовиком и спортивной машиной, и у Кончиты вырвался легкий возглас испуга.

— Что бы вы предпочли, — чтобы вас пересекла легкой автомобиль или грузовик?

— Автомобиль. Это современнее.

Они выехали на большую площадь. Газетный киоск блеснул им радугой цветных обложек. Фруктовые прилавки гнулись под тяжестью бананов.

Через несколько мгновений путники очутились в отеле.

— Свободных комнат нет!

Пабло и Кончита носились от одного отеля к другому, и всюду их ожидал один и тот же ответ. Когда шофер исчерпал весь перечень отелей и больше не знал, куда их везти, Пабло назвал ему свой адрес.

— Сударыня, у меня имеется комната для гостей, — сказал он.

Дама, не возражая, приняла приглашение.

Стоит даме принять приглашение в дом к мужчине, как она инстинктивно подвергает свое белье мысленной проверке. В тех случаях, когда она отказывается принять предложение, это значит, что сорочка ее не совсем свежа или на ней штопаные чулки. Кончита была уверена, что ей подобная опасность не грозит, и все же подвергла мысленно свой туалет экзамену. Но это было излишне еще и потому, что ее чемоданы содержали в себе достаточно отличного белья.

— Вот мы и приехали!

Пабло щедро вознаградил шофера и велел кухарке-метиске внести чемоданы в дом.

Кончита последовала за прислугой, и за нею последовал Пабло. Квартира была тепла, как порядочная женщина.

— Какая жалость, что я не могу больше слышать лай своего пса! — заметил Пабло.

— Он околел?

— Да. Вот уже несколько дней!

— Почему же вы не заведете себе новую собаку?

— Да потому что возместить утрату пса не так просто, как утрату любовницы.

— Ваш пес был умен?

— Нет. У него был ум молодой женщины. Вот это мне и нравилось. Обычно все владельцы собак уверяют, что их псы лишены лишь одного — языка. А вот моему псу недоставало разума... Евменида, эта дама отужинает и заночует у нас.

У кухарки было лицо, которое сделало бы честь самому верховному палачу богдыхана. Примерно таким же был и ее характер, — во всяком случае, она еженедельно отказывалась от должности и никогда не приводила своей угрозы в исполнение.

— У вас прелестная квартира, — заметила Кончита, — я вижу, у вас много дорогих вещей.

— Увы, наша жизнь — это очень короткая поездка, которая суждена нам по воле наших родителей. И я предпочитаю совершать эту поездку в вагоне первого класса, а не в вагоне для скота.

— Этот сад принадлежит вам?

— Да. Разумеется, он ничто по сравнению с садами Семирамиды, но так как я никогда не бываю в нем, то для меня он достаточно хорош.

Пабло помог гостье снять жакет, проводил ее в предназначенную для нее комнату и осведомился, не желает ли она отдохнуть.

Оставшись одна, Кончита осмотрела комнату. Кровать была очень широкой и низкой. В соседней комнате стенные часы мелодично воспроизводили бой часов Вестминстерского аббатства. Пробило семь часов.

Спальня Кончиты была расположена между столовой и спальней Пабло.

Кончита открыла чемодан и вынула полотенце, флакон духов, тюбик с зубной пастой, зубную щетку, пару туфель, ночную рубашку и японский халат.

Опустившись на мгновение на постель, она заложила руки за голову и поболтала ногами в воздухе. Ноги ее были обнажены до колен, и вдруг стремительным движением она поспешила укрыть их, — она заметила напротив себя дверь, а в двери замочную скважину.

В соседней комнате снова пробили часы — четверть восьмого.

Кончита встала, подкрасила губы, припудрилась, переодела чулки и туфли, оглядела свои безукоризненные ногти и вышла в столовую.

Стол был уже накрыт. Пабло поднялся и, улыбаясь своей гостье, попросил ее занять место за столом, в то время как кухарка, принаряженная, как деревенская невеста, подала паштет. При этом она извинилась, что не рассыпала по столу розы.

— Зато стол украшают руки дамы, — заметил Пабло. И дама поблагодарила его за комплимент улыбкой.

Обед прошел очень чинно и сдержанно, и несмотря на то, что колени собеседников находились в опасной близости, ноги их ни разу не встретились под столом.

Из сада доносилось щебетание экзотических птиц, запертых в большой клетке. Их голоса смешивались с криками обезьянок, гулявших на свободе.

— А чей это бюст?

— Это — Сократ, древний философ, имевший обыкновение шататься по публичным местам в сопровождении сонма учеников, старательно записывавших все глупости, которые приходили ему в голову.

— И который оставлял свою жену Ксантиппу дома. Впрочем, она была сварлива, как и все остальные профессорские жены, изменяющие своим мужьям с мальчишками. Единственное исключение — я.

— Да, так поговаривают о Ксантиппе, но, возможно, Сократ просто притворялся гомосексуалистом, как это и ныне в моде... Не угодно ли вам соусу?

— Благодарю вас.

И снова улыбка озарила лицо гостьи.

— Почему вы не пьете вина?

Снова улыбка.

— Почему вы улыбаетесь?

— Потому что вы предлагаете мне выпить возбуждающее.

— Но это же совершенно невинное вино.

— Это зависит от восприимчивости человека.

— Хорошо, я не буду настаивать.

Глаза женщины заблестели.

— Ваш муж любит вас?

— Его любовь такая сладкая, что мне приходится бороться сахарной болезнью.

— Он ревнив?

— Да. Но он настолько уверен в своих достоинствах, что не может предположить, будто я могу счесть кого-нибудь лучше его. И поэтому он убежден в том, что я верна ему.

— Вы счастливы?

— Почти. Скажите, а какую книгу пишете вы в настоящее время?

— Таковую же, как и все остальные книги.

— И она скоро выйдет из печати?

— Мне надо еще поработать над последней главой. Куда вам угодно отправиться сегодня вечером? В театр?

— Это могло бы скомпрометировать меня. Вас ведь знают в Какаочинча!

— Но зато вас еще не знают.

— К тому же я устала. Я пораньше лягу спать. Вы и не представляете себе, какое странное ощущение вызывает мысль о том, что находишься в доме человека, с которым познакомилась три часа назад и о котором знаешь только то, что он пишет книги и любит женщин.

— О, я люблю далеко не всех женщин, которых мне приписывают.

— И вы об этом сожалеете?

— Нет, у меня еще есть время полюбить их.

— Сколько вам лет?

— Тридцать пять.

— И только?

— По сравнению с тем количеством лет, которое у меня впереди, это много. Разрешите предложить вам ликеру. Я выкурю сигарету.

— Прошу вас.

Пабло Амбард одевался с элегантностью международного вора.

— Скажите, браслет, который вы носите, связан для вас с какой-нибудь историей?

— Нет.

— Не верю. Должно быть, его замкнула на вашей руке какая-нибудь женщина. Расскажите мне, пожалуйста.

— Повторяю вам, этот браслет не имеет истории.

— В таком случае выдумайте ее.

— Я никогда не выдумываю историй ради одного человека. Если же я их выдумываю, то для всеобщего употребления. Но я готов для вас сделать исключение. Итак, на берегу Амазонки я познакомился с одной японкой...

— Но разве Амазонка протекает не по Бразилии?

— А по-вашему, японки в Бразилии не могут встретиться?

— Вы правы. Так кто же была эта японка?

— Танцовщица из варьете, которой суждено было оказаться любовницей павиана...

— Прошу вас, довольно, — возмутилась дама. — Я не хочу слушать дальше. Я ухожу к себе. Итак, до завтра.

* * *

Пабло проводил ее до порога комнаты и простился с нею, пожелав доброй ночи.

Затем он добавил:

— Если вам что-нибудь понадобится, — я сплю там.

— Нет, мне ничего не понадобится, — поблагодарила дама, смущенно улыбаясь. — Спокойной ночи!

И она на мгновение замерла на пороге двери так, как это делают пожилые комики на сцене, прежде чем соберутся захлопнуть дверь.

Затем она попыталась повернуть ключ, но это оказалось для ее хрупких пальцев непосильной задачей. Взявшись за ключ обеими руками, она, наконец, справилась с ним.

То же самое она проделала с ключом в двери комнаты Пабло. Потом повернула выключатель, зажгла несколько ламп, снова потушила их, оставив зажженными лишь две. Подойдя к зеркалу, она оглядела себя и улыбнулась. Потом зашагала по комнате и подошла к окну, — по-видимому, ее томила какая-то мысль... Перед ней открылась фантастическая картина: окутанные ночью тьмой сады и дальний оркестр, в котором духовыми инструментами были лягушки, а струнными — кузнечики.

Кончита распахнула окно и поспешила снова захлопнуть его. Тропическая ночь обдала ее своим дыханием. Она опустилась в кресло, стоявшее около кровати, закинула ногу на ногу и задумалась. Потом взглянула на носок, повела ногой, согнув тонкую кожу туфли, и, приняв определенное решение, выпрямилась.

Она подошла к открытому чемодану, в котором лежало ее белье, скользнула руками в его пену и быстро перебрала его, как перебирают страницы книги. Потом закрыла чемодан, — замок его звонко щелкнул. Из второго чемодана, в котором хранились ее драгоценности, Кончита достала фотографию мужчины в серебряной рамке. Ее она поставила на стол.

Было одиннадцать часов.

Сняв туфли, она оглядела носок чулка. «Теперь продаются удивительно непрочные чулки», — сказала она себе. Сняв их, надела турецкие туфельки. Затем она бесшумно направилась к двери в комнату Пабло и занавесила замочную скважину. Все это несколько пространно, но что поде-

лать, — дамы ложатся спать далеко не так быстро, как капралы в казарме.

«Если бы мой муж знал, что я нахожусь в квартире этого ужасного человека, — думала Кончита, заставляя дверь в комнату Пабло стулом, на который она взгромоздила опрокинутое кресло. — Если бы мой муж знал...» И с гордостью подумала, что наконец-то этому опасному мужчине, от которого не спаслась еще ни одна женщина, суждено потерпеть поражение.

«Ведь каждый раз, когда он возвращался после разговора со швейцаром в отеле и сообщал мне, что все комнаты заняты и что в отелях не сдают комнат одиноким дамам, у него был очень подозрительный вид. Неужели возможно, чтобы в тридцати гостиницах (женщины, когда рассуждают сами с собою, всегда склонны преувеличивать) не оказалось ни одной свободной комнаты?»

Я сразу разгадала его намерения — с момента, когда он очутился со мною в машине, он захотел непременно добиться моей близости. Но для того, чтобы завоевать меня, мало доставить меня в свой дом».

Эту фразу Кончита повторила трижды. Женщины, очутившись в подобном положении и страшась за себя, поступают как маленьккие дети, испугавшиеся темноты, — они начинают петь, чтобы вселить в себя немного мужества.

Кончита не сводила глаз с забаррикадированной двери Пабло.

Мысль ее продолжала работать все в том же направлении: вот сейчас он, должно быть, расчесывает свои усы или душится. Бедняга! Его ожидает разочарование! А ведь он неплохой человек! Вот только его методы воздействия чересчур вульгарны.

«Я предполагала, что во время ужина он несколько поухаживает за мною, а между тем он сохранил облик равнодушного человека для того, чтобы рассеять мои подозрения. Он был ко мне очень почтителен и дал возможность спокойно отправиться спать, чтобы потом захватить меня врасплох. Но он ошибается. Если он и попытается открыть дверь, то наткнется на стулья. Быть может, этот бессовестный человек вздумал подглядывать в замочную скважину?...»

Почти машинально Кончита приблизилась к двери, сняла занавешивавшие замочную скважину чулки и попыталась заглянуть в комнату Пабло. Но там было темно!

«Какой негодяй! — подумал Кончита. — Он выключил свет для того, чтобы уверить меня, будто он спит. Но я-то

знаю, что это не так. Он, несомненно, подкарауливает меня и, должно быть, будет выжидать до полуночи, ведь полночь — классическая пора совращения. Он ждет, когда я погашу свет».

И Кончита поспешила погасить свет, оставив гореть только лампу на ночном столике.

Но в комнате караулящего фавна было по-прежнему тихо, и оттуда не доносилось ни единого звука. Там царило сосредоточенное, подозрительное молчание, предшествующее всякому злодеянию.

Каждые четверть часа в соседней комнате мелодично били часы, а Кончита продолжала удивляться хитрости этого человека, который терпеливо выжидал, когда можно будет покуситься на ее добродетель.

«Он ждет, пока у меня пройдут все опасения и я засну крепким сном».

Час ночи!

«Теперь-то он придет, — подумала, дрожа, Кончита. — Час. Он не хотел совершить свое гнусное деяние в первый день знакомства и поэтому решил дожидаться следующего дня. И вот теперь следующий день наступил! Какой позор, — запятнать гостеприимство насилием! Какой стыд! И потом, как отвратительны эти долгие колебания! Если бы он сразу пришел ко мне, то я тут же могла бы указать ему на дверь и спокойно лечь спать. И тогда со всем было бы покончено! Я бы сказала ему:

— Нет, сударь, вы ошиблись. Вы полагали, что имеете дело с женщиной как все, но повстречали на своем пути ту, с которой вам не справиться... Но каков этот негодяй! Он заставляет меня всю ночь напролет проводить в оборотительном положении: вот уже три часа, как я ожидаю его вторжения! Право, пора бы ему явиться!»

И снова она приняла к замочной скважине.

Темнота!

«Неужели я ошиблась? Неужели он не имеет никаких дурных намерений? Нет, это невозможно. На свете не существует мужчины, который предложил бы женщине гостеприимство в подобной форме и не имел бы подобных намерений... Эта комната именно и предназначена для таких жертв, как я.

Все женщины лежат у его ног. В его книгах все женщины падают, но есть еще на свете исключения. Четверть третьего!..»

Силы графини были на исходе, ей стало жарко. Она разделась, надела ночную сорочку и, закутавшись в шел-

ковое кимоно, без сил бросилась на кровать. Но не успела она вытянуться как следует, вдруг ей послышался шорох из соседней комнаты... Тут же она вскочила на ноги и внезапно решила, что воздвигнутая ею баррикада слишком хрупка и ненадежна, чтобы удержать непрошеного гостя от вторжения. Отодвинув стул и кресло, она уперлась в дверь руками.

— Что такое? — воскликнул Пабло Амбард, и голос его был похож на голос внезапно пробудившегося ото сна человека.

Она затаила дыхание и не отходила от двери.

— Вам что-нибудь нужно? — спросил Пабло, не поднимаясь с постели.

— Ничего, ничего, — пролепетала дама, — мне показалось... я думала...

Дверь под нажимом ее дрожащих рук поддалась и чуть приотворилась. Она не могла решить, что ей предпринять дальше, — запереть ли тут же дверь или отворить совсем. И, не зная, что лучше, она отворила дверь и вошла в комнату Пабло.

— Вы позволите мне войти? — спросила она, переступив порог. — Ради Бога, простите...

Пабло натянул на себя одеяло. Когда входит дама, следует встать, — это правило относится к сидящим, но вот лежащий может ограничиться лишь тем, чтобы сесть.

— Не зажигайте света! — взмолилась Кончита. — Я уже ужою. Спокойной ночи.

— Да нет же, — возразил гостеприимный хозяин. — Ясно же, что вам чего-то недостает. Быть может, вам нездоровится? У меня найдутся лекарства, все, что вам будет угодно.

Комната была освещена лишь светом, струящимся из комнаты Кончиты, но и этого было достаточно, чтобы различать все. В окно глядел узкий серп луны... Теперь Кончита стояла, залитая лунным светом.

— Но клянусь вам, мне ничего не надо...

— Я думаю, вы не лунатичка. Скорее я готов предположить, что вы страдаете бессонницей. Вы никогда не пытались извлечь в уме квадратный корень?

— Я слаба даже в таблице умножения. Что это за книга?

— О, это нечто спортивное. Но если угодно, то я охотно поболтаю с вами полчаса. Прошу вас, присядьте.

Графиня не заставила повторять приглашение дважды. Она опустилась в кресло, стоявшее рядом с кроватью, и

попросила Пабло зажечь все лампы, полагая, что при ярком свете женщина гораздо в меньшей степени беззащитна.

Розовое кимоно, заимствуя выражение интеллигентных портных, «шло ей божественно».

— Вы похожи на укротителя зверей, — сказала графиня, разглядывая пижаму Пабло, украшенную шнурами.

— Укротитель без зверей...

— Вы не находите, что визит мой к вам в столь поздний час забавен?

— Я нахожу, что он прелестен, и желал бы, чтобы все женщины, навещающие меня в такой поздний час, были так прелестно раздеты, как вы.

И, нагнувшись, Пабло взглянул на ее голые ноги.

— Прекрасные линии, — сказал он.

— Я не просила вас высказывать свое мнение о них, к тому же я не вижу никакого смысла в вашем неискреннем комплименте. Лучше скажите о своих намерениях по отношению ко мне! — воскликнула графиня, смело взглянув ему в лицо.

— У меня нет никаких намерений, — удивленно ответил Пабло.

— Почему в таком случае вы не стали ухаживать за мной?

— Мне показалось, что вы принадлежите к категории людей, заставляющих долго ожидать в передней.

— А вот теперь я уже очутилась в вашей спальне. И даже сижу на вашей постели.

По лицу Пабло пробежала улыбка, тут же, впрочем, исчезающая.

— Благодарю вас за оказанную мне честь. Но я никогда не ухаживаю за женщинами. Мне надоели эти маневры. Я много раз проходил эту дистанцию, и любовный спорт потерял для меня всякий интерес. Ничто в нем меня не прельщает. Эти ужины наедине в отдельных кабинетах... Эти длинные-длинные романы, выматывающие душу... Бессонные ночи перед балконом женщины, которая морочит вам голову... Завязки, развязки, финалы, уходы и возвращения... Я знаю вкус слезинки, повисшей на реснице, и вкус розоватых, подкрашенных губ, я постиг всевозможные ароматы дивных волос... И меня ничего уже не удивит — ни страстное обладание, ни притворный отказ. Меня не возбуждает ни стыдливое сопротивление, ни откровенный призыв. Все фразы, которые произносят для того, чтобы возбудить в женщине интерес, я знаю наизусть и устал их произносить...

— Тем более на всех европейских языках!

— Тем более. И я не склонен обогащать свой словарь новыми словами. Вот почему я не ищу себе новых любовниц, а удовлетворяюсь старыми. Конечно, когда-то я полагал, что провести ночь в постели с очаровательной и обнаженной женщиной — это райское блаженство, но теперь я, увы, знаю, что чувство — всего лишь иллюзия, а сама любовь — это истерическая конвульсия, похожая на эпилепсию. Конечно, я когда-то мечтал о вечной любви, а сейчас говорю, что дураки, мечтающие об этом, заслуживают того, чтобы такая любовь действительно выпала на их долю в виде наказания. Я хотел встретить женщину хорошего ума и большой культуры, но когда что-то подобное встретил, сразу понял, что этого мне не нужно. Ум женщины, напротив, должен быть немного притуплен... как нож для разрезания бумаги. Когда он слишком остер, он неровно разрезает страницы и только портит книгу.

Женщина молчала. Пабло продолжал:

— Я искал скромную, стыдливую женщину, но доза скромности никогда не бывает достаточно умеренной. Некогда я писал страстные письма, пока не понял, что из всех бумажных доказательств любви женщина предпочитает банковские билеты... И вот после долгих размышлений я пришел к заключению, что спать одному гораздо приятнее и нужно только с достаточной регулярностью, скажем, раз в десять дней, прибегать к продажной любви. Ну, так же, как через определенный срок ходишь к парикмахеру. И вот, придя к такому выводу, я покинул эту ярмарку тщеславия и замкнулся в моей меланхолии. Правда, говорят, что в моих книгах много чувственной любви, — возможно, что это и так, в таком случае это меня радует, потому что я обманываю других и заставляю верить во все то, во что я когда-то так глупо верил... А когда у моих читателей наступит тяжкое пробуждение, пусть страдают так же, как страдал когда-то я. Моя литературная чувственность, таким образом, это результат неизмеримой скуки и разочарования!

Женщина молчала и разглядывала свои голые ноги в пестрых восточных туфельках, похожих на букетики цветов.

— И, значит, я вам не нравлюсь, — произнесла Кончита с непостижимой женской логикой.

— Если бы все женщины нравились мне так же, как вы, то я бы уже к пятнадцати годам нажил себе прогрессивный паралич.

Кончита вскочила с постели, решив, что зашла слишком далеко, и тут же... опустилась снова.

— Как мягко здесь у вас... Но неужели вам не холодно?

— Мне очень хорошо.

— Ну да, ведь вы под одеялом, а я совсем закоченела в своем халатике!

Пабло Амбард улыбнулся.

— Я готов предложить вам место под моим одеялом, — сказал он спокойно и просто.

Кончита бросила на него оскорбленный взгляд, потом отвернулась и проговорила:

— Здесь слишком светло.

Пабло повернул выключатель, Кончита скользнула под одеяло. Она прильнула к телу Пабло, потом отвернулась и зарыла лицо в подушку.

— Не тронь меня! — почти простонала она.

— Неужели все еще слишком светло? — спросил Пабло и мягко повернул к себе лицо Кончиты.

И тогда стало совсем темно.

Ведь даже светлячки во время любовной игры приглашают свои фосфоресцирующие огоньки. И женщины в этом схожи со светлячками. Они постепенно, один за одним, гасят огоньки своей искусственной стыдливости и, вырвавшись наконец из оков сдержанности, целиком отдают себя счастьем любви.

Часть вторая

Всякий, увидевший профиль мужа Кончиты, готов был биться об заклад, что он рожден рогоносцем. И этот заклад был бы верным вложением капитала. Муж Кончиты был рогоносцем не потому, что Кончита ему изменяла, а потому что таков он был по натуре. Рога, как и линии руки, предопределены нам, они вырастают не в результате измены, а измена является результатом наличия рогов. Даже холостяки бывают скрытыми рогоносцами и ждут только момента вступления в брак, чтобы стать рогоносцами явными. Прирожденный рогоносец схож с прирожденным преступником, который остается преступником, даже если он еще не совершил преступления.

В день первой измены в положении рогоносца ничего не меняется, и если такой рогоносец вздумает пожаловаться вам, что жена наставила ему рога, вам остается лишь ответить:

— Дорогой мой, ты был роконосцем и до того. Жена твоя ни в чем не виновата!

Оттого, что роконосец будет менять жен, квартиры, кровати, — ничего не изменится. Ничего не поможет. Роконосец всегда останется роконосцем.

Муж Кончиты, следуя традиции южноамериканских аристократических семей, избрал себе юридическую карьеру. Его звали Эзуперанцо.

Называться таким именем день-два, может быть, и неплохо, но всю жизнь зваться Эзуперанцо — это, пожалуй, чересчур. Но муж Кончиты, как ни странно, привык к своему имени.

Еще он верил в святость своего призвания и боготворил супругу. Поэтому, не желая уродовать линии ее тела материнством, прижил ребенка с горничной и оставил дитя ей на память, лишний раз подтвердив теорию Пабло Амбарда, который утверждал:

— В наш век всеобщей контрацепции и безболезненных абортос человекство должно быть благодарно горничным, которые еще дают себе труд рожать!

Эзуперанцо не был знаком с Пабло Амбардом, но он прочитал одну его книгу, которую объявил величайшим произведением, достойным того, чтобы прочитать его второй раз.

После первого прочтения он говорил жене:

— Это собрание ужасных, но убедительнейших истин!

После второго раза он заявил:

— Это банальнейшая чепуха, растянутая на триста страниц!

— Я не могу понять внезапной перемены твоего суждения, — сказала ему жена.

— И я не могу этого понять, — согласился Эзуперанцо.

Между тем перемена объяснялась просто: как раз после первого чтения, но еще до второго, Кончита рассказала мужу, что познакомилась с этим автором и что он показался ей очень симпатичным...

Ах, до чего неумны эти женщины!

И все-таки попробуем дать им несколько разумных советов.

Если вам приходится иметь дело с юристом, то, беря для этой цели деньги у мужа или любовника, не вздумайте хвалить юриста и говорить, что его советы очень ценны!

Если вы предоставляете врачу возможность тщательно исследовать ваше тело, не вздумайте заявить мужу (или

любовнику), что врач произвел на вас впечатление знающего и добросовестного человека!

Если вы очарованы книгой писателя, с которым вы лично знакомы, не вздумайте отзываться о нем или о книге с похвалой... Напротив, в присутствии мужа (очередного любовника) отбросьте книгу с таким видом, словно вы и понятия не можете, как попала вам в руки эта отвратительная вещь!

Помните: для того, чтобы притворяться верной женой, достаточно не упоминать о своих любовниках и о тех, у кого есть шанс ими стать. Единственное, чего мужчина вправе требовать от женщины и чего он на самом деле требует, — это иллюзии единоличного обладания.

После ночи, проведенной в доме Пабло Амбарда, Кончита видела Пабло лишь однажды и мельком. Она попросила его навестить ее, чтобы познакомить его со своим мужем.

Женщин и преступников какая-то непреодолимая сила влечет к месту преступления. И обычно именно эта сила приводит их к гибели.

Однако Пабло Амбард решительно уклонялся от чести быть представленным мужу Кончиты.

Испровергательные идеи, которыми были пропитаны все его книги, вызвали у Кончиты беспокойство и породили ряд мыслей, находившихся в противоречии с благонамеренными и традиционными воззрениями ее супруга.

Откровенность его романов породила в Кончите новую манеру мышления и откровенную манеру выражаться, что удивило ее супруга.

— Тебя испортили эти отвратительные книжки, — заметил он.

До этого времени жизнь ее текла совершенно спокойно. Она знала лишь немногих коллег своего мужа, которые вместе со своими женами и подругами ежевечерне направлялись к одному престарелому судье, бывшему одновременно и председателем Общества по защите падших дев, и членом правления Общества борьбы с азартными играми, алкоголем и порнографией.

У этого почтенного человека дома имелась маленькая рулетка, в точности соответствовавшая своему образцу из Монте-Карло, и вокруг нее судьи и их подруги сидели до утра, выигрывая и проигрывая небольшие суммы денег. Хозяин дома в качестве крупье взимал с выигрыша определенный процент, который, в свою очередь, частично тра-

тился на изделия известной виноторговой фирмы, а остальные суммы шли на снискание расположения родителей девочек от тринадцати до семнадцати лет, неизвестно как очутившихся в доме судьбы и сведенных там со стези добродетели.

— Мир испортился вконец, — жаловался судья, — и теперь девушка в двадцать лет — испорченное, многое пережившее создание. Для того, чтобы познать любовь во всей ее чистоте, приходится обращаться к детям...

— Но ведь вы председатель Общества охраны...

— Совершенно верно. Но одно не противоречит другому. Раз я борюсь с развращением малолетних, то я должен как можно лучше изучить это зло. Разве работающие в бактериологической лаборатории не приносят в жертву кроликов для того, чтобы как можно лучше изучить зло, с которыми они борются? И мои опыты с малолетними — это тоже кабинетные попытки, которые я делаю в интересах общественного блага. А теперь выпьем за их здоровье!

И все, без различия пола и возраста, последовали его приглашению и продолжали пить до трех часов утра.

— Скажите, а как вы добываете необходимый для ваших опытов материал, где вы берете этих девочек? — любопытствовала Кончита.

— Я покупаю их. Любовь всегда покупается. Существует порода людей, которая для того, чтобы добиться благосклонности женщины, будет угрожать скандалом или тем, что лишит себя жизни, что обольет ее серной кислотой, подожжет ее дом, похитит ее ни в чем не повинных детей. Вместо этого имеются гораздо более действенные средства: ужин, хорошее платье, поездка в автомобиле!

Муж Кончиты считал, что подобные рассуждения грешат против морали, и не желал их слушать, но ничего не мог поделать, так как речи эти произносились его непосредственным начальством.

Что касается Кончиты, то она благосклонно выслушивала рассуждения старого судьи, потому что его мысли полностью соответствовали мыслям Пабло, ставшего ее любимым автором. По мере того как время шло, а бутылки опустошались, речи хозяина становились все смелее и откровеннее.

— Все то, что связано с любовью, стоит по ту сторону зла и добра, вне требований морали, — продолжал он.

— Какие, в таком случае, вы выносите приговоры?

— Это зависит от каждого случая в отдельности. Вы представляете себе, в каком состоянии мне приходится су-

дять, если накануне я проиграл в покер или выиграл пятьдесят тысяч лир! Если бы я был неограниченным властелином, то установил бы для убийц определенную шкалу наказаний. Чем старше жертва, тем слабее должно быть наказание. Убийца семидесятилетнего подлежит более мягкой каре, чем тот, кто препроводил на тот свет тридцатилетнего. Убийца семидесятипятилетнего старика вообще освобождается от наказания, а убийца восьмидесятилетнего награждается дипломом и медалью. Отведайте ликеру, сударыня. А что касается политических преступлений...

— Благодарю вас, я уже отведала.

— А вы попробуйте еще раз. Теперь будет совсем иной вкус. Судить о ликере по первому глотку не следует, как не следует судить о женщине по первому объятию. Не трудитесь краснеть, сударыня, ведь ваш супруг нас не слышит. Он спокойно беседует со следователем.

— Ваши идеи меня пугают. Я никогда не предполагала, что судья может так говорить. Скорей я готова была бы услышать это от...

— От убийцы. Мы все — потенциальные убийцы. Если бы можно было судить людей не только за содеянное, но и за их намерения, то большинство людей не миновало бы тюрьмы. А что касается меня, то я благословляю эпидемии и войны, эти естественные формы, разрежающие давление крови у человечества. Особенно я готов благословлять войну, потому что, вне зависимости от исхода, она несет смерть ряду тупоголовых драчунов и насильников.

Глаза судьи заблестели фосфорическим блеском.

— Вы в ужасе, сударыня? Должно быть, вы спрашиваете себя, почему я не изрекаю все эти мысли днем, в то время как я тружусь в интересах добра и справедливости? Я тоже не раз спрашивал себя об этом и не находил ответа. И я никак не могу понять, когда я прав и когда говорит мое подлинное «я»: тогда ли, когда я сижу в суде и у меня на голове аккуратно надетый белый парик, или когда я дома, галстук мой съехал набок, и я влил в себя изрядное количество вина.

На другом конце стола муж Кончиты и следователь вели серьезную беседу.

— Так вы, значит, не играете?

— Нет, Бискоттос. Единственные игорные залы, которые я посещаю, это залы суда.

Возлюбленная следователя в другом углу беседовала с судебным врачом. Врач был глух и обожал музыку Вагнера; на свою собеседницу он бросал пламенные, недвусмыс-

ленные взгляды, а следователь следил за этой парочкой издали, ласково улыбаясь. И улыбка эта была притворна и фальшива, как годовой баланс товарищества с ограниченной ответственностью.

Возлюбленная следователя походила на некоторые острова: в политическом отношении ею владели одни, физически — другие. Физически она принадлежала многим, но это не мешало ей сохранять репутацию абсолютно верной своему возлюбленному подруги. Ее следователь, несмотря на то, что он был еще не старик, принадлежал к числу тех мужчин, которые должны строго соизмерять свою любовь, и в конце концов необходимость служить объектом его любви превратилась для нее в синекуру.

— А разве сегодня вечером мы не будем играть? — прозвонил ее голос.

— Скоро, скоро, — ответил хозяин дома, увлеченный беседой с Кончитой.

— Величайшая ошибка вашей жизни заключается в том, что вы остались холостяком, — заметила Кончита. — Мне вас жаль. Если бы вы женились, вы были бы счастливы.

— Мне жениться? А где бы я нашел разумную подругу жизни? Вы уже встречали на своем веку разумных женщин? Женщины лишены разума, у них нет мыслей, их мысли — это мысли мужчины, в чьих объятиях они были в последний раз.

— Но вы забываете, — заметила, холодно улыбаясь, Кончита, — что говорите с порядочной женщиной.

— Порядочная женщина! — И старик расхохотался во все горло. — Давайте уделим внимание этому феномену. Немало времени прошло с тех пор, как я в последний раз видел представительницу этой редкой породы. Как-то мы были вдвоем: я и мой друг адвокат. То был очень молчаливый адвокат, и поэтому он приближался к идеальному типу адвоката. Идеал — это глухонемой адвокат. Мой приятель встречался только с проститутками, и в нем жила иллюзия, что где-то, вне этого мира, существуют порядочные женщины. Я встречался исключительно с порядочными женщинами и давно избавился от этой иллюзии. Его женщины приходили к нему на четверть часа без всяких историй, без прошлого. Мои женщины приходили с историями и через четверть часа утрачивали все, что отличало их от женщин моего друга. Сударыня, чтобы сохранить веру в порядочных женщин, следует встречаться только с продажными женщинами.

— Но как, в таком случае, вы должны быть несчастны! Вы ведь не верите в любовь!

— Нет, я верю в любовь. Но любовь женщины всегда двусмысленна.

— Но вы хотя бы верите в дружбу?

— Дружба — это искусно проведенное с обеих сторон притворство.

— Так говорит Пабло Амбард?

— Да, единственный писатель, которого я ценю.

— И которым я восхищаюсь.

— Единственное, что друг может сделать для тебя, сводится к тому, что в случае кровотечения он отведет тебя в аптеку или даст тебе займы пятьдесят лир, когда тебе понадобится тысяча. А теперь сядем за игру.

Шарик начал свой бег по тридцати шести номерам рулетки. Все сделали свои ставки. Вышел ноль.

Председатель суда, захихикав, сгрэб деньги, и на его лысине выступил пот. С улицы донеслись звуки банджо. Кто-то играл фанданго.

* * *

Через несколько дней муж Кончиты, возвратившись домой и отложив в сторону набитый документами портфель, приступил к традиционному допросу:

— Ты выходила сегодня?

— Нет.

— Писем не было?

— Только газеты.

— Кто-нибудь был у тебя?

— Да.

— Кто?

— Какой-то таинственный незнакомец, предложивший мне купить шелковые чулки, стоящие по крайней мере двадцать песет, — за пять.

— И ты купила?

— Нет.

— Почему?

— Потому что, по всей видимости, это был крадсный товар.

— Вот поэтому тебе и следовало купить их побольше. Такие возможности выпадают нечасто.

— Не угодно ли господам сесть за стол? — осведомилась прислуга.

Сели за стол.

Муж заговорил:

— Я рассказывал тебе о стенографистке, которая...

— Которая забеременела и родила письмоводителю сына. Что с ней?

— Эта плутовка ухитрилась до последних дней скрывать свое состояние.

— А как она чувствует себя теперь?

— Я ее уволил. Не могу же я допустить, чтобы подобные скандальные истории случались в храме Правосудия.

— А что с отцом ребенка?

— Я отправил его в негритянское селение в глубь страны.

Кончита умолкла.

— А что ты скажешь об этом?

— Я полагаю, что было бы гораздо нравственнее, — ответила Кончита, — если бы ты оставил отца при матери и ребенке... А вместо того, чтобы уволить мать, тебе следовало бы удвоить ее оклад.

— Не говори глупостей.

На столике лежал последний роман Пабло Амбарда.

— И ты продолжаешь читать подобные безнравственные книги?! — заговорил муж тоном следователя.

— Это так остроумно, — заметила жена, раскрывая книгу. — Вот послушай. — И она стала читать отрывок, отмеченный ногтем: — «Не существует людей, которые не испытывали бы удовольствия от пророчеств. Почти все говорят глупости, и нет ничего удивительного, что один из них что-нибудь скажет впадом... И тогда этого счастливица объявляют гением». Разве это не хорошо сказано? «Если женщине в нервном припадке случается сделать мелодраматический жест, словно она рвет платок, то ты можешь быть уверен в том, что она заранее успела подумать, плотняный ли он или бумажный, имеется ли на нем вышивка или нет, и в каком он состоянии...» Это очень зло сказано, но это правда! Как хорошо он знает женщин! «Если женщина находится в обществе мужчины, то она спрашивает: где автомобиль? В тех случаях, когда она одна, она спрашивает: где трамвай?» Это печально, но это так. «Если мужчина говорит, что женщина отдается всем, то, возможно, что это и правда. Но несомненно одно, — что эта женщина говорившему не отдалась».

— Возмутительно!

Муж взял книгу и сам начал читать выдержки из нее.

— Какая чепуха! Согласись, что это глупо! «Наведь своих родственников только в дни похорон. И по возмож-

ности не допускай их появления в твоём доме при тех же обстоятельствах». Разве это не глупо?

— Не нахожу этого.

— А вот это: «Те, кто не знает, как им убить время, не замечают, как время убивает их». Сколько претензий у этого Амбарда! Пытается сообщить нам нечто новое и в то же время не знает, что под солнцем ничего нового нет.

— А ты, — отвечала Кончита, — видно, полагаешь, что сам сообщаешь мне нечто новое, говоря о том, что под солнцем ничего нового нет.

— Как ты защищаешь его!

— Я вовсе не защищаю его. Но ты несправедлив по отношению к нему.

— Я справедлив. Писатель, который осмеливается произнести следующую фразу: «Бить женщину — это гнусность, но бить возлюбленную — большое искусство», не заслуживает снисхождения. Весьма вероятно, что мне придется заняться этой книгой по долгу службы.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Что предстоит наложение ареста на эту книгу и возбуждение процесса по обвинению в нарушении общественной нравственности. Это будет хорошим уроком для такого молодца.

— Доедай свою фасоль и вытри сюртук, — закончила спор Кончита.

Судья наклонил голову и взглянул на лацкан. Затем он старательно вытер его. Кончита пристально смотрела на этого человека и мысленно собирала все оскорбительное, что только можно было собрать и бросить ему в лицо. И все это объединилось в одном-единственном и ненавистном слове:

— Муж!

* * *

В тот же вечер все общество, по свосму обыкновению, собралось в доме судьи, где играли в рулетку. На этот раз компания увеличилась присутствием клерикального депутата. Однако этот депутат к книгам Пабло Амбарда относился терпимо, потому что полагал, что они несколько освежают умы.

Когда муж Кончиты громко провозгласил: «Это не литература, а гнусность!», он поспешил присоединиться к кружку, собравшемуся вокруг говорившего, и спросил, в чем дело.

Муж Кончиты предложил его вниманию отчеркнутые

места, привлекая к экспертизе и следователя. Однако следователя не вполне убедили доводы мужа Кончиты, и тогда последний стал читать вслух выдержки, которые должны были устранить последние сомнения.

«Женщина, любовник которой ежемесячно теряет в весе десять килограммов, заслуживает всемерного уважения», — Это непристойно!

Все промолчали.

Чтение продолжалось:

«Вместо судей и присяжных следовало бы обходиться мешком с черными и белыми бобами. В зависимости от того, какого цвета оказались бы вытасченные наугад бобы, следовало бы выносить оправдательный или обвинительный приговор. Это новшество в большей степени сократило бы время и силы, затрачиваемые на совершение правосудия, ничего при этом не изменив».

— Вот видите, он не щадит даже правосудия!

И остальные судьи, в том числе и тот, который несколько дней назад сказал, что «единственная азартная игра — это уголовный кодекс», а также и тот, которому принадлежал афоризм: «Идти в суд в тех случаях, когда хочешь справедливости, так же нелепо, как идти к фотографу, когда болит зуб», — все тут же согласились с тем, что книга Амбарда безнравственна и непристойна.

На этот счет расхождений во мнениях не было. Следствием разговора явилось появление во всех книжных магазинах и библиотеках Булгомии представителей власти, изъывших вышеупомянутую книгу преступного содержания. Зато остальные романы того же автора стали браться с боя, — так говорят о книгах в тех случаях, когда, по странной случайности, их начинают покупать и на них появляется спрос.

Бедная Кончита с волнением ожидала судебного процесса, без конца спрашивая себя, какая участь ожидает Пабло.

Ночь, проведенная в постели Пабло, была ее единственным прегрешением. Женщины, даже в тех случаях, когда они много грешат, имеют всего лишь одно прегрешение на своей совести, именно то, о котором они вспоминают. Кончита и не вспомнила бы об этом, если бы не наложенный на книгу запрет и предстоящий процесс, — из-за этих обстоятельств она стала вспоминать Пабло в любой час дня и во многие часы ночи. Постепенно в ее сознании снова предстали события той ночи — встреча в поезде, блуждание по отелям, бой часов, напоминавший о

Вестминстерском аббатстве, и все то, что за этим последовало.

Она не полюбила Пабло, но она не могла забыть его. Она изменила с ним всего лишь раз, и когда он предложил ей снова навестить его, Кончита отказала. Быть может, из страха, что после повторного пребывания в его доме она полюбит его, а быть может, и из страха, что не сможет полюбить его и только испортит оставшееся после первой проведенной с ним ночи впечатление.

И все же разобраться в своих чувствах было не в силах Кончиты. К этому выводу она пришла в ожидании судебного процесса, волнуясь за его исход и за судьбу Пабло.

Могла бы она волноваться, если бы она его не любила?

«Боже, до чего я глупа! — подумала она. — Я совсем забыла о том, что на свете существует еще и дружба. Я страдаю потому, что чувствую к нему расположение, как сестра к брату».

* * *

За несколько дней до процесса они встретились.

Пабло был в скверном настроении, весь этот шум был ему противен, как и все, что было безвкусно, а Кончита, в свою очередь, чувствовала за собой вину, — ведь именно она своими неосторожными похвалами привлекла внимание мужа к книгам Пабло и дала зародиться ревности в его душе.

Муж интуитивно чувствовал, что этот человек, которого он совершенно не знал и представление о котором имел лишь по книгам, может представлять опасность его супружескому счастью.

После того, как на книгу был наложен запрет, а против Пабло возбуждено дело, супруг, возвратившись домой, гордо сообщил, что он лично будет поддерживать обвинение в этом деле.

— И что же?

— Ты услышишь, что я думаю об этой литературе, предназначенной для страдающих бессилием старичков, распущенных девиц и эlegantных домов терпимости.

— А кто будет судить?

Муж назвал имена судей. Председательствовать должен был старый судья, у которого играли в рулетку, большой специалист по малолетним, ликерам и вольностям языка, отлично совмещавший все это с председательством в обществе борьбы с порнографией, алкоголизмом и прочим злом.

Судья при исполнении служебных обязанностей и судья

в частной жизни были настолько непохожи и несовместимы, что Кончите никогда бы не пришло в голову просить его о снисхождении для Пабло Амбарда.

Если бы судья мог, вынося приговор, рассуждать так, как он рассуждал ночью за рулеткой, то не было бы никаких сомнений в том, что Пабло оправдают. Но этот человек, который ни во что не верил, во имя охраны общественной морали должен был охранять то, во что верили другие. Просить его было бесполезно. Пабло ожидал обвинительный приговор, вынесенный ему тем же самым судьей, который в частной жизни восхищался им, соглашался с ним, а порой и превосходил его по смелости мысли.

Если бы был другой судья, то Кончита сказала бы следующее:

— Вынесите Пабло Амбарду оправдательный приговор, и я буду вашей возлюбленной.

Но на этого судью подобное предложение не произвело бы впечатления, — его интересовали лишь подростки до семнадцати лет. Увы, Кончита была слишком молода, чтобы предоставить в его распоряжение девочку этих лет.

И лишь теперь, когда Кончита почувствовала, что грозит Пабло; она начала понимать, что любит его.

Порой женщины влюбляются не в то хорошее, что есть в объекте их влюбленности, а в то хорошее, что они могут для него сделать.

А уже затем, когда влюбленность сменяется любовью, они начинают творить зло.

Часть третья

— Вы имеете право выступления в суде? — спросил Пабло Амбард.

— А почему бы нет? — ответил маленький грязный человечек, завернув кусочек колбасы в жирную бумагу и пряча в карман.

В приемной мирового судьи на невзрачного и грязного адвоката набросились с нескрываемым ревнивым любопытством его коллеги, пораженные тем, что столь элегантный и известный клиент доверил ведение своего дела именно ему.

Пабло с первого взгляда выбрал из пяти-шести адвокатов, ожидавших появления какого-нибудь мелкого клиента, самого невзрачного и грязного. Вместо того, чтобы дове-

рить свою судьбу какой-нибудь дутой знаменитости с большим именем, Пабло предпочел поручить ведение дела одному из этих бедняг, что ведут медкие дела и пишут свои заключения в кафе, в котором они пользуются кредитом, — не в силу большого доверия хозяина, а потому, что последнему никак не удавалось закрыть им кредит.

Состояние костюма, а также то, что пуговицы были пришиты к пиджаку нитками разного цвета; свидетельствовало о том, что женщине в его жизни не было отведено определенной и постоянной роли. Или, быть может, некогда в его жизни женщина сыграла решающую роль, — в судьбе каждого обездоленного мужчины первопричиной его бед является женщина.

Не раз случалось ему защищать жалких женщин с улицы, с увядшей грудью и поблекшими губами. И после процесса они платили ему за услуги натурой, чтобы затем вытащить из чулка мелкую монету для оплаты судебных издержек.

По вечерам он, не щадя своих слабых легких, играл в маленьком кинотеатре на флейте.

Лицо адвоката было воплощением всех бед, и от него исходил запах, свойственный отсыревшим чемоданам.

— Я Пабло Амбард. Я пишу книги. На одну из них наложен арест. Завтра мне предстоит отправиться в суд.

— Оскорбление величества? Армии? Легитимистская пропаганда?

— Нет, я посягнул на общественную нравственность.

— Повестка при вас?

— Вот она.

— Но достаточно ли суток для того, чтобы я смог изучить ваше дело?

— Этого не требуется. Я уже заготовил речь защитника, которую вам придется произнести.

— Но мое профессиональное достоинство...

— Нам ежедневно приходится идти на компромисс и приносить достоинство в жертву... Но смею вас уверить, господин адвокат, что я отнюдь не собираюсь заставить вас говорить глупости.

— Но если это станет известным...

— Об этом никто никогда не узнает. Итак, вы согласны?

И для того, чтобы устранить все сомнения, он поспешил вручить ему портрет национального героя Булгомии, изображенного на купюре крупного достоинства.

— Я сейчас же пойду купить себе воротничок и галстук.

— Нет, сначала вы отправитесь ко мне и получите содержание речи.

Адвокат пообедал у Пабло, после обеда Пабло ознакомил его с содержанием речи и переговорил с ним относительно некоторых деталей процесса. Затем он предложил адвокату пополнить его гардероб некоторыми своими вещами.

— Но завтра в суд вы явитесь именно в таком виде, в котором вы сейчас.

— Таким грязным?

— Еще грязнее.

— Но ради чего, в таком случае, вы снабдили меня воротничками и гасуками.

— Вы их наденете к другим процессам. А на мой процесс явитесь в таком виде.

* * *

Издатель, — он тоже был привлечен к ответственности, — поручил ведение своего дела известному адвокату, одному из тех светил, у которых имеется проездной билет по всем железным дорогам, изрядный запас цитат из Ницше, которые могут поговорить о детерминизме и ежеминутно грозят скинуть с себя тогу.

Но за несколько дней до слушания дела издатель слег, он заболел. Если бы состояние его здоровья зависело от пожеланий издаваемых им авторов, то он слег бы значительно, лет на десять, раньше.

Поэтому на скамье подсудимых в назначенный день оказался только Пабло Амбард, явившийся в суд вместе со своим защитником Привато Каналем, который, прежде чем войти в зал суда, предусмотрительно затушил свою сигару и спрятал ее в карман.

Пабло был в легком сером костюме с чуть заметной синей полоской. Шелковое белье — незапятнанной белизны. Зал заседаний набит до отказа. Налицо была «вся Какаочинча».

Журналисты, адвокаты, дамы живо обсуждали процесс, ожидая, когда закончится рассмотрение рядовых дел и приступят к слушанию дела модного автора.

Наконец-то наступила очередь Пабло Амбарда.

Председательствующий накануне лег спать в четыре часа утра и теперь походил в своем торжественном одеянии на сонную рыбу. Столь же торжественен был и прокурор, муж Кончиты.

Другая пара судей, — один из них, помоложе, был нгром, а второй — пожилым человеком с бородой, окрашенной никотином в желтый цвет, — хранила молчание, оставаясь равнодушной к происходящему.

— Подсудимый, у вас имеется защитник?

За Пабло ответил Привато Каналь:

— Я его защитник.

Другие адвокаты переглянулись и обменялись шутивными замечаниями:

— Этот адвокат отправляет свои сорочки для стирки в Англию!

— Но зато какой у него дар слова!

— За отсутствием другой пищи он глотает слова!

Прокурор отложил в сторону газету, а председатель надулся. Дело начиналось слушанием.

— Ваше имя, подсудимый?

— Пабло Амбард.

— Сколько лет?.. Где родились?.. Судились ли ранее?

— Присужден к пятидесяти песо штрафа за то, что назвал одного критика скотиной. Впрочем, он и был скотиной.

— Вам известно, в чем вас обвиняют?

— Приблизительно.

— В таком случае я оглашу пункты обвинения.

После оглашения обвинения судья осведомился:

— Что вы можете сказать в свое оправдание?

— Ничего. Я полагаю, что мне незачем оправдываться.

— Но ведь вы привлечены к ответственности. Вы стоите перед лицом суда.

— Не я пришел в суд, а меня позвали в суд.

— Кабальеро, ваши шутки неуместны.

— В том, что я шучу, вы могли бы меня упрскнуть, если бы я вздумал оправдываться.

— Поберегите ваши остроты до более удобного случая.

— Я и берегу их.

— Итак, вам нечего сказать в свое оправдание?

— Я могу лишь сказать, что в настоящее время работаю над юмористическим романом, и мне кажется, что тишина и покой тюрьмы пойдут только на пользу моей работе. Поэтому я ни слова не скажу в свое оправдание. Для меня между теми, кто находится в тюрьме, и теми, кто на свободе, хотя им и надлежало бы находиться за решеткой, не существует никакой разницы.

Председатель улыбнулся.

— Так, значит, вы полагаете, что ваш роман — высоко-
нравственная книга?

— Спрашивать художника, нравственна или безнравственна его книга, почти так же нелепо, как спрашивать судью, эстетично или нет подделывать банкноты.

— Что вас побудило написать эту книгу? Жажда творчества или жажда денег?

— Жажда творчества.

— Ну разумеется, — иронически пробормотал прокурор.

— Жажда творчества. Но так как искусство, как и целый ряд других очень достойных сфер деятельности, будь то наука, медицина, юриспруденция, также является предметом купли-продажи, а у меня не имеется ни домов, ни плантаций, то в порядке вещей то, что я вынужден продавать написанные мною книги. Впрочем, продаются все книги, даже жития святых.

Адвокат встает и заявляет ходатайство о производстве экспертизы и приглашении экспертов. Прокурор возражает. Суд удаляется на совещание.

Проходит полчаса. Пабло беседует со своим защитником и обменивается улыбками с присутствующими в зале суда дамами.

Колокольчик возвещает о возвращении суда в зал заседаний. Судьи занимают свои места, и председательствующий оглашает решение о том, что в случае, если по ходу дела выяснится необходимость привлечения экспертов, то такие будут вызваны.

Допрос продолжается.

— Итак, вы руководствовались творческими побуждениями?

— Да.

— А моральных побуждений у вас не было?

— Нет. Геометрическая теорема также не преследует никаких моралистических целей, почему же, в таком случае, моралистическими тенденциями обязательно должен обладать роман?

— Достаточно, если он не будет аморальным, — заметил прокурор.

Председатель суда и судья, сидевший слева, продолжают торжественно восседать, второй судья беспокойно ерзает, — он вспомнил, что в двенадцать часов у него важное деловое свидание с биржевым маклером. Судья собирался дать ему поручение продать пятьдесят акций большой экспортной фирмы, которой предстоял судебный процесс и решение по делу которой должен был вынести этот же судья.

Рядом с адвокатами сидели журналисты, исписывавшие свои блокноты. В их числе были сотрудники «Утренней лжи», «Субботнего шантажа» и большого иллюстрированного еженедельника «Судебная ошибка».

С улицы доносился грохот проезжающих автомобилей и голоса разносчиков. На стене висел плакат: «Закон равен для всех. Курить воспрещается. Чаевые отменены».

На противоположной стене шли исправно показывавшие время часы, но часов они не отбивали. Механизм боя испортили намеренно, чтобы нельзя было говорить, что пробил час правосудия.

Без пяти двенадцать. Один из судей заерзал и подал председательствующему условный знак, побудивший последнего прервать заседание и перенести его на три часа дня.

Зал опустел, и только одинокая муха продолжала биться у окна.

* * *

Возвратившись домой, прокурор не застал Кончиту. Кончита пошла к дому Пабло и ожидала его появления, чтобы узнать от него об исходе дела.

— Пока ничего определенного сказать нельзя, — сказал Пабло, поздоровавшись с нею.

— Но как вы защищались? — спросила Кончита.

— Я не защищался и не стану защищаться, — ответил Пабло.

— Суд настроен враждебно?

— Я не могу понять их настроения, но вне зависимости от него они свое дело сделают.

— А что мой муж?

— Пока он позволил себе лишь пару сомнительных выпадов по моему адресу. Речь свою он произнесет после обеда.

— А что говорят эксперты?

— Их не допрашивали. Да и нечего их допрашивать. Я их не вызывал, они сами навязались.

— Так, значит, мой муж сегодня произнесет свою обвинительную речь?! Как вы считаете, для вас имело бы какое-то значение, если бы я узнала у него основные доводы и сообщила их вам?

— Возможно, что это несколько облегчило бы мое положение, хотя я не питаю никаких особых надежд на неожиданный поворот дела.

— В котором часу возобновится судебное заседание?

— В три часа.

— Мой муж уйдет из дома в половине третьего. Подождите дома, — я позвоню вам и сообщу все, что мне удалось выяснить.

И она поспешила домой.

* * *

— Как закончился процесс писателя Амбарда? — спросила Кончита у мужа.

— Он еще не закончился, — ответил прокурор.

— А ты уже произнес свою речь?

— Нет. Они услышат меня сегодня после обеда. Я еще никогда не поддерживал обвинение с такой убежденностью.

— И его осудят?

— В этом нет никаких сомнений.

— А что ты собираешься сказать в обвинительной речи?

— Во-первых, я не допущу производства экспертизы.

Эти эксперты вечно начинают приводить отрывки непристойного содержания из произведений других авторов и тем самым создают настроение, которое только облегчает положение обвиняемого. Моя мысль очень проста: Пабло Амбард — разрушитель общественных устоев, он сест скептицизм, поносит семейную жизнь, издевается над материнством и не верит в верность, высмеивает ревность, описывает бесстыдных женщин и утверждает, что все женщины подвластны соблазну. Я буду говорить в защиту женщин и буду требовать его осуждения во имя оправдания женщин. Я буду доказывать, что не все женщины продажны и порочны, и закончу свою речь следующим образом: «Нет, господа судьи, порочное дыхание Парижа еще не заразило нашу страну! Наши женщины не похожи на женщин Европы, в наших домах аромат эвкалипта смешивается с ароматом чистоты. Господа судьи, ваши жены верны вам, моя жена мне не изменяет, женщины, озаряющие наш жизненный путь, не продажны! Если вы в этом зале оправдаете Пабло Амбарда, оскорбляющего всех женщин, то тем самым вы одобрите его взгляды на семью и на все, что вошло в наши традиции! Нет, мы не таковы, и наши жены не похожи на европейских женщин».

Едва он успел погасить этот словесный фейерверк, как Кончита, глядя на него насмешливыми и злыми глазами, отчетливо заявила:

— Послушай, Эзуперанцо! Если Пабло Амбард сегодня будет осужден, то я тебе докажу, что именно я похожа

на европейскую женщину. Я докажу, что прав он, а не ты. Если ты добьешься осуждения Пабло, я стану его любовницей.

Прокурор попытался рассмеяться, но у него из этого ничего не получилось.

Кончита повторила угрозу.

— Я докажу тебе, что все жены неверны, и что я, как и все остальные жены, неверна своему мужу.

То, что прокурор ответил в ответ своей жене, не передать в двух словах. Во всяком случае, пока он говорил, обед успел остыть, супруги успели проследовать в спальню, и до слуха горничной донеслись лишь отрывочные фразы и разрозненные слова: «Моя карьера... моя миссия... охрана общественных устоев... в таком случае я стану его любовницей... тебе придется выбирать между своей судейской и моей женской честью... подумай, что ты делаешь... ты разбиваешь мою карьеру... ты разбиваешь мою жизнь...»

В половине третьего Кончита и муж, пожелтевший, словно заболевший желтухой китаец, вышли из спальни. На столе в неприкосновенности стоял остывший обед. Супруг отправился в суд, а жена поспешила к телефону.

Горничная поспешила убрать со стола.

* * *

После того как судебное заседание было возобновлено, адвокат потребовал вторично, чтобы была произведена экспертиза.

На этот раз прокурор не возражал против ходатайства защиты.

В качестве экспертов были вызваны два известных литератора; всегда державшихся противоположных мнений, которые с равным рвением готовы были отстаивать лозунг «Дорогу молодежи», как и лозунг «Все внимание старшему поколению».

После выполнения всех необходимых формальностей они заявили о том, что вся мировая литература, начиная от памятников древней письменности и кончая современными авторами, полна таких выражений и мыслей, от которых мог бы побледнеть даже негр. И тем не менее никто не считает нужным запрещать распространение этих книг. Это лишний раз доказывает, что литература не имеет ничего общего с требованиями морали и что последняя является всего лишь вопросом географической долготы и широты. В течение одного дня пароход перевозит нас из одной

страны в другую, из страны, в которой полигамия является преступлением, наказуемым законом, в страну, где она предписана требованиями религии. Потом эксперты упомянули о Париже, в котором «брак втроем» является распространенной формой общежития, а также об Италии, в определенных местностях которой убийство из ревности узаконено обычным правом, а также и о том, что там девушка скорее согласится умереть, чем утратить свою честь.

Короче говоря, они сказали все то, что невозможно опровергнуть и что говорится на каждом подобном процессе.

Затем заговорил прокурор:

— Господа судьи! Я подошел к этому процессу с великими сомнениями. Не раз я задавал себе вопрос: перед чем мы стоим, господа, перед произведением искусства или перед спекуляцией на определенных низменных инстинктах? Что мы имеем в этом романе? Все грехи, в которых обвиняют друг друга персонажи этой книги, выдуманы лишь для того, чтобы возбудить интерес и воображение читателя, или же это правдивое отображение в зеркале пороков современного человечества? Что представляет собою произведение Пабло Амбарда? Порнография это или борьба? Далее я изложу доводы, которые побудили меня принять определенное решение по этому вопросу. Но прежде я прочту суждение о Пабло Амбарде одного весьма влиятельного критика. «Взгляды Пабло Амбарда, — говорит критик, — на верность, супружескую жизнь, измену пропитаны неверием и пессимизмом и развивают в читателе соответствующие чувства и воззрения...»

— Суждение этого критика не может быть принято во внимание, — запротестовал адвокат. — Он не является вызванным в суд экспертом, высказывающимся после приведения к присяге. Позвольте узнать, кому принадлежит этот отзыв?

— Это отзыв Лоренцо Нарциссо из «Газеты дель Пуэбло Какаочинча».

Обвиняемый вскочил:

— Это и есть тот самый критик, которого я обозвал скотиной. Он рогоносец в искусстве и рогоносец в браке. В браке он рогоносец, потому что не может любить и потому что его не могут любить. А в искусстве он рогоносец, потому что он творческий импотент и поэтому вынужден ограничиваться ролью критика. Подобный хронический рогоносец, разумеется, не может понять моих идей относительно любви и верности, и само собою разумеется, что он

пытается осудить меня. Я не признаю литературной критики, она формируется из не нашедших себе места в литературе. Я смею утверждать, что этот критик столько же смыслит в искусстве, сколько молочница или точильщик ножей.

— Если обвиняемый отказывается признать авторитет критики, — продолжал прокурор, — то мы перейдем непосредственно к его произведениям. Я прочту наугад несколько выдержек из его афоризмов и предоставлю вам самим судить о них. Он утверждает: «Умереть за родину — это мне понятно, но убивать — я не стану!» Господа судьи, обвиняемый забывает, по-видимому, о том, что в нашей стране солдаты идут в бой, чисто выбрившись.

— Но ведь это еще не преступление против нравственности, — запротестовал Пабло.

— Хорошо, — опометчиво ответил прокурор, — этот афоризм я привел для того, чтобы полнее охарактеризовать обвиняемого, не щадящего ничего и под цинизмом которого могут погибнуть все: женщина, общество, правосудие. Вы послушайте, как он издевается над поэтическими отрывками Ветхого Завета: «Полковник Понтефрий, начальник дворцовой стражи фараона, чтобы увеличить свой оклад, вымолил себе назначение в свнухи. К этому посту он чувствовал особые наклонности. Его супруга находила, что эта должность как нельзя лучше соответствовала слабым силам ее супруга и утешалась в обществе юноши, имевшего очень скудные средства и в минуты нужды обращавшегося к ней. Однако, устав от ее вечных требований, Иосиф счел возможным отказать ей в кое-каких услугах, на которые она претендовала в силу своей истерической ненасытности. „Ты ведь знаешь, что мне не нравятся твои приставания“, — заметил юноша. „Ах, вот как! Ты третируешь меня! — воскликнула обиженная дама. — И именно сегодня, когда я купила тебе новый плащ!“ И она поспешила отобрать у юноши только что купленный для него плащ. Бедному Иосифу пришлось отправиться домой без плаща».

Зал разразился громким смехом.

Оратор продолжал:

— Для обвиняемого не существует святости семейного очага. «Семья, — пишет он, — это теплица, в которой выращивается лицемерие». Он не уважает традиций, по мнению обвиняемого, традиции — это глупости, которые деды завещали по наследству своим внукам. Он издевается над самыми святыми чувствами: раскаяние, по его мнению, совершенно излишний жест, ненужная формальность. Он из-

девается над браком: «Любовь в браке — высшая математика, низведенная до четырех правил арифметики». Он попирает закон и правосудие: «Только когда ты чувствуешь свою полнейшую неправоту, обращай в суд. Постарайся запугать своего противника. И хотя истина на его стороне, ты можешь быть уверенным в победе». Говоря о двух соперниках, он замечает: «Они были более чем враги, — они были братьями». Для него нет ничего святого. Истина? Правда? «Детей учат говорить правду для того, чтобы они поняли пользу лжи». Родина? «Любить родину учат нас так же, как учат прикрывать известные части тела, — мы это делаем потому, что нас этому научили. Но ни любовь к родине, ни чувство стыда не являются природными инстинктивными чувствами человека». Но вернемся к нашей основной задаче, к вопросу о нарушении правил общественной нравственности. Вникните в этот отрывок: «Войны перестали бы существовать, если бы женщины последовали совету Лисистраты и отказались сожительствовать со своими мужьями...» Что может быть бесстыднее этого утверждения? Вам, быть может, угодно смеяться, господин Пабло Амбард, но я рекомендовал бы вам устыдиться своего заявления.

— А я бы рекомендовал вам постыдиться своего невежества, господин прокурор. Процитированное место старше нас с вами, — то же самое вы найдете еще у Аристофана, и все наши студенты-филологи читают его в подлиннике.

Зал расхохотался снова. Зазвенел колокольчик председателя. Прокурор с трудом овладел собою и продолжал:

— Разумеется, мне известно, что это сказал еще... Ар... Аристотель...

— Аристофан!

— Совершенно верно, я и говорю — Аристофан, но вина обвиняемого этим не умаляется. Он виновен в том, что популяризировал и вульгаризировал эту мысль.

— Что? — удивился Пабло. — Так, значит, по-вашему, Аристофану понадобилось две тысячи четыреста лет, чтобы появился на свет я и популяризировал его изречения. Ведь если это изречение и было неизвестно прокурору, то все же это не мешает знать его всем судебным служителям.

— Я хотел сказать, что вы откопали афоризм Аристофана, известный лишь тем, кто интересуется античной литературой, и пустили его в обращение, опубликовав в книге, которую читают повсеместно.

— Благодарю за комплимент, но я никак не предпола-

гал, что популярность моих произведений превосходит популярность Аристофановых пьес. Но, по-видимому, это действительно так, раз вы, почтенный служитель закона, прочли мою книгу, а о произведениях греческого автора имеете весьма смутное представление.

— Замолчите!

— Хорошо, я буду молчать!

Председатель суда пригрозил публике, что он очистит зал, если публика не смирит своих приступов веселья.

Затем прокурор, который был бы не прочь с высоты своей обличительной кафедры поменяться местами с Пабло, продолжал:

— Человек, который подлежит теперь суду, отрицает мораль. Два действующих лица его романа сплетаются в любовных объятиях у ворот арабского кладбища, и автор по этому поводу замечает: «Наивысшая почесть, которую можно воздать смерти, заключается в том, чтобы таинство любви совершалось у места последнего упокоения».

— Ах, как прекрасно! — воскликнула какая-то блондинка из публики.

— Прошу соблюдать тишину! — потребовал председатель. — Или я прикажу очистить зал.

— Я обязательно должна прочесть эту книгу! — пискнула сильно напудренная девица.

— А вы, обвиняемый, не прерывайте прокурора. Вы потом получите возможность возразить на все его доводы. А пока я прошу вас помолчать.

— Для человека, осуждения которого я добиваюсь, — продолжал оратор, — все женщины — проститутки. Он пишет: «Они обижаются, когда их называют проститутками, и полагают, что для того, чтобы быть проституткой, надо обязательно брать деньги. Но разве драгоценная безделушка, ужин в ресторане, поездка за город не являются замаскированными формами вознаграждения? В чем различие между женщиной, которая принимает гонорар деньгами, и женщиной, которая тот же гонорар принимает в виде подарка? Проститутки и те, что выходят замуж, сохранив свою невинность, — мало ли жен, которые вместо того, чтобы продаваться в розницу и в рассрочку, продали себя оптом одному покупателю?» Господа судьи, я спрашиваю вас, как поступить с этим человеком, забывшим о том, что у него есть мать, сестра, не верящим в то, что женщина способна на самоотверженный поступок?!

Тиранда не достигла результата. Одна из сидевших в зале дам бросила к ногам Пабло букетик фиалок.

Прокурор умолк и зарылся в свои записи.

Затем он заговорил снова, стал повторяться, процитировал несколько статей закона и вызвал у публики только веселье. После окончания речи прокурора председатель предоставил слово защитнику, но Пабло знаком дал ему понять, чтобы он не говорил.

Адвокат весьма неохотно подчинился желанию своего клиента.

— Обвиняемый, вы имеете что-нибудь возразить против обвинения? — спросил председатель.

Пабло поднялся и заявил:

— Лучшей защиты, чем речь прокурора, нельзя себе и представить. Я очень благодарен прокурору за его внимание ко мне.

Суд удалился на совещание.

Дамы окружили Пабло и стали выражать ему сочувствие. Затем снова в зал заседания возвратился суд и огласил приговор. За отсутствием состава преступления Пабло был оправдан.

Взрыв аплодисментов.

Несколько дней спустя прокурор Эзуперанцо Бискоттос получил перевод в глухую провинцию. Этот жалкий прокурор, столь неудачно поддерживавший в суде обвинение против Пабло после того, как именно он добился возбуждения дела против этого автора, заслуживал наказания.

Кончита не последовала за ним к новому месту его службы.

— Я останусь в городе, — объявила она. — Ты можешь каждый вечер возвращаться домой. Ведь по реке всего лишь час езды оттуда.

Популярность Пабло Амбарда выросла до предела.

— Вы не знаете, мой прелестный друг, как я благодарен вам, — сказал ей как-то Пабло. — Я хотел бы кричать об этом во всеулышание. А еще охотнее я бы шепнул вам об этом, коснувшись вашего уха.

— Да и я хотела бы дать вам возможность сказать мне об этом, — ответила Кончита.

— Вот и отлично. Приходите ко мне завтра в пять.

* * *

И действительно, благодарность Пабло оказалась безграничной. Об этом свидетельствовало то, что он так и не смог в течение одного посещения высказать ее Кончите, и супруга прокурора стала в течение ряда месяцев его ежедневной гостьей.

Уважаемый читатель!

Следующий сборник серии «Bestseller» познакомит вас с неиздаваемым у нас романом Патрика Квентина «Загадка для дураков». Действие происходит в психиатрической клинике. Перед вами отрывок из этого романа.

Была суббота, и я знал, что в центральном зале должна состояться официальная вечеринка с бриджем и танцами. После моего поведения прошлой ночью я не ожидал, что меня туда допустят, и был удивлен и обрадован, услышав от Морено, что мне разрешено присутствовать. Это давало мне шанс снова увидеть Айрис Пэттисон.

Айрис что-то сделала со мной. Этим днем я не ощутил обычных мучений в часы, когда ранее приступал к выпивке, и, несмотря на приступ дрожи в физиотерапевтическом кабинете, чувствовал себя хорошо.

Я испытал почти детское волнение, когда Фогарти принес мне мой костюм, извлеченный из какого-то таинственного укрытия. Ему пришлось помочь мне повязать галстук, но с остальным я справился сам. Беглый взгляд в зеркало дал вполне удовлетворительный результат. С искусственным загаром и глазами, которые уже не были желтыми и налитыми кровью, я стал походить на человека.

После обеда появилась мисс Браш в великолепном белом платье с красным корсажем, добавляющим интригующий дьявольский оттенок к ее ангельской внешности. Медперсонал всегда одевался во все самое лучшее на эти субботние вечеринки. Все выглядело в высшей степени пристойно, не позволяя кому-нибудь из нас вспоминать, что мы находимся в сильно смягченном варианте психушки.

Очевидно, правила поведения в этих случаях также смягчались, потому что больные тоже нарядились для танцев — даже Билли Трент. Мисс Браш со своей спокойной решимостью проводила нас в главный холл. Я шел вместе с Геддесом и юным Билли. Англичанин выглядел скучным и слегка угнетенным. Но Билли, казалось, напрочь забыл о своей тарзаньей выходке и весь горел энтузиазмом. Он сообщил мне, что собирается танцевать с мисс Браш, — это было его заветной мечтой.

Когда мы добрались до главного зала для совместного времяпрепровождения пациентов, женщины уже собрались. Центр зала был освобожден для танцев, а по бокам стояли

диваны и столики для бриджа. Радио играло негромкую танцевальную музыку. Я сразу же стал искать мисс Пэтти-сон, но нигде ее не видел.

Однако все остальные были здесь: сестры, врачи, дежурные, пациенты. Доктор Стивенс, веселый и похожий на херувима, увлеченно болтал с хорошенькой, хотя, вероятно, чокнутой рыжеволосой женщиной. Морено являл собой образец выдающегося психиатра, беседующего с группой медиков, не проживающих по месту службы. Седовласая леди, похожая на герцогиню, с величайшим достоинством раскланивалась с воображаемыми знакомыми. Помещение пестрело белыми крахмальными рубашками и декольтированными платьями. Было невозможно отличить медперсонал от пациентов. Происходящее напоминало фешенебельный бродвейский театр в вечер премьеры.

Мисс Браш представляла нас женщинам, словно хозяйка дома на Парк-авеню, когда я наконец заметил Айрис. Она в одиночестве сидела в углу в длинном пурпурном платье. Забыв о формальностях, я схватил за руку мисс Браш и громко взмолился, чтобы она меня представила. Мисс Браш одарила меня одной из своих улыбок и подвела к Айрис.

— Мисс Пэттисон — мистер Дулут.

Девушка подняла равнодушный взгляд. Ее пурпурное платье имело мягкий оттенок ириса, гармонируя с ее именем¹. Встретившись со мной глазами, она наклонила голову. Я с надеждой опустил на стул.

В этот момент начались танцы. Я заметил, как Билли Трент поспешил к мисс Браш с радостной улыбкой. Она улыбнулась в ответ, но когда он подошел, повернулась к старому Лэриби и пошла танцевать с ним. При виде горького разочарования на лице парнишки мое мнение об Изабел Браш рухнуло вниз, подобно воображаемому акциям Лэриби.

Я пытался завязать разговор с Айрис, но тщетно. Иногда она отвечала своим тихим бесстрастным голосом, но это было все равно что беседовать с мертвой. И все же она была так молода, что, казалось, от нее исходило ощущение жизни.

Я пригласил Айрис на танец, и она ответила «Благодарю вас», точно маленькая девочка.

Айрис танцевала безупречно, но в ее движениях чувствовалось странное равнодушие, как будто она делала это в состоянии транса.

— Вы очень добры ко мне, — неожиданно робко произнесла Айрис.

¹ Iris (Айрис) — ирис (англ.).

Я не нашел слов для ответа.

Вечеринка продолжалась вокруг нас в своей нерушимой респектабельности. Небольшое отклонение от традиций произошло, как ни парадоксально, по вине Морено. Он стоял в углу, разговаривая с Фогарти и Геддесом, по его взгляд был устремлен на Лэриби и мисс Браш. Внезапно, когда голова мисс Браш очутилась чересчур близко к плечу миллионера, он подошел к ним сквозь пары танцующих и разъединил их. Все было сделано вежливо, однако блеск глаз выдал его.

Музыка смолкла. Когда я отвел Айрис к дивану, к нам направилась миссис Фогарти. Ночная медсестра отважно напялила на себя вечернее платье, но оно топорщилось, словно под ним была униформа. Она притащила с собой слабый запах антисептика и седовласую женщину с аристократическим лицом, напоминающим о добротных старинных особняках.

Физиономия миссис Фогарти, казалось, говорила: «Чувствую, что у вас двоих много общего».

— Мистер Дулут, это мисс Пауэлл, — представила она свою спутницу. — В Бостоне она видела несколько ваших пьес, и ей бы хотелось поговорить с вами о них.

В отличие от мисс Пауэлл, мне хотелось только побыть вдвоем с Айрис. Но мисс Пауэлл решительно села на край дивана и начала рассуждать о культуре и театре. Я подумал, что она — психиатр или филантроп, посещающий подобные заведения с целью веселить их обитателей. Мне пришлось соответственным образом изображать положительную реакцию, но при этом я не сводил глаз с Айрис.

Я продолжал смотреть на нее, когда подошел старый Лэриби. Стоя спиной к нему, я не мог знать, кто это, но его присутствие явственно отразилось на лице Айрис. На нем появилась гримаса отвращения, а на бледных щеках вспыхнул гневный румянец. Она встала и быстро отошла.

Я хотел пойти за ней и сказать, что я готов дать старому Лэриби в челюсть и сделать что угодно, лишь бы она почувствовала себя лучше. Но мисс Пауэлл меня опередила. Прежде чем я успел пошевелиться, она положила мне на рукав сильную мускулистую руку и вновь втянула меня в бесконечный поток своих рассуждений.

Лэриби болтался рядом, и постепенно мне удалось переклЮчить ее внимание на него. Возможно, он знал о культуре куда меньше меня, но это не имело значения для мисс Пауэлл. Она нуждалась только в аудитории.

Я собирался потихоньку ускользнуть от них, когда за-

метил кое-что любопытное. Проницательные глаза мисс Пауэлл ни разу не встретились с глазами финансиста. Они смотрели со странным упорством на платиновую цепочку от часов, свешивавшуюся из его жилетного кармана.

— Небольшие культурные слои, мистер Лэриби...

Глубокий голос говорил безостановочно. Затем ее правая рука украдкой двинулась вперед.

— Как мог бы сказать наш славный Эмерсон¹...

Я изумленно уставился на нее. Ее пальцы почти касались цепочки. И тогда, не теряя ни капли достоинства и ни на минуту не прекращая говорить, мисс Пауэлл выдернула часы из кармана Лэриби и с чисто женским проворством сунула их под одну из диванных подушек.

Лэриби ничего не заметил. Все было сделано за долю секунды — великолепный образец карманной кражи, достойный самого Ловкача Доджера. Мисс Пауэлл резко высилась в моих глазах.

— Это очень достойная попытка, мистер Лэриби. Я уверена, что вас бы она заинтересовала.

Но Лэриби явно не интересовали достойные попытки. Ему хотелось оказаться поближе к мисс Браш. И единственным средством осуществления это — было пригласить на танец мисс Пауэлл. Она с удивительной готовностью приняла приглашение, и они поплыли по залу, словно обычная пара несчастливых супругов. Однако в глазах бостонской старой девы все еще мелькало вороватое выражение. Меня интересовало, не намерена ли она поработать над бриллиантовыми запонками партнера по танцу.

Когда они отошли, я полез под подушку. Часы были там, но не в одиночестве. Они лежали среди других сокровищ. Я обнаружил бинт, ножницы, полупустую бутылку йода и градусник. Мисс Пауэлл, как заботящаяся о своем здоровье белка, очевидно, запасалась медицинскими принадлежностями на зиму.

Я сунул часы в карман, намереваясь вернуть их старому Лэриби, но не имел понятия, что делать с остальными вещами. К счастью, миссис Фогарти заметила, как я беспомощно озираюсь по сторонам.

— Взгляните на это, — сказал я ей, когда она подошла.

Ночная сестра подтянула рукава вечернего платья, словно это была униформа.

— Бедная мисс Пауэлл, — вздохнула она. — Ей было

---

¹ Эмерсон Ралф Уолдо (1803—1882) — американский поэт и эссеист.

гораздо лучше, а теперь она снова принялась за старое. А ведь у нее такое доброе сердце!

— Не знаю насчет сердца, — заметил я, — но пальцы у нее отличные. Очевидно, это kleптомания?

Миссис Фогарти рассеянно кивнула, но не дала словесного ответа. Казалось, этот маленький инцидент обеспокоил ее сильнее, чем я ожидал. Собрав украденные «сокровища», она передала их стоящему поблизости доктору Стивенсу. Я слышал, как она сказала:

— Вот несколько вещей, которые пропали из приемной, доктор. Не хватает только двух бинтов и секундомера.

Румяное лицо Стивенса стало мрачным. Пробормотав, что является врачом, а не детективом, он быстро вышел из зала.

Спустя несколько минут Лэриби в одиночестве вернулся после танца. Я поздравил его с избавлением от мисс Пауэлл, но он казался нервным и раздраженным. Когда Лэриби сел рядом со мной, я заметил, что его лицо сильно побледнело. Внезапно, словно сделав над собой усилие, он заговорил тихо и серьезно:

— Мистер Дулут, если я задам вам один вопрос, вы не сочтете меня сумасшедшим?

По молчаливому соглашению мы, пациенты, считали друг друга нормальными. Я вежливо осведомился, что он имеет в виду, и, думая, что речь пойдет о часах, собирался предьявить их, когда Лэриби добавил:

— Вы не слышите быстрое тиканье, похожее на?..

Старик не договорил. Я знал, что он подразумевает биржевой телеграф, но не может себя заставить произнести название этого аппарата. На момент я решил, что это одна из его фантазий, но тут же понял, что ничего подобного. Я отчетливо услышал тиканье — более быстрое, чем тиканье часов. Казалось, оно исходит со стороны левого кармана пиджака Лэриби.

— Да, слышу, — удивленно ответил я. — Посмотрите в вашем левом кармане.

Старый Лэриби запустил в левый карман дрожащие пальцы и извлек круглый металлический предмет, в котором я сразу же узнал одно из приспособлений, используемых Стивеном в приемной для измерения пульса, кровяного давления и тому подобного. Очевидно, это был больничный секундомер, о котором миссис Фогарти говорила как о пропавшем.

Он тикал очень быстро, заставив вспомнить и меня о биржевой панике 1929 года.

— Секундомер, — пробормотал Лэриби. — Всего лишь секундомер. — Повернувшись ко мне, он резко спросил: — Но как он туда попал?

— Возможно, кое-кто дал его вам взамен вот этого. — Я протянул старику его часы.

Лэриби изумленно уставился на меня, потом взял часы с жалостливой улыбкой. Очевидно, он почувствовал, что я ближе к безумию, чем он. Когда он поглаживал холодную платину часов, на его лице появилось выражение блаженства.

— Видите! — воскликнул Лэриби. — Меня пытаются напугать! Конечно, я не сумасшедший! — Он энергично кивнул. — Я должен сообщить об этом мисс Браш.

Старик поднялся и начал пробираться между танцующими.

Внезапно меня охватило странное ощущение грозящей опасности. Я считал мисс Пауэлл всего лишь комедийным персонажем. Но теперь и она казалась участником загадочной драмы, разыгрывающейся в санатории Ленца.

Я не сомневался, что секундомер украла бостонская старая дева. Но она ли засунула его в карман Лэриби, когда они танцевали? Был ли он источником тиканья, которое я слышал доносившимся из палаты финансиста прошлой ночью? Если так, то как эта штука могла попасть в мужское крыло? Я знал, что такие секундомеры не могут работать много часов подряд. Кто-то должен был его завести. Но кто? Мисс Пауэлл? Кто-то еще, кто по какой-то причине хотел напугать Лэриби? Или это сделал сам миллионер, осуществляя некий безумный план?

Мне в голову пришла более зловещая мысль. Безумие Лэриби принесло бы санаторию огромные деньги. Возможно ли, что?..

Я бы дал что угодно за бокал виски, который помог бы мне в этом разобраться. Но так как на него не было никакой надежды, то я отправился в поисках свежего воздуха. Зал, наполненный знаменитыми психиатрами, вечерними туалетами и танцующими марионетками, начал действовать мне на нервы.

Я рассчитывал найти в вестибюле моего приятеля Фогарти, но там оказался только Уоррен. Я попросил у него сигарету, и мы начали болтать. Несмотря на крепкие руки, наш ночной дежурный был явным неудачником. Он всегда на кого-то жаловался, и чаще всего — в том числе и на сей раз — этим «кем-то» был его зять. Уоррен прозрачно намекнул на супружеские недостатки Фогарти и выразил со-

жаление о судьбе сестры. За поразительно короткий промежуток времени он умудрился объяснить, что его зять был чемпионом по борьбе не в Америке, а только в Англии, и так как справиться с англичанином ничего не стоит, то, в свою очередь, даже такому мальчишке, как Билли Трент, удалось справиться с Фогарти.

— Со мной он побаивается бороться, — мрачно произнес Уоррен. — Отлично знает, что против меня ему не устоять. Когда-нибудь это случится, и вы сами убедитесь.

Это положило начало новой серии мрачных откровений. В прошлом Уоррен надеялся стать профессиональным борцом. У них с сестрой были денежные сбережения, но они вложили их в акции и все потеряли.

— Да, — со злобой добавил он, — будь у меня эти деньги, возможно, я сейчас был бы чемпионом. А теперь я вынужден присматривать здесь за типами, вроде Лэриби, которые меня и разорили.

Меня часто интересовало, что случается с такими несостоявшимися борцами, как Уоррен, бывшими чемпионами, как Фогарти, и вышедшими из употребления биржевыми дельцами, как Лэриби. Покидая ночного дежурного ради сомнительных удовольствий вечеринки, я чувствовал, что знаю ответ. В том или ином качестве все они неизбежно попадали в места, вроде санатория доктора Ленца.

Когда я вернулся в зал, танцы прекратились и все толпились в дальнем конце помещения. Сначала я не мог разглядеть, что явилось для них источником притягательности. Потом я увидел, что это сам доктор Ленц.

Со своей черной бородой, поблескивающей на фоне белой рубашки, он походил на Бога, когда тот был моложе и терпимей. Присоединившись к группе, я ощутил силу его личности, как будто попал в исходящее от него магнитное поле. Доктор Ленц медленно двигался, одаривая каждого минутным вниманием и всеведущим словом. Меня интересовало, сознает ли этот необыкновенный человек излучаемые им электромагнитные волны.

У меня было смутное намерение сообщить ему об инциденте с секундомером, но я забыл об этом, когда увидел Айрис. Она снова сидела в углу в одиночестве. Я подошел к ней и задал довольно дурацкий вопрос: нравится ли ей вечеринка?

— Да, — ответила она таким тоном, словно я был скучным хозяином, которого следовало поблагодарить из вежливости. — Очень нравится.

Содержание

Ш. Эксбрейя

Мы еще увидимся, крошка
Перевод с французского *Л. Померанцевой* 5

Ф. Д. Джеймс

Взгляд на убийство
Перевод с английского *Ник. Уманца* 139

Д. Уэстлейк

Убийца лучшего друга
Перевод с английского *Ник. Уманца* 345

Питигрилли

Пожиратель женщин
Перевод с итальянского *Виктории К.* 369

Литературно-художественное издание

ПОЖИРАТЕЛЬ ЖЕНЩИН

Сборник

Перевод с английского, французского, итальянского

Технический редактор *Н. И. Азрутис*

Корректор *О. И. Поливанова*

Подписано в печать 16.05.95. Формат 84×108/32.

Бумага типографская. Печать высокая. Усл. печ. л. 21,84.

Уч.-изд. л. 25,19. Тираж 32 000 экз. Заказ 20.

Тексты переводов с английского и французского
предоставлены ТОО «БИНОМ»

ТОО фирма «ТРЕС ЛЮКС».

103050 Москва, ул. Тверская, 22а

АООТ «Рыбинский Дом печати».

152901 г. Рыбинск, ул. Чкалова, 10